

Международный фонд Н.Д. Кондратьева
Институт экономики Российской академии наук

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ РОССИИ И МИРА

Электронное издание

Сборник научных трудов участников
Международной научной конференции
XXVII Кондратьевские чтения:
«Новая экономическая политика для России и Мира»

Москва, 29-30 октября 2019 г.

МОСКВА - 2019

УДК 330.35.011
ББК 65.9(2РОС)

Редакционная коллегия:
Р.С. Гринберг, член-кор. РАН, доктор экономических наук
В.М. Бондаренко, кандидат экономических наук,

Новая экономическая политика для России и Мира. Сб. научных трудов участников Междунар. научной конференции - XXVII Кондратьевские чтения, 29-30 октября 2019 г., Москва, ИЭ РАН / под ред. В.М. Бондаренко – М.: МООСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2019, 1- электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см., 140 экз.

ISBN 978-5-901640-32-6

В данном сборнике опубликованы научные труды участников Международной научной конференции - XXVII Кондратьевские чтения: «Новая экономическая политика для России и Мира».

В соответствии с Научной программой, в сборнике представлены статьи участников, соответствующие тематике Конференции, ее целям и ключевым темам: теоретические и практические основы разработки и реализации новой экономической политики для России и мира; необходимость обновления экономической теории и экономической политики; стратегическое прогнозирование, экономические, правовые, научно-технологические аспекты развития, структурные сдвиги, перспективы развития цифровых технологий, проблемы целеполагания и другие аспекты развития в условиях формирования новой экономической политики России. В сборнике трудов также представлены новые результаты в научных исследованиях, посвященных теории Н.Д. Кондратьева.

Материалы Международной научной конференции - XXVII Кондратьевские чтения: «Новая экономическая политика для России и Мира»» будут интересны не только маститым ученым, начинающим научным работникам, аспирантам и студентам различных университетов, но и просто заинтересованному широкому кругу читателей.

JEL: E17, E21, E23, E27, E29, F62, F63, P16, P17

УДК 330.35.011
ББК 65.9(2РОС)

ISBN 978-5-901640-32-6

©Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2019
©Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Гринберг Руслан Семенович **9**
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЕГОДНЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ОБНОВЛЕНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ ПРАКТИКИ 9

Джанкарло Паллавичини **13**
В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ НЕИЗБЕЖНО ПОТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕСМОТР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Акаев Аскар Акаевич **19**
Ичкитидзе Юрий Роландович
Сарыгулов Аскар Исламович
СТРУКТУРНЫЙ СДВИГ В ТРУДОВЫХ ДОХОДАХ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Амосов Александр Ильич **22**
ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ

Анисимова Галина Владимировна **31**
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Баранов Александр Сергеевич **37**
НИЗКАЯ ИНФЛЯЦИЯ КАК СДЕРЖИВАЮЩИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Белостоцкий Алексей Александрович **40**
ВЛИЯНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

Болдырев Олег Юрьевич **46**
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Виленский Александр Викторович **52**
ПРОБЛЕМЫ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН (ОЭЗ) И ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (ТОР): ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Гордиенко Дмитрий Владимирович **57**
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК РОССИИ И СТРАН-ЧЛЕНОВ ШОС ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Гринченко Сергей Николаевич **70**
О ТРЕНДАХ ИЗМЕНЕНИЯ ПЕРИОДА ЦИКЛОВ КОНДРАТЬЕВА: МОДЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Доброхлеб Валентина Григорьевна **74**
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

Захаров Валерий Константинович **77**
ЗАКАТ МИРОВЫХ ПРОЕКТОВ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ РОССИИ

Захаров Александр Николаевич **83**
Старовая Юлия Александровна
ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ РОССИИ И МИРА

Иванов Виктор Викторович **87**
СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ильина Юлия Игоревна **94**
КАСПИЙСКИЙ ПРОЕКТ

Кирилюк Игорь Леонидович **98**
Свиридов Антон Павлович
ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО СТРАХОВОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Колмыкова Татьяна Сергеевна **104**
Зеленов Александр Васильевич
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Красникова Евгения Васильевна **107**
ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕОРИИ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ 107

Крутова Любовь Сергеевна **113**
РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Кулиев Теймур Адалят оглы **119**
СБЫТОВАЯ КООПЕРАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Малахова Татьяна Сергеевна **124**
ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ РЕАЛИЙ

Миронова Лариса Владимировна **128**
ГОСУДАРСТВО КАК ПЛАТФОРМА В ЦИФРОВОЙ СТРАНЕ

Наумов Сергей Николаевич **138**
ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММАХ

Панкова Екатерина Игоревна **144**
«СУПЕРЗВЕЗДЫ» И САЛАРИАТ – НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Погребинская Екатерина Александровна **148**
Лобачева Елена Николаевна
АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ ДЛЯ КОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРА РОССИИ И МИРА

Погребинская Екатерина Александровна **152**
Сидоренко Валентина Николаевна
НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Преснякова Елена Владимировна **157**
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ МИРА В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ИХ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА

Румянцева Светлана Юрьевна **165**
САМООРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА ЦИКЛА

Соболев Эдуард Неньевич **169**
СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РОССИИ: ЗАМЫСЛЫ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Соловьев Аркадий Константинович **173**
ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Солод Татьяна Валерьевна **178**
ТУРИСТСКАЯ ОТРАСЛЬ В СТРУКТУРЕ «НОВОЙ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОГНОЗЫ

Старостин Александр Михайлович **183**
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВОЛНЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ВЗГЛЯД

Степанов Никита Сергеевич **191**
Соколовская Елена Анатольевна
ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Сухарев Олег Сергеевич **200**
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, ИНСТИТУТЫ И СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Толкачев Сергей Александрович **205**
Тепляков Артем Юрьевич
ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

Турсунмухамедов Искандер Гайратович **212**
Пугачев Иван Владимирович
МАРКСИЗМ И ПЛАНИРОВАНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Хотулёв Евгений Леонидович **214**
Наумов Сергей Николаевич
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Цукерман Вячеслав Александрович **221**
Горячевская Елена Сергеевна
ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чэнь Сяо **227**
ВЛИЯНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ НА СТРУКТУРУ И ПОКАЗАТЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН, КИТАЙ

Шедько Юрий Николаевич **229**
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ, ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, БИЗНЕС-СТРУКТУР В ХОДЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ягуткин Сергей Михайлович **235**
Бреславец Эсмиральда Эльмановна
Ягуткина Екатерина Сергеевна
ТЕОРИЯ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА В КОНЦЕПЦИИ НЕЙРОВОЛНОВОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА МЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ

Ярашева Азиза Викторовна **248**
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СТОЛИЧНОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ **260**

Александрова Ольга Аркадьевна **260**
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Булетова Наталья Евгеньевна **261**
РОЛЬ SHARING ECONOMY В ПРЕОДОЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСОВ РАЗВИТИЯ СТРАН МИРА

Гадий Людмила Геннадьевна **264**
Джаохадзе Елена Джурховна
Киюцевская Анна Мироновна
Чембулатова Мария Евгеньевна
СООТНОШЕНИЕ ЦЕНОВОЙ И ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Головин Максим Сергеевич **266**
Кудрявцева Ольга Владимировна
ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА И ТРАНСПОРТНОЕ БИОТОПЛИВО

Гришина Ирина Владимировна **267**
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Доброхлеб Валентина Григорьевна **269**
Яковец Татьяна Юрьевна
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ

Евстафьева Юлия Валерьевна **271**
МНОГОСТОРОННИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Захаров Александр Николаевич **272**
Игнатьев Александр Александрович
РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА НА СЕВЕРЕ РОССИИ И В АРКТИКЕ

Кириченко Ирина Алексеевна **274**
Маршова Татьяна Николаевна
Смирнов Александр Владимирович
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕ- И ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Ковальчук Юлия Александровна **277**
Степнов Игорь Михайлович
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Лапенкова Наталья Владимировна **279**
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАНЫ

Лылова Оксана Владимировна **281**
ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ РАБОЧИХ МЕСТ

Маликова Ольга Игоревна **283**
Папенов Константин Владимирович
Сидоренко Владимир Николаевич
ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКАХ СЫРЬЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Малкин Иосиф Гиллевич **285**
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО КЛИМАТУ

Маркелов Антон Юрьевич **287**
СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: ЭКСПЕРЕМНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Нешитой Анатолий Семенович **289**
Иванов Михаил Юрьевич
К КОНТУРАМ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Овакимян Марианна Сережаевна **291**
ОСОБЕННОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ИТАЛИИ

Огарков Сергей Анатольевич **293**
НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ДЕПОПУЛЯЦИИ НА РЫНОК ТРУДА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Рабкин Сергей Владимирович **295**
БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ БУДУЩЕГО: ТЕОРИЯ НАУЧНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ Н.Д.КОНДРАТЬЕВА КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕНОГО РАЗВИТИЯ

Свирина Людмила Николаевна **296**
НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Смирнова Татьяна Леонидовна **298**
РОЛЬ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСВТЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РЕГИОНА

Соловьева Софья Валентиновна **300**
РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ

Степнов Игорь Михайлович **302**
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КООРДИНАЦИЯ ЕДИНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Стрекалова Анастасия Сергеевна **304**
МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК СЛОЖНЫХ САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ СИСТЕМ И ЕГО МЕСТО В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Сухова Екатерина Александровна **305**
Кибенко Валерий Александрович
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Трофимова Ольга Ефимовна **307**
МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР УСПЕХА ШВЕЙЦАРИИ (УРОКИ ДЛЯ РОССИИ)

Черноуцан Елена Михайловна **309**

ИННОВАЦИОННЫЙ КЛАСТЕР КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: СПЕЦИФИКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ (ОПЫТ ФРАНЦИИ)

Шелюбская Наталья Владимировна 311
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАНЪЕВРОПЕЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юманова Наталья Николаевна 312
ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ

Гринберг Руслан Семенович
Профессор, член-корреспондент РАН
Научный руководитель Института экономики РАН
Президент Международного фонда Н.Д. Кондратьева
г. Москва

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЕГОДНЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ОБНОВЛЕНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость обновления современной экономической теории. Ставится под сомнение полезность её мейнстрима с точки зрения требований современности, а также даётся критика его идеологической направленности. Приводятся аргументы в пользу тезиса о необходимости междисциплинарного подхода к исследованию процессов, происходящих в современной экономической жизни социума. Рассматривается новая экономическая модель государства и выявляются факторы, ведущие к «провалам государства». Выявляются угрозы для рыночной экономики в современном мире и способы их нейтрализации.

Ключевые слова: экономическая теории, мейнстрим, междисциплинарный подход, новая экономическая модель государства, провалы государства, социодинамика.

Еще совсем недавно, буквально десять лет назад, экономическая наука во всем мире считалась весьма респектабельной и очень авторитетной. Она еще не воспринималась как точная, но была близка к тому. Во всяком случае, в ряду общественных наук экономика обладала неоспоримым лидерством, если не превосходством. Случилось это еще и потому, что, первой освоив математические методы исследований, она объективно способствовала их проникновению в другие гуманитарные дисциплины, социологию, психологию, даже в историю и философию. Как следствие, заговорили о таком феномене как «экономический империализм», вторгшийся в остальные науки о человеке и обществе.

Примерно то же следует сказать и о теоретическом мейнстриме экономической науки, призванном служить универсальным компасом для, так сказать, «правильной» экономической политики. В сущности, без всякого риска преувеличения можно говорить о неизменности теоретического образа современной экономики начиная с середины 70-х годов прошлого века вплоть до наших дней. И это не может не удивлять.

На самом деле, разве не странно, что после великой рецессии 2008-2009 везде царит «разброд и шатания», отовсюду идет почти тотальная критика привычного мейнстрима, который, тем не менее, будто не замечая всего этого, продолжает определять содержание учебников по экономической теории, сопротивляясь любым попыткам пересмотра ее привычной аксиоматики.

Выявление причин такой «живучести» требует специального обсуждения. Здесь же ограничусь описанием основных претензий к современной экономической теории и к ее основному руслу.

Начну с гипертрофированной математизации экономической науки. Математический метод при всех его неоспоримых достоинствах, мягко говоря, несовершенен. Прежде всего, он не способен охватить и описать качественные процессы в экономике, а также дать им адекватное объяснение. Кроме того серьезный изъян математического метода состоит в том, что он, в сущности, виртуализирует экономическую науку, отрывая ее от эмпирической почвы. Словом, экспансия математики в экономику сплошь и рядом сопровождается выхолащиванием экономического содержания.

Другой крупный недостаток современной теоретической экономики – ее очевидная фрагментарность. «Современный экономист живет в мире расколотой, «балканизированной» реальности, где каждый фрагмент существует по большей части отдельно от других

(Капелюшников). При этом каждая область исследований имеет собственные эконометрические оценки и свою картину мира.

Так что отнюдь не случайно все менее успешными становятся попытки создания всеохватывающих экономических теорий. Принцип единства теории, кажется, уступил место принципу сосуществования, так сказать, партикулярных концепций. И это, конечно же, напрочь блокирует общее понимание и без того все более противоречивой реальности, в то время как растет потребность в целостной картине экономического универсума.

Но самый существенный изъян теперешнего мейнстрима – это его идеологическая направленность, а именно преданность так называемому рыночному фундаментализму, суть которого сводится к идее безоговорочной благотворности «свободного рынка» и минимизации участия государства в экономике.

В то же время общеизвестно, что врастание государства в хозяйственную жизнь социума за последние сто лет было неуклонным, и можно даже сказать, стремительным. Принято измерять его участие в экономике величиной так называемой «государственной квоты», которая выражается в отношении всех государственных расходов к ВВП.

Если проследить за движением этого показателя в разных странах мира с начала прошлого века до наших дней, то при всех национальных социокультурных различиях обнаружится весьма непротиворечивая картина: государственная квота практически везде выросла чуть ли не на порядок. Сто лет назад она составляла 5-7%, а сегодня от 40% до 60%.

Этот факт, конечно, тоже широко известен. И, в общем, никем не оспаривается. Не будет новостью и то, что вокруг мощной экспансии государства в экономические отношения постоянно идет, в сущности, идеологический спор о том, считать ее добром или злом. В любом случае государственная активность, по природе своей имеющая патерналистское содержание, останется постоянным элементом экономических отношений, раз в реальном мире в принципе недостижимы условия, при которых механизмы саморегулирования могли бы действовать безошибочно (Рубинштейн, 2016).

Экономисты разных школ мышления и у нас, и за рубежом находят разнообразные аргументы в пользу того и другого вывода и пытаются влиять на политические решения в соответствии с идеологическими предпочтениями. Но и те, кто не склонен к манихейскому противопоставлению государства и рынка, обычно не идут дальше заключения о нормальности или легитимности так называемой «смешанной экономики», оставляя в стороне вопрос о критериях вмешательства государства в рыночные механизмы саморегулирования и способах гармонизации личных и общественных интересов.

Кроме того, открытым остается вопрос о том, каковы издержки разрастания объема государственной активности и до какой степени общество готово мириться с ними, даже если признается необходимость систематического вмешательства государства в механизмы саморегулирования. Другими словами, если более или менее известно, как преодолевать пресловутые «провалы рынка», то как поступать с «провалами государства»?

На фоне всех этих вопросов ослабляется, на мой взгляд, актуальность дискуссии об объеме государственной активности в хозяйственной жизни общества. А первостепенное значение приобретает вид такой активности, ее конкретное содержание как реакция на появление той или иной общественной потребности, которая может быть удовлетворена только посредством государственного вмешательства. Но здесь возникает целый комплекс вопросов в связи с весьма противоречивым постоянно наблюдаемым эмпирическим феноменом: общество все больше нуждается в государственной активности, которая сплошь и рядом вредит его интересам.

Отсюда естественным образом возникает потребность в разработке новой теории участия государства в экономике современного общества. И именно такую амбициозную цель поставил перед собой Институт экономики РАН

Главное здесь – «величие замысла». Ведь его осуществление, несомненно, должно учитывать специфику нашего времени, которая только усиливает актуальность создания новой парадигмы участия государства в современной хозяйственной жизни общества. А

специфика эта такова, что наш мир подвергается сегодня суровым испытаниям практически во всех областях своего бытия. Радикальные изменения в технологиях и вообще бурный научно-технический прогресс впервые создают шансы для комфортной жизни всего человечества, а не только его одной пятой части. В то же время с не меньшей скоростью множатся угрозы и риски его выживания.

Возвращение геополитики с возобновлением холодной войны и гонки вооружений, глобальное потепление климата с его природными аномалиями, распространение очагов международного терроризма, вопиющее материальное неравенство людей, кризис политических элит, падение ценности рационального мышления, распространение ксенофобских и изоляционистских настроений – все это реальные факты нашего смутного времени, требующие адекватного осмысления и эффективного противодействия.

Данная констатация – это не дань так называемому «экономическому империализму», во-первых, и не следствие непонимания автором невозможности осмыслить упомянутые угрозы с помощью одной только экономической теории, во-вторых.

Просто хочу подчеркнуть, что в наше время стремительного усложнения мира особенно бессмысленны всякие мантры его дээтатизации и призывы к «минимальному государству». По существу, они ничем не отличаются от популистских установок левого толка в духе «всеобщей национализации» и «тотальной бесплатности» всего и вся. Словом, противоположности действительно сходятся.

Наконец, есть все основания полагать, что все мы являемся ныне свидетелями превращения современного государства из субъекта рыночного пространства фактически в его организатора (плеймейкера), что выдвигает особые требования к разрабатываемой теории. Чисто количественный анализ связей и соотношений в современной экономике сегодня уже явно недостаточен для выявления ее реальных трендов и действенности их прогнозирования. Поэтому представляется необходимым дополнить количественный анализ качественным, что означает безальтернативности использования междисциплинарного подхода к исследованию вопроса (философия, социология, политология, психология, культурология и т.д.)

В сущности, мир сегодня нуждается в новой общей теории участия государства в экономике современного общества. Пока же разработана парадигмальная основа предполагаемой теории, а именно концепция экономической социодинамики (КЭС), стержнем которой является положение о существовании интереса общества как такового, несводимого к интересам экономических агентов. Очевидно, что данный принципиальный тезис входит в явное противоречие с базовым принципом неоклассической теории – методологическим индивидуализмом.

Дело в том, что стандартный тезис о том, что общественный интерес представляет собой ни что иное, как агрегат интересов экономически агентов, то есть любой общественный интерес сводится к интересам экономических агентов, базируется на невысказанной, но весьма существенной предпосылке. Предполагается, что есть некая совершенная институциональная среда – своеобразный аналог «невидимой руки» Смита, в которой действуют рациональные экономические агенты. Тогда интересы отдельных индивидуумов, взаимодействующих с другими экономическими агентами и институтами, в такой среде гармонизируются и трансформируются в интерес общества в целом.

Однако реальная действительность такова, что гипотеза о совершенной институциональной среде не подтверждается. А раз это так, нельзя утверждать, что интересы «своекорыстно» действующих индивидуумов (по Смиту), трансформируются в интерес общества как такового. Именно поэтому в экономический анализ и вводится категория несводимого общественного интереса, который не может быть представлен в виде агрегата индивидуальных предпочтений (Grinberg, Rubinstein, 2005).

В реальном мире нет совершенных институциональных условий, при которых механизмы саморегулирования могли бы действовать безошибочно, гармонизируя интересы общества и экономических агентов. Поэтому государственная активность, по природе своей

имеющая патерналистское содержание, похоже, останется постоянным элементом экономических отношений и может исчезнуть разве что в абстрактных моделях, где выполняется совокупность неких идеальных условий.

Отсюда следует, что современная экономическая модель государства должна рассматривать, как минимум, два основных вида его активности. Во-первых, оно призвано реализовывать свои патерналистские установки, обменивая имеющиеся у него ресурсы (бюджетные средства) на социальную полезность от достижения поставленных целей. Во-вторых, государственная активность должна быть направлена на совершенствование существующих норм и правил, обеспечивая качественное улучшение институциональной среды.

Здесь уместно подчеркнуть исключительную актуальность практических аспектов разрабатываемой теории. Главный из них – выявление и описание феномена, обозначаемого как «патерналистский провал», представляющий собой комбинацию изъянов общественного выбора и нерациональных действий бюрократии, призванной этот выбор осуществлять.

Стало трюизмом утверждение, что мы живем сегодня в условиях беспрецедентной неопределенности. Ясно, похоже, только то, что в ближайшем будущем мировому социуму придется иметь дело со столкновением двух трендов в своей динамике. Очевидные предпосылки для развертывания первого, так сказать, авторитарного тренда, уже налицо. Решающая из них неизбежный рост потребности в расширении и углублении функций современного государства просто в силу природы стоящих перед человечеством угроз. Ни одна из них не может быть нейтрализована силами саморегулирования. И действительно, можно ли не утратив инстинкт самосохранения и чувство юмора предполагать, что «невидимая рука» рынка справится с такими критическими проблемами как приближение точки невозврата в процессе разрушения человеком собственной среды обитания или ожидаемое в ближайшие десятилетия стремительное увеличение безработицы из-за бурного развития искусственного интеллекта вообще и роботизации рабочих мест, в частности?

Но главная опасность для нашего грешного мира состоит, конечно, не в мечтаниях экономистов либертарианского толка по поводу способности чисто рыночных механизмов справиться с указанными проблемами, а в весьма высокой вероятности поражения не только вульгарного либерализма, но и либерализма вообще, то есть отказа от ценности свободы вообще.

Собственно, необходимость государственной активности нарастает (растущая угроза окружающей среде, социальное неблагополучие, доминирование протекционизма над фритредерством, геополитика как «игра с нулевой суммой»), что резко увеличивает риски монополизации власти («приватизация власти» бюрократической номенклатурой). Или победит другой тренд, когда активность гражданского общества окажется в состоянии обуздывать произвол бюрократической номенклатуры, и в результате мир приблизится к достижению оптимального равновесия между индивидуальными свободами человека и необходимыми нормами его безопасности в условиях сохранения демократических порядков и открытости государственных границ. В общем, финал открыт.

Джанкарло Паллавичини
Преподаватель - экономист, академик РАЕН
Президент гуманитарного и культурного фонда Джанкарло Паллавичини
Президент Международной Ассоциации "Myr Cultura"
Италия
giancarlo.pallavicini@gmail.com

В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ НЕИЗБЕЖНО ПОТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕСМОТР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Жить или быть способным жить*: дихотомия расплывчатого шекспировского созвучия, с которой сталкивается экономист, когда он хочет решить проблемы современного общества. В этой дихотомии *«жить»* описывает ситуацию, которая на самом деле сложилась в экономике последних десятилетий, и в то же время «быть способным жить» предопределяет добродетельный путь экономики, который мог бы привести к более внимательному отношению к человечеству и окружающей его культурной и природной среде.

Giancarlo Pallavicini
Faculty member economist
Academic of the Russian Academy of Natural Sciences
President of the Giancarlo Pallavicini Humanitarian and Cultural Foundation
President of the International Association "Myr Cultura"
Italy

THE FUTURE THAT GOES FORWARD IMPOSES A REVISION OF ECONOMIC POLICY

Annotation. Being or to be able being: a dichotomy of vague Shakespearean assonance in which it ends with encountering the economist when he wants to tackle the issues of contemporary society. In this dichotomy, the being delineates the situation that has in fact developed in the economy of recent decades, while being able to prefigure a virtuous path of economy, which could have led to situations more attentive to humanity and its environment cultural and natural.

В «жить» глобализация выступила катализатором процессов в экономике в целом и финансов в частности, усилив эффекты, часто в соответствии с возможностями, предлагаемыми эгоизмом, недостаточно опосредованными в культурном отношении и лишенными необходимых руководящих принципов для общих интересов. Экономика в поисках своей идентичности как науки утратила отношение к другими дисциплинам, касающимся человека и его среды, и преумножила прибыль только в краткосрочной перспективе, что даже подорвало основы надлежащего внимания к среднесрочной и долгосрочной перспективе и необходимости учитывать общие интересы. В подобных возвышенных экономических событиях все, казалось, вращалось вокруг новой компании Molok, обозначившей ритмы потребительства без причины в безрассудном увеличении государственного и частного долга. Сегодня общая задолженность превышает ВВП всех стран мира более чем в 10 раз, и пять шестых человечества живет в районах отсталого развития или страдает от голода, а очаги нищеты распространяются даже в экономически развитых районах. Долг, если его не стерилизовать, приведет к дорогостоящим бесполезным вмешательствам в целях поддержки экономики, которые, как правило, лечат симптомы и оставляют болезнь неизменной или вообще ее усугубляют. Действительно, кажущаяся иногда необходимой передача частного долга государственному не только не уменьшает

общую задолженность, но и имеет последствия, наносящие ущерб нынешнему и будущим поколениям, не влияя на внешний вид, свойственный бремени задолженности, и не предвещая тех изменений, которые необходимы для устранения причин кризиса и восстановления необходимого доверия к финансовым системам и, прежде всего, к банковской системе. Государственные спасательные операции, безусловно, кажутся необходимыми для сдерживания нынешнего кризиса, но они, несмотря на немедленное вмешательство, должны также вдохновляться преодолением условий, которые сделали возможным ухудшение мировой экономики. Это указывает на то, что мы ориентированы на *«быть способными быть»* через культурные изменения, которые в ближайшем будущем:

- начинается с предположения о том, что из-за кризиса в США в 2007 году, который удалось только частично преодолеть, все уже не может быть, как раньше; кроме того, учтите, что наступает новый кризис, о чем свидетельствует изменение процентных ставок, которые в краткосрочной перспективе стоят дороже, чем те же самые на 10 лет, как это произошло примерно за год до последних шести американских кризисов;
- действия по борьбе с кризисом позволяют экономической политике подтверждать свою роль в достижении своих основных целей без чрезмерных дисбалансов, которые могут надолго поставить под угрозу достижение выбранных целей; - отдельные лица и правила, которые могут гарантировать, что экономическая деятельность, даже если она направлена на получение прибыли тех, кто ее продвигает, не противоречит общим интересам;
- признает, что государственное и частное потребление, неадекватно связанное с тем, чем распоряжается, и лишенное ответственности перед другими, плохо выполняет роль, определенную в кейнсианских теориях, и становится причиной чрезмерного увеличения долга и серьезного неравенства в развитии мировой экономики;
- избегать некритического применения неправильных формул подразделения и распределения финансового риска как метода его отмены, как это произошло с последним кризисом в США, который затем распространился в мире;
- активировать финансовые системы и, в частности, банковскую, при выполнении роли посредничества между теми, кто имеет денежные ресурсы, и теми, кто нуждается в них для инвестиций в производственную и сервисную деятельность;
- указывает на то, что банковская система оказывает большое влияние на экономику, из которой она управляет финансовыми потоками и влияет на динамику общества в результат воздействий, которые она оказывает на занятость и доход; - поясняет, что «творческое разрушение» продуктов и процессов памяти Шумпетера должно навязывать вмешательства в целях поддержки инноваций, а не только для сохранения существующих, в противном случае оно становится «разрушительным творением»;
- поясняет, что глобализацию, которая сейчас замедляется, следует понимать не только как одну большую интернационализацию производственной и обменной деятельности, но как «необычайную интенсификацию возможных отношений, не только финансовых, хотя и заметных, между различными областями земного шара, методами такими, как обеспечение того факта, что то, что происходит в той или иной области, в реальном времени влияет на другие области, даже самые отдаленные, и приводит к тому, что традиционные модели экономики и общества не могут правильно оценить, в том числе и для одновременности действий и изменений, которые они производят», как я определил его в начале нового тысячелетия [1];
- уточнить, что зависимость каждого от поведения других влечет за собой ответственность, которая предполагает принятие глобальных правил, которые должны быть установлены на многосторонней основе;
- следует понимать, что в отсутствие международных институтов, обладающих компетенцией и полномочиями, необходимыми для выявления и применения новых

правил, необходимо будет использовать инновационные возможности для многостороннего обсуждения, чтобы смягчить пагубные последствия "экономического национализма", и обеспечить необходимую экспертизу и авторитет учреждений "Бретон-Вуд", которые должны быть глубоко переосмыслены, или других новых учреждений;

- ❖ люди в основных участниках глобализации, которые являются крупными транснациональными корпорациями, основными получателями новых правил, с тем чтобы влиять на их работу перед лицом добродетельного поведения, даже с разумными уступками для эксплуатации ресурсов, на благо всех;
- ❖ подтверждает принцип, согласно которому внимание предпринимательской деятельности к социальной, культурной и природной среде, в которой она осуществляется, способно принести ценность самому предприятию.

Что касается этого последнего аспекта, я хотел бы напомнить вам, что уже в 1960-х годах мне пришлось опубликовать метод расчета результатов, которые не являются непосредственно экономическими в деловой активности, исходя из предположения, что, несмотря на необходимость учитывать экономический аспект и, следовательно, стремлении к прибыли, он больше не мог пренебрегать и должен был явно учитывать ряд внутренних и внешних запросов к компании, связанных с моральными, этическими, социальными и культурными ценностями и окружающей средой. И это не просто подтверждение принципа, а конкретно размещение наряду с обычным бухгалтерским учетом в валюте счета метода расчета меры, с помощью которой деловая активность выполняет другие цели, определенные мной как «не непосредственно экономические», но может влиять на шансы на жизнь и успех компании. Хотя бы потому, что набор рассматриваемых примеров определяет среду, в которой работает компания, и внимание к ним влияет на отношения между компанией и ее заинтересованными сторонами, от рабочих, клиентов, поставщиков, местных учреждений до такого же широко распространенного пакета акций [2]. Этот метод расчета имеет опыт работы в Италии с Джордано Делл'Амором в Сберегательном банке провинций Ломбардия - Карло, в то время первым в мире после государственного в Советском Союзе. Именно в России этот «метод» изучался по инициативе бывшего друга по Академии Леонида Абалкина, бывшего директора Института экономики Академии наук и вице-премьера Советского правительства в период Горбачева, при котором в 1980-х годах я был первым западным консультантом по реформированию экономики [3]. Затем эти исследования были прерваны с появлением Ельцина, и сегодня мы должны возобновить применение этого метода, называемого «Метод разложения параметров», с которым также можно ознакомиться в Интернете. (http://www.giancarlopallavicini.it/economia/metodo-della-scomposition-dei-parametri). Это нечто совершенно отличное от этических кодексов и социальных бюджетов, которые являются лишь заметными маркетинговыми операциями. Возвращаясь к общим аспектам необходимости переосмысления экономики и финансов в доктрине и на практике, для меня естественно вспомнить всю совокупность влияющих на нее аспектов, характерных для анализа Питирина Сорокина, который избегает лишь частичных соображений и вмешательств и поэтому не подходит для понимания сложных групп экономики и предназначен для того, чтобы оставить гордиевы узлы, которые захватывают вместе с экономикой все человечество. В видении целого необходимо определить путь, который преодолевает дихотомию между «бытием» и «быть способным к существованию», от которой страдают экономика и общество. Естественно спросить себя, наблюдаем ли мы более общее и широко распространенное снижение важных ценностей, особенно там, где доходы настолько высоки, что заметно способствуют потребительским настроениям. Если бы все население земного шара потребляло в соответствии со средним европейским значением, но ниже, чем в США, потребовались бы ресурсы двух с половиной миров, в то время как, если бы все они были эфиопами, для выживания было бы достаточно половины планеты. Таким образом, проблема голода является скорее политической, чем технической.

Это напоминает о праве на питание, которое только 35 стран включили в свою Конституцию. Продовольствие обозначает уровень развития области больше, чем любой другой показатель, как с экономической точки зрения, так и с точки зрения благотворного потребления и качества жизни.

Все это приводит к размышлению о взаимосвязи между экономическим развитием и цивилизацией, понимаемой как признание и уважение общих ценностей; на связи между прогрессом и распадом.

По метафоре кажется, что он находится перед метафорическим светящимся и внушительным дворцом, выходящим на большую площадь, но как только мы заворачиваем за угол, мы видим открытие больших окон, похожих на пустые розетки, скрепленные деревянными досками. Здесь речь идет о нейроэкономике, то есть о той отрасли экономики, которая складывается с еще более точными очертаниями, которая возникает в связи человека и удовлетворения его поведением при использовании активов, которыми он владеет в так называемом «текучем обществе» с тысячей парадоксов. В результате получается следующее: богатство без счастья, для которого, в дополнение к определенному уровню, наибольшая доступность товаров не увеличивает удовлетворение [4]. В этот момент мы оказались бы как на «беговой дорожке»: мы можем ускоряться, чтобы держать ритм, но мы всегда остаемся на месте.

Фактически, из исследования концепции счастья и его взаимосвязи с экономическим развитием следует, что средний уровень счастья не связан строго со средним доходом на душу населения, за исключением случаев, когда существуют трудности в удовлетворении первичных потребностей. Принимая во внимание это несоответствие, необходимо также ставить под сомнение оценки благосостояния страны только через ВВП, который подходит для выполнения лишь инструментальной функции для других целей [4].

Мы должны объединить *«счастливый рост»* с одной добродетельной ориентацией *«добродетельный рост»*, приписывая каждому сектору экономики один или другой из возможных путей, в гармоничную композицию всего.

В противном случае, хотя роль Кассандры меня не устраивает, сценарий будущего представляет свет и тени, которые оправдывают сомнение в том, что библейская история Вавилонской башни может повториться. Фактически, события недавнего прошлого и перспективы на будущее, похоже, нуждаются в новом и более действенном способе понимания и жизнедеятельности экономики. И вместо того, чтобы собраться вместе, чтобы оценить их и встретиться с ними, укореняется тенденция уходить в свою «частность», памяти Гиччардини, что ускользает от общего поиска лучшего мира.

Стоит упомянуть примеры Brexit и изоляционной политики Трампа, которые уменьшают значение парадигмы глобализации с серьезными последствиями для мировой торговли и развития экономики. Нет никого, кто бы не видел, как все кажется ориентированным на индивидуальный интерес или группы и нации, которая не зависит от других. В мире, где уже существует серьезное неравенство в распределении богатства и использовании ресурсов, особенно пищевых, с широко распространенным присутствием бедных и голодных людей. Известно, что 1% населения, которое также выиграло от кризиса в США, начавшегося в 2007 году, обладает большим богатством, чем остальные 99% человечества. Что касается будущего, мы находимся на пороге быстрого изменения, вызванного использованием инновационных технологий, от роботов до искусственного интеллекта, который представляет собой возможность, только в случае, если им хорошо управлять. К сожалению, есть опасность, что поиск максимальной выгоды может привести к тому, что будущее будет чуждым всему, что касается человека и его социальной, культурной и природной среды.

Так что гонка за инновациями не управляется и даже культурно не опосредована в отношении ценностей человечества. Недавние исследования, касающиеся Соединенных Штатов, предсказывают, что в течение 25 лет 47% текущей рабочей деятельности будет выполняться роботами, и, согласно исследованию Оксфордского университета, половина

существующих рабочих мест исчезнет. Недавнее исследование компании McKinsey, которое рассматривает длинные циклы, обнаруженные Николаем Кондратьевым, с особым вниманием к технологическому развитию в течение следующих пятидесяти лет, а также в качестве экстраполяции предыдущего периода, предполагает, что к 2066 году рабочих мест будет на 1,3 миллиарда меньше. Исходя из концепции «созидательного разрушения», предложенной экономистом Джозефом Шумпетером, в первой середине двадцатого века существует риск перехода к «разрушительному творчеству».

Это катастрофическая перспектива, которая будет приводить к все более пагубным последствиям, начиная уже со следующих нескольких лет, и которая побуждает к поиску и реализации поведения для управления подобными изменениями. Некоторые предложения уже существуют, особенно по инициативе инсайдеров; примером этого является предложение Билл Гейтса о налогообложении роботов за места, которые они отнимают у рабочих. Даже недавнее подписание документа 181 представителем крупных американских компаний, в котором признается, что экономическая деятельность не может быть направлена исключительно на получение прибыли больше, чем на переход к корпоративной социальной ответственности, по-видимому, демонстрирует обеспокоенность по поводу будущей возможности продажи их товаров и услуги в связи со снижением покупательной способности трудящихся масс.

В любом случае, речь идет о частичных инициативах, которые не могут интерпретировать и управлять последствиями инновационного процесса. На самом деле, решающим может быть только общее рассмотрение явлений, касающихся экономики, общества и окружающей среды, которые ставят в центр человека с его ценностями.

Я не хочу быть предсказателем. Но, принимая во внимание изменения, которые мне удалось застать, существует ускоренная динамика, для интерпретации которой недостаточно взглянуть на прошлое и настоящее, чтобы представить будущее, но, чтобы его предвидеть, необходимо выйти за рамки традиционной рациональности и использовать интуицию. Это напоминает о способностях, которые выходят за рамки, которые когда-то были и которые до сих пор концептуально относят к магическим, в то время как им суждено подняться до роли, которая помимо разума включает также и другие способности индивидуума и коллектива. Развитие, которое человечество, похоже, хочет свести к применению технологий, а не к собственному развитию, с целью получения прибыли, предлагаемой тем, кто продвигает это развитие.

Но человечество сегодня мудрее и более продвинуто, чем технологии. Это подтверждается 5%-ным пределом, в котором приложения добиваются технологических достижений, уже реализованных человечеством в высших системах, как в бесконечно малых.

Нам необходимо новое видение человечества, которое наиболее четко отличает его от имитации его интеллекта и связанных с ним коммуникативных навыков передачи в пространстве и времени. Прежде всего, чтобы восстанавливать там, где это необходимо, и содействовать центральности человека, который должен сообщать о будущих направлениях. Пример, который прежде всего культурный, полезный и поддерживает те ферменты и стимулы, которые могут привести к просвещенной интуиции касаемо путей, полезных для человечества, питаемых одним растущим и более мудрым нововведением в его пользу и той роли, которую назначило Творение.

Мы уже слишком обусловлены алгоритмами, которые выбирают то, что появляется на нашем компьютере, и выбираются для нас на основании того, на что мы ранее нажимали.

Но таким образом интересы прошлого задерживаются в соответствии с алгоритмом, который их интерпретирует, и препятствуют, или даже отменяют нашу индивидуальную и коллективную проекцию на другие интересы, выходящие за рамки квоты.

Мы рискуем закончить тем, что будем служить современным интерактивным компьютерным технологиям и, кто знает, чему еще в будущем. Машина была создана, чтобы служить человеку, но человек рискует стать слугой машины как пассивный пользователь продуктов и услуг.

Как Новый ангел Пауля Клее, ангел истории, как он определен философом Вальтером Беньямином в далёкие годы, парящий над обломками, накапливающимися у его ног, которые он хотел бы задержать, но он не может, потому что ветер раздувает его крылья и отталкивает его. Так и мы, находясь в инновационном импульсе, должны смотреть на события и структуры прошлого новыми глазами, оценивать их обязанности и ценности, которые должны быть перенесены в быстро меняющееся будущее, в то время как настоящее ускользает, а прошлое немедленно становится отдаленным с соответствующими правилами, мы должны начать с нового возрождения, которое является не только экономическим, необходимо согласовать цели экономики с другими ценностями человека и его социальной, культурной и природной средой.

Всегда с оптимизмом и без сожалений, как гласит старая китайская поговорка: «Когда солнце садится, не плачь, потому что слезы не дадут тебе увидеть звезды».

Примечания:

1. Представлен в 2000 году в Москве, Ватикане, Милане, Гаване
2. http://www.treccani.it/enciclopedia/metodo-della-scomposizione-dei-parametri_28altro% 29% / Джанкарло Паллавичини, «Структуры, интегрированные в итальянскую систему распределения», Giuffré Editore, Милан, 1968, с. VIII - 351, Предисловие и с. 53
3. Treccani, "Универсальная биографическая энциклопедия", 2007, том 14, с. 617; Treccani on line, http://www.treccani.it/enciclopedia/giancarlo-pallavicini/
4. Достаточно учесть, что увеличение ВВП, если бы оно было реализовано с ущербом для окружающей среды, негативно сказалось бы на уровне счастья. Кроме того, ВВП не может измерить ряд условий, способных повлиять на счастье, таких как степень свободы выбора или осуществления других прав, качество отношений с другими, чем во многих ситуациях, членами семьи или друзьями, но не только они предлагают удовлетворение, связанное с «отдачей», а не «наличием», и в целом - полезная реализация настраиваемого поведения, такого как «рациональный альтруизм».

Акаев Аскар Акаевич
доктор физико-математических наук, иностранный член-корреспондент РАН
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва
dept.cfr@unecon.ru

Ичкитидзе Юрий Роландович
кандидат экономических наук, доцент
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
г. Санкт-Петербург
yichkitidze@hse.ru

Сарыгулов Аскар Исламович
доктор экономических наук
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург
dept.cfr@unecon.ru

СТРУКТУРНЫЙ СДВИГ В ТРУДОВЫХ ДОХОДАХ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Работа проведена при поддержке гранта РНФ №18-18-00099

Аннотация. Предлагается нелинейный подход для прогнозирования доли трудовых доходов в США, который устраняет систематическую ошибку линейной модели основанной на факторно-мультиплицирующей CES производственной функции.

Ключевые слова: CES производственные функции; доля трудовых доходов; технологические изменения; искусственный интеллект; неравенство

В течение второй половины XX века доля заработной платы в национальном доходе в большинстве отраслей экономик G7 снижалась, однако возникновение рабочих мест в секторе услуг, и быстрый рост доли этого сектора в ВВП, способствовали сохранению общего уровня занятости. Данные структурные изменения связаны с автоматизацией производств и замещением труда капиталом, и их возможные последствия были проанализированы ранее в работе Пикетти [1], послужившей отправной точкой для дискуссии о том, как дальнейшая цифровизация экономики, технологии искусственного интеллекта и появление роботов, оказывающих услуги, повлияет на эволюцию экономических структур и отношений [2; 3; 4; 5]. Общий ход этой дискуссии, скорее, подтверждает гипотезы Пикетти о резком снижении трудовой активности под воздействием цифровых технологий и об усилении процессов замещения доходов от труда доходами от капитала, что грозит усилением экономического неравенства. Однако, отдельные аргументы [6; 7] о том, что поддержание долгосрочного баланса на рынке труда при роботизации рутин возможно при возникновении большего числа новых творческих задач, оставляют основания для сомнений в правдивости этих гипотез. Основным вопросом, из-за которого мнения расходятся, являются количественные оценки краткосрочного и долгосрочного воздействия роботизации на долю трудовых доходов в ВВП. Пессимисты считают, что современные технологии искусственного интеллекта приведут к серьезному снижению зарплат и занятости, в том числе в долгосрочном периоде, что отражает уникальность этих технологий в плане способности заменить рабочую силу. Оптимисты, напротив, соглашаясь с тем, что в краткосрочном периоде автоматизация приведет к давлению на рынок труда, полагают, что в

долгосрочном периоде здоровая, саморегулируемая экономика адаптируется под эти изменения, также как это было всегда на протяжении последних полутора веков.

Существующая теория [8; 9] дает основания для прогнозирования доли трудовых доходов в ВВП на основе факторно-мультиплицирующей (factor-augmenting) CES производственной функции (формула 1). В таком случае, доля трудовых доходов (γ) определяется в соответствии с формулой (2), а условие минимизации стоимости (3) определяет зависимость между *w/r* и *K/L* в соответствии с уравнением (4).

$$Y(L,K) = C\left(\alpha(A_t L)^{\frac{\sigma-1}{\sigma}} + (1-\alpha)(B_t K)^{\frac{\sigma-1}{\sigma}}\right)^{\frac{\sigma}{\sigma-1}} \quad (1)$$

$$\gamma = \frac{wL/rK}{1+wL/rK} \quad (2)$$

$$\frac{w}{r} = \frac{\partial Y/\partial L}{\partial Y/\partial K} \quad (3)$$

$$\frac{w}{r} = \frac{\alpha}{1-\alpha}\cdot\left(\frac{K}{L}\right)^{\frac{1}{\sigma}}\cdot\left(\frac{A_t}{B_t}\right)^{\frac{\sigma-1}{\sigma}} \quad (4)$$

Базовым подходом для эмпирической оценки параметров этой производственной функции является подход, предложенный П. Антрасом [10], в соответствии с которым, для оценки параметров на основе уравнения (4) может быть использована регрессия (5) или обратная к ней регрессия (6).

$$\ln(w/r) = \beta_{K/L}\ln(K/L) + \beta_t t + \beta_0 + \varepsilon \quad (5)$$

$$\ln(K/L) = \beta_{w/r}\ln(w/r) + \beta_t t + \beta_0 + \varepsilon \quad (6)$$

В регрессии (5) параметры производственной функции (1) находятся как $\sigma = 1/\beta_{K/L}$, $\alpha = e^{\beta_0}/(1+e^{\beta_0})$, $\lambda_{L\text{-}K} = \beta_t/(1-\beta_{K/L})$, а в регрессии (6) как $\sigma = \beta_{w/r}$, $\alpha = 1/(1+e^{\beta_0/\beta_{w/r}})$, $\lambda_{L\text{-}K} = \beta_t * *\beta_{w/r}/(1-\beta_{w/r})$. Параметр $\lambda_{L\text{-}K}$ равный $\lambda_L - \lambda_K$ есть параметр относительной факторной интенсивности, он появляется в результате допущения, что $A_t = e^{\lambda_L t}$ и $B_t = e^{\lambda_K t}$. Допущение, что β_t равен 0 даёт производственную функцию с Хикс-нейтральным техническим прогрессом.

К сожалению, применение этого подхода к эмпирическим данным по странам G7 даёт нестационарные остатки (см. табл. 1), что применительно к временным рядам даёт систематическую ошибку при прогнозировании. Нестационарность остатков, в частности, может свидетельствовать о структурном разрыве.

Таблица 1

Результаты регрессий (5)-(6) для стран G7

	регрессия 5					*регрессия 6*				
	$\beta_{K/L}$	β_t	β_0	R^2	ADF_ε *p-val.*	$\beta_{w/r}$	β_t	β_0	R^2	ADF_ε *p-val.*
US	1.1638***	-2.6E-3*	0.556***	0.969	0.296	0.636***	5.2E-3***	-0.8836***	0.983	0.367
DEU	1.2756***	-0.009***	0.857***	0.933	0.275	0.6155***	0.0092***	-0.955***	0.979	0.737
FRA	1.522***	-0.0964***	1.114***	0.992	0.496	0.615***	0.0077***	-0.839***	0.995	0.637
JPN	1.376***	-0.009***	0.977***	0.981	0.442	0.652***	0.0088***	-0.924***	0.989	0.707
UK	0.298’	0.009***	-1.426***	0.914	0.071	0.235’	0.011***	-1.530***	0.934	0.888
ITA	0.640***	0.0008	-0.753***	0.915	0.641	0.715***	0.0098***	-0.458*	0.953	0.955
CAN	2.014***	-0.0175***	2.193***	0.964	0.236	0.383***	0.010***	-1.295***	0.995	0.421

В связи с этим, в регрессии (5) и (6) мы добавили нелинейность по времени (вместо *t* использовали $\varphi(t)$), которую рассмотрели в виде структурного разрыва (SB) в соответствии с формулой (7). Точку структурного разрыва мы определили с помощью Sup-Wald теста. Переменные t_b и t_a есть пороговое время, равное нулю на интервале после или до точки структурного разрыва, соответственно.

$$\varphi(t) = \frac{1}{\beta_t}\left[\beta_{t_b} f(t_b) + \beta_{t_a} f(t_a)\right] \qquad (7)$$

Таблица 2

Результаты регрессии (5) для $\varphi(\cdot)$ со структурным разрывом для стран G7

	$f(t)=$	λ	$\beta_{K/L}$	β_{t_b}	β_{t_a}	β_0	R^2	Sup Wald	SB date	ADF_ε p-val.	Addit. Frd. dgr.
US	t	-	1.527***	-0.007***	-0.008***	1.209***	0.985	28.8***	2001	0.020	+1
DEU	$e^{\lambda \cdot t}$	-0.23	0.462***	-48.7***	2.1e3***	-0.545***	0.972	27.4***	1991	0.089	+2
FRA	t	-	1.279***	0.0043**	-0.0014	0.423***	0.998	46.36***	1985	<0.01	+1
JPN	$e^{\lambda \cdot t}$	-0.26	0.870***	-1.4e2***	-2.0e3***	-0.122***	0.994	33.27***	1986	0.058	+2
UK	t	-	0.888***	-0.0054’	-0.0017	-0.031	0.955	22.67***	1998	0.038	+1
ITA	$e^{\lambda \cdot t}$	-0.06	1.540***	2.748***	-	-0.049	0.968	29.5***	1994	0.029	+1
CAN	t	-	2.109***	-0.014***	-0.017***	2.301***	0.975	17.3***	1978	0.059	+1

Из таблицы 2 видно, что предложенный метод учитывает существующие в данных нелинейные эффекты и делает остатки модели стационарными. Это означает, что прогноз доли трудовых доходов на основе функции со структурным разрывом не содержит выявляемой систематической ошибки.

Полученные прогнозы (рис 1-7) показывают, что для США и Великобритании учет нелинейности в данных значительно понижает прогноз доли трудовых доходов, в то время как для Германии, Японии и Италии учет этого нелинейного эффекта приводит к повышению прогнозов. Для Франции и Канады включение нелинейности в модель не оказывает значительного влияния на прогнозирование.

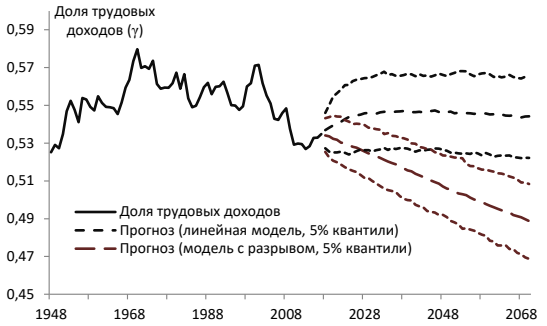

Рис. 1. Прогнозы для США

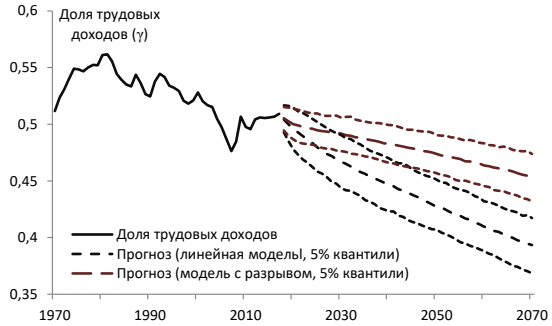

Рис. 2. Прогнозы для Германии

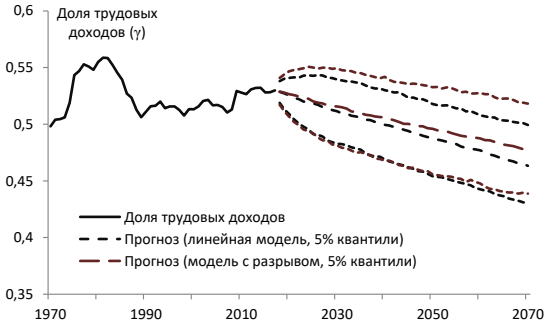

Рис. 3. Прогнозы для Франции

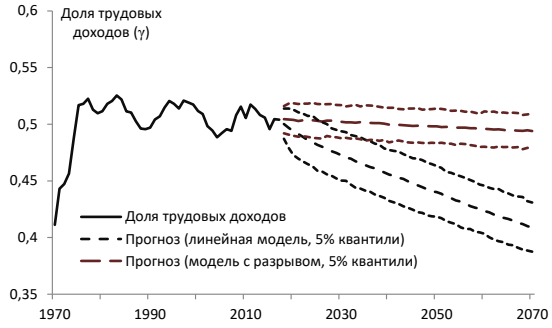

Рис. 4. Прогнозы для Японии

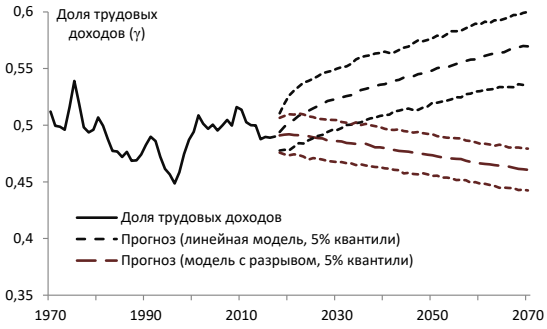

Рис. 5. Прогнозы для Великобритании

Рис. 6. Прогнозы для Италии

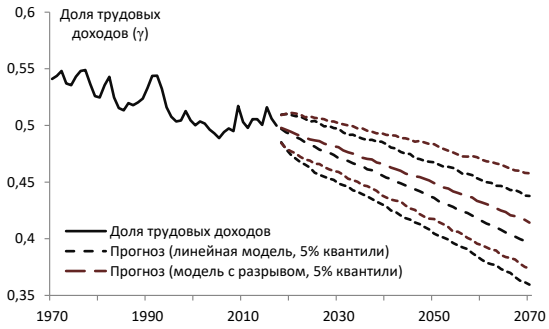

Рис. 7. Прогнозы для Канады

Список литературы:

1. Piketty, T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2014.
2. Brynjolfsson, E., McAfee, A.,. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. WW Norton & Company. 2014.
3. Freeman, R.B. Who Owns the Robots Rules the World. IZA World of Labor. 2015
4. Frey, C.B., Osborne, M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? Technol. Forecast. Soc. Change 114, pp. 254–280, 2017.
5. Berg, A., Buffie, E. F., Zanna, L. F. Should we fear the robot revolution? (The correct answer is yes). Journal of Monetary Economics, 97, pp 117-148, 2018.
6. Autor, D. Skills, education, and the rise of earnings inequality among the ‘other 99 percent.’. Science, 344, pp 843–851, 2014.
7. Atkinson, R. D., Wu, J. J. False alarmism: Technological disruption and the US labor market, 1850–2015. Information Technology & Innovation Foundation ITIF, May 2017.
8. Acemoglu, D. Labor-and capital-augmenting technical change. Journal of the European Economic Association, 1(1), pp. 1-37, 2003.
9. Acemoglu, D., Restrepo, P. The race between man and machine: Implications of technology for growth, factor shares, and employment. American Economic Review, 108(6), pp. 1488-1542, 2018.
10. Antras, P. Is the US aggregate production function Cobb-Douglas? New estimates of the elasticity of substitution. Contributions in Macroeconomics, 4(1), 2004.

Амосов Александр Ильич
доктор экономических наук, действительный член РАЕН
главный научный сотрудник
Институт экономики РАН
г. Москва
genesis1943@mail.ru

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ

Аннотация. Новая экономическая политика (НЭП) проводилась в СССР в 1920-х годах по принципу, сформулированному Лениным: «шаг вперед, два шага назад». Есть основания полагать, что и современный НЭП может быть успешно реализован лишь по принципу «шаг вперед, два шага назад». В число первоочередных задач экономической политики на современном этапе входит использование успешного мирового опыта соблюдения для всех форм собственности прав и ответственности эффективного собственника. В статье рассматриваются также задачи промышленной политики и обосновываются предложения по отдельным направлениям нового индустриального развития России.

Ключевые слова: новая экономическая политика, права, ответственность эффективного собственника, обрабатывающая промышленность

Тема конференции «новая экономическая политика для России и мира» сформулирована запредельно широко. Так широко ставили задачи лишь большевики, руководствуясь принципом «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Во времена создания СССР в условиях полной разрухи в отечественной экономике большевики провозглашали проведение политики в масштабах всей планеты. В частности, в Конституции СССР, принятой в 1924 г., говорилось следующее: «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем … новое союзное государство… послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [1].

Формулировка «новая экономическая политика» (НЭП) тоже использовалась большевиками сразу после окончания гражданской войны на фоне катастрофических последствий военного коммунизма и иных революционных новшеств. Следует подчеркнуть важную деталь: Ленин предлагал проводить новую экономическую политику по принципу «шаг вперед, два шага назад». Использование данного принципа в годы НЭПа позволило за 6 лет восстановить практически с нуля дореволюционные объемы промышленного производства. Есть основания полагать, что и современный НЭП может быть успешно реализован лишь по принципу «шаг вперед два шага назад».

Что касается опыта СССР в проведении политики для мира, то здесь ситуация следующая. В 1936 г. в результате острой внутрипартийной борьбы приняли новую конституцию. Конституция СССР 1936 г. по своему содержанию являлась уже не революционной, а государственной. В ней гораздо большее внимание уделялось интересам народа, социальным гарантиям для граждан. Из новой конституции исключили текст об ориентации на мировую революцию. Делегаты съезда ВКП(б), голосовавшие против принятия общенародной конституции, в 1937 г. были репрессированы. Все это сыграло решающую роль в обеспечении единства власти и народа перед лицом угрозы фашистской агрессии. Полного отказа от лозунга «пролетарии всех стран объединяйтесь» не происходило. Вплоть до 1943 года в качестве государственного гимна СССР использовался «Интернационал» — французский марш, посвящённый защитникам Парижской коммуны.

И лишь в 1943 г, после того как Советский Союз добился решающего перелома в войне, благодаря обеспечению полного превосходства по всем видам вооружений над Германией (вместе с оккупированными ею индустриальными странами), стало возможным и необходимым закрепление статуса второй индустриальной сверхдержавы мира принятием отечественного государственного гимна. В государственном гимне СССР (впервые официально прозвучавшем по радио на всю страну в новогоднюю ночь на 1 января 1944 г.) наше отечество называлось уже вековым союзом братских народов, сплотившихся вокруг Великой Руси.

В послевоенные годы Советский Союз стоял во главе социалистического лагеря государств, что ложилось бременем на внутреннюю экономическую политику. Сейчас, задним числом, можно сказать, что если бы Советская Армия остановилась в 1944 г. на границах СССР, то в последующие годы у нас была бы возможность расходовать гораздо больше средств на развитие сельского хозяйства, жилищного строительство, отечественного гражданского машиностроения и других отраслей. Впрочем, несмотря на это, ориентация на долгосрочные интересы своего отечества обеспечила создание лучшей в мире системы образования и воспитания новых поколений, лучшей в мире пенсионной системы и многих других достижений в развитии.

После распада СССР его достижения были утрачены еще в 1990-е годы. В настоящее время уже достигли зрелого возраста поколения, которые не помнят об экономике и о жизни во второй мировой сверхдержаве. А у старшего поколения, которое помнит достижения

Советского Союза, возникают вопросы по поводу формулировки «для России и мира». Неясно, что значит проводить новую экономическую политику для России. Это следует понимать как «для кого-то в России» или правильнее будет сказать «в интересах России»? Неясно также, что значит проводить новую политику для мира? Приносить жертвы для кого-то в мире – это мы уже проходили в СССР. Бороться за светлое будущее всего человечества? Это можно лишь приветствовать, но причем здесь экономическая политика?

В публичных высказываниях лиц, ответственных за экономическую политику в 1992 году, декларировалось: государство снимает с себя ответственность за дела в экономике, предоставляя полную свободу действию механизмов рыночного саморегулирования. Реально правительство создавало условия первоначального накопления капиталов для «узкого слоя крупных предпринимателей». Публично называлась цифра «примерно 50 предпринимателей». Декларировалось, что эти 50 крупных частных собственников станут «локомотивами развития» для всей российской экономики. В 1992-1993 годах командно-административными методами осуществили беспрецедентное по скоротечности и масштабам разгосударствление собственности и передачу частным владельцам крупных промышленных предприятий и другого общественного имущества.

Феномен незаконного обогащения при первоначальном накоплении капитала не является новостью и хорошо изучен в мировой истории. Не будет преувеличением сказать, что первоначальное накопление капитала во всех без исключения странах и на всех этапах истории осуществлялось с использованием грабительских, криминальных, коррупционных и теневых схем. Классическим примером в данном случае является использование пиратства для первоначального накопления капитала в Великобритании. Британская корона поддерживала пиратство, но после накопления первоначального капитала незаконными средствами пиратство было запрещено. Главный пират получил звание лорда, второстепенных пиратов повесили. Издали королевские Указы, по которым капиталы, накопленные пиратством, стали использоваться на укрепление могущества державы.

Более близкий для нашего времени пример можно привести по Южной Корее. Отсталая аграрная провинция Корейского государства после разрушений и огромных человеческих жертв в войне 1953 года за период сопоставимый с продолжительностью нынешних российских «рыночных реформ» превратилась в мощную индустриальную страну – одного из лидеров технологического и экономического развития. В Южной Корее сформировался, так называемый, «капитализм для своих» [2]. Под «своими» понимался узкий круг правительственных чиновников и владельцев крупных промышленных конгломератов. Военно-политическая верхушка предоставляла крупным частным собственникам инвестиционные ресурсы и гарантии по кредитам в обмен на взносы в фонд правящей партии и платежи коррупционного характера. Государственная власть Южной Кореи не подвергала владельцев крупного промышленного капитала репрессиям за использование не всегда легитимных способов формирования промышленного капитала по той причине, что никто из владельцев крупнейших промышленных компаний Южной Кореи не получал «в подарок» крупные государственные промышленные предприятия (их просто не было в стране). Практически каждый глава компании имел неоспоримые заслуги в организации успешного производства своей компании практически «с нуля». «Капитаны» южнокорейского бизнеса при поддержке правительства успешно реализовали принятые в стране пятилетние планы и национальные программы модернизации, индустриализации, импортозамещения и так далее. В результате в Южной Корее правительство и крупный бизнес поставили высокие стратегические цели и добились их реализации.

В России новые владельцы крупнейших активов промышленных компаний производством не интересовались. Никто из них не стремился стать «локомотивом» развития, в обрабатывающей промышленности произошел обвальный спад. Ситуация усугубляется тем, что при слабом государстве бизнесу позволяется уклоняться от уплаты налогов. В 1990-х годах доходы российского бюджета сократились примерно в 20 раз по

сравнению с советским периодом. Дефолт 1998 года вынудил принять меры по усилению позиций государства.

Усиление правительства позволило ему использовать нелегитимность прав собственности на активы 1990-х годов для перераспределения активов в пользу определенных банков и компаний. В 2000 г. кого-то из олигархов изгнали из страны, а с остальными было заключено неформальное соглашение. В отличие от опыта Южной Кореи, Китая, США и других стран, крупнейших российских собственников не попросили выполнять функции развития отечественного производства, расширения налогооблагаемой базы и создания рабочих мест, а лишь предложили им платить налоги по единой ставке с наемными работниками, имеющими мизерную заработную плату.

Если бы правительство потребовало от крупнейших собственников стать «локомотивами» развития и предложило владельцам компаний и банков включиться в выполнение стратегических планов и программ модернизации и импортозамещения в обрабатывающей промышленности, то при условии выполнения планов и программ, собственность владельцев крупнейших компаний стала бы легитимной. То есть, мы бы тогда пошли тем же путем, каким шли когда-то страны Запада, а во второй половине XX века и развивающиеся страны. Но в России почему-то игнорируется мировой позитивный опыт.

С научной точки зрения то, что переживает сейчас Россия, нельзя классифицировать как капитализм. Любой капитал, будь он государственный либо частный, имеет четкие экономические функции. Если это капитал, то он должен приумножаться, участвуя в воспроизводстве основных фондов или в обороте денежных средств. Если же вместо этого приумножаются лишь личные состояния, то нет ни капитала, ни капитализма.

В начале «перестройки» выдвигались идеи перехода к смешанной экономике, в которой бы частная собственность сочеталась с государственной. Практика показала, что внутри государственных корпораций, в которых 51% акций принадлежит государству, а остальные поделены между частными лицами, приоритет отдается интересам пополнения доходов узкого круга частных владельцев крупных пакетов акций. Это дает основание полагать, что государственная собственность не должна быть акционерной. Как только государственная компания становится акционерной, государственная собственность перерождается в частную. Подобное свойство акционерной собственности явление не новое. Еще Адам Смит писал о хищническом характере Ост-Индской акционерной компании. Маркс и Энгельс в Коммунистическом манифесте предупреждали, что при смешении частных и государственных интересов государственная собственность становится «апофеозом частной собственности». Отдельная компания должна находиться, либо в государственной, либо в корпоративной или частной собственности. При этом в целом по экономике должна сохраняться высокая степень разнообразия видов государственных и частных компаний, предприятий и организаций.

На стадии индустриального развития предприятия всех форм собственности работают на рынки для массовых потребителей. Производство товаров и услуги для массовых потребителей приобретает общенациональный общественный характер. Управление предприятиями, находящимися в частной собственности, уже перестает быть только частным делом их владельцев. В этой связи во всех развитых индустриальных странах созданы дееспособные институты государственного регулирования деятельности малых, средних и крупных предприятий. Ключевую роль в государственном регулировании играет ориентация крупных предприятий и организаций на соблюдение общенациональных, общественных интересов. В США и в других странах еще в 1930-х годах в законодательство было введен «комплекс прав и ответственности эффективного собственника». В соответствии с мировой практикой перед Россией стоит задача введения подобных законодательных ограничений прав частной собственности и установления жесткого контроля над целевым использованием имущества и денежных средств фирм и корпораций независимо от формы собственности.

Советскому Союзу для перехода от полной разрухи в экономике к созданию второй сверхдержавы мира потребовался 21 год. Российская Федерация была исключена статистикой ООН из числа индустриально развитых стран уже в 1993 г., то есть всего через 2 года после распада СССР. В настоящее время оценить состояние отечественной обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и других отраслей по статистическим данным практически невозможно по ряду причин. Во-первых, предприятия и организации сейчас не обязаны представлять отчетность в статистические органы. Статистика сейчас получает сведения об объемах производства методом опросов.

Во-вторых, в 2005 году статистика в разрезе отраслей была отменена. Из статистических ежегодников убрали показатели по промышленности, машиностроению, и многим другим отраслям. Электроэнергетику объединили с канализацией, а сельское хозяйство с охотой, рыболовством, лесным хозяйством и так далее.

В третьих, число предприятий сейчас стало произвольной величиной. В сельском хозяйстве двадцать с лишним тысяч колхозов и совхозов преобразовались в более чем в 130 тысяч сельскохозяйственных организаций. В торговле небольшое число больших сетевых торговых компаний для ухода от налогообложения перерегистрировались в 5 миллионов индивидуальных предпринимателей без юридического лица.

В подобных условиях для анализа статистики надо проводить не исследование, а расследование. В кратком докладе я ограничусь одной небольшой таблицей, в которой статистика по отраслям за 1990 г. совмещена со статистикой по видам деятельности за 2008 г. Мной выбран 2008 г. поскольку это последний год положительных темпов восстановительного роста 2000 –х годов, после которого экономика уже 10 лет переживает кризисные явления. При этом статистика в предвыборные годы вдруг неожиданно находит какие-то «успехи», а затем, после очередной майской инаугурации столь же неожиданно статистика фиксирует продолжение суженного воспроизводства. Использование данных на момент 2008 г. вполне правомерно, поскольку этот год стал пиком восстановительного роста по отношению к спаду, произошедшему в 1990 –х годах. За последующие 10 лет ситуация в экономике лишь ухудшилась, тенденции, показанные в таблице, остались прежними.

Распределение населения, занятого в экономике по видам деятельности и отраслям

	1990		2008	
	млн. чел.	%	млн. чел.	%
Всего занятых	74,4	100	68,5	100
в том числе:				
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	10,0	13,4	6,7	9,8
промышленность	23,6	31,7	14,1	20,6
строительство	8,2	11,1	5,5	8,0
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	5,9	7,9	12,0	17,6
транспорт и связь	5,9	7,9	5,5	8,0
образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг	14,5	19,5	10,6	15,5
финансовая деятельность и операции с недвижимым имуществом, аренда, предоставление коммунальных и прочих				

социальных услуг	4,6	6,2	10,3	15,1
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	1,7	2,3	3,7	5,4

Источники: Рассчитано по данным статежегодников Народное хозяйство РСФСР в 1990г. – М.: Госкомстат РСФСР, с.108-109. **Российский** статистический ежегодник. 2009: Стат.сб./Росстат. М., 2009, с 136

Согласно данным приведенной выше таблицы общее число занятых в экономике страны в 1991-2008 годах уменьшилось на 8%. При этом занятость в ключевых производствах промышленности, сельского, лесного хозяйства и других отраслей сократилась в разы, торговле, финансах и управлении увеличилась в разы. В таблице это в определенной мере вуалируется объединением разнородных видов деятельности, но в целом данная тенденция просматривается. По данным таблицы число работников промышленности и строительства в 1991-2008 годах сократилось на 12,2 млн. чел., что составляет 38,4% к численности 1990 года. Такое большое сокращение не связано с позитивными переменами типа повышения удельного веса высококвалифицированных работников. Напротив, за долгие 4 пятилетки «перехода к рынку» обрабатывающая промышленность и строительство лишились большей части высококвалифицированных и квалифицированных работников, подготовленных советской системой высшего и среднего профессионального образования. Им на смену не подготовили молодые кадры. Сферу НИОКР при приватизации уменьшили до незначительных размеров. Отечественное машиностроение, включая вполне конкурентоспособные предприятия, разрушили. А это означает, что без работы остались или выехали за границу высококвалифицированные работники спецметаллургии, микроэлектроники, тонких химических производств и так далее. В металлургии и химической промышленности выжили в основном производства первого передела, производящие продукцию первого передела на экспорт. В массовом строительстве в целях «экономии на зарплате» имевших профессиональную подготовку отечественных рабочих заменили малоквалифицированными «гастарбайтерами».

В базовом 1990 году число занятых в сельском хозяйстве РСФСР (самой большой республики СССР, включавшей и трудоизбыточные регионы), было относительно небольшим – 10 млн. чел. [1] Уменьшение числа занятых в сельском и лесном хозяйстве на 3,3 млн. чел. в 1991-2008 годах связано со свертыванием производства по индустриальным технологиям в бывших колхозах и совхозах, а также в лесном хозяйстве. Создание относительно небольшого числа агрохолдинговых компаний и фермерских хозяйств не компенсировало сокращение работников ликвидированных колхозов и совхозов.

К растущим отраслям в России в 1991-2008 годах относились оптовая и розничная торговля вместе с ремонтом автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, где число занятых увеличилось с 5.9 млн. чел. до 12 млн. чел., то есть в 2 раза. С 4,6 млн. чел до 10,3 млн. чел возросла занятость финансовой деятельностью и операциями с недвижимым имуществом, арендой, предоставлением коммунальных и прочих социальных услуг. В 2 с лишним раза возросло число чиновников и военнослужащих. Если учесть, что армия сократилась, то аппарат государственного управления возрос в наибольшей степени по сравнению с другими видами деятельности. На транспорте и в связи занятость уменьшилась на 0,4 млн. чел. В образовании,

[1]При сравнении этой цифры с 3 млн. фермеров, «кормивших» США, следует к 3 млн. фермеров добавить миллионы наемных работников и членов семей фермеров, выполняющих работы на ферме. Кроме того, следует учитывать, что фермеров США обслуживают свыше 10 миллионов работников разнообразных организаций, занимающихся транспортировкой фермерской продукции, ремонтом техники, ветеринарным обслуживанием, защитой растений и так далее.

здравоохранении, предоставлении социальных услуг число работников уменьшилось на 4 млн. чел.

В целом складывается следующая картина. Число людей, производящих товары, капитальные блага и жизненно необходимые услуги уменьшилось в 1991-2008 годах на 19,8 млн. чел. Одновременно на 13,8 млн. чел. увеличилось число тех, кто не производит товаров и не создает капитальных благ, а получает доходы от торговли, от операций с недвижимостью, от финансовых спекуляций и от управления.

Благоприятная финансовая ситуация в 2000-2008 годах никак не повлияла на решение проблемы рационального использования природной ренты. Правительство, имея в течение 9 лет средства для прямого участия в обновлении технологической структуры экономики, приняло беспрецедентное для мировой практики решение – направить на вклады в зарубежные банки бюджетные деньги, то есть деньги налогоплательщиков, полученные за счет природной ренты. Не лучшим образом распорядились попавшей в их руки природной рентой и частные экспортеры.

При негативной ситуации с развитием отраслей невозможно ожидать положительных изменений для отдельных территорий. Наибольшая часть финансов страны сосредоточена в Москве, поэтому для краткости мы ограничимся анализом ситуации в самом богатом субъекте федерации. В 1989 году в промышленности Москвы было занято свыше 1 млн. работников. Три тысячи предприятий давали продукции на 100 млрд. советских рублей в год. В 1992 г. по числу работников промышленность занимала первое место в структуре экономики г. Москвы. В ней было занято 21,9% от общего числа занятых в экономике города. На втором месте по числу работников находилась наука и научное обслуживание (16,8%), на третьем месте – строительство (13,3%). Важное место в экономике города занимали образование, культура и искусство (10,3%), здравоохранение, физкультура и спорт, социальное обеспечение (6% занятых). Все это позволяло говорить о Москве как мощном современном индустриально-научном центре с развитой образовательной и социальной сферой.

Уже в 1992 г. около 500 промышленных предприятий в г. Москве были закрыты. В дальнейшие годы в связи с организацией тысяч малых предприятий показатель числа предприятий стал несопоставимым с дореформенным периодом. В целом по крупным и средним предприятиям и организациям численность промышленно-производственного персонала уменьшилась за период 1992-2003 гг. в 2,1 раза. В машиностроении и металлообработке снижение численности составило почти 3 раза, в легкой промышленности в 3,9 раза. На машиностроение и металлообработку в 1992 г. приходилось 57,8% промышленно-производственного персонала крупных и средних предприятий промышленности Москвы, на легкую промышленность – 12%, на пищевую – 7,5%. Всего удельный вес трех названных отраслей составлял – 77,3%. В начале XXI века удельный вес машиностроения и металлообработки, а также легкой промышленности в численности промышленно-производственного персонала снизился. Повысилась доля электроэнергетики и пищевой промышленности. Точный расчет показателей не имеет смысла потому, что изменился состав производств, включаемых статистикой в агрегированные виды деятельности.

В 2008 г. Институт экономики РАН был головным в разработке Стратегии развития города Москвы на период до 2025 года. Автор участвовал в подготовке раздела по промышленности и науке в г. Москве. Приведу несколько цифр по изменению структуры экономики Москвы. В 1992 г. промышленность г. Москвы получала прибыли в 6 раз больше, чем вместе взятые торговля, бытовое обслуживание, банки и страховые организации. В 1993-2002 гг. ситуация радикально изменилась. В 2002 г. торговля и общественное питание без банков и страховых компаний получали уже в 1,4 раза больше прибыли, чем промышленность. В 2003 г. только финансовая деятельность давала прибыли в 4,4 раза больше, чем обрабатывающие производства. В 2006 г. прибыль от операций с недвижимостью и аренды в 2,3 раза превышала прибыль от обрабатывающих производств.

Из приведенных данных видно, что экономика г. Москвы, как впрочем и России, трансформировалась таким образом, что основная масса прибыли стала поступать от торговли, от финансовых операций, от аренды недвижимости и от других подобных источников, а не от промышленности. В данной ситуации наукоемкая промышленность и наука стали «лишними» в столице и в стране.

Возникает вопрос: если занятость в сфере производства товаров столь существенно сократилась, то непонятно за счет каких ресурсов можно так масштабно расширить торговлю, сферу управления и финансовые операции. Коротко говоря, ответ на этот вопрос состоит в том, что во времена СССР значительная часть промышленности не производила товаров, и далеко не все строительство создавало объекты для экономики. Миллионы работников машиностроения и других отраслей экономики трудились на многочисленных и разнообразных производствах оборонно-промышленного комплекса.

Во времена горбачевской «перестройки» бесконтрольность в расходовании бюджетных денег привела к тому, что достаточно большие средства, выделяемые на конверсию, бесследно исчезли в недрах военно-промышленного комплекса. Одним из первых постановлений постсоветского правительства была отмена бюджетного финансирования предприятий оборонно-промышленного комплекса. Высвободившиеся финансовые ресурсы и прокручиваются в интересах сырьевых монополий, торговли, банков, разбухшего аппарата чиновников и т.д.

При сокращении внутренних рынков средств производства и потребительских товаров в России ставится цель увеличить объемы экспорта. В этой связи целесообразно рассмотреть реальные тенденции внешнеэкономических связей. В 1990г. экспорт с территории РСФСР составлял 71,1 млрд. долл., а импорт – 81,8 млрд. долл. Причем в этот импорт не входил ввоз из союзных республик. Через 5 лет в 1995 г. экспорт Российской Федерации достиг сопоставимого с дореформенным уровня, и составил 78,2 млрд. долл., однако импорт сократился более чем вдвое – 46,7 млрд. долл. с учетом ввоза из стран СНГ. Это означает, что большая часть природной ренты от экспорта перестала быть источником финансирования импорта.

Сокращение импорта в долларах российские потребители не ощущают, поскольку при девальвации рубля внутренние цены на импортные товары возрастают. При этом произошло резкое увеличение доли импортных товаров на российском рынке. Импорт продовольствия, одежды, обуви, лекарств, хозяйственных товаров, мебели, бытовой техники, электроники, мебели, строительных материалов, машин и оборудования, а также множества других товаров играет в настоящее время в России такую гипертрофированно большую роль, какая характерна лишь для стран – сырьевых придатков мирового рынка. Сокращение занятости привело к высокой безработице, с ним связано и такое негативное явление, как уменьшение численности населения.

Захват российского рынка зарубежными корпорациями сопровождается утратой отечественных технологий. Так, российская космическая корпорация лишилась конкурентоспособной макротехнологии по пилотируемым космическим станциям. Мы «погрузились» в соответствующий американский космический проект. При этом средства, полученные от США, не играют существенной роли и не позволяют заниматься развитием российской космической промышленности. Аналогичная ситуация с утратой собственных производств произошла в отечественном автомобилестроении и авиастроении, в химической промышленности и в других высокотехнологичных производствах.

Россия не получает от зарубежных фирм инновационных технологий ни в обрабатывающей промышленности, ни в добывающей. Не сбываются и надежды на массовый импорт новой техники, машин и оборудования для возмещения выбытия и обновления технологической структуры. И это не случайно. Зарубежные инвесторы получают бюджетную поддержку для инноваций, для разработки и освоения новых технологий. Поэтому они не только не заинтересованы передавать новые технологии России,

пока они не устареют, но и ограничены в этом государственным законодательством по промышленной политике.

Во всех развитых странах отработаны процедуры бюджетной поддержки долгосрочных целевых программ и проектов. В России эти процедуры находятся в зачаточном состоянии. Масштабы бюджета России при переходе к сырьевой экономике сократились, но они достаточны для высокорентабельных и быстро окупаемых инвестиций в обрабатывающую промышленность. В нынешней России высокорентабельные и быстро окупаемые производства проданы зарубежным фирмам. Это тупиковая политика.

В СССР в условиях государственной монополии на экспорт энергоносителей и сырья природная рента направлялась в бюджет страны. К этой практике следует вернуться. Целесообразно также использовать опыт США по законодательному регулированию использования бюджетных средств в оборонно-промышленном комплексе. В частности, по примеру США обязать оборонные ведомства безвозмездно передавать результаты НИОКР, выполненных за бюджетные деньги, в гражданскую электронику, тонкую химию, спецметаллургию и так далее.

Важно также по примеру Швеции и Финляндии ввести стратегическое планирование в лесном хозяйстве и в переработке древесины. Принять по примеру развитых стран долгосрочную стратегию массового жилищного строительства. Поддерживать инфраструктурные проекты, развивать отечественное машиностроение, фармацевтическую промышленность, биотехнологии. Направлять средства на инновации по медицинской технике, связи и широкому кругу других направлений.

Перед российской промышленностью более остро, (можно сказать критически) стоит проблема конкурентоспособности на внутреннем рынке, чем на мировом. Кроме того, очень важно обеспечить конкурентоспособность российской продукции на региональных рынках. По примеру Китая, Турции, Словакии, Бразилии в России необходимо создавать заново свои мощные фирмы с наукоемким и высокотехнологичным производством. Нам нужно своими силами выполнять многомиллиардные проекты в машиностроении. Выполнение НИОКР для подобных проектов требует бюджетной поддержки. В этой связи следует восстановить налоговую систему СССР, которая позволяла перераспределять прибыль от высокорентабельных видов деятельности в пользу масштабных и низкорентабельных проектов.

По примеру зарубежных конкурентов в России должны быть созданы мощные фирмы по всем отраслям обрабатывающей промышленности, ориентированные на завоевание в первую очередь емкого рынка России и государств, входивших прежде в единый рынок СССР, бывших социалистических стран, а также в зону влияния бывшей великой державы. Занятость в обрабатывающей промышленности (вместе с инновационной системой и промышленными услугами) целесообразно существенно повысить. Вместе с ростом промышленного производства это послужит основой для расширения налоговой базы страны, роста стабильных доходов бюджета, не зависящих от конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

Что касается добывающей промышленности, то здесь задача заключается в том, чтобы при повышении технологического уровня в получении сырья, углублять его переработку. Чтобы вернуться в число стран-лидеров технологического и социально-экономического развития, надо стремиться не к наращиванию добычи и экспорта сырой нефти, газа, других полезных ископаемых, а к увеличению числа перерабатывающих производств и к расширению рынков продукции высоких переделов. Это будет способствовать решению проблем занятости и многократного расширения налогооблагаемой базы страны.

Список литературы:

1. Конституция 1924 г Текст http://www.greatflags.su/dokumentyi/konstitutsiya-sssr-1924-goda-tekst.html
2. Волков В. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции // Вопросы экономики, 2010, №8, с. 4-27.

Анисимова Галина Владимировна
кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики РАН
г. Москва
anisimovagalina@bk.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ИЗБЫТОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Аннотация. В статье показано, что за последние 30 лет проблема неравенства стала очень актуальной проблемой. Процесс углубления экономического неравенства характерен и для современной России. В 2011-2013 гг. Россия вошла в зону избыточного неравенства на фоне сформировавшихся крайне негативных тенденций - роста численности бедных, замедления роста реальных доходов населения, ВВП, а также сбережений и инвестиций. Для их преодоления необходима активная перераспределительная государственная политика.

Ключевые слова: неравенство, государственная политика, налоги

За последние 30 лет проблема неравенства стала особенно значимой общемировой проблемой. Не случайно вопросы социально-экономического неравенства и его пределов сегодня привлекают все большее внимание исследователей многих стран мира. Действительно, проблема неравенства сказывается не только на торможении экономического роста, но является потенциальным источником социальных конфликтов. Этой проблемой занимаются представители многих социальных наук. Особое значение в исследовании вопросов неравенства имеет политическая экономия. Сегодня проблема неравенства для политической экономии стала центральной как в свое время проблема классов и классового противостояния в распределении богатства занимала аналогичное место в классической политической экономии.

Джозеф Стиглиц (Нобелевский лауреат по экономике) в своей книге «Цена неравенства» прямо пишет: «Неравенство есть причины и следствие провалов политической системы, и именно оно ведет к росту нестабильности нашей экономической системы» [13, С.36]. И в другом месте: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость» [13, С.38]. Фундаментальным противоречием капитализма назвал неравенство и Т. Пикетти в переведенной на русский язык книге «Капитал в XXI веке»: «Неравенство… означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство отражает фундаментальное логическое противоречие» [8, С.585. Таким образом, проблема неравенства в настоящее время заняла, пожалуй, первое место в мировой экономической теории.

Как показывают современные научные исследования, рост неравенства в последние десятилетия происходит во многих странах, независимо от уровней их экономического развития и, несмотря на некоторое сокращение масштабов крайней нищеты. Небольшая группа мировой элиты концентрирует в своих руках все больший объем глобального богатства. Особенно стала острой проблема 1 процента богатейшего населения мира, на долю которого в 2018 г. пришлось почти 50% всего мирового богатства (47,2%). В 2012 г. эта доля составляла 45,8% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Доля богатства страны, сосредоточенная у наиболее богатых групп населения

Страны	2012 год		2018 год		Количество долларовых миллионеров 2018 год (тыс. чел.)
	10%	1%	10%	1%	
Австрия			60,9	28,1	229
Великобритания	53,0	22,2	59,4	24,6	2433
Германия	60,7	27,3	64,8	29,5	2183
Дания	55,0	22,6	65,6	28,3	243
Нидерланды	63,8	27,8	55,3	23,2	477
Норвегия	66,0	28,3	63,7	30,5	185
Россия	**87,6**	**70,9**	**81,8**	**57,1**	**172**
Франция	62,7	25,5	53,1	20,6	2147
Швейцария	72,0	35,2	65,5	28,7	725
Швеция	71,5	30,6	74,9	36,7	348
Весь мир	**86,0**	**45,8**	**84,8**	**47,2**	**42156**

Источники: [14, p. 150; 15, p. 156; 16, p. 36].

Процесс углубления экономического неравенства характерен и для современной России. Динамика коэффициента Джини, который характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения, за период 1992-2018 гг. в России вырос с 0,289 до 0,411. Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), характеризуя степень социального расслоения и являясь наиболее выразительным показателем, позволяет наиболее четко оценить состояние доходов групп населения, находящихся на краях распределения — бедных и богатых. Учитывая, что за период 1992-2018 гг. значение коэффициента фондов выросло почти в два раза и к 2019 г. доходы наиболее обеспеченного населения превысили доходы наименее обеспеченного в 15,5 раз [11, С.130; 9], то следует сделать вывод о переходе дифференциации доходов в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства, несущие угрозу социальной стабильности общества. Более того, в 2011-2013 гг. Россия вошла в зону избыточного неравенства на фоне сформировавшихся крайне негативных тенденций - роста численности бедных, замедления роста реальных доходов населения, ВВП, а также сбережений и инвестиций. Неравенство в российском обществе следует рассматривать как избыточное, которое снижая внутренний спрос на товары массового потребления, является тормозом экономического роста [1].

Либеральные экономисты именно в неравенстве видят основу экономического развития. Так, Людвиг фон Мизес пишет: «Неравенство доходов и богатства свойственно рыночной экономике. Его устранение полностью разрушило бы рыночную экономику». Неравенство, согласно либеральному подходу способствует росту сбережений, а, следовательно, и инвестиций в развитие экономики. «В системе неравенства эгоизм побуждает человека экономить и всегда инвестировать свои сбережения так, чтобы наилучшим образом удовлетворять наиболее насущные нужды потребителей. В системе равенства этот мотив исчезает». И еще: «Даже тот, кто смотрит на неравенство богатства и доходов как на факт, достойный сожаления, не может отрицать, что он стимулирует прогрессирующее накопление капитала. А именно дополнительное накопление капитала только и является причиной совершенствования технологий, повышения ставок заработной

платы и более высокого уровня жизни» [6, С.788, 796, 798]. Не случайно либеральные экономисты активно выступают против государственного регулирования уровня неравенства. Такова логика экономического либерализма.

Однако эту позицию разделяют далеко не все исследователи. Социальные и демократические исследователи считают совсем наоборот. По мнению чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга «проповедь неравенства стала материальной силой, которая отвергая перераспределительную политику, размывает основу общества – демократию и средний класс» [7, С.39]. Как отмечает американский исследователь Дэнни Дорлинг «Рынки начинают разваливаться, как только некоторые его участники получают больший стартовый капитал, чем остальные, или в процессе накапливают больше средств. Чем менее равны условия на рынке, тем менее эффективен он будет». И далее: «Рынки неэффективны там, где некоторые люди богаты, а большинство бедно» [4, С.182, 183]. Есть и более радикальное мнение. По мнению доктора Рудольфа Трауб-Мерца руководителя Фонда им. Фридриха Эберта в России именно «сокращение неравенства становится инструментом политики экономического роста» [7, С.14].

Избыточное социально-экономическое неравенство раскалывает страну на несколько частей, которые перестают понимать друг друга. Особенно это опасно тем, что в «страну» богатых и очень богатых, а также высоко обеспеченных фактически входит политическая элита, которая не хочет знать, как живет и выживает большинство населения, как живет «страна» бедняков, доходы и потребление которых не достигают даже прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне.

Как показывают данные, темпы роста заработной платы чиновников существенно обгоняют среднероссийские показатели (таблица 2). За период среднемесячная начисленная заработная плата работников в среднем по полному кругу организаций выросла в 1,9 раза, при этом зарплата в Администрация Президента и Государственной Думе увеличилась в 2,5 раза, в Совете Федерации – в 2,95 раз.

Таблица 2

Среднемесячная начисленная заработная плата работников государственных органов (руб.)

	2009	2013	2014	2015	2016
по полному кругу организаций в целом по экономике	18638	29792	32495	34030.	36709
В федеральных государственных органах	58200	98400	109100	111300	115700
из них в органах:					
законодательной власти	60200	107300	111000	150000	162600
исполнительной власти	55900	90600	111300	99300	104400
судебной власти и прокуратуры	57200	87400	106900	107100	107300
Администрация Президента Российской Федерации	86237	230783	232375	217179	218648
Совет Федерации Федерального Собрания РФ	59603	115058	122293	173933	176149
Государственная Дума Федерального Собрания РФ	60495	103053	104800	136975	154848

Источник: [12].

Поляризация доходов населения и социальный разлом общества является наиболее опасным социально-экономическим результатом реформ, так как «две России» различаются не только уровнем материальной обеспеченности, но у них появляются разные системы ценностей и приоритетов, разные предпочтения и потребительский спрос. Для них характерны разные мотивации и стереотипы общественного поведения.

Все это хорошо видно на процессах внутрикорпоративного неравенства. Современные мировые тенденции в крупных капиталистических корпорациях свидетельствуют, что наибольшие доходы получают не собственники (акционеры), а наемные управляющие (топ-менеджеры). Наемный персонал раскалывается на «привилегированное ядро», в состав которого входят менеджмент, специалисты и периферию, куда выталкивается остальная часть персонала [2, 3].

О чрезмерном внутрикорпоративном неравенстве оплаты труда свидетельствуют и данные официально публикуемой отчетности крупнейших российских компаний, на основе которых рассчитан индекс «корпоративной несправедливости», представляющий собой отношение размера выплат ключевому руководству компаний к величине зарплат остальных сотрудников (табл. 3).

Таблица 3

Неравенство среднегодовых доходов топ-менеджеров и зарплат сотрудников компаний (млн. руб.)

Компания	Индекс «корпоративной несправедливости»	Число членов Правления	Среднегодовой доход членов Правления (млн. руб.)	Зарплата сотрудников (млн. руб.)
2011 год				
Сбербанк	130,3	14	70,34	0,54
Газпром	62,5	17	44,41*	0,71
РЖД	119,4	24	41,78	0,35
Аэрофлот	26,4	13	22,43	0,85
2016				
Сбербанк	332,6	12	299,3	0,9
Газпром	84,8	17	144,1	1,7
РЖД	166,3	23	99,8	0,6
Аэрофлот	90,7	11	54,4	0,6

Среднегодовой доход членов Совета директоров и Правления

Рассчитано по: [5, 10].

Как видим, внутрикорпоративная дифференциация доходов достигает сотни раз. При этом разрыв в уровнях доходов увеличивается. Так в Сбербанке если средний годовой доход члена Правления в 2011 г. превышал заработок рядового сотрудника в 130 раз, то в 2016 г. – уже более, чем в 300 раз. Это не удивительно. За период 2011-2016 г. зарплаты рядовых работников выросли в 1,7 раза, а доходы членов Правления – более, чем в 4 раза. Подобную тенденцию демонстрируют и другие компании. Сегодня доходы самого верхнего слоя топ-менеджеров даже госкорпораций стали предметом пристального внимания не только федеральных СМИ, но и правоохранительных органов.

Социально-экономическая дифференциация сопровождающейся массовой маргинализацией населения является важнейшим фактором системной общественной и государственной неустойчивости. В российских условиях ориентация на дешевую рабочую силу есть тупиковый путь, который дает лишь краткосрочный эффект, но одновременно приводит к ухудшению использования человеческого потенциала, научно-техническому отставанию страны от стран с передовой технологией. С одной стороны, дорогостоящая модернизация производства не может конкурировать с дешевым трудом. С другой стороны, низкооплачиваемый работник не может обеспечить эффективной работы современного высокотехнологичного оборудования. «Новые бедные» или «работающие бедняки» есть свидетельство нежизнеспособности общества, невозможности воспроизводства трудового потенциала.

В экономически развитых странах уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на смягчение экономического неравенства между различными доходными группами населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов (табл. 4).

Таблица 4

Воздействие социального регулирования на уровень неравенства в экономически развитых странах

	середина 1970-х гг.	середина 1980-х гг.	начало 1990 гг.	середина 1990-х гг.	начало 2000 гг.	2005-е гг.	2010-е гг.
коэффициент Джини до уплаты налогов и трансфертов							
США	0,406	0,436	0,450	0,477	0,476	0,486	0,486
Швеция	0,389	0,404	0,408	0,438	0,446	0,432	0,426
Канада	0,385	0,395	0,403	0,430	0,440	0,436	0,441
Великобритания	0,338	0,419	0,439	0,453	0,458	0,445	0,456
Нидерланды	0,426	0,473	0,474	0,484	0,424	0,426	0,426
коэффициент Джини после уплаты и трансфертов							
США	0,316	0,337	0,348	0,361	0,357	0,380	0,378
Швеция	0,212	0,198	0,209	0,211	0,243	0,234	0,259
Канада	0,304	0,293	0,287	0,289	0,318	0,317	0,324
Великобритания	0,268	0,309	0,354	0,336	0,351	0,331	0,345
Нидерланды	0,263	0,272	0,292	0,297	0,292	0,284	0,294

Источник: [17]

В большинстве стран в качестве механизма экономической политики, смягчающего дифференциацию личных доходов, применяют следующие средства:

- необлагаемый вычет из среднегодового заработка, работающего (который соотносится с принятым минимальным уровнем заработной платы или с прожиточным минимумом);
- пропорциональное налогообложение с минимальной ставкой (10-30%), а в случае прогрессивного налогообложения – с максимальной ставкой налога (40-50% и более);
- прямые выплаты социально уязвимым слоям населения.

Основной путь экономической политики корректировки распределительных механизмов - это механизмы перераспределения доходов в системе «налогообложение - социальные льготы». Необходимым условием функционирования национальных систем распределения доходов считается применение прогрессивной шкалы налогов. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку налогов на личные доходы в размере 13%. Применение единого налога, по сути, представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

В отличие от России в большинстве стран действуют прогрессивные шкалы налогообложения доходов физических лиц, а в ряде из них с минимальных доходов налоги не берутся (Швеция). В Бразилии и Индии минимальный налог ниже, чем в России (7,5-10%). В то же время наиболее состоятельные граждане платят высокие налоги. Особенно это касается Швеции (57%), Германии (45%) и США (35%) [18].

Когда высокие заработки облагаются прогрессивным налогом и налоговые поступления используются не для прямых трансфертов бедным, а для повышения низких зарплат, то при избыточном экономическом неравенстве государство может, используя такую политику, повысить общую продуктивность экономики.

Российская действительность не подтверждает либеральную экономическую концепцию, согласно которой большее неравенство ведет к увеличению сбережений, перетекающих далее в инвестиции, что вызывает дополнительный рост экономики.

К сожалению, в России проблема социально-экономического неравенства не находит никакого отражения ни в одной государственной программе, даже в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года отсутствуют прогнозы показателей неравенства и меры по его регулированию. В основном внимание властей направлено на решение проблемы бедности, что конечно, важно, учитывая ее масштабы. Как показывает опыт развитых демократических стран, без активной перераспределительной государственной политики экономический рост не приводит к снижению масштабов неравенства и бедности. Более того, рост неравенства сдерживает экономическое развитие за счет сокращения сбережений у основной массы населения, потребительского спроса и инвестиций.

Список литературы:

1. Анисимова Г.В,. Воейков М.И. Политическая экономия равенства и неравенства. М.: ИЭ РАН. 2016. – 47 с.
2. Анисимова Г.В., Соболев Э.Н. О стратегии менеджмента в области оплаты труда на российских предприятиях // Человек и труд. 2010. №1. - С. 32-36.
3. Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В. Природа, факторы и социальные аспекты внутрикорпоративного неравенства в России // Вестник РГНФ. 2012. №3(68). - С. 43-51;
4. Дорлинг Д. Равенство.М.: Книжный Клуб Книговек. 2014.– 224 с.
5. Кому жить хорошо: рэнкинг корпоративной несправедливости: [сайт]. URL: http://slon.ru/economics/komu_zhit_khorosho_rengking_korporativnoy_nespravedlivosti-698190.xhtml
6. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика. 2000.– 875 с.
7. Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция. 2014. - 406 с.
8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. - 592 с.
9. Распределение общего объёма денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (Обновлено 30.04.2019).
10. Сколько получают главы госкомпаний // https://www.kommersant.ru/doc/3219551;
11. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России. 2002. - 453 с.
12. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике РФ в 1991-2017 гг. URL: //http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
13. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. - 510 с.
14. Global Wealth Databook [Текст] / Switzerland: Credit Suisse AG. 2012. – 160 p.
15. Global Wealth Databook [Текст] / Switzerland: Credit Suisse AG. 2018. – 167 p.
16. Global Wealth Report [Текст] / Switzerland: Credit Suisse AG. 2018. – 60 p
17. Income Distribution and Poverty: by country - OECD Stat. URL: // http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=66670
18. Tax Rates Around the World 2018. URL: http://www.worldwide-tax.com

Баранов Александр Сергеевич
Экономист
Центр развития программно-целевого управления
Всероссийская академия внешней торговли
г. Москва
baranov.a.s@my.mgimo.ru

НИЗКАЯ ИНФЛЯЦИЯ КАК СДЕРЖИВАЮЩИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация. В последние три года одна из ключевых целей российской экономической политики является сдерживание инфляции. С инфляцией справиться удалось, однако, данный результат достигнут в результате борьбы с инфляцией монетарными способами, т.е. с инфляцией спроса (потребительского и инвестиционного), а немонетарные факторы в этой борьбе фактически не рассматриваются. Это имеет прямое влияние на экономический рост и развитие экономики.

Ключевые слова: инфляция, экономический рост, монетарная инфляция, немонетарная инфляция.

В последние три года одна из ключевых целей российской экономической политики является сдерживание инфляции.

В 2015 г. уровень инфляции составлял 12,9%, а в 2018 г. уже 4%, что соответствовало целям, постулируемым Центральным банком Российской Федерации (далее ЦБ РФ) (правда, в 2019 г. она, видимо, будет не меньше 5%) (см. Рис 1).

Однако, данный результат достигнут в результате борьбы с инфляцией монетарными способами, т.е. с инфляцией спроса (потребительского и инвестиционного), а немонетарные факторы в этой борьбе фактически не рассматриваются. Это имеет прямое влияние на экономический рост и развитие экономики.

Инфляция и темпы экономического роста

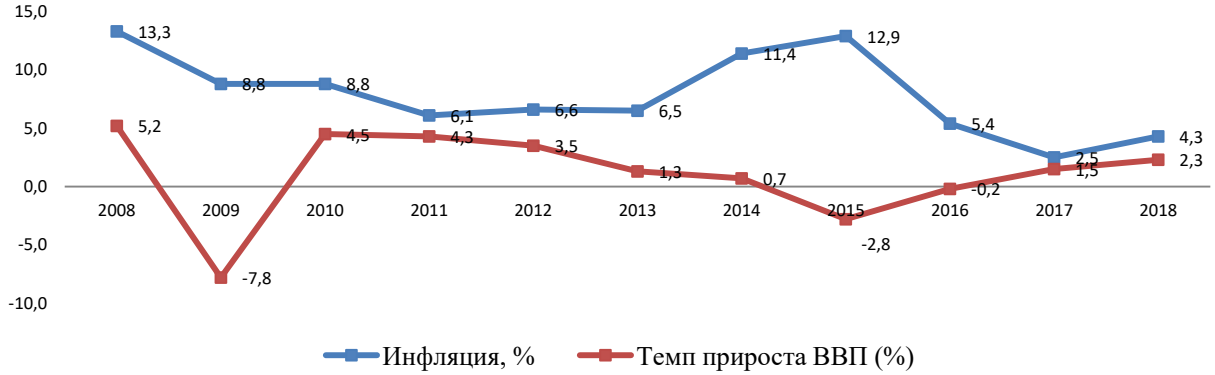

Рис. 1

Экономический рост: за 10 лет с 2008 по 2018 гг. экономика РФ выросла на 8%, тогда как рост в странах по миру в среднем за тот же период составил 47%.

Необходимо вспомнить, что в 2015 г. ЦБ РФ поднял ставку до 17%. На данный момент ставка составляет 7%, а инфляция приблизилась к таргету [1]. По факту ЦБ РФ добился снижения инфляции замедлением роста экономики страны, так как размер ставки напрямую влияет на скорость оборота денежной массы и доступность кредитования для физических и юридических лиц.

Двойную угрозу для экономики данный тренд несет еще и в том аспекте, что борьба с немонетарной инфляцией осуществляется монетарными методами.

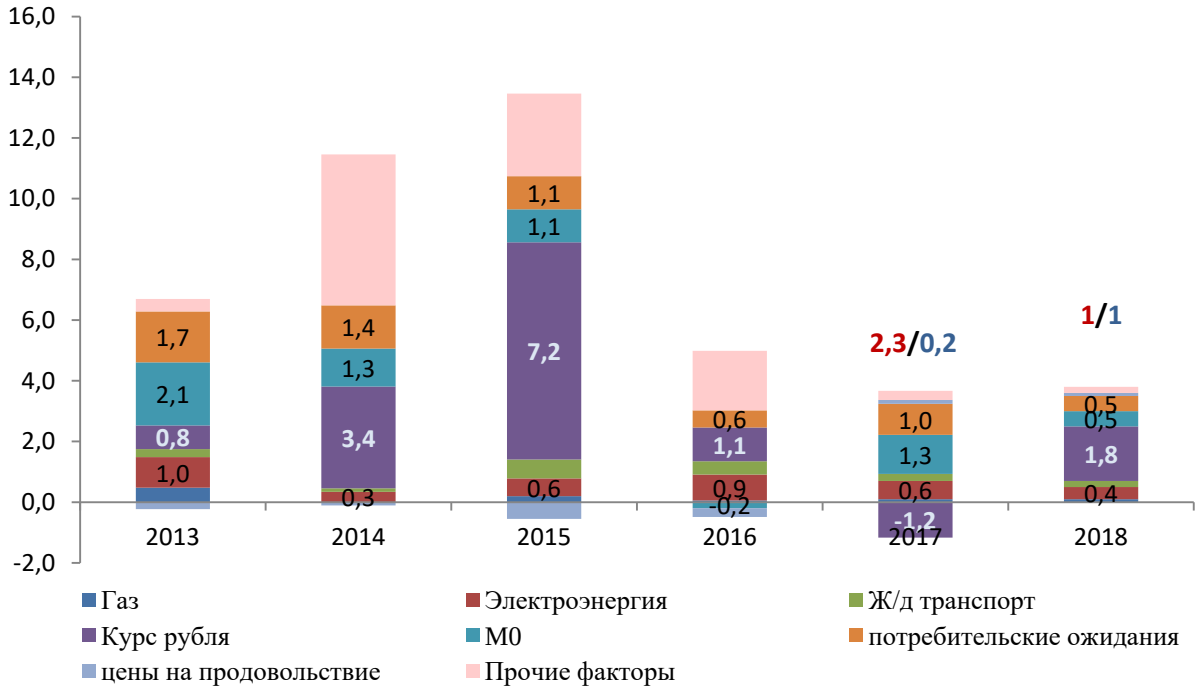
По данным Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (далее ИНП РАН) доля монетарной составляющей инфляции в 2018 г. составила 1 п.п. из 4,3% (наибольший вклад обеспечили курс рубля – 1,8 п.п. и тарифы инфраструктурных монополий – 0,7 п.п.) (см. Таблицу 1).

Таким образом можно сделать вывод, что природа инфляции в РФ носит преимущественно немонетарный характер.

Значительный вклад в формирование инфляции сегодня вносят обменный курс (+ санкции и контрсанкции), рост стоимости кредитных средств, рост тарифов инфраструктурных монополий, монополизация рынков, а также сохранение высокой налоговой нагрузки на предприятия и бизнес (+ увеличение НДС).

Таблица 1.

Факторы инфляции в России

В официальных документах и докладах Центральный банк отмечает, что на инфляцию оказывают влияние монетарные [2] (факторы со стороны спроса), немонетраные факторы (факторы со стороны предложения) и монетарно-немонетарные факторы (испытывают значимое влияние со стороны экономических условий, формируемых как монетарными, так и немонетарными факторами) [3].

Вместе с тем, несмотря на то, что видение Центрального банка в целом соответствует классическим и современным исследованиям в области природы инфляции, есть некоторые расхождения: например, Центральный банк относит тарифную политику, обменный курс и пр. к монетарно-немонетарным факторам, хотя они признаются немонетарными, так как напрямую вызывают рост издержек на производство и реализацию продукции [4].

В действительности, все факторы инфляции можно разделить на два блока: инфляция спроса и инфляция издержек (см. Рис. 2).

ИНФЛЯЦИЯ В РОССИИ НОСИТ НЕМОНЕТАРНЫЙ ХАРАКТЕР	
Платежеспособный спрос упал	**Издержки значительно выросли**

	Инфляция СПРОСА (монетарная – demand-pull inflation)	**Инфляция ИЗДЕРЖЕК (немонетарная – cost-push inflation)**	
Способы борьбы с инфляцией спроса	Сокращение доходов и сбережений населения	Курс (импорт товаров, сырья, комплектующих, займы в валюте)	Способы борьбы с инфляцией предложения
	Сокращение инвестиционных расходов	Рост стоимости кредитных средств	
		Рост тарифов монополий	
	Сокращение расходов бюджета	Монополизация рынков	
	Сокращение объема кредитования	Вклад контрсанкций	
	Ограничение М2 (увеличение ставки)	**Стимулирование предложения (снижение ставки)**	

Рис.2

- Один из ключевых немонетарных факторов – обменный курс и цена на нефть, которые посредством ухудшения состояния торгового баланса, роста цен на импорт (конечный и промежуточный) и удорожания займов в валюте вносят существенный вклад (по итогам 2018 г. 1.9 п.п.) в формирование инфляции.
- Другой важнейший немонетарный фактор – стоимость кредитных средств. Даже незначительные смягчения денежно-кредитной политики не оказывают необходимого влияния на повышение доступа к кредитным ресурсам и изменению структуры российской экономики: за последние два года ставки по кредитам постепенно снижались с 12% до 10,7% годовых с небольшим подъемом в начале 2019 г., однако объем выданных кредитов, особенно в обрабатывающей промышленности существенно сократился, равно как и ее доля в общем объеме выданных кредитов (с 25% до 15%).

В результате, стоимость кредитов находится гораздо выше уровня рентабельности большинства отраслей, что еще больше усиливает и так значительные диспропорции в структуре производства, доходов и цен.

Вывод: так как на этот немонетарный фактор направляются монетарные усилия, эффект от этого сдерживает инвестиционный и потребительский спрос. Поэтому, в качестве мер противодействия указанным негативным эффектам, необходимо существенно повысить доступ к кредитным ресурсам.

- Помимо стоимости кредитных средств, значительное влияние на уровень инфляции также оказывают и тарифы инфраструктурных монополий. С 2007 года тарифы на услуги ЖКХ выросли в 3 раза, услуги пассажирского транспорта в 2,7 раза, на грузовые перевозки в 2,8 раза.

  Сама действующая модель тарифообразования «методом от затрат» создает предпосылки для нарушений, в результате чего текущие затраты инфраструктурных монополий завышены в среднем по России на 30%. Конечный тариф включает в себя все неэффективные затраты. Эта неэффективность распределяется в платежах, как на население, так и на коммерческих потребителей. При этом никакой избыточной мотивации у монополий к повышению эффективности нет.

- Еще один фактор, который также оказывает влияние на рост инфляции издержек – налоговая нагрузка, уровень которой существенно превышает аналогичные показатели в европейских странах и США. По данным Doing Business,

налоговая нагрузка на предприятия с 2007 года в России снизилась лишь на 0,9 п.п., в то время как в среднем по миру снижение составило порядка 9,3 п.п.

Отдельно необходимо отметить рост нагрузки на ФОТ в России с 31,8% в 2008 году до 36,4% в 2017. На текущий момент этот вид налоговой нагрузки превышает мировые показатели более чем в 2 раза.

❖ Отдельным фактором влияния на инфляцию являются санкции и контрсанкции. С одной стороны, как верно отмечает Центральный банк РФ, введение новых санкций – один из ключевых рисков повышения инфляции. Канал трансмиссии к инфляции предполагает снижение предложения товаров, рост затрат на логистику, на расширение производства, нарушение технологических цепочек, повышение стоимости привлечения заемных средств.

Вместе с тем, механизм контрсанкций существенно снижает конкуренцию и, как следствие, оказывает непосредственное влияние на рост цен.

❖ Кроме всего прочего, значительный вклад в инфляцию 2019 года также вносит повышение НДС.

В частности, наиболее негативным фактором стало повышение ставки НДС на такие услуги, как ЖКХ, платная медицина и образование, потребление которых имеет низкую эластичность от цены. Это означает, что государству придется нести дополнительные расходы на поддержку наименее социально защищенных слоев населения в части оплаты услуг ЖКХ, а также повысить объем возмещения НДФЛ по платным услугам здравоохранения и образования, а также возмещение НДФЛ на новое строительство.

Выводы:

В результате повышения пенсионного возраста, повышения НДС, продолжающегося роста тарифов инфраструктурных монополий и на фоне отсутствия активной макроэкономической политики, спрос (потребительский и инвестиционный) снижается до минимума, экономика замедляется.

Выход из этой ситуации возможен только за счет изменения экономической политики, возобновления экономического роста, который будет самостоятельно оказывать сдерживающий эффект на инфляцию и позволит обеспечить рост доходов населения.

Список литературы:

1. Сайт ЦБ РФ, Электронный ресурс: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=06092019_133000key.htm#highlight=снизить%7Cставку%7Cснизил
2. Сайт ЦБ РФ, Электронный ресурс: https://www.cbr.ru/dkp/about_monetary_policy/inflation/
3. Сайт ЦБ РФ, Электронный ресурс: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/25502/nfi.pdf
4. Macroeconomic theories of inflation. In International Conference on Economics and Finance Research. 2011//Totonchi, J7//(págs. 459-462)//Singapore: IACSIT Press.

Белостоцкий Алексей Александрович
кандидат экономических наук, доцент
Курский государственный университет
Россия, г. Курск

a.a.belostotskiy@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

Аннотация. В статье исследуется современное состояние национальной экономики, модели экономического роста, макроэкономические показатели и их влияние на сбалансированность государственного бюджета, стратегическое прогнозирование доходов и расходов в стратегической перспективе с целью достижения устойчивого социально-экономического развития государства.

Ключевые слова: экономическая политика, государственные финансы, бюджетная политика, стратегическое прогнозирование, доходы и расходы бюджета.

В период 2010-2018 гг. на фоне переплетения глобального (структурного) и циклического кризисов в России шел поиск новой модели экономического роста, которая была бы основана не на дешевых ресурсах (свободных мощностях и рентных доходах), а на повышении совокупной факторной производительности. В 2018 г. глобальная экономика устойчиво росла приемлемым темпом — порядка 3,7% (IMF, 2019. P. 8). Более того, экономический рост продолжается уже почти 10 лет, что редко встречалось в современной экономической истории развитых стран. Однако преобладающей темой экономико-политических дискуссий экспертов и политиков ведущих стран выступают неустойчивость этого роста и прогнозирование следующего кризиса. Причины таких настроений и ожиданий отчасти связаны с самим фактом продолжительного роста: он не может быть бесконечным. Но главное в дискуссии о предстоящем кризисе — анализ характера кризиса 2008—2009 гг. и особенностей реакции на него в минувшее десятилетие.

В 2018 г. правительство продолжало придерживаться исключительно консервативной бюджетной политики, объясняя ее сложной геополитической ситуацией и необходимостью избежать рисков при ее дальнейшем ухудшении. Дополнительным аргументом в пользу этого курса стало ожидание нового циклического кризиса в мировой экономике. В результате предпринятых действий по сокращению расходов (на 1,7% ВВП) и росту доходов (на 2,4% ВВП) бюджета 2018 г. снова сформировался профицит федерального бюджета.

При формировании контуров бюджетной политики главным стал вопрос об обеспечении бюджетной стабильности и изыскании средств на реализацию национальных проектов. Выделим несколько важных решений в сфере бюджетной политики в 2018 г. Прежде всего отметим повышение НДС с 18 до 20%. Это стало возможным по завершении периода, на который распространялся провозглашенный в 2012 г. тезис о неизменности основных параметров налоговой системы. Разумеется, повышение налогов всегда неприятно, но в налоговой системе России повышение НДС (налога на потребление) — лучший вариант по сравнению с другими налогами. Данное решение мотивировалось потребностью изыскать дополнительные ресурсы для финансирования национальных проектов. Предлагались и другие способы увеличить доходы бюджета — изменить бюджетное правило (установить цену отсечения нефтяных доходов в размере 45 долл./барр. вместо нынешних 40) или расширить бюджетные заимствования. Эти способы были бы политически более приемлемыми, однако они несли дополнительные риски устойчивости макроэкономической системы. Правительство выбрало более сложное в социально-политическом плане решение, продемонстрировав, что обеспечение финансовой устойчивости и предотвращение дестабилизации — его главный приоритет. С учетом неустойчивой динамики цен на углеводороды и крайней нестабильности внешнеполитической ситуации такое решение представляется оправданным [1].

Развитие российской экономики в рамках инновационного и консервативного сценариев создает условия для повышения устойчивости и сбалансированности бюджетной системы. Однако качество этой сбалансированности различно. При этом переход к

обновленному бюджетному правилу и бюджетный маневр, то есть параметры изменения структуры бюджетных расходов, сами являются важнейшими направляющими долгосрочного экономического роста.

В долгосрочной перспективе прогнозируется относительно стабильный уровень доходов бюджетной системы, точнее их незначительное снижение: с 39,3% ВВП в 2012 году до 37,3% ВВП в 2020 году и 35-36% ВВП в 2030 году. Сокращение нефтегазовых доходов с 11% ВВП в 2012 году до 5-6% ВВП в 2030 году не в полной мере будет компенсироваться расширением налоговой базы и собираемости основных налогов, таможенных поступлений и страховых взносов. Кроме того, дополнительным фактором уменьшения ненефтегазовых доходов будет понижение уровня пошлин в связи с вступлением в ВТО.

Снижение поступлений от нефтегазового комплекса вызвано сокращением его вклада в ВВП и в экспорт товаров. Уровень налоговой нагрузки на нефтяной комплекс уже достиг своего предела, при этом в прогнозный период предполагается значительное увеличение налоговой нагрузки на газовый комплекс. Предполагается реализация потенциала повышения собираемости налога на добавленную стоимость (НДС), а также рост поступлений от акцизов, налогов на роскошь и недвижимость. Однако часть эффекта расширения налоговой базы будет нивелирована усилением стимулирующей функции налоговой системы, особенно в части инвестиций в оборудование, предложение инжиниринговых услуг (таблица 1).

Таблица 1

Основные параметры бюджетной системы по инновационному сценарию, % к ВВП

Показатель	2020	2030
Доходы	36,8	35,3
Нефтегазовые	7,7	5,3
Ненефтегазовые	29,1	30,0
Расходы	37,8	36,4
Профицит (+) / Дефицит (-)	-1,0	-1,1
Справочно:		
Ненефтегазовый дефицит	-8,7	-6,4

Развитие бюджетной системы и государственного сектора экономики уже в среднесрочной перспективе будет характеризоваться значительным изменением структуры государственных расходов. Бюджетный маневр более ярко выражен в инновационном сценарии и характеризуется повышением доли расходов на образование, здравоохранение, науку и развитие транспортной инфраструктуры.

Структура расходов бюджетной системы достаточно инерционна. Доля расходов на оплату труда, социальные и пенсионные выплаты и прочие текущие затраты составляет в бюджете более 50%, или 18-19% ВВП. Расходы собственно инновационного характера занимают всего 2,2% ВВП (или 6% всех расходов бюджетной системы) и к 2020 году они вырастают в инновационном варианте до 2,8% ВВП [2].

В консервативном (энерго-сырьевом) сценарии предполагается ограниченное увеличение расходов социальной направленности, а также расходов на образование и здравоохранение, при стагнации (снижении) расходов на развитие науки, технологий и транспортной инфраструктуры (таблица 2).

Таблица 2

Расходы бюджетной системы по инновационному сценарию, в % к ВВП

Показатель	2020	2030
Расходы, всего	37,8	36,4
Расходы на экономику	5,3	7,0

Расходы на образование	5,2	5,3
Расходы на здравоохранение	4,7	5,1
Расходы на оборону и безопасность	6,2	3,8
Расходы на социальное и пенсионное обеспечение	11,5	11,4
Прочие расходы	4,8	3,6

Формула бюджетного маневра (на периоде до 2020 года) = +1% ВВП на здравоохранение и образование и (–) 0,5% ВВП на экономику при + 0,8% на оборону и безопасность. В результате расходы бюджетной системы в консервативном варианте сократятся с 36,6% ВВП в 2011 году до 34,8% ВВП в 2020 году. В этих условиях федеральный бюджет становится бездефицитным после 2015 года, что позволяет обеспечить и существенное снижение ненефтегазового дефицита.

В консервативном сценарии «эффективный контракт» распространяется лишь на 50% медицинских, педагогических, научных работников и работников культуры. Предполагается значительная оптимизация расходов на оборону и безопасность за счет уменьшения государственного заказа (по сравнению с параметрами ГПВ) и индексация денежного довольствия военнослужащих и приравненных к ним лиц только по инфляции, что возвращает к 2030 году соотношение денежного довольствия и средней заработной платы к прошлогоднему дореформенному уровню.

В инновационном сценарии долгосрочного развития бюджетный маневр характеризуются значительным повышением доли расходов на образование, здравоохранение, науку и развитие транспортной инфраструктуры при выполнении намеченных мероприятий по модернизации вооруженных сил и сил безопасности.

Формула бюджетного маневра (на периоде до 2020 года) = +2% ВВП на здравоохранение, образование, науку, +0,5% ВВП на экономику (в т.ч. на развитие транспортной инфраструктуры) и +1% на оборону и безопасность. Оптимизация бюджетных расходов идет в основном за счет сокращения субсидий, в т.ч. на ЖКХ и относительного сокращения общегосударственных управленческих расходов (в т.ч. за счет сокращения численности). В результате расходы бюджетной системы в инновационном сценарии увеличатся с 36,6% ВВП в 2011 году до 37,8% ВВП в 2020 году.

В этих условиях бюджетная система остается дефицитной, не удается существенно снизить ненефтегазовый дефицит. В то же время бюджетная система становится способной поддержать модернизацию экономики. Ее стабильность обеспечивается ограниченным уровнем дефицита (1,5-2% ВВП до 2025 года) и роста государственного долга до уровня 20-25% ВВП, который можно профинансировать преимущественно за счет внутренних источников.

Прогнозируемый бюджетный дефицит полностью определяется дефицитом пенсионной системы. Сохранение ставки страховых взносов на уровне 2012-2013 годов приведет к росту дисбаланса бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации до 3,5-4% в 2025-2030 гг. ВВП по сравнению с 2,5% в 2012 году. Это в 2 раза превышает прогнозируемый дефицит вызванный расходами на развитие экономики и человеческого капитала. В этих условиях проведение реформы пенсионной системы становится ключевым фактором, определяющим уровень рисков бюджетной системы и ее устойчивости.

В рамках инновационного сценария прогноза предлагается накопление бюджетных фондов ограничить в совокупном объеме на уровне 5-6% ВВП, который предполагается достигнуть уже к 2020-2025 году. Стабилизация уровня бюджетных фондов), позволит вовлечь часть средств Фонда благосостояния в инвестиции внутри и вовне страны для реализации долгосрочных стратегических проектов со значительным потенциалом роста капитализации. При таком подходе рост фонда благосостояния, или фонда будущих

накоплений определяется не динамикой экспортных доходов от нефти и газа, а потенциалом роста российской экономики и капитализации перспективных инвестиционных проектов [3].

По мнению А. Кудрина «Оценивая основные параметры трехлетнего бюджета, видим, что структура расходов бюджета на ближайшие три года принципиально не меняется: несмотря на небольшой прирост в 2020 году, в 2021 и 2022 годах происходит возвращение к нынешним значениям в процентах к ВВП. В трехлетнем горизонте расходы бюджета возвращаются к величине 16,9% ВВП с 17,3%, которые прогнозируются на следующий год. Также и расходы на образование, и здравоохранение: сначала они увеличиваются, а потом снова возвращаются к тем процентам, которые были в прошлом году. Сейчас прогноз темпа роста ВВП на 2020 год снижается до 1,7%, а вот в 2021 сохраняется на прежнем уровне - 3,1%. Прыжок с 1,7% темпов роста до 3,1% для нас является малообъяснимым. Мы пока сомневаемся в таком бурном росте. Сейчас потенциал роста экспертами оценивается на уровне 1,5%-2%. Это наш потолок и он пока, скорее всего, не будет превышен. Без увеличения расходов существенно изменить качество услуг в этих сферах невозможно, например, расходы на здравоохранение следовало бы поднимать до 4,5% ВВП, такой маневр мог бы быть проведен. Если бы мы сделали это семь-восемь лет назад, то сейчас мы бы видели другое отношение и удовлетворение населения от услуг здравоохранения» [4]

С учетом межбюджетных трансфертов из федерального бюджета обеспечивается сбалансированность бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации и устойчивое исполнение консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В связи с этим анализ показателей бюджетной и долговой устойчивости бюджетов бюджетной системы Российской Федерации для целей Бюджетного прогноза представлен только для федерального бюджета.

Поддержание финансовой обеспеченности и экономического, социального благосостояния и является целью предоставления межбюджетных трансфертов, дотаций в том числе [5].

Формирование основных параметров федерального бюджета на долгосрочный период предполагается в соответствии с основополагающими долгосрочными принципами бюджетной политики – «бюджетными правилами».

Новая конструкция «бюджетных правил» определяет основные характеристики федерального бюджета через 2 ключевых параметра: базовая цена на нефть и структурный первичный баланс федерального бюджета.

1. Базовая цена на нефть (40 долларов США за баррель в ценах 2017 года) определяет уровень рентных доходов, используемых на финансирование расходных обязательств федерального бюджета.

Основная цель фиксации определенного уровня используемых рентных доходов заключается в минимизации влияния ценовой конъюнктуры сырьевых рынков - как краткосрочных флуктуаций, так и долгосрочных суперциклов - на внутренние макроэкономические условия. Для этой цели часть средств федерального бюджета, связанных с отклонением фактического объема нефтегазовых доходов от их базового уровня (дополнительные или выпадающие нефтегазовые доходы), обособляется в Фонде национального благосостояния (накопление или использование) в виде иностранных активов.

2. Структурный первичный баланс федерального бюджета (первичный баланс при базовой цене нефти) определяет уровень привлечения источников финансирования дефицита бюджета, главным образом, заимствований. В соответствии с долгосрочными параметрами «бюджетных правил» размер структурного первичного баланса федерального бюджета установлен на нулевом уровне.

Таким образом, уровень заимствований ограничен объемом расходов по обслуживанию государственного долга, что в условиях эквивалентности равновесного уровня реальной процентной ставки и потенциального роста экономики стабилизирует соотношение государственного долга к валовому внутреннему продукту. Это, с одной стороны,

минимизирует влияние государственных заимствований на доступность кредитных ресурсов для негосударственного сектора, а с другой стороны, позволяет поддерживать достаточный уровень ликвидности государственных облигаций, служащих ориентиром долгосрочных процентных ставок в экономике [6].

При этом в 2019 - 2024 годах в целях финансирования мероприятий, направленных на достижение национальных целей развития, предусмотрена возможность временного отклонения структурного первичного баланса от нулевого уровня. Размер такого отклонения кумулятивно за 6 лет не может превышать 3,5 трлн. рублей, или около 0,5 процента валового внутреннего продукта в год. Таким образом, соотношение государственного долга к валовому внутреннему продукту будет иметь тенденцию к увеличению в течение 2019 - 2024 годов с последующей стабилизацией на экономически безопасном уровне чуть более 16 процентов валового внутреннего продукта.

Согласно базовому варианту прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 года предполагается сохранение цен на нефть марки «Юралс» выше базового уровня в 2019 - 2029 годах, что обеспечит пополнение средств Фонда национального благосостояния в течение этого периода. В последующий период (2030 - 2036 годы) ожидается сохранение цен на нефть марки «Юралс» на базовом уровне и стабилизация объема накопленных средства в Фонде национального благосостояния. В консервативном сценарии ожидается, что цены на нефть марки «Юралс» будут соответствовать базовому уровню на протяжении 2021 - 2036 годов, что обеспечит неизменность уровня накопленных средств в Фонде национального состояния. В результате объем средств данного Фонда к завершению прогнозного периода в 2036 году составит около 12 % валового внутреннего продукта в базовом и около 8 процентов в консервативном сценарии прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2036 года.

В целях оценки устойчивости государственных финансов к стрессовым сценариям развития внешней среды было проведено стресс-тестирование параметров федерального бюджета в зависимости от масштабов и продолжительности ценовых шоков на мировом рынке энергоносителей. Результаты стресс-тестирования представлены в таблице 3.

Таблица 3

Оценка выпадающих нефтегазовых доходов федерального бюджета при различной продолжительности «нефтяного шока» (процентов ВВП)

Цена на нефть марки «Юралс»*	1 год	3 года	5 лет	7 лет	10 лет
40 долл./бар	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
35 долл./бар	-0,8	-2,5	-4,4	-6,5	-9,9
30 долл./бар	-1,6	-5,0	-8,9	-13,2	-20,4
25 долл./бар	-2,4	-7,6	-13,6	-20,2	-31,5
20 долл./бар	-3,4	-10,7	-19,0	-28,3	-43,6
15 долл./бар	-4,4	-13,9	-25,0	-37,5	-58,9
10 долл./бар	-5,0	-16,1	-29,1	-44,1	-70,4

** в ценах 2017 года*

В целом можно отметить, что при реализации ценового шока средних масштабов (снижение цен на нефть до 25 - 30 долларов США за баррель марки «Юралс» в течение 3 - 5 лет) объем выпадающих нефтегазовых доходов за соответствующий период может составить от 5 до 14 процентов валового внутреннего продукта. Гарантией исполнения всех обязательств государства и сохранения макроэкономической и финансовой стабильности в стрессовых условиях является наличие достаточного объема ликвидных активов в Фонде

национального благосостояния.

В этой связи предполагается формирование целостной системы управления средствами Фонда национального благосостояния. Такая система должна:

1 предусматривать механизм минимизации бюджетных рисков посредством обеспечения достаточного объема средств Фонда в форме ликвидных финансовых активов, необходимого для покрытия выпадающих доходов федерального бюджета в случае реализации масштабного внешнего стресса;

2 содействовать увеличению доходности управления средствами Фонда при безусловном сохранении действенности механизма "бюджетных правил" в части обеспечения стабильности и предсказуемости экономических и финансовых условий вне зависимости от конъюнктуры рынка энергоносителей.

Учет положений бюджетного прогноза позволит обеспечить достижение стратегических целей социально-экономического развития страны и формирование стабильных макроэкономических условий путем выработки и реализации соответствующих решений в сфере налоговой, бюджетной и долговой политики. В результате этого должны быть обеспечены прозрачность и предсказуемость параметров бюджетной системы Российской Федерации, в том числе базовых принципов и условий реализации налоговой, бюджетной и долговой политики, а также профилактика бюджетных рисков для бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обеспечиваемая в том числе заблаговременным обнаружением и принятием мер по минимизации негативных последствий реализации соответствующих рисков [7].

Список литературы:

1. May В.А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018—2019 гг. Вопросы экономики. 2019;(3):5-28. Официальный сайт: URL:https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-5-28 (дата обращения 07.10.2019)
2. Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт: URL:https:// http://economy.gov.ru/ (дата обращения 08.10.2019)
3. Сценарные условия долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт: URL:https:// http://economy.gov.ru/minec/
4. main (дата обращения 05.10.2019)
5. Счетная палата Российской Федерации. Официальный сайт: URL:https:// http://www.ach.gov.ru/press_center/news/38899 (дата обращения 12.10.2019)
6. Belostotskiy A.A. Grants - as an instrument of financial support territory of the state / Polish journal of science - 2019- № 20. - 55 с. (статья)
7. Министерство финансов Российской Федерации. Официальный сайт: URL:https:// http://minfin.ru/ (дата обращения 11.10.2019)
8. Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года. Министерство финансов Российской Федерации. Официальный сайт: URL:https:// http://minfin.ru (дата обращения 12.10.2019)

Болдырев Олег Юрьевич
кандидат юридических наук, ассистент
МГУ имени М.В.Ломоносова,
доцент
Российский университет дружбы народов

Россия, г. Москва
oleg211291@bk.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Экономическая политика рассматривается на соответствие научным школам и конкретным условиям. Но важен и анализ того, в какой степени на нее влияют конституционные нормы и решения Конституционного Суда. Отмечается несоответствие доминирующего в России с начала 1990-х гг. экономического курса и его нормативного оформления Конституции РФ, и какие конституционные нормы (обращаясь к зарубежному опыту) могли бы институционально обеспечить разворот к новой экономической политике.

Ключевые слова: конституционные основы экономической политики, экономический суверенитет государства, конституционная экономика

В литературе экономическая политика рассматривается с точки зрения соответствия экономическим концепциям и/или конкретным историческим условиям в том или ином государстве.

Так, экономический курс, доминирующий в России с начала 1990-х гг. по настоящее время, аргументируется его апологетами (Е.Т.Гайдар, А.В.Дворкович, А.Л.Кудрин, В.А.Мау, Э.С.Набиуллина, С.Г.Синельников-Мурылев, Е.Г.Ясин и др.) ссылками на учения либерализма, монетаризма, «Вашингтонского консенсуса» и особенностями «переходной экономики», «необходимости проведения рыночных реформ в экстренных условиях» и т.д.

В то же время, данный курс и его идеологическое обоснование подвергаются жесткой критике со стороны академиков РАН О.Т.Богомолова, Д.С.Львова, С.Ю.Глазьева, а также В.Ю.Катасонова, А.В.Бузгалина, А.И.Колганова и др. Так, С.С.Дзарасов аргументировал, что Россия должна была пойти по пути не радикального либерализма, а социал-демократии и кейнсианства (в частности, т.н. «посткейнсианства») [9], [10], а Р.С.Гринберг считает, что России стоило бы воспользоваться идеями немецких школ ордолиберализма и социального рыночного хозяйства [8]. Как напоминает О.А.Александрова, именно т.н. «шведская модель» и модель «немецкого экономического чуда» во второй половине 1980-х гг. представлялись, как желаемое будущее, и их перспективой была обусловлена поддержка населением «перестройки», но впоследствии ни та, ни другая не были взяты на вооружение, причем под надуманными предлогами [2, С.26-27].

Возникает вопрос: имеют ли право на слово в этой дискуссии юристы? И какой методологией они должны руководствоваться?

Распространено отношение к праву как к оформлению экономической политики, а, соответственно, к юристам – как к техническим специалистам-исполнителям, а не разработчикам концептуальных моделей.

Но известен и иной подход: рассмотрение права – как институтов, влияющих на экономическую жизнь, определяющих ее «правил игры». Причем, если в неоинституциональной экономике правовые институты исследуются методами экономической (по сути – лишь неоклассической) науки, то представители т.н. «классического институционализма» (в частности, Дж.Коммонс) и его последователи смотрят на экономику сквозь призму институтов (в частности, правовых).

Если в нормах отраслей «текущего» законодательства во многом происходит лишь оформление макроэкономической политики государства (пример - налоговое законодательство) и микроэкономических отношений (гражданское законодательство), то конституционные нормы, напротив, устанавливают рамки, в которых государственная власть может проводить экономическую политику и регулировать экономическую сферу.

Соответственно, важен и анализ того, в какой степени на экономическую политику государства влияют конституционные нормы и решения Конституционного Суда и –

применительно к современной России – в какой степени доминирующий курс экономической политики соответствует конституционным нормам и принципам.

Не менее важен анализ и обратного: насколько конституционные нормы соответствуют как экономическим учениям, так и задаче решения актуальных экономических проблем, требуют ли они изменения, и может ли в этом пригодиться зарубежный опыт.

Поставленные вопросы заслуживают глубокого исследования – особенно в условиях развития направлений на стыке конституционно-правовой и экономической наук: «конституционная экономика», «конституционная политическая экономия», «экономическая конституция», «экономический конституционализм» и др. [5]. В данной же статье ограничимся некоторыми тезисами.

I. Экономические учения и ценностные подходы получают конституционное закрепление. Так, следуя идеям Дж.Локка и лозунгу Вольтера «Свобода и собственность – вот крик народа», конституционные акты Франции периода Великой французской революции закрепляли право собственности в качестве естественного и неотчуждаемого. В то же время, в Декларации независимости США 1776 г., где также закреплялись естественные и неотчуждаемые права, право собственности отсутствует – в соответствии с подходом Т.Пейна и Т.Джефферсона.

Противоположный лозунг Прудона «собственность – это кража» и воззрения марксистов отразились в социалистических конституциях, где, как правило, частная собственность не признавалась, либо признавалась в «усеченной» форме – в виде «личной собственности».

Идеи социальной функции собственности теоретика солидаризма Л.Дюги и др. нашли отражение в Веймарской конституции Германии, затем – в Основном законе ФРГ 1949 г. и в конституциях других социальных государств.

II. Получив конституционное закрепление, экономические принципы становятся уже ограничителями для государственной власти в определении текущей политики. Так, в конституциях Италии, Испании, Швейцарии указывается прогрессивный характер налогообложения. Конкретные ставки могут меняться в рамках текущей налоговой политики, но сам принцип носит конституционный характер. Впрочем, нормы, регулирующие ставки, также могут рассматриваться на предмет соответствия Конституции, яркими примерами чему служат решения Конституционного совета Франции 2013 г. [14].

III. В то же время, конституция может давать власти свободу маневра в определении экономической политики. Так, Федеральный Конституционный Суд (далее – ФКС) ФРГ в 1954 г. в т.н. «деле об инвестиционной помощи» отверг аргументы заявителей, полагавших, что средства, используемые законодателем, должны «соответствовать рынку». В соответствии с позицией ФКС ФРГ, рыночное хозяйство допускается Основным законом, но не предписывается им. Основной закон ФРГ занимает в этом вопросе нейтральную позицию, и законодательная власть вправе приспосабливать экономическую политику к конкретным обстоятельствам [1].

IV. Обобщая основные направления критики доминирующего в России с начала 1990-х гг. по настоящее время экономического курса, отметим его противоречие трем принципам, два из которых закреплены в Конституции РФ, а третий представляется требующим либо его выведения из ее положений путем их толкования Конституционным Судом, либо прямого закрепления в рамках ее реформирования (вопрос, осуществлять ли такое реформирование путем внесения поправок или в рамках полного пересмотра Конституции, выносим за рамки этой статьи).

1. **Противоречие принципу социального государства (ст. 7 Конституции РФ)**. Не только т.н. «шоковая терапия» 1990-ых гг., но и реформы 2000-х гг. – отказ от прогрессивного и переход к «плоскому», а, учитывая отчисления в социальные фонды, фактически - к регрессивному налогообложению, отказ от налога на наследство; «монетизация льгот»; пенсионные реформы (введение накопительного элемента; необоснованное повышение пенсионного возраста); перевод государственных функций в

квазирыночные «услуги» и их коммерциализация, в том числе, через реформу бюджетных учреждений (в частности, ознаменованную принятием ФЗ от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ); т.н. «оптимизация» здравоохранения, образования и т.д. – позволяют экспертам констатировать «демонтаж социального государства» [4]. Хотя и председатель Конституционного Суда РФ В.Д.Зорькин в публикациях вынужден признать данную проблему («Судя по характеру многочисленных жалоб в Конституционный Суд, в настоящее время главным источником напряженностей в российском обществе является нерешенность социально-экономических проблем <…> мы еще далеки от реализации положений статьи 7 Конституции РФ <…> Конституционный Суд РФ видит свой вклад в решение этой общей проблемы в последовательной защите социально-экономических прав граждан <…> Последние законодательные решения по пенсионной реформе объективно затрагивают очень широкий спектр социально-экономических прав малоимущих слоев населения …» [12]), тем не менее, когда нормы законодательства, оформлявшие т.н. «пенсионную реформу» 2018 г., оспаривались в Конституционном Суде РФ, Суд не усмотрел в них противоречия действующей Конституции и фактически уклонился от рассмотрения вопроса, вынеся отказное определение [15]. Конституционный Суд пришел к выводу (причем, фактически без рассмотрения дела по существу), что данный вопрос Конституцией не урегулирован, относится к усмотрению законодателя и к «вопросам социально-экономической целесообразности», оценка чего выходит за рамки полномочий Конституционного Суда РФ. Таким образом, он уклонился как от анализа того вопроса, который в других делах неоднократно рассматривал (в рамках т.н. «теста пропорциональности») и который ставили заявители: о наличии менее обременительных (с точки зрения ущемления прав граждан) средств достижения законодателем тех же целей, так и от анализа вопроса, на который Конституция отвечает прямо – о невозможности применения обратной силы закона, ухудшающего положение граждан.

В условиях различных интерпретаций конституционного принципа социального государства и его сомнительной защиты Конституционным Судом РФ (так, ФКС ФРГ – в отличие от Конституционного Суда РФ – выводил из конституционного принципа социального государства принцип прогрессивного налогообложения [13]), представляется целесообразным реформировать Конституцию РФ в части детализации данного принципа. Показателен зарубежный опыт. Так, конституционные акты устанавливают требования: «недопустимости концентрации собственности в руках немногих индивидов» и богатства во вред общественным интересам, «более справедливого распределения доходов и богатств», сведения к минимуму неравенства в доходах и т.д. [17]. Выше приводились примеры конституционного закрепления прогрессивного налогообложения. В литературе предлагаются и закрепление социальной функции собственности (аналогично Основному закону ФРГ), социализация недр [11] и др.

2. **Противоречие принципу государственного суверенитета, неотъемлемый элемент которого сегодня - экономический суверенитет**. «Укрепление экономического суверенитета Российской Федерации» названо в качестве первой цели в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. (Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208), а Конституционный Суд РФ отнес экономический суверенитет России к конституционно-значимым ценностям, обеспечивать которые должен законодатель (Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 года № 8-П).

Между тем, проблемы экономического суверенитета встали перед Россией в 1990-е гг. в связи с т.н. радикальными реформами. Проблематика сохранилась и в 2000-ые гг. На протяжении многих лет огромные ресурсы изымаются из национальной экономики и «резервируются» в финансовых инструментах зарубежных стран (в первую очередь - США), что эксперты квалифицируют, как «льготное кредитование стратегических конкурентов России» [16, С.84]. «Долговая проблема» трансформировалась из проблемы внешнего гос.долга в проблему задолженности российских корпораций и регионов. Денежно-кредитная политика подвергается исследователями критике как «несовместимая с

независимым политическим курсом и национальной безопасностью России» [7, С.34-35]. Россия оказалась зависимой от импорта наукоемкой, в том числе, критически значимой продукции, от иностранных комплектующих (показательные примеры – самолет Sukhoi Superjet 100 и навигационная спутниковая система ГЛОНАСС), иностранных стандартов, от зарубежных платежных систем и программных продуктов (хотя были провозглашены меры, направленные на решение проблемы зависимости от иностранных платежных систем, а также на «импортозамещение», их последовательность и эффективность требуют отдельного анализа).

Если с точки зрения ряда экономистов и политологов, данные тенденции угрожают экономическому суверенитету государства, то юристы часто не замечают этих угроз, рассматривая суверенитет de jure и абстрагируясь от анализа сохранения суверенитета de facto, а также «прячась» за терминологией (так, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 9 июня 2012 № 17-П, рассматривая конституционность присоединения к ВТО, не признал «передачу части полномочий» России межгосударственным объединениям ущемлением суверенитета). Представляется, что такой подход содействует лишь камуфлированию проблемы, но не ее решению.

Для России может оказаться полезен зарубежный опыт обеспечения экономического суверенитета – как в рамках «текущего» законодательства (ограничения по допуску иностранного капитала при инвестировании в стратегические отрасли; ограничения иностранного финансирования избирательных кампаний; усложненные, в том числе, скрытые механизмы протекционизма; анти-оффшорное регулирование), так и в конституционных актах и решениях органов конституционного контроля: усложненные процедуры принятия международных обязательств, влекущих финансовое обременение для государства, или передающих его полномочия наднациональным объединениям (Конституции Польши, Норвегии и др.) – вплоть до проведения референдума (Конституция Швейцарии; реальный опыт проведения государствами референдумов в том числе, при вступлении в ЕС или принятии дополнительных обязательств – например, в Ирландии по т.н. Бюджетному пакту 2012 г.); установление ограничений примата международного права, лимитов внешних заимствований (в Конституциях Польши, Венгрии и др.) и иных финансовых обязательств государства (например, в решении ФКС ФРГ от 12.09.2012 по вопросу о конституционности присоединения к Соглашению об ESM); закрепление подконтрольности Центрального банка Парламенту (например, в новой Конституции Венгрии), ограничений на приватизацию природных ресурсов (Конституции Бразилии, Боливии и др.) и т.д. [6]. Представляется целесообразным закрепить и недопустимость хранения государственных резервов в финансовых инструментах государств, не являющихся стратегическими союзниками России, и без достаточной диверсификации (понятно, что данные категории потребуют либо судебного толкования, либо расшифровки в законодательстве).

3. **Противоречие принципу, который в Конституции прямо не сформулирован, но концептуально представляется очень важным, и который условно можно сформулировать, как принцип созидательного развития**. Данный принцип мог бы ориентировать государство на научно-промышленно-технологическое развитие (определяющее место государства в современной «центр-периферийной» иерархии) и поддержку реального сектора экономики с одновременным ограничением финансово-спекулятивной деятельности или паразитирования на экспорте непереработанного сырья. При закреплении подобного принципа Конституционный Суд мог бы вывести из него такие следствия, как неконституционность совокупности норм, создающих налоговые условия для высокотехнологичной деятельности худшие, чем для финансово-спекулятивной, или неконституционность действовавшего некоторое время льготного налогообложения капитала (дивидендов) по сравнению с налогообложением труда (НДФЛ) и т.д.

Проблемы суверенитета, социального государства и созидательного научно-технологического развития часто рассматриваются по отдельности. В то же время, по

мнению ряда исследователей, тенденции «демонтажа социального государства», десуверенизации и деиндустриализации оказываются сонаправленными [3]. Тесная связь имеется и между конституционными принципами суверенитета и социального государства. Так, Конституционный Суд РФ мог бы истолковать норму о социальном государстве как предполагающую сохранение в руках государства всего спектра инструментов социально-экономической политики и не допускающую ограничение его суверенного права их выбора и использования.

Хотя, вопрос степени суверенности и социальности проводимой экономической политики – не юридический, но нормы законодательства, институционально оформляющие экономическую политику, могут рассматриваться Конституционным Судом РФ на предмет соответствия Конституции. Конституционный Суд мог бы признавать неконституционными нормативно-правовые акты в той части, в которой совокупность их норм оформляет «латентные» (точнее было бы сказать – «ползучие») «демонтаж» социального государства и ограничение его экономического суверенитета.

Принцип же «созидательного развития», представляется, может быть выведен Конституционным Судом РФ при толковании конституционных норм (в том числе, норм о России как социальном государстве и государственном суверенитете), либо закреплен в рамках реформирования Конституции и стать основой новой экономической политики.

Список литературы:

1. Автономов В.А. Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. URL: https://pravo.studio/ekonomika/sotsialnoe-ryinochnoe-hozyaystvo-federalnyiy-40547.html (дата обращения: 12.09.2019).
2. Александрова О.А. Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. – М.: М-Студио. 2009.
3. Александрова О.А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десуверенизации // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 17-32.
4. Александрова О.А. Социальное государство в современной России: развитие или демонтаж // Вестник РГГУ, №4, 2013. С. 55-65.
5. Болдырев О.Ю. Конституционная политическая экономия: методологические подходы, смежные концепции // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / Ответственные редакторы С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. Составитель П.Д. Баренбойм. — М. : ЛУМ, 2018, С. 318-345.
6. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / научн. ред. С.А.Авакьян. – Москва: Проспект, 2018. – 408 с.
7. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. М.: Институт экономических стратегий; Русский биографический институт, 2015.
8. Гринберг Р.С. Возрождение идеи социальной рыночной экономики: устойчивый тренд или временный феномен? // Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории: Сборник материалов 1-й Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики. 3-5 октября 2019 г. / Под ред. В.С.Автономова и А.Я.Рубинштейна. – М.: ИЭ РАН, 2019, С. 56-66.
9. Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.
10. Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм / С.С. Дзарасов. - М. : РГГУ, 1994. - 335 с.
11. Домрин А.Н., Румянцев О.Г. Два необходимых конституционных условия построения социального государства в России // Конституционный вестник, 2013, № 3, С. 21-33.
12. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. Валерий Зорькин – о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам // Российская газета. 09.10.2018.

13. Любе-Вольфф Г. Принцип социального государства в практике конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение, 2008, № 1.
14. Налог на роскошь утвержден во Франции // Российская газета. 30.12.2013. URL: https://rg.ru/2013/12/30/nalog-site.html (дата обращения: 06.09.2019).
15. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2019 г. № 854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».
16. Сильвестров С. Н. Глобализация и глобальное регулирование: новейшие тенденции и вызовы для российской экономической политики // Российский экономический журнал. 2016. № 3.
17. Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство // Конституционный вестник, 2008, № 1 (19), С. 233-234.

Виленский Александр Викторович
доктор экономических наук, профессор
Главный научный сотрудник
Институт экономики РАН
г. Москва
avilenski@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН (ОЭЗ) И ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (ТОР): ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Аннотация. Не следует отказываться ни от особых экономических зон (ОЭЗ), ни от территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРов) – российских институтов развития. Но следует сосредоточиться на преодолении уже выявленных проблем, на вновь выявляемых проблемах, определяемых, в немалой степени, на базе сложившейся их теории и мировой практики.

Ключевые слова: инвесторы, особые экономические зоны, рабочие места, регионы, Россия, территории опережающего социально-экономического развития.

В нашей стране продолжается наращивание числа территорий (зон) с особыми режимами хозяйствования. В качестве обоснования необходимости создания все новых таких зон идут ссылки на полюса и точки роста, на диверсификацию взаимосвязей территорий, на сверхважность охвата страны системой высоко инновационных кластеров. Также наличествуют ссылки на многочисленные успешные примеры функционирования зон со специальными режимами хозяйствования из успешного зарубежного опыта. При этом создание новых российских зон происходит на фоне их острой критики, идущей со стороны Счетной палаты РФ и даже Президента РФ, Правительства РФ. Очевидна невысокая, в немалом числе случаев, отрицательная эффективности их функционирования. Государственные затраты на них нередко превосходят результаты. И пока нет сколь либо полного ответа на вопрос, почему в нашей стране становление института такого рода зон происходит трудно, с низкой отдачей.

Немного теории

Особые экономические зоны (ОЭЗ) и территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) относятся к категории зон со специальными режимами хозяйствования. С ролью зон со специальными режимами хозяйствования в национальном хозяйстве тесно связаны трактовки создания территориальных точек роста как инструмента

обеспечения ускоренного социально-экономического развития. Центральное место в этом вопросе заняла теория французкого экономиста Ф.Перру о полюсах роста. Ф.Перру предложил ее в начале 1950-х гг. как одну из интерпретаций модели межотраслевых связей «затраты-выпуск». Несомненно, на его теорию оказали воздействие работы Альфреда Маршалла, который еще в 19 веке исследовал локальные центры социально-экономического развития, в частности, в текстильном производстве и металлообработке в Англии (Манчестер и Шеффилд). В соответствии с теорией Ф.Перру разный вес субъектов хозяйствования порождает асимметрию и деформации экономического пространства с его поляризацией вокруг полюса роста. Эти полюса концентрирую в себе синергию развития не только самого этого полюса, но и всего пространства страны. Импульсы развития полюсов роста передаются во всю национальную экономику.

При этом полюса роста имеют разную силу, энергию развития. Они остро дифференцированы. Между ними идет конкуренция, в которой имеются победители и побежденные. Им выделены, во-первых, деградирующие отрасли, остающиеся от прежних периодов индустриального развития. Во-вторых, нейтральные отрасли с точки зрения национальной экономики саморазвивающиеся, но мало влияющие на прочие виды деятельности и при этом имеющие неплохие темпы роста. Примером такой отрасли служило производство предметов потребления. В-третьих, отрасли с высокими темпами роста и, главное, оказывающие позитивное импульсное воздействие на всю экономику. Для них характерно внедрение и применение всевозможных инноваций (по Й.Шумпереру). Такого рода отрасли, концентрируясь на той или иной территории, становятся моторами прогресса [1].

Взгляды Ф.Перру были подхвачены и развиты несколькими видными географами. Первым из таких принято считать французского же ученого Ж.Будвиля. Он ввел в экономическую географию понятие полярность, усилив привязку центров роста к импульсирующей концентрации перспективных отраслей экономики. Именно быстро развивающиеся, растущие отрасли, сконцентрированные на определенной территории, оказывают воздействие на все соседнее экономическое пространство как зону своего влияния. Существенно его комплексное отношение к полюсам роста через учет взаимовлияния пропульсирующих отраслей, движения инвестиций, состояния и развития инфраструктуры. Существенно и то, что им учитывается неминуемая неравномерность пространственного развития, появление новых и затухание старых центров роста, их взаимной конкуренции и взаимного влияния. Ж.Будвиль выделил четыре центра роста – от мелких до крупных межгородских агломераций, будирующих рост на широком пространстве через всевозможные взаимосвязи и взаимные импульсы. В крупных происходит появление и внедрение самых передовых, а в мелкие же рассматриваются как пространства диффузии инноваций. Заметим, что им отводится ведущая роль в региональном развитии именно городским агломерациям. По настоящее время, в том числе в новой экономической географии именно крупные городские агломерации рассматриваются в качестве главных центров, полюсов (хотя это и не одно и то же) роста в региональном развитии.

Так же француз П. Потье добавил к вышеизложенному понятие осей развития, связав их с логистической составляющей пространственного взаимодействия полюсов роста. Полюса роста порождают создание вокруг себя системной инфраструктуры, коридоров такого взаимодействия. Через эти коридоры должно происходить распространение инноваций по всей национальной экономике, стимулирование ее ускоренного развития.

Испанский ученый Х.Р. Ласуэн указал на необходимость связи центров роста с экспортной деятельностью как стимулом регионального развития. Мировой рынок задает планку конкурентоспособности, и ее осознание опосредовано формированием высокотехнологичного экспортного потенциала страны. Последний наиболее рельефно проявляет себя именно в пространственных центрах роста [2].

Наконец, американский ученый, Нобелевский лауреат Майкл Портер из центров роста вывел и развил понятие «кластер» [3]. Под кластерами он понимает взаимосвязанные и работающие на одной территории компании, которые хотя и конкурируют друг с другом, но и, одновременно, сотрудничают для повышения собственной конкурентоспособности, освоения новых рынков и т.п. Теория кластеров приобрела громадную популярность, потеснив собой теории полюсов и центров роста. Будучи добросовестным ученым и проведя много исследований по проблематике конкурентоспособности, М.Портер обнаружил подтверждения тому, что в ускоренное социально-экономическое развитие национальных хозяйств локализуется по ограниченным пространствам. Его исследования, по сути, подтвердили правоту теории Ф.Перру. Пойдя дальше, М.Портер пришел к выводу, что с точки зрения конкурентоспособности очаги развития в современной экономике неотделимы от инновационной деятельности в условиях глобальной информатизации, характерной для постиндустриального общества. Локальные точки ускоренного развития в нынешних условиях неотделимы от процессов продуцирования инноваций и их внедрения. При этом в своей теории М.Портер сделал упор на внутреннем рынке - источнике перспективного повышения конкурентоспособности как на локальном экономическом пространстве внутри страны, так и на конкурентном соперничестве между национальными хозяйствами в системе международных экономических отношений[4].

В кластерной организации им были учтены, во-первых, ресурсы всех видов, включая природные и человеческие (в том числе, качество жизни), инновационные, информационные, инвестиционные; во-вторых, внутренний и мировой спрос, его структура, объемы; в-третьих, производственные связи со смежными отраслями, обеспечивающими кластер нужными технологиями, оборудованием, сырьем, оборудованием, полуфабрикатами и т.д.; в-четвертых, внутриотраслевая конкуренция, менеджмент компаний, типы их организации; в-пятых, государственная экономическая политика, государственное регулирование экономическими процессами по всем составляющим.

Преимущества кластерной организации обусловлены тем, что в соответствии с научно-технологическими новациями происходит ранее не встречавшееся кооперационное сотрудничество между разными предприятиями разных отраслей, а также с научными и учебными центрами. Появляются возможности для новых производственно-сбытовых комбинаций, для рождения новых стратегий предпринимательской деятельности. Не менее важны возможности взаимного обмена информацией, в том числе научно-технической, как элемент сотрудничества даже между конкурирующими друг с другом фирмами. Новые контакты между работниками кластеров, в том числе, работников конкурирующих друг с другом фирм порождают неожиданные управленческие и производственные высокоэффективные комбинации [5].

Теория кластеров была подхвачена тысячами исследователей во всем мире. Появилось понятие «производственные кластеры» как локальные центры предприятий, связанных между собой в большей мере, чем с другими предприятиями национального хозяйства. Разработаны заложенные еще М.Портером концепции жизненного цикла кластеров.

Но главное, кластеры получили массовое распространение в большинстве стран мира. Кластеры формировались и чисто рыночными инструментами, и при активном участии государства. С позиций госрегулирования экономики кластеры стали рассматриваться уже как составная часть зон со специальными условиями хозяйствования или даже оба эти понятия стали сливаться в одно целое. Заметим, правда, что все это происходило на фоне размывания изначального содержания термина «кластер», под которым стали пониматься самые разнообразные явления в экономике.

Проблемы ОЭЗ и ТОРов

В нашей стране создано уже более сотни Особых экономических зон и Территорий опережающего социально-экономического развития. Государством в них вложены сотни миллиардов рублей.

Но деятельность этих зон со специальными режимами хозяйствования подвергается жесткой и, нередко, справедливой критике.

ТОРы и ОЭЗ обвиняют, прежде всего в том, что они так и не стали региональными локомотивами социально-экономического развития страны. Но могли ли они ими стать? Следует исходить из начальных условий их создания. Так, произошедшая еще в 1990-е годы на Дальнем Востоке реальная потеря многих отраслей никак не может быть быстро компенсирована созданием зон со специальными режимами хозяйствования. Время и расходы на их воссоздание, да еще и на новой технологической основе, намного превышают потенциально необходимые объемы затрат на их изначальное сохранение.

О затратах следует сказать особо. Постоянно указывается на очень большие сроки возврата затрат на создание таких зон. Но дело в том, что будучи институтами развития такие зоны в принципе не предназначены для быстрой самоокупаемости. Перед ними ставятся определенные цели, абсолютно не сводящиеся к самоокупаемости. Импульс для воссоздания потерянных и создания новых отраслей, улучшение социально-экономической обстановки в регионе, в том числе, через создание новых рабочих мест по своей народнохозяйственной значимости на порядок превосходит значимость быстрой коммерческой самоокупаемости.

Среди проблем ОЭЗ выделяются такие, как слабое привлечение в зоны иностранных резидентов с их финансами и новыми технологиями; недостаточно четкая постановка целей и задач создания и развития ОЭЗ в интересах страны и конкретной территории; потребность в подготовительном периоде в несколько лет для отбора инвестиционных проектов, а также для создания технической инфраструктуры будущей зоны.

Особо следует остановиться на вопросе привлечения рабочей силы. Нередко оказывается, что в них наиболее рационально использовать именно иностранных специалистов и рабочих с должной квалификацией, нежели готовить собственную, способную работать на технологически продвинутых предприятиях зоны. Заметно недостаточное сотрудничество с учебными заведениями, ведущее к направленности на использование в зонах иностранной рабочей силы, а не на подготовку собственных кадров. Это очень существенный изъян, подрывающий значимость зон как инструмента создания новых рабочих мест. Местные жители не получают эти места. В проектах ОЭЗ заметен слабый учет региональной специфики, особенно ее социальных моментов типа уровень доходов местного населения, его профессиональной ориентации и т.п.

Еще одним существенным изъяном ОЭЗ следует признать то, что льготность для резидентов зон ставит в ущербное положение всех прочих субъектов хозяйствования, работающих в той же отрасли. Это относится как тем, что работал и ранее на территории ОЭЗ, так и к конкурирующим нерезидентам зоны, работающим по всей стране. Заметим, эта проблема вовсе не российская. Она появляется во всех странах, создающих зоны со специальными режимами хозяйствования.

Далее, Особые экономические зоны своей деятельностью накладывают на региональные и местные органы власти дополнительные расходы. А средств на эти расходы очень часто не хватает или их просто нет, особенно на муниципальном уровне. Проблема межбюджетных отношений здесь далека от разрешения. Наконец, возникают экологические проблемы функционирования ОЭЗ, вследствие которых на региональные и местные органы власти ложатся дополнительные затраты по устранению, если до этого доходит, нанесенного резидентами зоны экологического ущерба.

В значительной мере перечисленные проблемы особых экономических зон оказываются аналогичными проблемам территорий опережающего социально-экономического развития. Проблемы ТОРов формулируются следующим образом: чрезмерная ориентация ТОРов, особенно на Дальнем Востоке, на сырьевые проекты. Причем степень чрезмерности этой ориентации особенно заметна на фоне ассиметричного размещения мест добычи и транспортной, прочей инфраструктуры по территории нашей страны. Такая ориентация наверняка приведет к еще большим диспропорциям в социально-

экономическом развитии российских регионов. ТОРы сильнее, чем ОЭЗ усиливают противоречие между новыми, получающими льготы предприятиями и старыми, льгот не имеющих. Для Дальнего Востока остро стоит проблема произошедшего массового привлечения граждан Китая к работе ТОРов. Ее результатом стали отъем рабочих мест у местных жителей, обоснованные опасения чрезмерного увеличения численности граждан соседнего КНР на территории Дальнего Востока, чреватого межгосударственными конфликтами, включая этнические.

За руководством ТОРов законодательно закреплены права на изъятие недвижимости и земель в своих интересах у регионов и муниципалитетов. Это право идет в разрез с провозглашённой целью ТОРов способствовать социально-экономическому развитию территорий.

Острой для созданных ОЭЗ и ТОРов проблемой является нехватка квалифицированных кадров, что особенно заметно, например, в зонах, носящих специфический характер (ядерная химия, медицина, автопроизводство и т.д.). Для решения данной проблемы может быть использован опыт создания инжиниринговых центров (ИЦ), ориентированных на инновационные отрасли промышленности.

Есть проблема отказа от обязательств со стороны частных инвесторов. Некоторые из них обязуются сделать крупные вложения, получают льготы, в разных концах страны, но вложений в зоны не делают.

Наконец, анализ показывает, что сами ТОРы, их нормативно-правовая база в немалой степени скопирована из опыта высокоразвитых стран. Но в этих странах такие зоны более всего ориентированы на внутренний рынок и более всего направлены на поддержку относительно слабых территорий. Но Россия явно не входит в группу таких стран. Для нее, как стране с развивающимися рынками, было бы рациональнее в большей мере, чем сейчас ориентировать ТОРы на внешнеэкономическую деятельность, на привлечение иностранных инвесторов с их новейшими технологиями (насколько это возможно в условиях санкций к нашей стране).

* * *

Не следует отказываться ни от особых экономических зон, ни от территорий опережающего социально-экономического развития – российских институтов развития. Но явно следует сосредоточиться на преодолении уже выявленных проблем, на вновь выявляемых проблемах, определяемых, в немалой степени, на базе недавно принятой методики оценки эффективности работы ТОРов, уточнения аналогичной методики работы ОЭЗ, создания и использования методики оценки эффективности работы ТОРов в моногородах.

В области контроля над расходованием бюджетных средств должны быть предприняты дополнительные усилия. Необходимы научно обоснованные методики по налоговым и таможенным льготам, адекватные сложившейся ситуации в нашей стране.

Паллиативным решением проблем института ОЭЗ и ТОРов оказывается экспериментирование и на его основе, отбор результативных методов принятия решений, управления, включая отбор результативных институтов развития через перманентный мониторинг оценок их регулирующего воздействия. Очевидна необходимость разработки группировок российских регионов относительно результативности ОЭЗ и ТОРов по их типам и видам.

Необходим мониторинг ОЭЗ и ТОРов. Мониторинг должен опираться на четкую систему показателей оценки результативности их функционирования. Показатели-индикаторы мониторинга ОЭЗ и ТОРов должный иметь линейную взаимосвязь с показателями социально-экономического развития регионов и муниципальных образований, на территории которых размещены эти институты развития. Показатели мониторинга должны носить обязательные (не рекомендательные) нормативные значения или целевые ориентиры. Устойчивые отрицательные значения таких показателей-индикаторов нормативно станет основанием для ликвидации конкретных неэффективных ОЭЗ и ТОРов.

Наблюдаемая в настоящее время заметная бессистемность создания различных ОЭЗ и ТОРов должна смениться их четкой функциональной ориентацией, а также нацеленностью каждого из них на решение проблем социально-экономического развития конкретных типов регионов.

Использованная литература:

1. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения (пер. с англ. А. П. Горюнова) // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77—93.
2. Гаджиев Ю.А., Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития / Вестник НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, (электронный ресурс) URL: http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-1/1/1.htm
3. Портер М. Конкуренция. — М.; СПб.; Киев: Вильямс, 2-е изд. 2006. — 608 с.
4. Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / пер. с англ. Е. Калининой. М.: «Альпина Паблишер», 2008 (2-е изд. — 2008). — 720 с.
5. Кокарева М.С. Теоретические аспекты формирования кластеров: сущность и классификация // Экономика Региона, № 4, 2006, С. 136-148

Гордиенко Дмитрий Владимирович
доктор военных наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
г. Москва
gordienko@ranepa.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК РОССИИ И СТРАН-ЧЛЕНОВ ШОС ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Аннотация. Обеспечение экономической безопасности государства осуществляется в форме экономического патроната со стороны правительства и центрального банка, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира. Рассматриваются перспективы изменения уровня экономической безопасности России, Китая и Индии при реализации Стратегии «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и его сопряжении со строительством Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Ключевые слова: экономическая безопасность, Россия, Китай, Индия, Шанхайская организация сотрудничества, Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз.

Страны-члены ШОС и другие государства, участвующие в реализации китайского и российского проектов – «Экономического пояса Шелкового пути» и Большого Евразийского партнерства, безусловно, вовлечены и продолжают вовлекаться в процессы глобализации.

В условиях глобализации экономических отношений одной из причин роста количества Региональных торговых соглашений (РТС) и Зон свободной торговли (ЗСТ) является эффект «переориентации торговли» (*trade diversion*), когда между странами, подписавшими преференциальное региональное торговое соглашение, упраздняются торговые барьеры, которые, тем не менее, сохраняются в торговле со странами остального мира. Это

способствует расширению торговли между странами – участниками того или иного интеграционного проекта[2] за счет вытеснения импорта из третьих стран[3].

Формирование глобальных партнерств с большим числом участников, включая крупные экономики, позволяет нивелировать эффект *spaghetti bowl*[4] и, тем самым, усилить взаимовлияние национальных хозяйств стран-участников глобальных интеграционных проектов.

Китай постепенно берет на себя роль лидера призванного решить задачу смены парадигмы экономической глобализации, ориентированной на исключительное право США определять параметры развития мировой экономики.

Пока трудно комментировать то, что конкретно понимается под глобализацией по-китайски, но уже понятна суть позиции Пекина, представляющая собой стремление предложить подходы к интеграционному взаимодействию, принципиально отличному от других. Данные подходы можно рассматривать в контексте того, что азиатские государства, никогда не проявляя готовности поступиться политической властью, соглашаются при региональной интеграции делегировать соответствующим (наднациональным и международным) структурам лишь свои экономические полномочия.

При этом стратегически планируемая перестройка глобальной финансово-экономической системы, предполагающая снижение односторонних выгод для Запада, обозначает выигрыш, прежде всего, для Китая[5].

Как своеобразная альтернатива Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) развивается проект по созданию Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП)[6].

---

[2] И, возможно, увеличению взаимовлияния между национальными экономиками этих стран.

[3] И, как правило, снижению взаимовлияния между национальными экономиками стран-участников и третьих стран.

Потенциальные риски, связанные с потерей позиций на рынках стран, подписавших РТС или соглашение о ЗСТ, побуждает не участвующие стороны подключаться к процессу реализации глобального интеграционного проекта на различной основе.

[4] Этот термин впервые был использован Джагдишом Бхагвати (Jagdish Bhagwati) в работе “U.S. Trade Policy: The Infatuation with Free Trade Agreements”, опубликованной в 1995 году (http://www.columbia.edu/cu/libraries/inside/working/Econ/ldpd_econ_9495_726.pdf).

Spaghetti bowl effect представляет собой явление международной экономической политики, которое отражает осложнения, возникающие в связи с заключением соглашений о свободной торговле между странами, вызванные применением в этих странах внутренних правил происхождения товаров и услуг. Из-за резкого роста числа РТС/соглашений о ЗСТ этот эффект приводит к дискриминационной торговой политике и парадоксальным, часто противоречащим друг другу результатам двусторонних и многосторонних торговых соглашений, и в итоге негативно сказывается на взаимной торговле партнеров по соглашению. Применительно к торговле между азиатскими странами *spaghetti bowl effect* иногда называют «эффектом чаши с лапшой», или «*noodle bowl effect*».

Региональные торговые соглашения и соглашения о ЗСТ получили особо широкое распространение в АТР уже к концу 1990-х годов. Более подробно см., напр., *Стапаран Н.В.* Основные форматы многостороннего взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанской регионе // Индекс Безопасности, 2015, No 3 (114), Том 21 – С. 25 - 36. https://docplayer.ru/42737367-Natalya-stapran-osnovnye-formaty-mnogostoronnego-vzaimodeystviya-v-aziatsko-tihookeanskom-regione.html

По состоянию на май 2018 года в Секретариате ВТО в общей сложности было нотифицировано 673 РТС (включая соглашения, касающиеся торговли услугами и интеллектуальной собственности, инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества), из которых 459 вступили в силу, а 287 являются действующими «физическими» РТС.

[5] Полагаем, что данные об этом необходимо комментировать с особой осторожностью, поскольку внутри стратегических границ влияния Китая постепенно, естественным образом образовывается геополитическое пространство, находящееся под китайским экономическим контролем, финансовым и правовым влиянием.

[6] **Всестороннее региональное экономическое партнерство** (англ. *Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP*) представляет собой соглашение о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ +»). ВРЭП охватывает 4 развитые и 12 развивающихся государств: десять стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины) и шесть стран, с которыми у АСЕАН подписан ряд соглашений и свободной торговле (Австралию, Индию, Китай, Новую Зеландию, Южную Корею и Японию). Начало переговоров было положено 20 ноября 2012 г. на саммите АСЕАН в Камбодже.

ТТП (ВПТТП)[7] и ВРЭП воплощают два во многом альтернативных подхода к преференциальным торговым соглашениям, создаваемым под эгидой США (и/или теперь Японии[8]) и Китая соответственно. [1]

В этих условиях *Россия* выдвигает идею создания *Большого евразийского партнерства* (БЕАП) на основе Евразийского экономического союза и концепции «Один пояс и один путь» с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ и АСЕАН, а также ряда других государств.

Поскольку ряд стран, входящих глобальные интеграционные проекты, являются крупнейшими по размеру ВВП экономиками мира, реализация тех или иных сценариев интеграции в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» может иметь заметное влияние на мировую экономику, и в частности на функционирование экономики России и других стран – членов *Евразийского экономического союза* (ЕАЭС). Осуществление того или иного сценария глобальной экономической интеграции может таить в себе определенные риски, но, в тоже время, иметь потенциальные выгоды для социально-экономического развития России и других стран – членов ЕАЭС.

Инициатива Экономического пояса Шелкового пути в рамках Концепции «Один пояс и один путь», дает возможность реализовать «восточный» вектор развития нашей страны и других государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). [2]

---

7 Когда говорят, что такая-то страна вступила в ТТП, имеется в виду, что она присоединилась к переговорам. В 2008 году данным проектом заинтересовались США, а затем Австралия, Вьетнам и Перу. В 2010 году переговоры о присоединении к ТТП начала Малайзия, в 2012 году – Канада и Мексика. В апреле 2012 г. США заявили о намерении включить в состав организации Японию, в марте 2013 Япония решила начать переговоры о вступлении в ТТП. В мае 2013 года было анонсировано начало переговоров по Японии, в предпринимательской среде Японии началось активное обсуждение перспектив вхождения в ТТП. С 2010 года по сентябрь 2013 года страны провели 19 раундов официальных переговоров по проекту соглашения о ТТП.
5 октября 2015 года в Атланте (США) было достигнуто соглашение по Транстихоокеанскому партнерству между 12 странами: США, Японией, Малайзией, Вьетнамом, Сингапуром, Брунеем, Австралией, Новой Зеландией, Канадой, Мексикой, Чили и Перу. Оно предусматривало создание зоны свободной торговли на территории этих стран. Статус ассоциированных участников или наблюдателей получили Тайвань, Южная Корея, Таиланд и Филиппины. В тот же реестр планировалось включить Индонезию, Папуа – Новую Гвинею и Фиджи. В феврале 2016 года в Окленде (Новая Зеландия) между этими странами был подписан договор о создании ТТП.
Одним из первых распоряжений Дональда Трампа на посту президента США стал указ о выходе этой страны из Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве: «Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement». URL: https://www.whitehous.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific/ (дата обращения: 05.10.2017). В ноябре 2017 года 11 министров торговли ТТП договорились о сотрудничестве без участия США. Сопредседатель переговоров, министр экономики и промышленности Японии Тосимицу Мотэги сообщил, что министры пришли к единому мнению по «претворению ТТП в реальность». По словам министра торговли Вьетнама Тран Туан Аня, министры «достигли соглашения по ряду фундаментальных элементов». https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aa19db99a794746eb986d24. 13 апреля 2018 г. стало известно, что Вашингтон рассматривает возможность заключения новой сделки по Транстихоокеанскому партнерству. Пересмотр соглашения Д. Трамп поручил представителю США на торговых переговорах Роберту Лайтхайзеру и руководителю Национального экономического совета при президенте Лоуренсу Кадлоу, «резко изменив направление» политики. «Мы вновь присоединимся к ТТП, если сделка будет значительно лучше, чем сделка, предложенная президенту Обаме. У нас уже есть двусторонние соглашения с шестью из 11 стран, входящих в ТТП, и мы работаем над заключением сделки с крупнейшей из этих стран, Японией, которая сильно притесняла нас в торговле на протяжении многих лет», — заявил Д. Трамп. https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ad043db9a7947d1125fa037
23 января 2018 года 11 стран завершили переговорный процесс по Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению для Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП). 8 марта 2018 г. соглашение о ТТП подписано без участия США. В разное время ряд стран АТР выразил свое желание присоединиться в ближайшем или отдаленном будущем к ТТП: Индия, Индонезия, Таиланд, а также не исключалась возможность участия в ТТП Китая.

8 Д.Трамп считает, что многосторонние соглашения – зло для США, поскольку в таких сделках его страна противостоит пусть и более слабым игрокам, зато объединенным в коалицию.

Экономическая кооперация Индии. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота Индии со станами-членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на **2,16 %** – с 21,57 % (204,96 млрд долл.) до 23,73 %. (225,46 млрд долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Таджикистана и структуре его товарооборота, возможен отрицательный прирост уровня защищенности национального хозяйства Индии.

К 2025 году уровень экономической безопасности Индии, реализованный в рамках ее экономической кооперации со странами – членами ШОС, может увеличиться на 1,7 п.п. – с 16,36 % до 18,05 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Резервного банка Индии (табл. 1).

Экономическая кооперация Китая. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота Китая со станами-членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на **0,88 %** – с 8,89 % (488,7 млрд долл.) до 9,77 %. (537,57 млрд долл.).

При сохраняющихся трендах экономического развития Афганистана и структуре его товарооборота, возможен отрицательный прирост уровня защищенности национального хозяйства Китая.

К 2025 году уровень экономической безопасности Китая, реализованный в рамках его экономической кооперации со странами – членами ШОС, может увеличиться на **0,72 п.п.** – с 7,07 % до 7,79 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка Китая (табл. 2).

Экономическая кооперация России. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота России со станами-членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на **2,76 %** – с 27,64 % (359,3 млрд долл.) до 30,40 %. (395,2 млрд долл.).

В тоже время сопряжение строительства Евразийского экономического союза с Экономическим поясом Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота России со станами-членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на **3,28 %** до 30,92 % (401,9 млрд долл.).

При сохраняющихся трендах экономического развития Киргизии и Таджикистана и страновой структуре товарооборота России, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства России.

При реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономической кооперации со странами – членами ШОС, может увеличиться на **2,67 п.п.** – с 25,12 % до 27,78 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка России.

При сопряжении строительства ЕАЭС с Экономическим поясом Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономической кооперации со странами – членами ШОС, может увеличиться на **2,673 п.п.** – до 27,79 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка России (табл. 3).

Экономическое противоборство Индии. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота Индии со станами-членами ШОС к 2020 г. на **8,63 %** – с 21,57 % до 12,94 %.

При сохраняющихся трендах экономического развития Индии и структуре ее товарооборота, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Казахстаном, Россией, Белоруссией, Ираном, Непалом, Турцией и Шри-Ланкой.

К 2025 году уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Индии со странами – членами ШОС, может уменьшиться на **1,59 п.п.** – с 3,89 % до 2,3 % от уровня экономической безопасности, реализованного в

рамках экономического патроната со стороны Правительства и Резервного банка страны (см. табл. 1).

Экономическое противоборство Китая. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота Китая со станами-членами ШОС к 2020 г. на **3,56 %** – с 8,89 % (122,1 млрд долл.) до 5,33 % (73,3 млрд долл.).

При сохраняющихся трендах экономического развития Китая и структуре его товарооборота, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Индией и Пакистаном.

К 2025 году уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Китая со странами – членами ШОС, может уменьшиться на **1,59 п.п.** – с 2,57 % до 0,98 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Народного банка страны (см. табл. 2).

Экономическое противоборство России. Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота России со станами-членами ШОС к 2020 г. на **11,05 % –** с 27,64 % (89,825 млрд долл.) до 16,59 % (53,925 млрд долл.).

Сопряжение строительства Евразийского Экономического союза с Экономическим поясом Шелкового пути позволит уменьшить долю нереализованного товарооборота России со станами-членами ШОС к 2020 г. до 14,51 % (47,15 млрд долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития России и структуре ее товарооборота, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства нашей страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Казахстаном, Ираном и Монголией.

При реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономического противоборства со странами – членами ШОС, может уменьшиться на **6,54 п.п.** – с 15,99 % до 9,45 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка нашей страны.

В случае сопряжения строительства ЕАЭС с Экономическим поясом Шелкового пути к 2025 году уровень экономической безопасности России, реализованный в рамках ее экономического противоборства со странами – членами ШОС, может уменьшиться на **6,53 п.п.** – до 9,46 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка нашей страны (см. табл. 3) [3].

Изменение уровня защищенности национального хозяйств России, Китая и Индии при реализации глобальных интеграционных проектов представлено на рис. 1 – 3. Результаты анализа этих диаграмм позволяют предположить, что:

во-первых, Инициатива Экономического пояса Шелкового пути, как и Большое Евразийское партнерство, являются для России больше внешнеполитическими, чем экономическими проектами. Их реализация к 2025 году **снизит** уровень защищенности отечественного национального хозяйства от внешних и внутренних угроз (в первом случае на **3,873** п.п., а во втором – на **3,887** п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка России);

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЕЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ИНДИИ ОТ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УГРОЗ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ,

% от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики Индии в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка Индии = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	с учетом реализации ЭПШП
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**2+4**	**3+5**	**2+3+4+5**
Китай	10,185	**1,071**	5,582	**-2,273**	15,767	**-1,202**	14,565
Казахстан	0,095	**1,320**	-0,0017	**0,0002**	0,0933	**1,3202**	1,4135
Киргизия	0,005	**-0,003**	0,025	**-0,010**	0,03	**-0,013**	0,017
Пакистан	1,078	**0,110**	0,023	**-0,008**	1,101	**0,102**	1,203
Россия	1,825	**0,185**	-0,814	**0,323**	1,011	**0,508**	1,519
Таджикистан	-0,017	**-0,003**	0,085	**-0,036**	0,068	**-0,039**	0,029
Узбекистан	0,013	**0,003**	0,094	**-0,037**	0,107	**-0,034**	0,073
Афганистан	0,006	**0,000**	0,175	**-0,070**	0,181	**-0,07**	0,111
Белоруссия	0,177	**0,016**	-0,165	**0,067**	0,012	**0,083**	0,095
Иран	0,976	**0,098**	-0,694	**0,275**	0,282	**0,373**	0,655
Монголия	0,035	**0,006**	0,015	**-0,004**	0,05	**0,002**	0,052
Азербайджан	0,029	**0,000**	0,011	**-0,005**	0,04	**-0,005**	0,035
Армения	0,009	**0,001**	0,009	**-0,003**	0,018	**-0,002**	0,016
Камбоджа	0,007	**0,000**	0,005	**-0,002**	0,012	**-0,002**	0,01
Непал	0,170	**0,018**	-0,032	**0,014**	0,138	**0,032**	0,17
Турция	1,402	**0,143**	-0,309	**0,126**	1,093	**0,269**	1,362
Шри-Ланка	0,365	**0,039**	-0,115	**0,047**	0,25	**0,086**	0,336
ИТОГО	**при экономической интеграции со странами ЕАЭС в рамках реализации инициативы ЭПШП**						
	2,111	**1,519**	-0,9467	**0,3772**	1,164	**1,8962**	3,061
	при экономической интеграции с остальными странаси-членами ШОС в рамках реализации инициативы ЭПШП						
	14,248	**0,181**	4,8397	**-1,9702**	19,088	**-1,7892**	17,298
	при реализации инициативы ЭПШП						
	16,359	**1,700**	3,893	**-1,593**	20,252	**0,107**	20,359

Таблица 2

ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЕЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ ОТ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УГРОЗ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ,
% от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики Китая в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного Банка Китая = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализации ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	с учетом реализации ЭПШП
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**2+4**	**3+5**	**2+3+4+5**
Индия	1,711	**0,173**	-1,154	**0,463**	0,557	**0,636**	1,193
Казахстан	0,386	**0,039**	0,348	**-0,140**	0,734	**-0,101**	0,633
Киргизия	0,043	**0,003**	0,138	**-0,055**	0,181	**-0,052**	0,129
Пакистан	0,251	**0,027**	-0,204	**0,082**	0,047	**0,109**	0,156
Россия	3,258	**0,332**	1,044	**-0,981**	4,302	**-0,649**	3,653
Таджикистан	0,058	**0,006**	0,254	**-0,10063**	0,312	**-0,0946**	0,21737
Узбекистан	0,091	**0,010**	0,339	**-0,136**	0,43	**-0,126**	0,304
Афганистан	-0,039	**-0,004**	0,085	**-0,034**	0,046	**-0,038**	0,008
Белоруссия	0,123	**0,012**	0,126	**-0,050**	0,249	**-0,038**	0,211
Иран	0,202	**0,021**	0,117	**-0,047**	0,319	**-0,026**	0,293
Монголия	0,186	**0,020**	0,300	**-0,121**	0,486	**-0,101**	0,385
Азербайджан	0,086	**0,010**	0,125	**-0,050**	0,211	**-0,04**	0,171
Армения	0,015	**0,001**	0,0049	**-0,00106**	0,0199	**-0,00006**	0,01984
Камбоджа	0,296	**0,030**	0,527	**-0,213**	0,823	**-0,183**	0,64
Непал	0,003	**-0,00004**	0,0012	**-0,00066**	0,0042	**-0,0007**	0,00354
Турция	0,155	**0,014**	0,136	**-0,053**	0,291	**-0,039**	0,252
Шри-Ланка	0,252	**0,026**	0,392	**-0,158**	0,644	**-0,132**	0,512
ИТОГО	**при экономической интеграции со странами ЕАЭС в рамках реализации инициативы ЭПШП**						
	3,825	**0,387**	1,6609	**-1,2271**	5,486	**-0,84006**	4,646
	при экономической интеграции с остальшыми странаси-членами ШОС в рамках реализации инициативы ЭПШП						
	3,253	**0,333**	0,9171	**-0,3689**	4,170	**-0,0359**	4,134
	при реализации инициативы ЭПШП						
	7,078	**0,720**	2,578	**-1,596**	9,656	**-0,876**	8,78

Таблица 3

ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЕЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ ОТ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УГРОЗ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ,
% от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка России = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализаци и ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализаци и ЭПШП	**прирост с учетом реализации ЭПШП**	без учета реализаци и ЭПШП	**прирост с учетом реализаци и ЭПШП**	с учетом реализаци и ЭПШП
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**2+4**	**3+5**	**2+3+4+5**
Казахстан	1,321	**0,133**	-0,21	**0,09**	1,111	**0,223**	1,334
Киргизия	-0,003	**0,000022**	0,17	**-0,07**	0,167	**-0,07**	0,097
Белоруссия	2,208	**0,223**	1,69	**-0,68**	3,898	**-0,457**	3,441
Армения	0,152	**0,015**	0,1	**-0,04**	0,252	**-0,025**	0,227
Китай	16,474	**1,789**	10,313	**-4,248**	26,787	**-2,459**	24,328
Индия	1,547	**0,158**	1,373	**-0,552**	2,92	**-0,394**	2,526
Пакистан	0,099	**0,012**	0,043	**-0,018**	0,142	**-0,006**	0,136
Таджикистан	-0,037	**-0,006**	0,123	**-0,051**	0,086	**-0,057**	0,029
Узбекистан	0,251	**0,027**	0,710	**-0,285**	0,961	**-0,258**	0,703
Афганистан	0,00049	**0,00005**	0,0011	**-0,0005**	0,00159	**-0,00045**	0,00114
Иран	0,178	**0,016**	-0,066	**0,023**	0,112	**0,039**	0,151
Монголия	0,072	**0,007**	-0,096	**0,035**	-0,024	**0,042**	0,018
Азербайджан	0,704	**0,073**	1,021	**-0,411**	1,725	**-0,338**	1,387
Камбоджа	0,000021	**0,000004**	0,000038	**-0,000015**	0,000059	**-0,000011**	0,000048
Непал	0,000002	**0,0000002**	0,000004	**-0,000002**	0,000006	**-0,0000018**	0,0000042
Турция	2,090	**0,213**	0,704	**-0,283**	2,794	**-0,07**	2,724
Шри-Ланка	0,064	**0,009**	0,114	**-0,046**	0,178	**-0,037**	0,141
ИТОГО	**при экономической интеграции со странами ЕАЭС в рамках реализации инициативы ЭПШП**						
	3,678	**0,371**	1,75	**-0,700**	5,428	**-0,329**	5,099
	при экономической интеграции с остальшыми странаси-членами ШОС в рамках реализации инициативы ЭПШП						
	19,353	**2,085**	13,536	**-5,554**	32,889	**-3,468**	29,420
	при реализации инициативы ЭПШП						
	25,119	**2,671**	15,999	**-6,544**	41,118	**-3,873**	37,245

во-вторых, Реализация Инициативы Экономического пояса Шелкового пути обеспечит для Китая прирост уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз только при распространении этой Инициативы на страны Евросоюза. Ограничение Инициативы только странами – членами ШОС к 2025 году **снизит** защищенность экономики этой страны на **0,876** п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного банка Китая.

Аналогично, участие Китая в Большом евразийском партнерстве и реализация Всестороннего регионального экономического партнерства являются для Китая больше внешнеполитическими, чем экономическими проектами. Их реализация к 2025 году **снизит**

уровень защищенности национального хозяйства Китая от внешних и внутренних угроз (в первом случае на **1,883** п.п., а во втором – на **3,348** п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного банка Китая);

в-третьих, экономическая интеграция Индии со странами – членами ШОС в рамках реализации Инициативы Экономического пояса Шелкового пути обеспечит для Индии **прирост** уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз на **0,107** п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка Индии. Однако участие Индии в Большом евразийском партнерстве и реализация Всестороннего регионального экономического партнерства являются для Индии больше внешнеполитическими, чем экономическими проектами. Их реализация к 2025 году **снизит** уровень защищенности национального хозяйства Индии от внешних и внутренних угроз (в первом случае на **0,193** п.п., а во втором – на **1,277** п.п. от уровня, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка Индии).

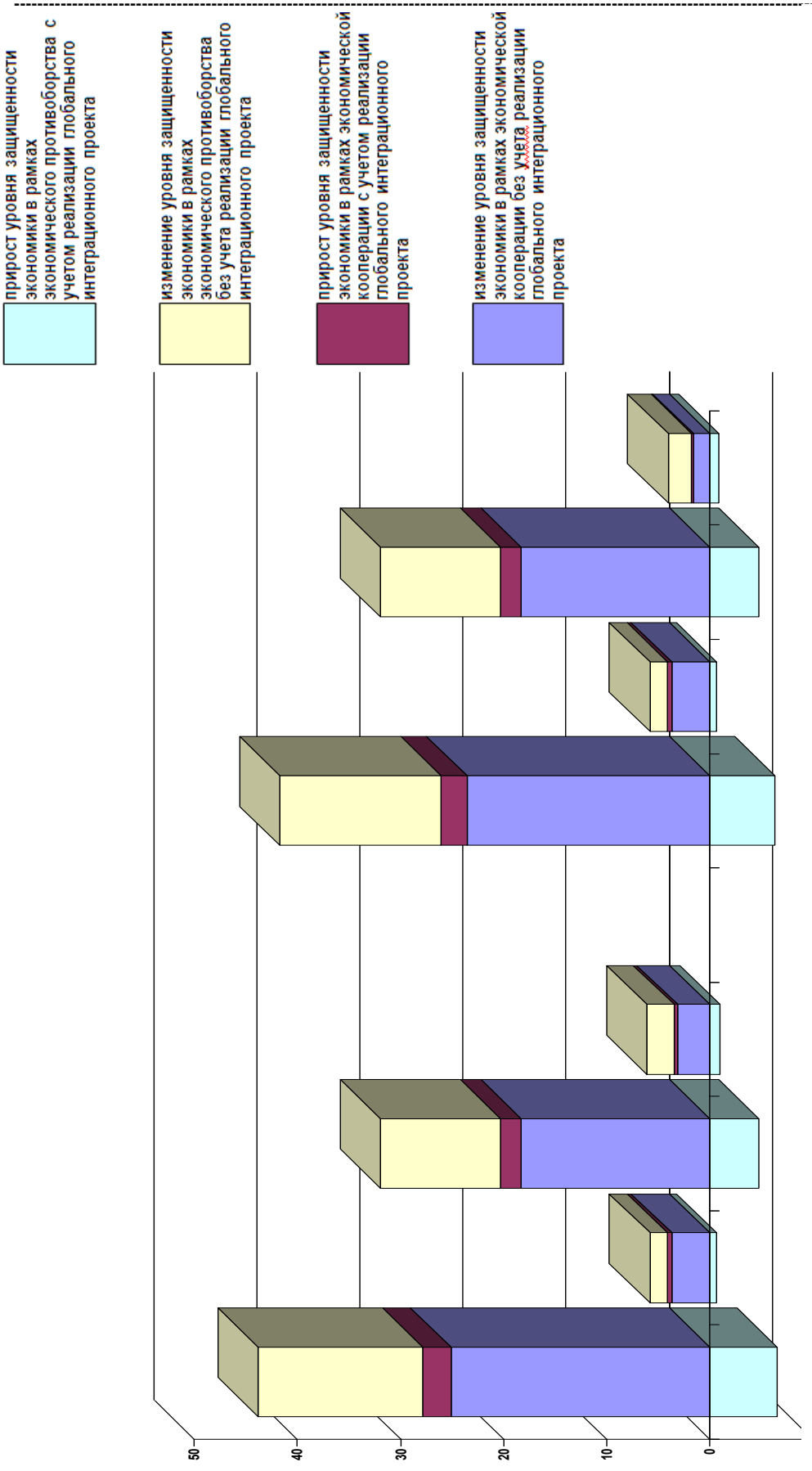

Рис. 1. Изменение уровня защищенности национального хозяйства России при реализации глобальных интеграционных проектов, %

защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального Банка России = 100 %

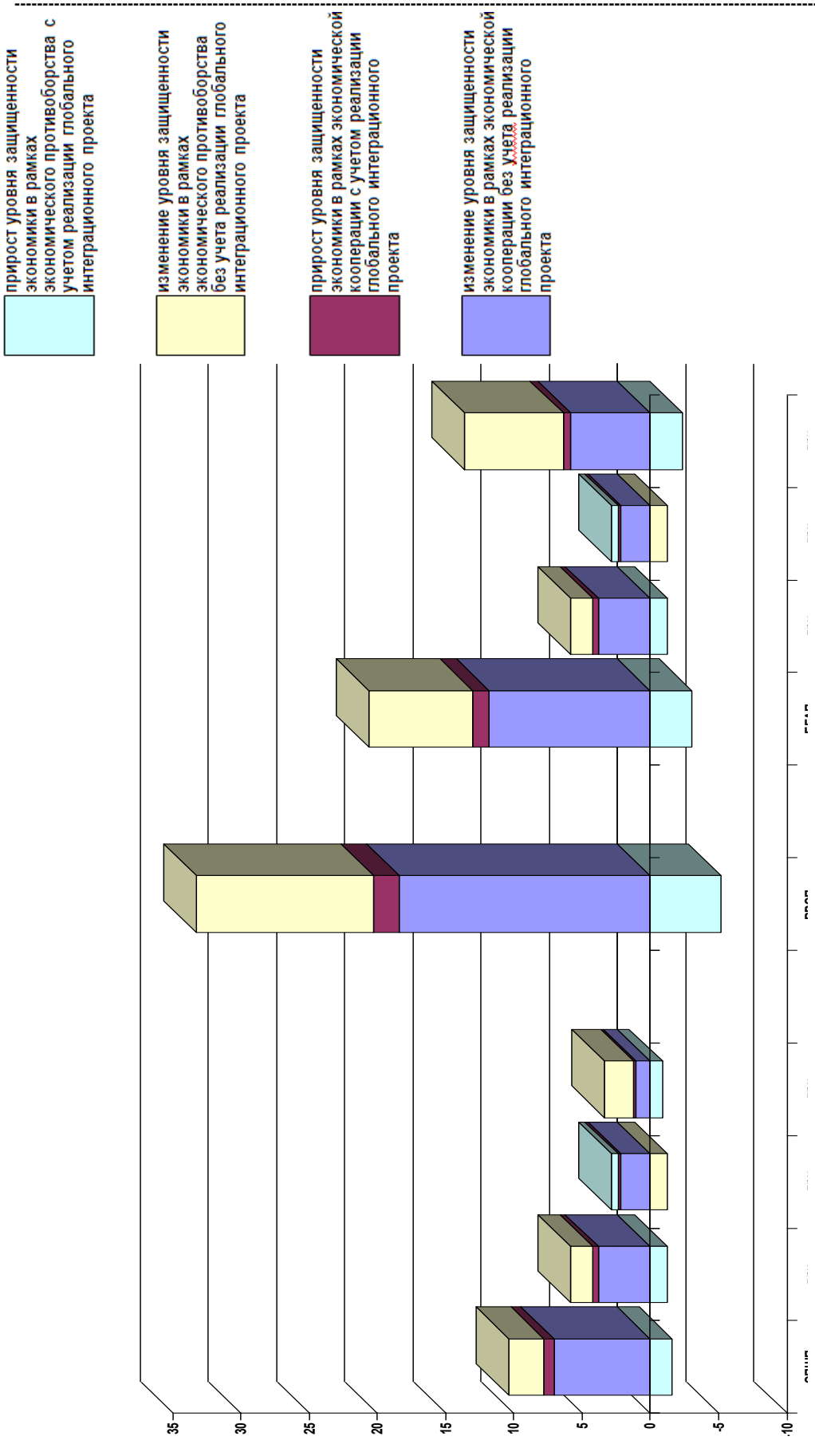

Рис. 2. Изменение уровня защищенности национального хозяйства Китая при реализации глобальных интеграционных проектов, %

защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Народного Банка Китая = 100 %

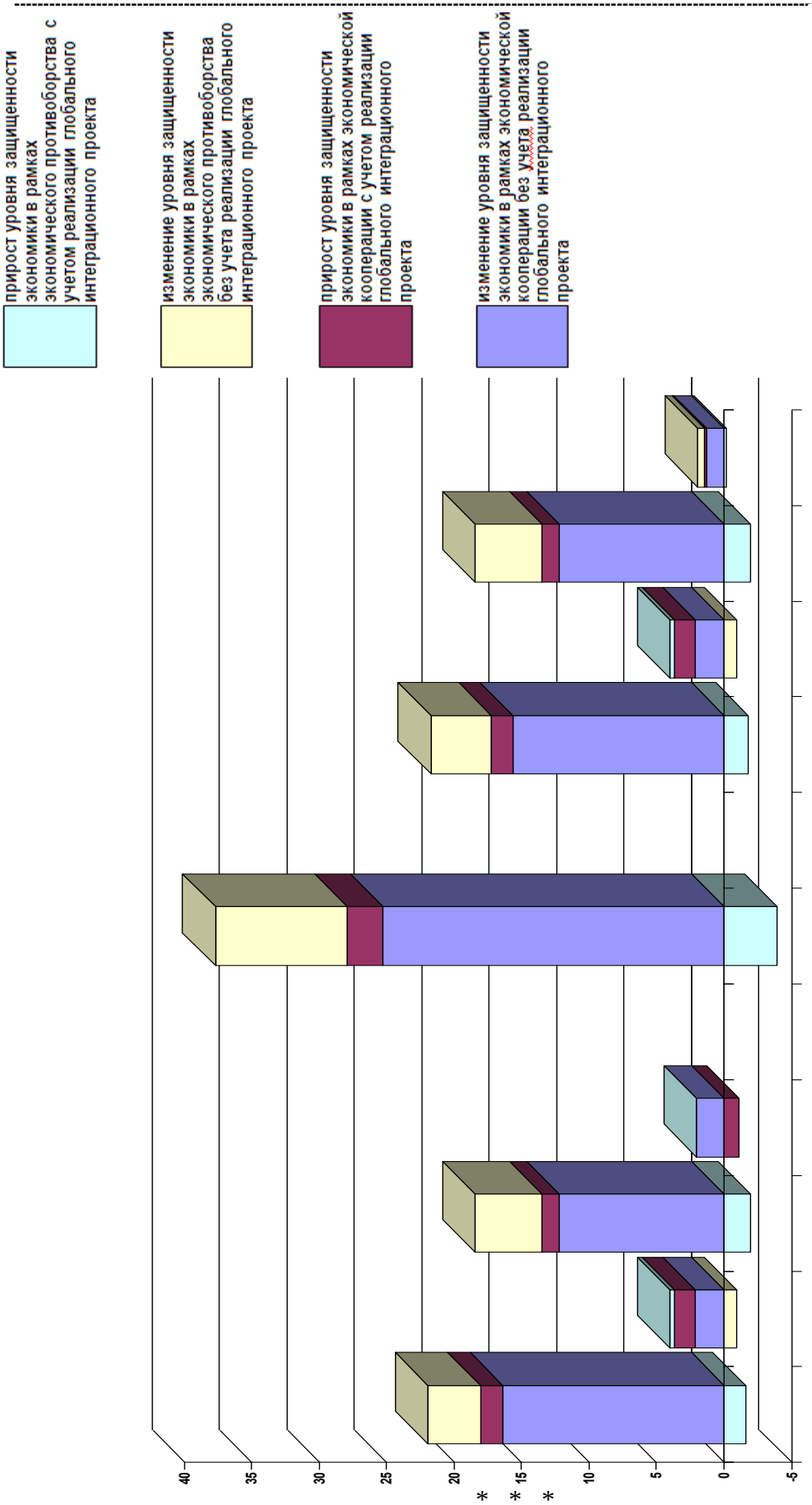

Рис. 3. Изменение уровня защищенности национального хозяйства Индии при реализации глобальных интеграционных проектов, %

защищенность национальной экономики России в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного Банка Индии = 100 %

На фоне медленного восстановления мировой экономики от последствий глобального финансово-экономического кризиса мировому сообществу предстоит найти новую модель взаимодействия и создать новые механизмы экономического развития. При этом ситуация с реализацией глобальных интеграционных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, усложнение системы регионального и межрегионального торгового сотрудничества обусловливает необходимость пересмотра стратегий интеграционной активности ключевыми экономиками мира. Тренд по формированию двусторонних соглашений сместился в сторону заключения мегарегиональных блоков, формирующихся на основе устоявшихся кооперационных связей и цепочек добавленной стоимости.

Во-вторых, проект развития Шелкового пути важен сегодня не только для России и Китая, но и для других стран, входящих в глобальную экономику, поскольку он охватывает область, которая производит около 55 % мирового ВВП и имеет около 75 % разведанных запасов энергии.

В-третьих, власти США не скрывали, что, инициируя Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), а теперь Концепцию свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (Индо-Тихоокеанское партнерство, ИТП) они борются с возрастанием экономической мощи Китая.

В-четвертых, в настоящее время в АТР постепенно формируется устойчивый баланс сил между Китаем и Индией. Китай и Индия, безусловно, становятся локомотивами мирового экономического роста. Однако национальные интересы обеих стран во многом продолжают противостоять друг другу. Оба государства активно вкладывают средства в развитие оборонного потенциала, что обусловливает усиление конфликтности в регионе.

У Китая и Индии есть понимание того, что одного наращивания военно-экономической мощи для создания интеграционной модели недостаточно. Необходима поддержка внешних сил. В этой связи особое значение для Индии приобретает партнёрство с Россией и Китаем, в том числе и через механизмы Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

Список литературы:

1. *Гордиенко Д.В.* Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации. Монография – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. – 338 с. ISBN 978-5-00024-098-4.
2. *Гордиенко Д.В., Сафонов М.С.* Реинтеграция или дезинтеграция. Как защитить национальные интересы? Монография – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2018. – 384 с. ISBN 978-5-6040896-8-2.
3. *Гордиенко Д.В., Гордиенко Ю.Д.* Оценка изменения уровня экономической безопасности стран – членов Шанхайской организации сотрудничества при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018, № 10, том 6 (82) – С. 35 – 47. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Гринченко Сергей Николаевич
доктор технических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт проблем информатики ФИЦ "Информатика и управление" РАН
г. Москва
sgrinchenko@ipiran.ru

О ТРЕНДАХ ИЗМЕНЕНИЯ ПЕРИОДА ЦИКЛОВ КОНДРАТЬЕВА: МОДЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. На базе рассмотрения истории Кондратьевских волн в контексте объединённой модели хронологии и периодизации археологической эпохи – до момента информационно-системной сингулярности (около 1981 г.) – сделан вывод: развитие Цивилизации характеризует монотонный тренд усложнения информационных и производственных технологий, определяющий последовательность сменяющихся технологических инновационных волн со всё уменьшающимися периодами, который в этот момент сменяется трендом увеличения этих периодов.

Ключевые слова: Кондратьевские инновационные волны, тренды изменения периода циклов Кондратьева, модель хронологии и периодизации археологической эпохи, информатико-кибернетическая модель самоуправляющейся системы Человечества, информационно-системная сингулярность

Обнаруженные Н.Д.Кондратьевым длинные волны в мировой экономической динамике наиболее часто интерпретируют как смену технологических укладов в развитии Цивилизации. Актуальна проблема выявления возможных трендов изменения их периодов – как в прошлом, так и в будущем. Ряд авторов выдвинул гипотезу, согласно которой укорачивающаяся последовательность длин волн инноваций в социуме описывается числами ряда Фибоначчи [5, 11] – дискретного варианта соответствующего ряда «золотого сечения».

На базе рассмотрения истории развития пред-Цивилизации и Цивилизации нами ранее был сделан вывод, что эти процессы характеризует монотонный тренд усложнения информационных технологий (ИТ): сигнальных поз/звуков/движений – мимики/жестов – речи/языка – письменности – тиражирования текстов – компьютеров – телекоммуникаций/сетей – перспективной нано-ИТ и т.д., что коррелирует с ростом иерархической сложности системы Человечества. Именно этот тренд определяет последовательность сменяющихся технологических инновационных волн со всё уменьшающимися периодами [3]. Несколько последних из таких волн (длиной 60-40 лет) соответствуют циклам, выявленным Кондратьевым, предшествующие им можно рассматривать как обобщение его циклов.

Указанный вывод проистекает из анализа поведения единой модели хронологии и периодизации археологической эпохи [2, 7-9]. Она представляет собой объединение хронологической шкалы информатико-кибернетической модели (ИКМ) самоуправляющейся системы Человечества [1] и «Фибоначчиевой» модели археологической эпохи (ФМАЭ) [6] (рис. 1).

Единая модель демонстрирует *гармоничность* процесса пред-цивилизационного и цивилизационного развития в археологическую эпоху [4]. Отражающие это числовые ряды сходятся около 1981 года – точки «*информационно-системной сингулярности*» (ИСС), которая воплощена в двух формах. Первая относится к процессу стартов новых ИТ, последовательность времён которых *сходится* во временной точке ~1981 г., вторая – к процессу кульминаций скорости усложнения этих ИТ, последовательность времён которых привязана к первой, но вместо сходимости демонстрирует *перегиб* около этой даты, с переходом тренда своего изменения с *укорочения* на *удлинение* [1, 10] (рис. 2).

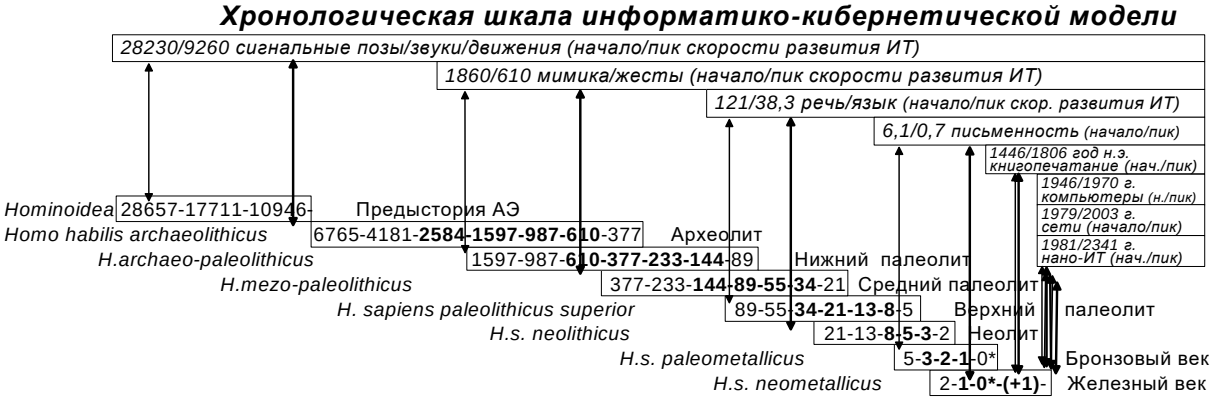

Рис. 1. Объединённая модель хронологии и периодизации археологической эпохи (ФМАЭ+ИКМ).

Рис. 2. График зависимости запаздывания кульминаций скорости развития ИТ относительно моментов их стартов в ходе роста иерархической сложности системы Человечества со временем (с позиций объединённой модели хронологии и периодизации археологической эпохи).

Для выяснения тренда изменения периода циклов Кондратьева *в будущем* введём обобщение единой модели: разделим промежутки между моментами кульминаций скорости усложнения ИТ – в последние несколько тысячелетий и в прогнозируемом будущем – согласно «золотому сечению» на 6 периодов (памятуя, что в археологическую эпоху, в общем случае, именно шестёрки соответствующих периодов – это существенные этапы в цивилизационном развитии, обладающие своими доминантами [7]).

И тогда получаем следующие расчётные последовательности:

А) между кульминациями ИТ речи/языка и ИТ письменности

периоды: 15,22 – 9,41 – 5,82 – 3,59 – 2,22 – 1,37 (тысяч лет, с ускорением)

даты: 38,3 – 23,08 – 13,67 – 7,86 – 4,26 – 2,04 – 0,67 тысяч лет до н.э.

Б) между кульминациями ИТ письменности и ИТ тиражирования текстов

периоды: 1002 – 619 – 383 – 236 – 146 – 90 (лет, с ускорением)

даты: 670 г. до н.э. – 332 г. н.э. – 951 – 1334 – 1570 – 1716 – 1806

В) между кульминациями ИТ тиражирования текстов и ИТ компьютеров

периоды: **66** – **41** – **25** – 16 – 10 – 6 (лет, с ускорением)
даты: 1806 – 1872 – 1913 – 1938 – 1954 – 1964 – 1970 гг.
Г) между кульминациями ИТ компьютеров и ИТ телекоммуникаций/сетей
периоды: 5,5 – 5,5 – 5,5 – 5,5 – 5,5 – 5,5 (лет, равномерно)
даты: 1970 – 1975/76 – 1981 – 1986/87 – 1992 – 1997/98 – 2003 гг.
Д) между кульминациями ИТ телекоммуникаций/сетей и перспективной нано-ИТ
периоды: 12 – 20 – **32** – **52** – 85 – 137 (лет, с замедлением)
даты: 2003 – 2015 – 2035 – 2067 – 2119 – 2204 – 2341 гг.

В пункте В полужирным шрифтом выделены оценки, иллюстрирующие теорию Кондратьева. Дальнейшее укорочение длины таких волн вплоть до 5,5 лет не даёт возможности приписать каждой из них собственное содержательное наименование – их, по-видимому, следует интерпретировать как своеобразный переходной процесс смены трендов их изменения. В будущем же (пункт Д) можно ожидать роста соответствующих длин, включая близкие к кондратьевским 32 и 52 года до конца ближайшего столетия.

Для сравнения получившихся результатов с аналогичными имеющимися в литературе (полученными эмпирически), обратимся к работе Д.Шмигулы [12], который изучал проблему изменения периодов современных и «пред-современных» технологических волн и предложил следующую их датировку (табл.):

Согласно этой таблице, исторические изменения длин указанных волн по D.Šmihula достаточно близки к «золотому сечению» (1.618…), что также демонстрирует *гармонию* развития такого, эмпирически выявленного, процесса. Для продления таблицы далее в будущее у него, очевидно, не было достаточных аргументов.

Модельный подход, напротив, позволяет выдвинуть соответствующий прогноз – конечно, имея в виду, что все расчётный оценки носят ориентировочный, реперный характер. Необходимо отметить и высокую степень соответствия расчётных по ИКМ датировок эмпирическим по D.Šmihula.

Кроме того, на строке № 3 полужирным шрифтом отмечены датировки, периоды между которыми вполне соответствуют длинам волн Кондратьева.

Таким образом, модельный расчётный прогноз указывает: текущая технологическая волна, начавшаяся около 2015 года в контексте развития ИТ телекоммуникаций, будет продолжаться до примерно 2035 года, после чего начнётся новая технологическая волна с примерным завершением около 2067 года, базирующаяся на дальнейшем существенном усложнении этой ИТ, при одновременном повышении интереса к исследованиям в области создания новой перспективной нано-ИТ [1].

Таблица

Характеристики технологических волн по [12] и по ИКМ.

№	Согласно D.Šmihula				Согласно ИКМ
	Датировка	Длина	Соотношение длин смежных волн	Технологическая революция	Информационная революция
A	1900-1100 ВС	800+400=1200		Индо-европейская	… – 2040 г. до н.э. –
B	700-200 ВС	500+500=1000	1,6 (1,2)	**Кельтская и греческая**	Кульминация ИТ письменности: фонетический алфавит, городская революция осевого времени (670 г. до н.э.)

C	300-700 AD	400+230=630	1,25 (1,59)	Германо-славянская	332 г. н.э. –
D	930-1200	270+140=410	1,48 (1,54)	Средневековая	– 951 –
E	1340-1470	130+130=260	2,08 (1,58)	Ренессанс	– 1334 – Старт ИТ тиражирования текстов (1446)
1	1600–1740	140+40=180	0,93 (1,44)	Финансовая и сельскохозяйственная	– 1570 – 1716 –
2	1780–1840	60+40=100	2,33 (1,8)	**Индустриальная**	Кульминация ИТ тиражирования текстов: промышленная революция (1806 –)
3	1880–1920	40+20=60	1,5 (1,67)	Техническая	– **1872** – **1913** – **1938**
4	1940–1970	30+15=45	1,33 (1,33)	Научно-техническая	– 1954 – 1964 – Старт (1946) и кульминация (1970 –) ИТ компьютеров: микропроцессорная революция – 1975/1976 – 1981 –
5	1985–2000	15+15=30	2,0 (1,5)	Информационная и телекоммуникационная	1986/1987 – 1992 – 1997/1998 – 2003 Старты ИТ телекоммуникаций (1979), нано-ИТ (1981) и т.д.
6	2015-2025 (?)	10?+10?=20?	1,5 (1,5)	**гипотетическая пост-информационная**	Кульминация ИТ телекоммуникаций (2003)– 2015 – 2035 – 2067 – 2119 – 2204 –
	-	-	-	-	Кульминация нано-ИТ (2341 –) …

Список литературы

1. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИРАН, 2007. 456 с. – см. также http://www.ipiran.ru/grinchenko/book_2/text.shtml
2. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. 2010. № 12. С. 1076-1084.
3. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. О возможных предшественниках кондратьевских волн // *Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений»:* сб. науч. трудов участников Международной конференции «XXIV Кондратьевские чтения» – М., МООСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2017. – С.105-110 – https://elibrary.ru/item.asp?id=28957135
4. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Гармония в процессах развития природы и общества: «безусловный» и «условный» аргументы // Пространство и время, 2018. № 1-2 (31-32). С. 61-65.
5. Давыдов А.А. Волны инноваций и числа Фибоначчи: оценка перспективности гипотезы (2010) – http://www.ssa-rss.ru/files/File/KomitetyROS/SystemSociology/Fibonacci_Numbers.pdf

6. Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М.: КомКнига, 2005. 192 с.
7. Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Исторический факультет Моск. Ун-та, Федеральный исслед. центр «Информатика и управление» РАН. 2017. 236 с. – см. также http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/03f/45831.pdf
8. Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н., Кокорина Ю.Г. Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. М.: Федеральный исслед. центр «Информатика и управление» РАН, 2019. 136 с.
9. Grinchenko S.N., Shchapova Y.L. Human History Periodization Models // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2010, V. 80, No. 6, Pp. 498-506.
10. Grinchenko S.N., Shchapova Y.L. About the Singularity and its Possible Place in Big History: Deductive Approach // The 21st Century Singularity and Global Futures. A Big History Perspective. Publisher: Springer International Publishing, 2020 (in the press). ISBN 978-3-030-33729-2 & 978-3-030-33730-8 – see https://www.springer.com/gp/book/9783030337292#aboutBook
11. Groot de B., Franses P. Cycles in basic innovations // Technological Forecasting and Social Change. 2009, V. 76, Issue 8, Pp. 1021-1025.
12. Šmihula D. The waves of the technological innovations of the modern age and the present crisis as the end of the wave of the informational technological revolution // Studia politica Slovaca, 1/2009, Bratislava, Pp. 32-47.

Доброхлеб Валентина Григорьевна
доктор экономических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Институт социально-политических исследований РАН
г. Москва
vdobrokhleb@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

При финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-02-50064-ОГН

В современном мире нарастает противоречие между могуществом созданных миром машин и инструментов и снижающейся способностью человека влиять на процесс производства и распределения его результатов во благо всех. Старение населения выступает одним из главных глобальных демографических вызовов, характеризующимся возникновением ряда социально-экономических последствий, которые оказывают заметное влияние на устойчивое развитие стареющих государств. Большинство развитых и развивающихся стран (в том числе, Россия) завершили стадию реализации демографического дивиденда – ситуации, когда вследствие снижения рождаемости и смертности доля трудоспособного населения достигала максимальных исторических значений, а нагрузка непроизводительными группами населения стремилась к минимуму. Закрытие «демографического окна» ознаменовало переход к фазе интенсивного нарастания последствий старения населения (необратимого в условиях суженного воспроизводства населения), к числу которых относятся снижение темпов экономического роста, изменение структуры сбережений, рост дефицита пенсионных систем, увеличение нагрузки на

социальную инфраструктуру, снижение темпов воспроизводства трудовых ресурсов, возникновение дефицита предложения на рынке труда, «старение» рабочей силы (увеличение среднего возраста занятых и безработных) и др. Одной из важнейших категорий в исследовании процесса старения населения выступает определение уровня «демографической старости». Наиболее широкое распространение в науке получили методологические подходы ООН и польского демографа Э. Россета, в которых «демографическая старость» определялась удельным весом населения старше 65 и 60 лет соответственно. Позднее рядом исследователей производились попытки совершенствования классификаций уровней «старости», основанные на схожих методологических принципах. Одной из главных нерешенных проблем в данном методологическом подходе является влияние рождаемости на трансформацию возрастной структуры и изменение удельного веса населения старших возрастов, что не дает в полной мере оценить старение «сверху», т.е. за счет роста продолжительности жизни в старших возрастах. Решение данного методологического противоречия было найдено в концепции «проспективного возраста», предложенную У. Сандерсоном и С. Шербовым. Введенный ими критерий для определения уровня старости населения – доля населения с ожидаемой продолжительностью жизни 15 лет и менее, позволяет нивелировать влияние фактора рождаемости. В мировой науке на протяжении длительного периода времени предпринимаются попытки исследования социально-экономических последствий старения населения в межстрановом сравнении. Однако по-прежнему существует важное ограничение: международные сравнения затруднены в силу различий стран по целому ряду важнейших параметров (в частности, границ пенсионного возраста).

Одним из существенных критериев анализа старения населения является выявление объема человеческого потенциала пожилых и старых людей, в том числе на национальном уровне. Существуют различные подходы, позволяющие рассматривать человеческий потенциал [1]. Проблема человеческого потенциала может рассматриваться на микро, мезо, макро и глобальном уровнях. С нашей точки зрения наиболее существенными компонентами человеческого потенциала старших возрастных групп являются: здоровье, образование, мотивация и социальные институты, поддерживающие человеческий потенциал поколений на протяжении всего жизненного цикла.

Здоровье на макроуровне может оцениваться показателями ожидаемой продолжительности здоровой жизни, с одной стороны, и общей продолжительностью жизни с учетом бремени болезней. Зарубежные исследования показали, что болезни, которые как правило связываются со старением, в разных странах появляются в совершенно разном возрасте – межстрановой разрыв составляет более 30 лет. Средний житель планеты накапливает букет старческих недомоганий к 65 годам. При этом пожилые французы и сингапурцы "чувствуют себя на 65", когда им исполняется 76, а жители Папуа-Новой Гвинеи проблемы со здоровьем имеют уже к 45 годам. Россияне опережают новогвинейцев, но значительно отстают от среднемировых показателей. С учетом развития болезней, характерных для пожилого возраста, старость в России наступает к 59 годам [2]. Всемирная организация здравоохранения показала, что «здоровая жизнь» россиян заканчивается в 63,5 года. В Национальном проекте «Демография» предусмотрено к 2024 году увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет [3]. Потенциал здоровья старшего поколения нашей страны остается невысоким. Безусловно, требуются не декларативные, а реальные меры по его укреплению.

Второй существенной компонентой потенциала является уровень овладения умениями, навыками, компетенциями, которые в определенной степени могут измеряться уровнем образования населения, с учетом продолжительности лет обучения. Непрерывное образование необходимо для того, чтобы состояться в профессии. Хорошее образование — залог умения связывать различные факты и ориентироваться в потоках противоречивой информации, образованность становится сверхактуальной. Уровень образования определяет возможности участия на рынке труда. По результатам проведенного Росстатом

«Комплексного наблюдения условий жизни населения 2018» показано, что на российском рынке труда занято в возрасте 15 лет и старше 73,6% работников, имеющих профессиональное образование. У работающих пенсионеров (оба пола) доля, имеющих профессиональное образование выше – и составляет 86,9% . следует отметить, что среди пожилых работающих женщин доля, имеющих профобразование, еще выше – 88,2%, среди работающих пенсионеров мужчин этот показатель составляет 84,7%. В 2018 году 60,8% пенсионеров, желающих найти работу по найму отмечали, что работу найти довольно сложно. Лишь 4,1% пенсионеров ответили, что работу можно найти достаточно легко [4]. Приведенный анализ показал, что даже при наличии профессионального образования для пенсионеров найти применение своим знаниям непросто. Сложности с поиском работы возросли в связи с принятием в 2018 году изменений в пенсионном законодательстве. Была введена новая социально-демографическая категория – предпенсионеры. Определение «предпенсионный возраст» было внесено в законодательство – это возраст на пять лет меньше пенсионного, то есть, в среднем, - 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Для россиян, имеющих специфические условия труда, в том числе, работа на тяжелых и вредных производствах, или проживание в условиях крайнего Севера, предпенсионный возраст установлен ниже. Льготы для предпенсионеров, согласно ФЗ-350 «О внесении изменений в отельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 г., становятся доступны этим категориям граждан раньше. Правительством РФ была утверждена Специальная программа профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 года и план организации учебных мероприятий. Ежегодно переобучение смогут проходить 75 тысяч граждан этого возраста. Таким образом, к 2024 году переобучение должны пройти 450 тысяч россиян. Это, безусловно, мало, т.к. общая численность предпенсионеров составляет более 10 млн. человек. В России официально трудоустроены только 40% из 10,1 млн. граждан, отнесенных к данной категории. Эксперты оценивают уровень безработицы среди предпенсионеров как экстремально высокий и связывают происходящее с эйджизмом при приеме на работу сотрудников пожилого возраста, распространенностью неофициальных трудовых отношений, а главное – с отсутствием высокотехнологичных рабочих мест.

Социальные институты, включая рынок труда, систему образования, существующие эйджиские стереотипы, не позволяют, не только в полной мере использовать ресурсный, в первую очередь образовательный потенциал и мотивацию на включение в рынок труда, но в определенной мере препятствуют формированию новых практик активного долголетия. В Национальные проекты желательно включить разделы, определяющие конкретные меры по снижению бедности, организации новых рабочих мест в высокотехнологичных отраслях, созданию отраслей «серебряной экономики» [5] и более широкому распространению практик «образования через всю жизнь».

Литература и источники:

1. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения. //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 89-103.
2. Определен возраст, при котором россиян можно назвать старыми URL: https://novostivl.ru/post/70336/ (Дата обращения 16.03.2019).
3. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. URL: http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf]
4. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018 URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (Дата обращения 14.10.2019).
5. Ли Донг Джун Политика «серебряной индустрии» // Власть. 2007. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-serebryanoy-industrii (дата обращения: 14.10.2019).

Захаров Валерий Константинович
доктор физико-математических наук
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва
zakharov_valeriy@list.ru

ЗАКАТ МИРОВЫХ ПРОЕКТОВ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ РОССИИ

Аннотация: В статье на основе новой (***историко-памятной***) теории социального развития описывается закат мировых проектов. Он даёт России редкостную возможность **обретения смыслового и проектного суверенитета**. Описывается необходимость проведения в России новой экономической политики, основанной на **синтезе дирижизма и либерализма**.

Ключевые слова: вменение и отторжение новых представлений, сборка и развал новых консорций, эгоистический и альтруистический коды, необходимость синтеза экономического дирижизма и либерализма.

Часть 1. Мегатенденции современного мира

ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ И ИЗБАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

В обществе извечно и вечно происходят два взаимосвязанных процесса (явления).

1) ***Процесс вменения новых представлений*** (смыслов, ценностей, мечтаний, целей, предложений, устремлений и пр.) ***и сборки*** на их основе **(*новопредставленческих*) *консорций*** (по Л.Н. Гумилёву [1]), состоящих из схожих по своим представлениям личностей общества.

2) ***Процесс отторжения*** **исконно неверных** (противоречащих исторически накопленной памяти) вменённых представлений и ***развала*** соответствующих **исконно искусственных** (противоречащих исторически накопленной практике) собранных консорций.

В итоге ***процессов изменения и избавления*** происходит ***восстановление*** прежних **исконно верных** (исходящих из исторически накопленной памяти) представлений и ***сплочение*** на их основе прежних **исконно естественных** (основанных на исторически накопленной практике) консорций.

Последними мировыми вменениями являются *коммунизм*, *интернационализм*, *экуменизм*, *глобализм*, *либерализм*, *толерантизм*, *постиндустриализм* и пр. Эти вменения происходили в течение **нескольких последних столетий**. Однако отторжение всех указанных исконно неверных вменений стало заметно ускоряться **именно в наше современное время**.

Объяснение наличия указанных процессов даётся в рамках ***историко-памятного представления о развитии общества*** изложенного в работе [5, С.39-55].

Согласно этому представлению первичной движущей силой мирового бытия является вся **(хранящаяся в сознании и подсознании) исторически накопленная память популяционных обществ**, побуждающая их к тем или иным действиям в соответствии с текущим состоянием бытийной среды.

Точнее, память популяционных обществ в каждый настоящий момент времени побуждает общества, во-первых, к воспроизведению старых типов бытия, согласующихся с текущим состоянием бытийной среды, и, во-вторых, к созданию новых типов бытия, согласующихся с изменившимся состоянием бытийной среды. Поясним сказанное более подробно.

ТИПЫ БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

Прошедшее или настоящее объединённое (т.е. вещественное и мысленное) бытие любого общества может быть сведено к отдельным **совокупностям**, называемым далее ***типами* (*способами*) *бытия***. Все типы бытия данного общества можно подразделить на следующие классы.

Один класс типов составляют ***неотипы бытия***, т.е. те типы, которые зародились в прошлом и **воспроизводились** вплоть до недавнего времени. Подкласс класса неотипов составляют ***стереотипы бытия***, которые зародились весьма давно. Про них, благодаря их воспроизводству на достаточно длинном промежутке времени, можно судить, что они в некотором будущем ещё будут воспроизводиться. Подкласс класса стереотипов составляют ***архетипы бытия***, которые зародились в глубокой древности. Про них, благодаря их воспроизводству на очень длинном промежутке времени, можно уверенно судить, что они ещё очень долго будут воспроизводиться в данном обществе в будущем вплоть до неотменяемости.

ПАМЯТНЫЙ ОБРАЗ ТИПА БЫТИЯ В СОЗНАНИИ И ПОДСОЗНАНИИ ПОПУЛЯЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В мысленном мире каждого общества, осуществлявшем или осуществляющем данный тип бытия, создаётся некоторое частичное, обобщённое и усреднённое ***узнаваемо-передаваемое представление*** или иначе ***памятный образ* (*мем*[†]) *этого типа бытия***. Этот памятный образ обязательно включает в себя ***памятный образ* (*мем*) *исходного состояния бытийной среды общества***, при котором возникал данный тип бытия. Последний памятный образ будем называть короче ***исходным образом среды***.

Мем типа бытия общества **обладает** *побуждающим воздействием на общество для воспроизведения этого типа бытия* членами данного общества, осуществлявшего или осуществляющего данный тип бытия.

Происходит это, по-видимому, следующим образом. В сознании членов данного общества постоянно создаётся *текущий образ его бытийной среды* (на данный момент времени). Этот образ постоянно **соотносится (сверяется)** с памятью и, в частности, со всеми мемами.

Если текущий образ среды **близок** к хранящемуся в каком-либо меме исходному образу среды, то этот **мем побуждает общество воспроизводить** данный тип бытия и степень его побуждающего воздействия на воспроизведение типа бытия данным обществом в данном месте в данное время **пропорциональна** величине близости образов (точнее, чем более указанные образы **схожи**, тем степень больше).

Более того, **при наличии указанной близости** степень побуждающего воздействия мема типа бытия на его воспроизведение данным обществом в данном месте в данное время вдобавок **пропорциональна**,

- во-первых, близости момента времени последнего действительного осуществления этого типа бытия к рассматриваемому моменту времени (точнее, чем **ближе** указанные моменты, тем степень больше),
- и, во-вторых, совокупному времени всего предыдущего действительного осуществления этого типа бытия в этом обществе (точнее, чем **больше** указанное время, тем степень больше).

И поэтому степень воспроизведения некоторого типа бытия пропорциональна сумме трёх указанных независимых побуждающих величин для данного типа бытия в данный момент времени. Назовём эту сумму ***побудительной мощностью мема типа бытия в данный момент времени***. В частности, побудительная мощь мема архетипа сильнее побудительной мощи мема стереотипа, а побудительная мощь мема стереотипа сильнее побудительной мощи мема неотипа.

[†] Термин ***мем*** образован от латинского слова «**memoria**», переводящегося на русский язык словом «**память**».

Мем с высокой побудительной мощностью будем называть ***побудительным***, а с низкой мощностью − ***спящим***.

ОЩУТИМОЕ ИЗМЕНЕНИЕ БЫТИЙНОЙ СРЕДЫ И СОЗДАНИЕ НОВЫХ ТИПОВ БЫТИЯ

При ощутимом изменении бытийной среды общества из всего имеющегося многообразия новых представлений различные части общества обращаются к тем представлениям, которые являются для них ***привлекательно-возможностными***, т.е. и привлекательными для целевого осуществления, и мысленно возможными для него.

Под действием побуждения проснувшимся мемом архетипа обновления у некоторых частей общества возникает ***устремлённость*** (*пассионарность* по Л.Н. Гумилёву [1]) к воплощению новых привлекательно-возможностных представлений в бытие общества. На этой устремлённости возникают **(*новопредставленческие*) *консорции***, состоящие из схожих по своим новым представлениям и устремлённостям личностей общества.

ВМЕНИТЕЛЬНЫЕ И ВОПЛОТИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПОЛНОМОЩНОЙ КОНСОРЦИИ

Однако для указанных выше вменения и сборки у консорции (кроме устремлённости, как мысленного средства) обязаны быть соответствующие (вещественные и вещественно-мысленные) ***вменительные средства*** (ресурсы). Если таких средств хватает, то созданная консорция может переходить к действительному (часто разрушительно-насильственному) воплощению упомянутых протомемов в бытие общества и, тем самым, к воплощению своего **устремления**. Однако, в свою очередь, для этого у консорции должны быть соответствующие (вещественные и вещественно-мысленные) ***воплотительные средства***.

(Новопредставленческую) консорцию естественно назвать ***полномощной***, если она обладает вменительными и воплотительными средствами к действительному воплощению своего устремления.

Именно усилиями и средствами собранной полномощной консорции создаётся **небывалый** (не существовавший ранее) **тип бытия**, подобный своему мнимому образу и поэтому удовлетворяющий целевому представлению, т.е. **подходящий к новому изменённому состоянию бытийной среды**.

Далее эти новые типы бытия либо добровольно принимаются большинством общества, либо принудительно ему навязываются некоторыми консорциями.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИМЕРЫ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ НАВЯЗАННЫХ МИРОВЫХ ПРОЕКТОВ

Недавними хорошо известными примерами **навязанных мировых проектов** являются коммунистский, интернационалистский, экуменистский, глобалистский, либералистский, толерантистский и постиндустриалистский проекты. В совокупности они заняли последние три столетия.

Коммунистский проект, вменённый британской консорцией для разрушения империй, соперничавших с британской империей, с точки зрения его исходных вменителей оказался полностью выполнен и был просто закрыт. Интернационалистский проект был поглощён новым глобалистским. Глобалистский и связанный с ним постиндустриалистский проекты испытывают сейчас большие затруднения в самих США, поскольку отвергаются историческим ядром США, состоящим из WASP′ов (белых англо-саксонских протестантов). Толерантистский проект вязнет в Польше и на Украине и испытывает затруднения в Европейском Союзе. Либералистский проект постепенно ослабевает в России.

Избавление от этих проектов стало особенно ускоряться в последнее **полстолетие**. Причиной такого ускорения стало заметное **сокращение *внедренческого*** совокупного потока вменительных, воплотительных и подавительных средств, поступающего от англо-саксонской суперконсорции в другие общества на внедрение в них этих проектов. Указанное сокращение обусловлено тем, что англо-саксонский мир к настоящему времени (из-за **истощения** извлекаемых «колониальных» средств) утратил часть своего могущества, которым он обладал ещё в 19 веке.

ЗАКАТ МИРОВЫХ ПРОЕКТОВ И ПРОЕКТНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ МИРА

Таким образом, из-за воздействия подсознания, передающегося в обществах по рожденческому наследованию, и исторически накопленной (сознательной и подсознательной) памяти обществ, а также из-за указанного выше сокращения внедренческого потока процессы отторжения **исконно неверных** коммунистских, интернационалистских, экуменистских, глобалистских, либералистских, толерантистских, постиндустриалистских и других ранее вменённых представлений и развала соответствующих **исконно искусственных** собранных консорций оказались **мегатенденциями именно нашего современного мира** [6], [7].

Это означает, что возникла **проектная неопределённость современного мира**. И в такую эпоху «предпочтение истории» получает тот, кто раньше обретёт проектный суверенитет.

Часть 2. Новая экономическая политика для России

ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ ОБРЕТЕНИЯ ПРОЕКТНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Поскольку пока новых мировых вменений «демиургами истории» ещё не начато, постольку наступление проектной неопределённости мира предоставляет России редчайшую историческую возможность **обретения смыслового и проектного суверенитета**. Для этого нужно окончательно **избавиться** от всех указанных выше навязанных извне мировых вменений и **руководствоваться** только своим собственным эпохальным (столетия), стратегическим (десятилетия) и тактическим (годы) **смысловым целеполаганием.**

При этом своё собственное целеполагание (чтобы не подвергнуться описанному выше отторжению) должно вытекать из **всего** предыдущего бытия страны и не вступать в противоречие с исторически накопленной (сознательной и подсознательной) памятью. Иначе говоря, Россия, как мысленно обобщённый **субъект** мирового исторического процесса, должна продолжать делать то, что она делала в своей тысячелетней истории, исходя из накапливающихся с веками **исторических данностей**. Рассмотрим некоторые их этих данностей.

ИСКОННЫЕ СКЛОННОСТИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ОБЩЕСТВА КАК ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННОСТИ

Особенные обозримые совокупности типов бытия называются далее ***кодами общества***, а совокупности их памятных образов (мемов) называются далее ***идеями общества, присущими данным кодам*** или просто ***идеями кодов общества*** Коды и присущие им идеи вместе составляют ***модусы общества***.

Совокупное обобщённо-усреднённое **побуждение** членов общества мемами всех типов бытия, входящих в данный код общества, к воспроизведению этих типов бытия и, значит, всего кода можно назвать ***склонностью общества, задаваемой данным модусом*** (*императивом общества*).

Некоторые склонности на уровне сознания осознаются обществом в виде некоторых ***поведенческих установок, задаваемых соответствующими модусами*** (или проще ***кодами***).

Среди всех обширных кодов выделяются ***код обращённости к себе*** и ***код причастности к обществу***. Их ещё можно называть ***эгоистическим кодом*** и ***альтруистическим кодом***. Склонности к обращённости к себе и к причастности к обществу на уровне сознания обычно осознаются обществом в виде известных общих поведенческих установок «***Я должен преуспевать!***» и «***Мы должны преуспевать!***», соответственно. Данные исконные поведенческие установки в не чрезвычайных обстоятельствах складываются в *исконную совокупную* (*синтетичную*) *поведенческую установку* «***И я, и мы должны преуспевать!***».

ИЗВЕЧНОСТЬ И ВЕЧНОСТЬ СИНТЕЗА ЭГОИЗМА И АЛЬТРУИЗМА

Склонности к эгоизму и к альтруизму присутствуют в каждом обществе **в слаженном неразрывном соединении (синтезе)**. Это значит, что не существует и не может существовать обществ, в которых присутствует только одна склонность, т.е. все члены

общества склонны только к эгоизму или только к альтруизму. Эти склонности проистекают из сознания и подсознания общества. Поскольку они имеют врождённую **подсознательную** составляющую, их можно уничтожить, только уничтожив само общество.

Поэтому можно сделать обобщающий вывод о том, что **синтез склонности к обращённости к себе и склонности к причастности к обществу является извечным и вечным**. Используя более вменённые иноязычные понятия, можно сказать, что синтез эгоизма и альтруизма является извечным и вечным. Этот синтез придаёт обществу **бидинамическую адаптивность (парно подвижную приспособляемость) к изменениям его бытийной среды**. В спокойные времена преобладает склонность к эгоизму, в тяжёлые для общества времена «просыпается» склонность к альтруизму.

ДВУХТИПНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Указанные пары кодов и установок привели с течением времени к тому, что хозяйственная деятельность в обществе свелась к двум основным отчётливым типам: к ***архетипу управляемой хозяйственной деятельности*** и к ***архетипу самоуправляемой хозяйственной деятельности*** [4], [5, С.212-215].

Эти архетипы хозяйственной деятельности можно также описывать, используя следующие не точные, но исторически привычные парные соответствия: *плановая − рыночная*, *дирижистская − либеральная*, *контролируемая − партнёрская*, *общественная − частная*, *указательная − обменная* и пр.

Соответственно этим архетипам в обществе складываются две системы хозяйственной деятельности: *управляемая* и *самоуправляемая*. В системе самоуправляемой хозяйственной деятельности руководства всех её хозяйственных учреждений нацелены в основном на **собственное преуспевание**. В системе же управляемой хозяйственной деятельности руководства всех её хозяйственных учреждений, подчиняясь единому центру, нацелены в основном на **преуспевание всей системы и, тем самым, и всего общества в целом**.

ДВУХСИСТЕМНАЯ СИНТЕТИЧНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ИЗВЕЧНОСТЬ И ВЕЧНОСТЬ СИНТЕЗА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИРИЖИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА

Поскольку двухсистемность хозяйственной деятельности вытекает из исконной (т.е. идущей от сознания и, в особенности от подсознания) двухсклонной синтетичности самого общества, её можно уничтожить, только уничтожив само общество. Поэтому можно сделать обобщающий вывод о том, что **синтез управляемости и самоуправляемости хозяйственной деятельности является извечным и вечным**. Используя менее точные, но более вменённые и известные понятия, можно сказать, что **синтез экономического дирижизма и экономического либерализма является извечным и вечным**.

Этот синтез является первичным и к «саморазвитию» производительных сил общества, и к «изменению» видов собственности на средства производства, и к «переходу» к следующим социально-экономическим формациям, и к центро-периферийным мир-системным «переходам», и к техническому и общественному «прогрессу» и к прочим «научно» вменяемым причинам и обстоятельствам «развития» общества. При всех возможных изменениях общества синтез «капитализма» и «социализма», основанный на синтезе эгоизма и альтруизма, будет **неизбывным**.

ВТОРОЙ НЭП, НО С ДРУГОГО КОНЦА: ВОССОЗДАНИЕ СИНТЕТИЧНОСТИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Для воссоздания синтетичности экономики России **дополнительно** к воссозданной в результате перестройки системы самоуправляемого хозяйствования должна быть воссоздана в осовремененном виде система **управляемого хозяйствования**. Образно говоря, нужно провести **второй НЭП**, но с другого конца.

Опишем некоторые принципы воссоздания управляемой хозяйственной системы [5, С.353-366].

В эту систему должны войти те учреждения, которые **жизненно важны** для существования страны в настоящее время и в обозримом будущем. Поэтому согласно

сложившемуся историческому бытию России добывающая и тяжёлая промышленность, связь, транспорт, военно-космическо-промышленный комплекс, информационно-технологический комплекс, а также территориальная инфраструктура должны быть **представлены** в управляемой системе.

Стратегически указанная дополнительная централизованно управляемая система должна быть основана на долгосрочном **индикативном планировании** национального развития. Тактически указанная дополнительная система должна быть основана на краткосрочном **плановом частичном государственном заказе**. Поэтому она **может проходить** через обычные учреждения любых форм собственности, работающие в рамках рыночной деятельности, но **согласные на добавочное** выполнение краткосрочного планового частичного государственного заказа [3], [5, С.363].

Проблема любого вида хозяйствования не только в том, чтобы произвести, но произвести то, что кому-то нужно. Поэтому рассматриваемая система должна быть *слаженной* в том смысле, что:

1) в неё должны войти предприятия всех основных способов хозяйственной деятельности (метааграрного (извлекающего из природной среды), индустриального (перерабатывающего) и сервисного (обслуживающего)),

2) в ней должны присутствовать целостные хозяйственные цепочки **технологически сопряжённых производств** [2] от получения сырья из природной среды до создания конечного продукта, необходимого для выполнения **совокупного** планового частичного государственного заказа,

3) в ней на основе планового частичного государственного заказа должно быть известно, кто от кого получает **заказную часть** объектов производства, и кто кому передаёт **заказную часть** продуктов производства, и т.д.

Производство продукции в этой системе **вне госзаказа** может осуществляться по собственному усмотрению учреждений и на рыночной основе.

Ценообразование на учреждениях этой системы при госзаказной деятельности должно строиться на основе **себестоимости** и должно подправляться на основе рыночного ценообразования при сопутствующей внегосзаказной деятельности.

Именно в этой системе можно было бы провести ускоренную **модернизациию** и **реиндустриализацию**. Именно в ней могли бы стать востребованными и **наука**, и **образование**.

Эта система должна находиться в рамках **общего государственного экономического протекционизма**. В частности, нужно затруднять **импорт** жизненно важной продукции путём **повышения** ввозных таможенных пошлин и путём **понижения** обменного курса рубля по отношению к основным валютам.

Список литературы:

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. − Айрис-Пресс, 2016. − 560 с.
2. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. − М.: ВлаДар, 1993.
3. Закиматов Г.В. Централизованное директивное планирование в рыночной экономике — новое качество экономики // Экономика и управление. 2014. № 6. С. 927-932.
4. Захаров В.К. Второй НЭП как способ изменения геополитической химеры современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 3. С. 34-43.
5. Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. − М.: Издательский дом "Кислород", 2017.
6. Захаров В.К. Мегатенденции современного мира: Избавление от навязанных изменений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 2. Часть 1. С. 32-38.

7. Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределённость мира // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 2. Часть 1. С. 39-45.

Захаров Александр Николаевич
доктор экономических наук, профессор
Всероссийская академия внешней торговли
г.Москва
azakharov@vavt.ru

Старовая Юлия Александровна
студентка V курса
Московский Государственный институт Международных отношений
г.Москва
starovaya.yu.a@my.mgimo.ru

ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ РОССИИ И МИРА

Аннотация. В статье анализируется проблема миграции капитала и основные причины его бегства. «Бегство капитала» негативно сказывается как на перспективах экономического развития, так и на авторитете государства в глазах граждан. Авторы делают вывод, что ключевым фактором в решении проблемы «бегства капитала» является реализация новой экономической политики, обеспечивающей более благоприятный инвестиционный климат как для отечественных. так и для иностранных инвесторов.

Ключевые слова: экономическая политика, миграция капитала, «бегство капитала», теневая экономика, глобализация.

На современном этапе экономики значительно возрос уровень движения финансовых ресурсов между странами. Процессом, стимулирующим рост масштабов передвижения международных потоков капитала, является глобализация, которая непосредственно влияет на процесс стирания барьеров к беспрепятственному движению финансовых ресурсов. Данный процесс является объективным, поскольку многие страны нуждаются в дополнительном финансировании, которое невозможно без свободного движения капитала. Однако и здесь существует «обратная сторона медали», выражающаяся в увеличении возможностей перемещать капитал нелегальными или полулегальными путями, что и подразумевает «бегство капитала». Американский экономист, специалист в области международной экономики и международных финансов Чарльза Киндлебергера рассматривает «бегство капитала» как «движение капитала из страны, которое противоречит ее интересам и происходит из-за неблагоприятного инвестиционного климата в стране, а также из-за часто незаконного происхождения этого капитала» [1, С.101]. В кризисные годы наблюдается тенденция к росту «бегства капитала», а в периоды, когда экономика находится на подъеме, напротив, «ввоз капитала» может превалировать. Максимальный отток капитала за последние 10 лет по нашим расчетам наблюдался в 2014 году и составлял более 150 миллиардов долларов. Второй по масштабам отток произошёл в 2008 году и был равен по нашим данным более 130 миллиардов долларов.

Динамика «бегства капитала» весьма сложна, однако она далеко не хаотична. Все колебания объемов бегства обусловлены экономико-политической ситуацией в конкретной стране и во всем мире. В 2010 году по данным авторов наблюдался наименьший показатель около 30 миллиарда долларов. Этот год был, действительно, весьма удачным для России: рост ВВП составил 4%, что являлось самым высоким показателем среди стран уже бывшей

большой восьмерки, инвестиции в основной капитал возросли почти на 6,0 %. Повышению инвестиционной активности способствовали улучшение финансового положения организаций и рост доступности кредитных ресурсов в экономике. В политической плоскости был создан Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России. Российская экономика находилась на подъеме, соответственно, и капитал оставался в активно развивающейся на тот момент стране. В 2014 году случился целый ряд важных событий, которые сильно повлияли на рост «бегства капитала», но все же ключевым является присоединение Крыма и последовавшая за ним негативная реакция западных стран, а также введение антироссийских санкций. Последнее дестабилизировало экономическую ситуацию и спровоцировало массовое «бегство капитала» за рубеж.

«Бегство капитала» ложится тяжелым бременем на экономику многих стран, в том числе, современной России и является весьма серьезным препятствием для нормального функционирования новой экономической политики. География данной проблемы весьма обширна. Многие развивающиеся страны становятся жертвами, так называемого, налогового рая или оффшорных зон. Наиболее остро вопрос «бегства капитала» стоит в азиатских странах и в Латинской Америки. Лидерами по данному показателю стали Китай, Россия, Южная Корея, Бразилия. По расчетам авторов размер «бегства капиталов» из Китая в 2015 году составил около 676 миллиардов долларов. За период с 1970 по 2010 годы Бразилия потеряла более 500 миллиардов долларов. Сюда следует добавить недвижимость, яхты, драгоценности и картины. Данные по другим странам Азии и Латинской Америки не менее удручающие.

Помимо очевидных недостатков с экономической точки зрения, «бегство капитала» провоцирует целый ряд политических и социальных проблем. Это свидетельствует о проведении неэффективной экономической политике, выступает в качестве инструмента давления на политические элиты и страну в целом, не говоря уже о самых очевидных негативных последствиях, таких как дестабилизация экономики и отток потенциальных налогов. Таким образом, очевидно, что проблема «бегства капитала» затрагивает экономическое благополучие многих стран мира, представляет весьма серьезную угрозу экономической безопасности и требует её решения [2].

Основными причинами утечки капитала из РФ в 1990-е годы принято считать издержки перехода с социалистической системы хозяйствования на капиталистическую, возникшие в результате распада СССР [3]. «Шоковая терапия» и последующие многочисленные потрясения послужили основанием для недоверия граждан к национальной банковской системе и к правительству в целом, что не могло не отразиться на общем инвестиционном фоне. Другая причина заключается именно в неблагоприятном инвестиционном климате, усугубляющемся недостаточно совершенной правовой базой. Следующий фактор, способствующий «бегству капитала», - несовершенство финансового сектора, продиктованное уязвимостью монетарного контроля и разбалансированностью банковской системы. Налицо процесс становления конфискационного характера налоговой системы, которая изымает у предприятий до 90% прибыли через различные налоги. Поэтому можно говорить о том, что стимулирующее начало современной российской налоговой системы развито слабо, а ее сложность служит для многих предпринимателей поводом для отказа от ведения легального бизнеса в России или вообще является стимулом для переноса бизнеса в другую страну.

Еще одна причина «бегства капитала» - недоверие населения к банкам и другим финансовым организациям. Несмотря на то, что современные тенденции в банковской сфере приобретают позитивный тренд развития. За последние годы индекс доверия к банкам и предлагаемым ими услугам заметно вырос, однако он далек от идеала. Один из ключевых факторов, провоцирующих «бегство капитала», является криминализация экономики. Вопрос криминализации экономики в нашей стране сейчас является не менее острым, чем зачастую вызванное им «бегство капитала».

Рассмотрев основные причины «бегства» капитала и сопоставив их с реальной ситуацией в нашей стране, можно сделать вывод, что в России сложились все предпосылки для такого явления и для решения проблемы придется провести рамках новой экономической политики комплексную реформу, затрагивающую практически все сферы экономики.

«Бегство капитала» идет параллельно с нарастающей глобализацией, которая способствовала усилению интеграционных процессов. Это привело к сокращению транзакционных и транспортных издержек, а также к исчезновению искусственных барьеров для движения основных факторов производства через государственные границы [4]. Рассмотрим факторы, способствующие нелегальному перемещению капитала. Стоит отметить, что либерализация перемещения капитала в рамках транс-национальных компаний (ТНК) является стимулом для развития национальных экономик. Либерализация движения капитала обеспечивает приток финансовых ресурсов в отдельные страны. Кроме того, меры по либерализации облегчают выход компаний на мировой рынок. Однако при всех положительных аспектах, перераспределение капитала в условиях ТНК является важным фактором, способствующим нелегальному перемещению капитала, а также одним из ключевых каналов миграции легального и полулегального капитала.

Другим фактором, способствующим миграции капитала, является «финансовая глобализация». Данный термин описывает процесс стремительного роста фондового, валютного, кредитного рынков, а также рынка государственных долговых обязательств. Мощный импульс такому явлению придало развитие новых компьютерных технологий, появление и широкого распространения новых видов платежных систем и связи. Финансовая глобализация проявляется, в большей степени, в росте количества операций на валютных рынках (особенно, стран Еврозоны). Имеет место также создание многочисленных финансовых инноваций, другими словами, появление финансового инструментария, использующегося на рынке фьючерсов, опционов, валютных и процентных свопов, варрантов. Все это поспособствовало повышению мобильности капитала, снижению транзакционных издержек, что, в конечном результате, сказалось на повышении привлекательности для предпринимателей в инвестировании. Немаловажным фактором явилось и ослабление контроля со стороны национальных правительств за движением капитала, что, с другой стороны, привело и к усугублению проблемы «бегства капитала».

Существует целый ряд негативных последствий для страны, страдающей от высокого уровня «бегства капитала». Государство лишается возможности в полной мере собирать налоги. Капитал, который необходим для развития страны, инвестируется за ее пределами. Всё это негативно сказывается на имидже государства. Высокий уровень «бегства капитала» может служить рычагом давления на Российскую Федерацию. Факты «бегства капитала» из национальной экономики не только подрывают позиции страны на мировой арене, но и наносят вред авторитету государства в глазах граждан. Высокий уровень миграции капитала в другие страны в ущерб свой собственной является одним из индикаторов неспособности государственного аппарата эффективно регулировать экономическую политику [5].

Кроме того, «бегство капитала» провоцирует множество проблем, которые замедляют развитие экономики не только в данный конкретный период, но негативно сказываются на будущих перспективах. Миграция денежных средств фактически сказывается на всех сферах жизни общества: социальной, порождая в умах граждан недоверие и неприязнь к властям; политической, ставя под удар авторитет страны и делая ее легкой мишенью для оппонентов; экономической, дестабилизируя ситуацию. Однако прецедент «бегства капитала» является выгодным для отдельных конкретных лиц, которые обладают возможностями оказывать реальное влияние на ход действий в стране, и, если не лишить этих лиц такой власти, «бегство капитала» так и будет продолжаться. Таким образом, все выше проанализированные негативные явления еще раз доказывают, что проблема «бегства капитала» должен быть решена в рамках проведения новой экономической политики.

В настоящее время разработаны основные способы противодействия «бегству капитала». Они могут носить либерально-рыночный, либерально-административный или административный характер. Эти способы отличаются по комплексу мер решения проблемы, времени, затраченному на ликвидацию «бегства капитала», и продолжительности эффекта от данной экономической политики. Либерально-рыночный путь самый долгий, но он направлен на устранение причин «бегства капитала». В то время, как административный путь эффективно снижает «бегство капитала» в период проведения данной экономической политики, однако в будущем, при послаблении контроля, процесс может возобновиться с новой силой. Либерально-административный способ включает в себя черты двух выше указанных направлений. Именно такой путь представляется на наш взгляд наиболее подходящим для большинства стран, в том числе и для России. Данный способ подразумевает как совершенствование валютного и финансового регулирования, так и ужесточение контроля над валютными операциями. Кроме того, при этом способе осуществляется ужесточение контроля по соблюдению правил и норм обязательного резервирования средств нерезидентов. Необходима и унификация порядка взаимодействия между российскими банками и банками в оффшорных зонах. Однако, на наш взгляд, наиболее важной задачей в противодействии «бегству капитала» является создание такой экономической политики, которая смогла бы обеспечить режим наиболее благоприятного инвестиционного климата как для российского, так и для зарубежного бизнеса. Для контроля и анализа потоков капитала должна быть разработала общая база учета объема капиталовложений отечественных компаний. А также необходимо продолжение введения современных международных стандартов бухгалтерского учета для обеспечения прозрачности российских компаний для потенциальных инвесторов. Кроме того, по нашему мнению, необходимо сконцентрировать внимание на качестве потенциальных инвестиций. И здесь большую роль должны сыграть консалтинговые компании. Для контроля над процессом внедрения и функционирования данной системы целесообразно создание специализированных государственных структур, в чьи компетенции будет входить взаимодействие с иностранными агентами.

Более того, не стоит забывать, что «бегство капитала» имеет также и человеческий фактор. Именно люди и их сомнения в потенциале собственной страны являются движущей силой в миграции капитала. Поэтому первостепенной задачей является убеждение людей в состоятельности российской экономики. Государство своей новой экономической политикой должно доказать, что инвестировать на Родине выгоднее, чем за ее пределами. И только изменив отношение граждан, Россия сможет с справиться с проблемой незаконного «бегства капитала».

Список литературы:

1. Ч. Киндлбергер, Р. Алибер. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи. / СПб.: Питер 2010– С. 101.
2. А.Н. Захаров. Экономическая безопасность России в сфере международных отношений. Учебное пособие. / М.: МГИМО-университет, 2005.- 44с.
3. М.О. Ермолов. Отток капитала из РФ: масштабы и последствия / Бизнес и банки. 2012. №33(1110) С.1-8.
4. А.Н. Захаров, Ю.А. Старовая. Бегство капитала как одно из последствий глобализации. / Мировое и национальное хозяйство. 2017. №1 (40)
5. В.А. Панов. Россия: утечка капитала и национальная безопасность. / М: ИЭ РАН. 2002.-56 с.

Иванов Виктор Викторович
кандидат экономических наук
Национальный Исследовательский Университет – Высшая Школа Экономики
г. Москва
Заместитель Председателя
Совет по реализации стратегии пространственного развития страны
г. Москва
vic_ivanov@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Нарастающая дезинтеграция в мировой экономике и социуме не случайна. Мир готовится перейти на новый организационный уровень. Этот переход неизбежен и определен во времени, но имеет несколько сценариев. Одни способны обеспечить рывок, другие новую великую депрессию. И, хотя это не выбор между социальными и либеральными ценностями, для России важен не только рывок, но и социальность выбора, природа и обоснованность которого рассматривается в работе.

Ключевые слова: смена организационных формаций; ТОР В.В. Иванова; новый миропорядок; новая великая депрессия; социальное государство; либеральное (производственное) государство; общественный контроль; реформа управления; разделение властей; социальный договор

Пока в научных кругах идет активный спор и осмысление проблемы – «что порождает рост: научные открытия, стимулирующие производство или финансы, стимулирующие новые открытия», а «опухшие губы заклинателей непрерывно и безуспешно шепчут лишь одну мантру: иностранные инвестиции, иностранные инвестиции, иностранные инвестиции…», считаем, что особую роль в будущих принципиальных изменениях будет играть социальный фактор.

Большинство научных школ и мировых ученых, включая Маркса, рассматривают основной движущей силой общественной эволюции экономику, в тех или иных ее аспектах. И лишь сквозь ее призму и на ее основе формируется представление о социуме и его развитии. Отсюда и его неизбежная второстепенность в классической общественной мысли.

Идею на хлеб не намажешь. Поэтому, наблюдающийся рост внимания к социальным аспектам опять-таки служит только прилагательным для бизнеса и политических целей – «продажи индивидам новых и новых продуктов» [3].

Мы не предлагаем поменять местами социальные и экономические аспекты, но считаем, их значимость и место существенно недооцененными. При этом, по нашему мнению, ключевыми факторами развития общества они не являются [8]. А базой изменений служат организационное усложнение системы, направленное на ее энергетическую максимизацию.

Понять глубинные корни и причины выбора классических (на сегодня) исследователей, определяющих приоритет экономических факторов развития можно. Их работы пришлись на период времени (с конца 18 века), когда развитие экономики было доминантным. Одновременно, на протяжении всей истории цивилизации за десять тысяч лет активными участниками преобразований, в том числе и таких поступательных, как инновации были единицы. И даже плодами их трудов пользовались от силы 10% всего населения. Поневоле захочется найти ген какой-нибудь пассионарности и объяснить им все происходящее.

Тем не менее, общественное развитие — это не только экономика и технологии, но одновременно и многие социальные аспекты общественной жизни, включая строительство, искусство, культуру и другие стороны. Причем инновации всех этих аспектов деятельности еще и коррелируют между собой [3], образуя на каждом уровне развития общества

целостную систему идей, подходов, технологий и результатов развития, происходящих практически одновременно (частично на базе организационных изменений, частично создавая для нее основу) от одного крайне неустойчивого состояния к другому.

Более того, ситуация последнее время начинает меняться коренным образом. Ранее, 80-90% населения большинства стран мира от эпохи к эпохе составляло сельское население, обеспечивавшее в основном продовольствие и другой простой продукт, оставаясь в жесткой нищете и на социальном дне, крупной единой стратой.

В первой же половине двадцатого века последние глобальные изменения привели к тому, что сельское население во многих странах либо сократилось почти до нуля, либо занимает сегодня уже незначительную величину, а остальная часть (в том числе номинально живущих в сельской местности), активно трансформируется во времени в другие страты.

Финансовое расслоение населения остается все еще существенным, вместе с тем культурный и образовательный, мобильный и прочие аспекты разрывов стремительно сокращаются, выводя факторы именно социальности общественного развития на первое место уже не только качественно, но и количественно, когда в ключевых преобразованиях участвуют уже практически все слои общества.

Даже экономика и управление во всем мире перестают быть чисто кастовой историей, с редкими, почти «чудесными» или «вопиющими» исключениями. Все больше мировой элиты формируется из низших вчера еще общественных классов. Это приводит старые элиты в негодование и гнев, толкая их на поиски решений, как минимизировать данную проблему.

«Новые» обитатели элит, попадая «на верх» так же пытаются захлопнуть за собою дверь, иначе какая же это будет элита. Но уже скоро практически все человечество из-за тотальной автоматизации и роботизации, не просто разобьётся на разные, постоянно меняющиеся страты, но еще и прямо или опосредованно окажется втянутым в процесс общественного управления – задачу, которая и породила «элиту» как явление. Вот тогда в эту дверь действительно постучат серьезно.

Многие вопросы социального и экономического плана полностью потеряют свой исторический смысл, и окончательно потребуют коренного пересмотра сложившихся, именно социальных устоев построения общества. И вот в этом отношении новая социально-экономическая реальность ближайшего будущего и ее развитие, будет принципиально отличаться от всех предыдущих, как и текущая смена общественных формаций [2].

Противоречия текущего миропорядка как вызовы для России

Еще недавно у большинства научного и экономического сообщества вопрос развития был связан лишь с задачей поиска дополнительных драйверов роста в рамках предлагаемых западных экономических парадигм (глобальных, американоцентричных, а соответственно, основанных только на упомянутых выше иностранных инвестициях).

Собственно, весь диапазон изменений неоколониальной мысли колебался в рамках вопроса «как сделать свою экономическую панель более привлекательной для иностранного использования?»: то ли просто «задушить ростки местной конкуренции», то ли «сразу покончить с населением».

Оказалось, что так просто убить такую страну, с ее мощными историческими социальными корнями и пространственной структурой, без вреда себе, кому бы то ни было, невозможно.

Даже попытка Запада по фактической «утилизации» Украины, как значимой части русского мира, при всем наборе экономического инструментария, уперлась именно в социальный фактор – советскую закалку большинства местного населения.

Дальше – больше. В этот момент вдруг выяснилось, что весь мир, включая ведущих политиков и руководителей крупнейших стран сначала нехотя, а теперь все более и более отчетливо заговорил о глобальном кризисе собственного миропорядка, «вечность» которого простояла не многим более другого «апологета вечности» – «третьего рейха» (также пытавшегося разрушить Россию).

История расставит свои оценки, но что-то подсказывает, что эти две «вечности» окажутся в будущем в одном ряду. А пока, общее движение этого мира вызывает у большинства только замешательство и панику на фоне неуклонного снижения всех показателей и активного роста пузырей. Тем временем, все чаще в аналитических обзорах мировых финансистов и политиков слышится сравнение уже не с нулевыми или девяностыми, а с 1930-ми годами. При этом одни чаще вспоминают Депрессию, другие уже и Сталина.

Не удивительно, что на этом фоне обострились и на первый план вышли ключевые противоречия, которые и формируют текущую социально-экономическую повестку дня.

Начнем с проблемы смены миропорядка во всем мире, и вопросом о том, что этот миропорядок собою представляет, чем отличается?

Разрушение глобальной модели, уже наблюдаемое сегодня в мире ставит второй вопрос о степени свободы и независимости России и ее месте (характере интегрированности) в новой системе мировых координат.

Исторический маятник социальных развлечений, катком прошедший по населению России в последние 30 лет, а также глубинные социальные корни общества неизбежным образом дополняет горячую повестку дня вопросом о принципиальной социальной степени дальнейшей модели нашего развития. Проще говоря, следует ли нам вернуться к СССР, но уже в версии 2.0. Возможно, что вопрос этот стоит на сегодня даже более радикально – какую версию СССР нам следует принять за основу.

И, наконец, еще один извечный вопрос, в какой «песочнице» нам «коллективистам-неославянам» приятнее и интереснее – в Западной или Восточной?

Однако, правильно осознать вопросы, еще не означает их правильно решить. И в этом плане, пока мы не имеем общественного консенсуса ни по одному ответу, который был бы близок к реальности и достаточно эффективно решал поставленные вопросы.

Так, в большинстве подходов, признающих приближение смены миропорядка, ключевым фактором определяется смена и развитие технологических укладов. В свою очередь, развитие нового технологического уклада определяется широким внедрением цифровизации, прежде всего за счет развития программного обеспечения, а также широкого применения вычислительной техники и автоматизации производственных и управленческих функций (включая госуправление), развития во всех направлениях новых технологических гаджетов. А само широкое внедрение зависит не только от направления, но еще и объема целевого инвестирования (достаточности бюджета развития).

С одной стороны, мнение о том, что социально-экономический прогресс сопровождает технический прорыв, не вызывает больших споров, спорят скорее о количестве и самих этапах. Современные экономисты выделяют 4 промышленных революции (одна из которых как раз и предполагается в ближайшем будущем). Есть так же теории, показывающие и большее их число в историческом разрезе (например, 11 циклов Шмихулы). Но все сходятся во мнении, что при каждом подъеме экономики непременно отмечались принципиальные изобретения, которые кардинально перестраивали экономику, что сопровождалось и ростом финансовых потоков.

С другой стороны, в этих теориях в лучшем случае ретроспективно показаны значимые инновации, но совершенно не ясно, в приложении к текущей ситуации, достигнуто ли уже изобретение ключевых инноваций? И каков в принципе механизм запуска новой экономики и социального устройства.

Тем временем, не смотря на достигнутые успехи мировых инвестиции в другие экономики, их экономические показатели пока только ухудшаются. А все больше специалистов соглашаются, что избежать мощного экономического кризиса в ближайшее время не удастся никому. Следовательно, отстаем не только мы, и вопрос не только в инвестициях и их эффективности.

Вопрос же социальности модели развития сводится при этом скорее к идеологической борьбе между сторонниками социализма и капитализма, по принципам «и эти обманули, так

что уж лучше бедненько, но чистенько», «голосуем сердцем», «те, как эти, не воровали». С другой стороны, им вторят «мы профессионалы, ни чего личного, кроме денег». Действительно, ни чего кроме личных денег, профессионально переходящих к ним ни у кого не остается. Что только разделяет лагери еще сильнее и делает их борьбу не примиряемой. А так как голодных все больше…

Вопрос Востока одерживает явную победу просто потому, что потихоньку становится безальтернативным, так как центр экономического развития там себя проявляет все активнее, но вызывает и явное опасение, опять оказаться в сомнительном выигрыше новой интеграции.

На первый взгляд все ясно. Нужно срочно значительные средства направить на защиту от бедности и национальную цифровизацию, чтобы успеть приблизится к лидерам, которые, как только закончат выяснять кто же сегодня главный (Китай или Америка), уже через два-три года окончательно и на ближайшие 50-100 лет поделят этот технологичный и весьма полицентричный мир за столом новой Ялты (в 2022-2023гг) с участием России или без. И наступит у нас тогда светлое будущее, «вместо одного процента – пять!»

К чему приведут предлагаемые специалистами решения?

Считается, что Задачи эти грандиозные, но выполнимые. Только вот развитие этого мира пойдет совсем по другому сценарию. И в 2022-2023 годах лидеры, ровно, как и все остальные страны мира, будут сидеть за столом, но только по своим национальным квартирам в глубочайшем за 100 лет социально-экономическом кризисе и в буквальном смысле «делить последнюю осьмушку хлеба на десять голодных ртов», ибо нельзя исключить в это время развитие существенной нехватки средств у значительной части населения многих стран на самое необходимое, вплоть до явлений массового голода.

Действия Правительств по поддержке бедных слоев населения необходимы и весьма важны в это время, так как именно они спасут не мало человеческих жизней в прямом смысле от голодной смерти. Но увы, они лишь сравнимы с попыткой худым ведром вычерпывать воду из моря, так как значительная часть средств транзитом от беднейших слоев в этой социально-экономической системе будет уходить тем или иным представителям элиты и это будет наблюдаться во всех странах в большей или меньшей степени.

Не обязательно быть «людоедом», достаточно вводить новые налоги, штрафы и другие усовершенствования финансового оборота страны – именно сфера современного финансового регулирования сама окончательно уничтожит текущий миропорядок [7]. Поэтому в такие периоды времени (а они циклически четко прослеживаются на протяжении всей истории), резко возрастает обеднение общества [1] и оно, последовательно нарастая, захватывает до 95% богатства и населения стран. Нет ни каких причин считать, что «в этот раз все будет по-другому».

Любые технологические новшества, в том числе ключевые, сами по себе такого рода кризисы развития и смену миропорядка сформировать и разрешить конечно не могут. В том числе и потому, что с инвестициями под их развитие, и средствами, полученными от их реализации, произойдет та же беда – они все не работают и не могут работать на уровне производственного процесса. К текущему моменту, такого рода средства давно уже купируются в области чисто финансовых структур, и производят преимущественно уже сами деньги, минуя стадию товара, создавая тем самым гиперперераспределение и гиперинфляцию богатства.

По логике, изменить ситуацию в нормально работающем механизме должно регулирование. Но в настоящее время именно регулирование из-за потери контроля, как раковая опухоль, создавая перепроизводство регламентов, использует всяческие «регуляторные гильотины» только как возможность и повод еще более разладить взаимодействие финансовой и производственной сфер.

Таким образом, можно констатировать, что в ряде подходов понимание смены миропорядка возникает, определяется нарастанием и владением новыми технологиями в экономике, сопровождается сменой мировых экономических лидеров и новым переделом между ними сложившегося порядка. Но кроме направления, представления о конкретных

механизмах смены процесса – нет. Соответственно, рассчитывать на успешный переход к новому миропорядку, придерживаясь данных рекомендаций так же невозможно.

Реальные пути выхода России на устойчивый рост в рамках ТОР

Тем не менее это еще не приговор. Существуют и иные ответы на рассмотренные выше вопросы и понимание ключевые механизмов, определяющих сам процесс перехода и развитие формаций, способные вывести Россию и мир из сложившихся тупиков. Их появление становится возможным в рамках нашей теории общественного развития (ТОР) [4, 5, 6].

Согласно данной теории основным фактором, определяющим механизм общественного развития и общественные формации, является не экономика и труд, а развитие организации общества, ее структуры и взаимодействия как между ее элементами, так и с внешней и внутренней средой, в которой она (общественная организационная система) находится.

Смена же формаций (организационных по своей сути) по-нашему мнению происходит в рамках комплексных реформ, сутью которых является разделение властей, управления и ряда других общественных элементов организации, которые в конечном итоге гармонизируются на новом уровне общественного развития и закрепляются новым (в том числе по форме) общественным договором.

Так, например, в конце восемнадцатого века Великая французская революция закончилась появлением нового общественного договора в виде Конституции, где было признано наличие разделения властей, непосредственное управление государством закреплялось за Исполнительной властью, а свобода выбора, как инструмент позволяло выйти на первый план предпринимательству с его инновациями и породить на свет Капитализм как доминирующую формацию общественного развития.

Близкие по характеру действия ждут и сейчас. При этом сама процедура и ее последствия для окружающих во многом зависят от нас самих. Есть аспекты, которые уже сложились и их наступление неизбежно. Например, состояние и механизм мировых долговых рынков и институтов глобализации уже не трансформируем в отведенное механизмом общего развития для этого время, поэтому «Карфаген будет разрушен!». Более того, его разрушение не только предрешено, оно еще и четко определено во времени.

Так, сама фаза разрушения архитектуры формации началась после 2013 года постепенного разрушения и деградации институтов глобализации и международных конфликтов на этой почве. Далее с 2021 года, следующий этап – разрушение основных инструментов глобализации – международные валюты, система торговли ценными бумагами, государственные ценные бумаги, и другие инструменты, вслед за чем начнет сокращаться мировое производство и мировое потребление, достигнув падения от 20 до 80% по разным странам и отраслям. Одновременно могут наблюдаться в разных странах эффекты инфляции и дефляции. Соответственно, может быть разрушено и потеряно до 90-95% мирового богатства (по текущей оценке). В отдельных странах не исключен голод.

Пока у нас есть время для подготовки к такому развитию событий и потенциальному смягчению его последствий. Более того, пока сохраняется и возможность Великого рывка, с прибавкой за несколько лет 30-50% ВВП и основных показателей на фоне разрушения экономик многих других стран. Именно Сталинский рывок тридцатых годов тому непосредственный пример.

Формально основные задачи реформ – в области организации и вопрос социального мира, тем более четвертой промышленной революции – это вопрос складывающейся архитектуры (в последующих 20 лет), имеющий целый спектр решений (кроме социального доминирования).

Однако для России именно решение вопроса социального устройства является приоритетным здесь и сейчас и от его правильного выбора зависит наше выживание и как страны, и как самостоятельной культуры уже в ближайшие 10 лет.

Европа, Китай, Индия имеют роскошь отложить остроту данного выбора несколько на более данный срок, на перспективу 2040-45 годов, когда активное вытеснение людей из

производственной сферы станет тотальным и вопрос социальной модели для всех обществ станет неизбежным, а для многих окажется вопросом выживания. После чего, кстати, появится и Ямайка 2.0.

Однако еще до этого кризиса, Россия должна будет ответить на два текущих вызова. Первый из них возникнет после 2024 года (окончание президентского срока является случайным совпадением) и коснётся всех стран, не решивших к этому моменту вопрос реформ и не заключивших со своим обществом (после доставшихся на их плечи испытаний) нового общественного договора в соответствующих ему новых формах. Он будет связан с разрушением самой социальной ткани общества и его распадом.

Если и этот шок не позволит такому обществу найти путь к самореформированию (тем более в мире уже появятся первые работающие прототипы), то начавшийся с 2026 года (начало периода доминирования новой организационной формации в едином мире) передел лидерами новой формациями, окончательно похоронит государства-неудачники, растворив их в себе. А Новая Ялта (только не ранее 2028-30) закрепит этот новый миропорядок уже на самом высоком уровне.

Так вот, проблема России заключается в том, что на протяжении всей своей истории она имела выраженный социальный тип. Не жесткий хозяин, прежде всего связывал страну и вел ее к успехам, а глубокая социализация основной части населения, без которой невозможно выживание и успешное развитие в сложных климатических условиях даже таких сильных людей.

При этом консолидация и особый договор с наиболее успешными лидерами страны возникал при особом отношении этих лидеров к народным массам и стране, что всегда порождало мощную ответную реакцию.

Отметим, что распространенное противопоставление советского-социального и либерально-демократического как принципиально разных по эффективности и продвинутости типов обществ не соответствует действительности и является преднамеренной пропагандой, призванной запутать широкие народные массы и навязать им заведомо ложное, невыгодное решение, которое они должны по собственной воле одобрить в рамках общественного договора.

При этом навязывается не столько действительно иной тип общественного устройства (в частности производственный – либеральный), активно развивающийся в западном мире, а «набор неукоснительных предписаний для неоколонии», задачей которых является обеспечение добровольного современного рабства и участия в перераспределении средств в пользу новой митрополии, с постепенным и неуклонным самоуничтожением.

Успешность в отдельных странах на протяжении длительного времени производственно-либерального пути объяснима. Прогресс последние 10 тысяч лет определяется активным развитием только 10% населения, которые при этом обеспечивают максимальную отдачу от труда остальных 90% и дальнейшее отчуждение их средств. А чисто экономически, быстрее будет развиваться тот, кто минимизирует все затраты, перекладывая их на остальных (а фактически перераспределяя результаты труда еще до начала производства). Но это работает только в условиях освоения новых территорий или построении колониальной структуры.

Сегодня такая ситуация будет противопоказана не только бывшим и действующим колониям, но в случае демонтажа (а он неизбежно произойдет в течение 5 лет), способна полностью взорвать и превратить в обломки даже лидера этой системы – Соединенные Штаты Америки, фактически находящиеся на гране новой гражданской войны, которую исторически по ряду параметров можно сравнить с войной в Испании в 30-е годы прошлого века.

В России же при ином, нежели социальное, предложении в условиях кратно (от состояния сегодняшнего дня) возросшей социальной напряженности будет крайне сложно сформировать добровольный и легитимный социальный договор только желанием одной стороны.

Но даже если это удастся как-то сделать, то развитие событий после 2026 года, в рамках которых наступит горячая фаза передела мира, новыми инструментами и методами организации вряд ли обойдет стороной лакомый кусочек, тем более не сформировавшийся и полностью в себе не уверенный.

И хотя новая мировая война за передел будет во многом опираться на автоматизацию и роботизацию, выстоит в ней не тот, кто будет иметь изначально больше денег и новых производственных мощностей, а тот, кто сможет консолидироваться и в любых условиях быстро и мощно будет искать, и находить новые решения, по исполнению технические, но в их основе будет дух, неукротимый дух коллективизма.

У России нет иного принципа устройства как социальный. Его не надо путать с «социалистическим строем». В каждой организационной формации со времен неолитической революции, социальный и либеральный (производственный) типы организации общества в разных странах мира присутствуют и претерпевают свои изменения, развивая свою корневую основу.

История показала не только живучесть и эффективность социального типа организации общества для отдельных государств, но и его перспективный мощнейший потенциал для интеграции государств. И в отличие от либерального пути, работающего на ограниченную правящую группу, социальный путь обеспечивает не только лучшее выживание всему социуму, но он не заменим и при переходе к его стопроцентной эволюции, которую мы стали наблюдать в мире с начала 20-го века.

У всех типов организации общества есть свои недостатки, но в современных условиях мы вполне можем их осознавать и решать на принципиально новом уровне. Однако непосредственно для нас альтернативы в выборе типа организации общества, и времени перехода к нему не существует.

Как не существует и выбора в вопросе «Восток-Запад». Мир уже признает, что «распадается» на регионы. Эти регионы будут с одной стороны, связанными в единую мировую сеть. С другой, каждый регион должен оказаться достаточным и быть консолидирован Лидером для выравнивания и ускорения общего развития. Запад сформирует свой регион. Китай и Индия – свои. Соответственно, у России нет альтернативы – мы должны сформировать свой регион, куда должны присоединится и часть наших соседей, обеспечив всей группе полное и гармоничное развитие по всем направлениям. Попытка же отсидеться приведет к быстрой потере страны и разъеданию этноса.

Что же касается консолидации и взаимодействия с такими странами как Китай, Индия и др. они обязательны, но на уровне Лидеров макрорегионов и в рамках самих регионов, чьими соседями оказываются другие макрорегионы, поэтому наблюдаемые объединения, например, ШОС, БРИКС сами по себе не заменят становления Лидера в макрорегионе, а добиться этого становления без комплексного развития страны будет невозможно.

Мы можем выбрать сейчас любой тип общества и направление движения. Однако само наше выживание уже в ближайшее время требует не просто социальное общество, но еще и серьезную его консолидацию, а, следовательно, и действующую Идеологию социального типа в своей основе.

Список литературы:

1. Иванов В.В. О влиянии цифровизации на ускорение обнищания народных масс в период смены текущей общественной формации // Материалы XVI Международной конференции «Государственное управление Российской Федерации: повестка дня власти и общества» [Сборник], электронное издание сетевого распространения / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2019. – с. 95-105
2. Иванов В.В. Цифровая матрица культурного кода // Стратегия России, 2019, №4, с. 5-17
3. Иванов В.В. Циклы финансирования инноваций на примере процессов цифровизации // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика.

Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин [текст]: материалы II международного научного форума. Выпуск 3 / Государственный Университет Управления. М.: Издательский дом ГУУ, 2018, с. 321-327

4. Иванов В.В. Особенности перспектив пространственного развития России с учетом универсальных закономерностей развития общества согласно теории общественного развития (ТОР) // Сборник тезисов Международной конференции - XXVI Кондратьевские чтения: «ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ РОССИИ: НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ И ЗАДАЧИ НА БУДУЩЕЕ», Москва, Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2018, с. 94-96
5. Иванов В.В. Ключевые риски и задачи государственного управления в период смены социально-экономической формации общества // Государственное управление Российской Федерацией: вызовы и перспективы / Материалы 15-й Международной конференции Государственное управление XXI веке: сборник, электронное издание сетевого распространения / Коллектив авторов. – М «КДУ», «Добросвет», 2018. – 978-5-7913-1063-7. URL: http://www.bookonlime.ru/node/1760/
6. Иванов В.В. Теория общественного развития (ТОР) как основа новой парадигмы и универсальный ответ на современные социально-экономические вызовы // Арригиевские чтения. Сборник материалов международной научно-практической конференции, г. Орел, 21-22 марта 2018 года
7. Иванов В.В. Концептуальные проблемы цифровизации индустриальной экономики // Друкеровский вестник, 2018, № 3, с. 30-43
8. Иванов В.В. Природа кризиса современного общественно-экономического развития и пути выхода из него // Сборник тезисов докладов и выступлений участников X Международной Кондратьевской конференции «Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность», посвященной 125-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева, Москва-Волгоград: Международный фонд Н.Д. Кондратьева, ООО Издательство «Учитель». 2017. С.416

Ильина Юлия Игоревна
аспирантка 3 года обучения
факультета Глобальных процессов
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Россия, Москва
a_khr1@mail.ru

КАСПИЙСКИЙ ПРОЕКТ

Аннотация. Сегодня тема сотрудничества прикаспийских стран является, актуальной в связи со сложностью и многосторонностью вопросов, которые приходиться решать на самых различных уровнях пяти странам-участницам.

Данный пример успешного приграничного сотрудничества различных в экономическом, политическом и культурном плане стран в целях создания равноправного и взаимовыгодного международно-правового режима взаимодействия заслуживает особого внимания.

Ключевые слова: Каспий, сотрудничество, информационная сеть, Каспийский проект.

CASPIAN PROJECT

Summary. Today the topic of cooperation of the countries of Caspian basin is frequently mentioned in media. In fact there are a lot of complex and versatile issues that the five participating countries have to solve at various levels.

This successful example of the border cooperation of such economically, politically and culturally diverse countries deserves special attention of scientific community.

Keywords: Caspian, cooperation, information network, Caspian project

В эпоху становления информационного общества экономические связи обеспечиваются Интернетом и будут представлять сеть взаимосвязанных институтов, которые постоянно контактируют друг с другом, оповещая о необходимом сырье, о выпуске новой продукции покупателей. Однако организация такой полезной сети взаимосвязанных компонентов в настоящее время только образуется. А пространство интернета выглядит как огромный базар с яркими, но порой не оправдывающими себя вывесками. Вся нагрузка ложится на поисковую и аналитическую систему, причем многие, в том числе оценочные, функции планируется автоматизировать и отдать «дронам». Первые попытки применения Искусственного Интеллекта введены в больших сетевых структурах в рамках одной организации для более оперативной связи элементов и быстрой обработки массовой однотипной информации (Сбербанк, Атомэнергосбыт и др). Однако даже на этом этапе уже обнаружилась с одной стороны масса недоработок алгоритма, а с другой не желание и неготовность или неумение клиентов общаться с машиной. Тем не менее, этот принцип усиления информационного взаимодействия будет развиваться в будущем и собственно за ним новая ступень в развитии общества.

Новые принципы информационного взаимодействия активно развиваются, не только в рамках отдельно взятых организаций, но и на более высоком международном уровне. В частности одним из основных лозунгов ООН не случайно стало «предупреждение», как составляющая принципов устойчивого развития [5]. По сути, это анализ и расчет дальнейшей траектории развития событий, отражающих состояние различных сфер общественной жизни. Эти вопросы группируются по обобщающим признакам, далее проводится оценка настоящей ситуации с учетом развития этих основных признаков, и потом делается прогноз. Меры по корректировке нежелательных последствий и являются действием на «предупреждение» и задачей программы устойчивого развития.

Ранее чтобы сделать моделирование ситуации хотя бы на 5 лет требовалась работа многих научно-аналитических центров, а главное множество времени и все еще осложнялось ужасной бюрократией. Но для принятия решений сегодня с такими высокими темпами изменений в общественности у руководителей просто нет времени, ждать заключений аналитических центров. Поэтому совершенно естественно создание и развитие объединений и информационных сетей между ними для более оперативной и результативной работы. Конечно вместе с этим, активно поднимается вопрос не только обработки больших баз данных, но и конфиденциальности информации, ведь именно она отражает самостоятельность и независимость суждения организации, правительственной структуры.

Для того, чтобы отразить всю многосторонность и сложность данного вопроса постараемся освятить историю взаимодействия, опираясь на мнения ученых и политологов разных стран данного региона.

Иранский политолог Таляби Фархад еще 9 лет назад в городе Кум опубликовал статью [7], которая охватывает период правовых отношений стран Каспийского региона, начиная с периода СССР вплоть до настоящего времени. Автор данной статьи, опираясь на договора прошлого, настаивает на пересмотре современного видения прав пользования странами акватории моря. Основная претензия автора к существующим принципам и правилам пользования морем прибрежными странами, поскольку многие договора достигнутые во времена до советского периода и в сам советский период, а также после прекращения существования СССР действуют, а другие из них почему-то утратили законную силу, с учетом того что современная Россия является наследницей советской России. Это породило

волну недоумения и негодования со стороны иранских ученых и политиков. Они предлагают полностью пересмотреть права и обязанности всех стран прикаспия.

Стоит отметить и один важный факт, это море со всех сторон окружено берегами и не имеет соединения с мировыми океанами, в отличие от других морей, и поэтому нужно разработать новые принципы правопользования этой территорией. При этом стоит ли прибегать к международным правилам пользования морскими пространствами, отраженными в международных женевских Конвенциях ООН 1958, ООН 1982? Следовательно, иранцы предлагают рассматривать это исключением из выше упомянутых конвенций и регулировать взаимодействие в этой акватории путем взаимного соглашения прибрежных стран, и считать это их внутренним делом, а не вопросом, выносимым на обсуждение всей мировой общественности.

Вопрос экологического состояния каспийской акватории значительно разница с принципами рассмотрения подобного вопроса относительно других морей, поскольку оно ограничено сушей и загрязнения (вопрос в основном ставится антропогенного характера) надо рассматривать в более строгом порядке, поскольку они останутся в рамках этого моря и не будут вынесены в океан, а следовательно способность накапливать загрязнения и их последствия гораздо опаснее, чем для других морей. Автор предлагает разработать принципиально новые требования к странам, использующим данную акваторию для транспорта, нефтедобычи, ловли рыбы и других хозяйственных целей.

Если мы будем считать Каспий – озером, то в международном праве есть опыт рассмотрения рек и озер, которые служат естественной границей между соседними странами, но никакого отношения это не имеет к общемировым вопросам и является делом этих стран (например, озеро Боденское (старое название Констенц) между Германией и Швейцария, а также Женевское озеро (или на фр. Леман) между Францией и Швейцарией, ряд больших озер на границе Канады и США как Онтарио, есть залив, омывающий несколько берегов разных стран, как например Фонсека между Сальвадором, Гондурасом и Никарагуа или река Чад, проходящая по территориям Чада, Камеруна, Нигера и Нигерии).

Автор указывает на довольно общий характер двусторонних договоров между Ираном и СССР, которые больше носили характер дружественных соглашений от 1921 года и были заключены для совместного пользования этой территорией в основном в отношении торговли и судоходства. Однако более подробных границ в частности по дну моря не было, как не было учтено и экологических вопросов и ответственности.

Россия буквально сразу же после распада СССР обратилась в ООН с объявлением о том, что все договора заключенные с иранским правительством в советский период с 1921 по 1940 год продолжают действовать. Но, несмотря на это, появилась масса вопросов взаимодействия стран в новых политических условиях на берегах Каспия пяти независимых государств. В первую очередь это касалось нефтедобычи и рыболовства. Особенно наложился отпечаток возросших технических возможностей использования людьми морских ресурсов в своей хозяйственной деятельности.

Вопрос взаимодействия прикаспийских стран нужно было рассматривать по-старому, исходя из принципа общего достояния и дружественного согласования, либо каждая страна должна была выступать как отдельный самостоятельный член приграничной территории. Так, например Азербайджан попытался заключить договора с американскими нефтедобывающими компаниями с целью единоличного извлечения прибыли на Каспии. Россия и Иран выразили свое несогласие, и после этого случая права и ответственности каждой из стран на этой территории стали рассматриваться, как отношения между приграничными государствами. Однако вопрос экологической ответственности остался общим для всех стран участниц каспийского взаимодействия. Этот же вопрос постоянно служит толчком для более подробного изучения даров этого моря (микроклимата, флоры, фауны, минералов) и возможностей использования этой акватории. Одновременно с этим правительства пришли к понимаю необходимости создания общей информационной сети взаимодействия в этом регионе. Поскольку это не просто морская граница, но и кладезь

различного рода природных богатств, а также самый короткий путь между пятью странами, что само по себе уже является потенциалом для множества других проектов. Так, появился Каспийский проект.

Но, несмотря на то, что основой было взаимодействие приграничных стран, уже в то время в Лондоне состоялась конференция о вопросах взаимодействия в прикаспийском регионе: «The Legal Status of The Caspian Sea: A Need For A New And Comprehensive Juridical Regime». Вместе с этим появилось огромное количество материалов европейских и американских аналитических центров и просто стаей ученых и политиков относительно истории развития взаимодействия стран в этой акватории, анализ договорной базы и идеи наиболее рациональных способов использования данной территории [6]. Оценив потенциал политического и экономического влияния, который можно было б извлечь пусть даже при посредническом участии, американские нефтяные транснациональные компании начали предлагать свои услуги по выстраиванию информационного взаимодействия стран участниц в этом регионе и помощь в сбыте в первую очередь нефти и газа далее в страны ЕС [4].

Для пяти стран участниц эта задача была новой, но ее реализация жизненно необходима и не могла ждать, для всех руководящих органов данных стран разработка данного проекта приграничного взаимодействия относительно выработки принципов, а затем и свода законов сразу по всем направлениям военно-политическому, экономическому, культурному было новой задачей. При этом стоит отметить, что многие страны все еще переживают внутриполитический и экономический кризис, не говоря уже об отсутствие опыта анализа и решения такого рода управленческих задач и разработки принципиально новых алгоритмов действий. Задача осложнялась и еще тем фактом, что, даже получив права, например нефтедобычи, многие страны бывшего СССР не могут ими воспользоваться, поскольку не имеют ни экономических ресурсов, ни специалистов, ни технологий, ни техники, ни опыта ведения международных переговоров и много другого, ведь ранее все эти вопросы решались в Москве. Поэтому они до сих пор потенциальные партнеры-заложники американских транснациональных компаний и по сей день в отношении политики в каспийском регионе. Такими заложниками стали Туркменистан, Казахстан, отчасти Азербайджан. Именно поэтому встает вопрос обеспечения безопасности в данном регионе и обеспечение невмешательства третьих стран. Пока режим обеспечения военной безопасности воздушного, водного пространства осуществляется по обоюдному согласию и согласованию приграничных стран, а вот смогут ли они выработать более мощный и стабильный механизм вопрос будущего.

На настоящий момент достигнут ряд основополагающих договоров регулирующих границу как по морю, так и дна, военное, транспортное и судоходное сообщение, хозяйственную деятельность [2]. Но Каспий стал причиной появления собственно Каспийского проекта, требующего информационного взаимодействия и в определенной степени доверия и открытости, для реализации совместных шагов реализации ряда проектов, которые разрабатываются на уровне глав государств и ведущих компаний стран-участниц. Сейчас это решение вопроса о разработке транскаспийского газопровода соединяющегося с трансанатолийским и далее идущего в ЕС [1]. Это и взаимодействие по ряду других проектов рыболовства и сохранение экологии акватории. Здесь важно, что данные вопросы являются составной частью многих других Евразийских проектов и имеют важное не только региональное значение, но и глобальное [3].

Несмотря на правительственный характер, все же стоит отметить, что ни одной даже паре приграничных государств, не говоря о пяти, не удавалось выстроить новые принципы и систему правового регулирования за 22 года и заложить фундамент для мирного взаимодействия на территории столь богатой природными ресурсами, создать систему корпоративного сотрудничества и информационную сеть. Конечно, у Каспийского проекта есть свои слабые стороны и множество задач, которые стоит решить, есть свои противники, самое неприятное – это пожалуй дезинформация (но это не новость сегодня, ведь это оружие в информационном пространстве и этого стоило ожидать) и внутриполитические провокации

для стран-участниц, которые нуждаются в технологиях, кадрах и ресурсах. Возможно, именно это сотрудничество и позволит развить информационно-технологическую базу, которая так необходима им для дальнейших международных проектов, а главное самостоятельного и независимого существования.

Список литературы:

1. Валдайский Клуб (2018). Каспий – море сотрудничества, а не конкуренции. URL : http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kaspiy-more-sotrudnichestva/ (Дата обращения – 17.07.2019).
2. Евразия.Эксперт (2018).«Конституция Каспия»: как разделили Каспийское море. URL : https://eurasia.expert/konstitutsiya-kaspiya-kak-razdelili-kaspiyskoe-more/ (Дата обращения – 17.07.2019).
3. Евразия.Эксперт (2019). В Туркмении запустили сайт Каспийского экономического форума. URL : http://casp-geo.ru/v-turkmenii-zapustili-sajt-kaspijskogo-ekonomicheskogo-foruma/ (Дата обращения – 17.07.2019).
4. Каспийский Вестник (2019). В Вашингтоне прошёл Четвёртый транскаспийский форум. URL : http://casp-geo.ru/v-vashingtone-proshyol-chetvyortyj-transkaspijskij-forum/ (Дата обращения – 17.07.2019).
5. ООН. Цели в области устойчивого развития. URL : https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (Дата обращения – 17.07.2019).
6. BBC (2018). Caspian Sea: Five countries sign deal to end dispute. URL : https://www.bbc.com/news/world-45162282(Дата обращения – 17.07.2019).
7. مجله معرفت، شماره 82 , طلایی، فرهاد/ مترجم: محمدمهدی کریمی نیا

Кирилюк Игорь Леонидович
младший научный сотрудник
Институт экономики РАН
г. Москва
igokir@rambler.ru

Свиридов Антон Павлович
младший научный сотрудник
Институт экономики РАН
г. Москва
rassantop@gmail.com

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО СТРАХОВОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ.

Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФБГУН Института экономики РАН по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

Аннотация. Страховая отрасль не только является средством повышения безопасности страхователей и источником дохода страховщиков, но и оказывает воздействие на экономику и общество на мезо- и макроуровне. Она важна как источник «длинных денег» для финансирования инфраструктурных проектов, как способ предотвращения страховых случаев, а не только смягчения вреда от них. Эти функции при адекватной государственной поддержке получают дополнительные возможности за счёт развития информационных и прочих технологий.

Ключевые слова: страховая отрасль, insurtech, превентивное управление рисками, эффективный альтруизм, длинные деньги

Введение.

Страховая отрасль функционирует на мезоуровне экономики, обеспечивая личные интересы большого круга людей и юридических лиц, имея при этом различающиеся индивидуальные особенности в разных странах мира, оказывая существенное воздействие на общество в целом. В этой статье мы рассмотрим ряд аспектов воздействия практики страхования на общество в истории цивилизации и в современном мире в условиях развития и внедрения высоких технологий.

Исторические корни страхования и его функций.

Люди, будучи общественными существами, издавна оказывали друг другу поддержку в трудных ситуациях, что помогало выживать как отдельным индивидам, так и их коллективам и человечеству в целом. Поэтому страхование имеет древние корни, выражая естественную потребность людей в чувстве безопасности. В древние времена страхование носило взаимный характер, то есть, люди, договариваясь о взаимопомощи на случай возникновения непредвиденных проблем, при этом не было специализированных организаций, занимающихся страхованием.

Структура рисков для общества и отдельных людей меняется во времени. Так, например, риск для человека заболеть оспой практически побеждён благодаря усилиям группы советских инициаторов под руководством В. Жданова [1]. А риск попасть в автокатастрофу ещё несколько сотен лет назад не существовал. По сведениям исследователей, недавно появившиеся электронные сигареты увеличивают риск внезапной смерти [2]. И подобных примеров можно привести множество. Появились люди и организации, специализирующиеся на борьбе с конкретными видами рисков.

Организационные формы предотвращения рисков и смягчения их последствий постоянно эволюционируют. За последние несколько сотен лет, страхование выделилось в отдельную отрасль со своими профессионалами (называемыми страховщиками), появились коммерческие страховые организации.

Однако и взаимное страхование как социально-экономический институт, в чём-то более универсальный, чем коммерческое страхование, совместимый с разными типами общественного устройства, меняя конкретные формы своей реализации, продолжает существовать и в наше время.

Появление сообщества страховщиков позволило более точно оценивать риски. Полученные в рамках страховой отрасли математические результаты используются в разных разделах науки. Например, для целей страхования исходно была предложена кривая Гомперца, с высокой точностью аппроксимирующая распределение продолжительности жизни многих организмов, широко применяемая теперь в биологических и медицинских исследованиях [3]. Однако, раньше страховщики вынуждены были оценивать риски с использованием агрегированных, а не индивидуальных данных.

В начале становления самостоятельной страховой отрасли, страховщики получали только доход от страховой деятельности. С развитием экономических отношений появилась возможность получать дополнительный доход от хранящихся у них средств (от инвестиционной деятельности).

Роль страхования ещё в давние времена не ограничивалась финансовой компенсацией ущерба. Например, иногда страховщикам принадлежали пожарные бригады в Европе [4]. Предотвращение рисков и компенсация последствий страховых случаев – естественно связанные между собой функции. В этой сфере страхование по-своему дополняет функции других общественных структур: медицинских, силовых, благотворительных, образовательных и прочих.

Институциональные формы осуществления страховой деятельности зависят от того, какая экономическая модель функционировала в конкретной стране в конкретное время. В

России формирование страховой отрасли во многом связано с инициативами государства, в Советском Союзе она подчинялась государству. В капиталистическом обществе страховая отрасль различается по странам, поскольку различаются по странам реализованные в них модели капитализма [5]. В США, например, на страховую отрасль возлагаются функции по компенсации ущерба, которые в некоторых других странах, например, в континентальной Европе в большей степени обеспечиваются непосредственной поддержкой государства.

Экономическое воздействие страхования, его институциональные формы и подходы к их описанию.

В прошлом, благодаря страхованию, европейские купцы получили возможность вести свою деятельность более смело, поскольку оно уменьшало их риски. Конечно, иногда проявлявшееся в результате уменьшение бдительности давало и негативные эффекты, но в целом страхование уже тогда стало стимулировать инновации и экономический рост.

Существует ряд исследований, где показана (например, с помощью анализа причинности по Грейнджеру) положительная роль страхования на ВВП [6]. Страхование влияет как на уровне стран, так и на уровне их регионов на занятость, на доходы в бюджет. Важно, что деньги, накопленные страховщиками, могут быть привлечены для реализации масштабных инфраструктурных проектов (страховые компании, наряду с пенсионными фондами, выделяются как основные “институциональные инвесторы”) [7]. Финансы, обеспечивающие устойчивую реализацию долгосрочных проектов, обозначаются термином «длинные деньги».

Для общества важна сбалансированная структура института страхования, поддержка разных типов страховых организаций. Например, крупные страховые фирмы, имеющие множество филиалов по стране, удобнее для предложения массовых страховых продуктов, региональным же проще предлагать продукты с местной спецификой. При этом, по состоянию на 11.10.2019 около 54,6% российских субъектов страхового дела зарегистрированы в Москве, а в 57,6% из 85 российских регионов своих страховых организаций нет [8].

В коммерческом страховании существует проблема баланса интересов, цель страховщиков, как коммерческих организаций - получение прибыли, а цель страхователей - защита своих имущественных интересов, данное противоречие может обострять проблему оппортунистического поведения. Ввиду этого принято лицензировать коммерческое страхование. Общества взаимного страхования имеют целью не извлечение прибыли, а в первую очередь защиту имущественных интересов своих членов, которые сами осуществляют контроль за деятельностью этих обществ. В современной России это мало представленная форма страховой деятельности. По данным на 30.06. 2019 на 268 субъектов страхового дела приходилось только 12 обществ взаимного страхования [9].

В завершении раздела упомянем некоторые перспективные методы анализа страховой отрасли. Поскольку страховые организации являются частным случаем социально-экономических институтов, они изучаются с использованием методологии институциональной экономики [10]. Функционирование страховых компаний предполагает взаимодействие страховщиков и страхуемых (страхователей), преследующих различающиеся между собой цели, их поведение можно формально описывать в рамках теории игр, теорий дизайна экономических механизмов и активных систем (в рамках этих подходов изучаются возможности выработки оптимальных для общества в целом «правил игры») [11].

Аварийные события, в том числе такие, с которыми взаимодействуют страховщики, иногда имеют распределения по своим свойствам, например, по величине наносимого ущерба, существенно отличающиеся от широко использующихся в математической статистике нормальных распределений [12], что объясняют эффектами самоорганизации. Это в числе прочего определяет актуальность применения в анализе рисков и в страховой отрасли синергетического подхода.

Insurtech

С развитием новых технологий претерпела изменение и страховая отрасль. По своей природе эта отрасль консервативна, но масштаб происходящих в обществе изменений таков, что и она активно развивается. В условиях четвёртой промышленной революции [13] страховая отрасль приобретает новые черты. Как и в другие сферы деятельности человека, в неё приходит автоматизация, что приводит к упрощению деятельности страховщиков и к сокращению потребности в рабочих местах. Но есть и более специфические изменения. Если раньше страховщики имели серьёзную нехватку данных о страхователях, и были вынуждены использовать в своей работе обобщённую информацию, то доступ к большим данным позволяет персонифицировать страховые услуги. В процессе взаимодействия со страховщиком сам страхователь получает дополнительную информацию о своих рисках, которую он возможно раньше не осознавал. Более того, с развитием интернета вещей появляется возможность дополнительного сбора данных о конкретном страхователе. Она уже начинает внедряться в автостраховании [14], в страховании здоровья и жизни могут быть полезны носимые устройства, собирающие физиологическую и медицинскую информацию о человеке, или умные туалеты с подобными функциями, активно используемые, например, в Японии.

Технологии блокчейн также начинают использоваться в страховании и имеют перспективы, как средства ускорения выплат, борьбы с мошенничеством, более надёжного хранения информации [15].

Проблемы современности и превентивная функция страхования.

Получаемая страховщиками дополнительная информация даёт дополнительные возможности для развития предупредительной (превентивной) функции страхования. Важной особенностью страховой отрасли является финансовая заинтересованность страховщиков в том, чтобы страховые случаи в период действия страховых договоров не наступали (поскольку деньги страховщиков, полученные по договорам, сохраняются в этом случае у них). Это стимулирует их тщательно проверять страхуемые объекты перед заключением договоров страхования, выявляя потенциальные риски и доводя информацию о них до страхуемых [16].

Также это может служить стимулом для активного участия страховщиков в проектах, связанных со снижением аварийности, повышением безопасности в разных сферах, в частности, в области профилактической медицины.

Профилактическая медицина пока мало развита в России и в мире. Люди часто начинают лечиться от заболеваний, когда они уже находятся в запущенной, тяжёлой форме. Большие деньги, в том числе, деньги страховщиков, затрачиваются на уход за людьми, живущими последний год их жизни. В Австралии и Нидерландах, например, это около 10% всего объема расходов на медицинскую помощь, в США около 22% [17]. Между тем, профилактическая медицина могла бы продлить здоровую творческую жизнь людям, в том числе, в работоспособном возрасте, освобождая государство от того, чтобы выплачивать им пенсии по инвалидности. Количество внезапных смертей можно уменьшать с помощью увеличения количества доступных дефибрилляторов, в чём также страховщики могли бы сыграть существенную роль. Большие проблемы со здоровьем создаёт дефицит определённых витаминов и микроэлементов [18], компенсация которого могла бы существенно повысить здоровье и благополучие членов общества с малыми финансовыми затратами.

Ещё одно перспективное направление превентивной деятельности страховщиков – инвестиции в проекты, направленные на уменьшение рисков страховых случаев. Согласно [19], по международным данным за 1990-е и 2000-е годы, профилактика в 20 раз эффективнее, чем ликвидация убытков, согласно МЧС России — в 15 раз.

Важным направлением может являться лоббистская и рекламная деятельность, направленная на уменьшение рисков. В качестве примера здесь можно привести деятельность Российского союза автостраховщиков с его участием в компаниях против

опасных нарушений правил дорожного движения посредством использования СМИ, интернет, промо-акций на улицах [20].

Участие страховщиков в разработке социальных проектов может повысить эффективность данных проектов по обеспечению безопасности общества, это один из способов реализации ими превентивной функции. Благотворительная деятельность, осуществляемая страховщиками, также может быть им выгодна как средство снижения рисков.

Ряд авторов обращают внимание на то, что современное российское законодательство не способствует реализации превентивных функций страхования, а некоторые нововведения в законах даже ухудшали ситуацию [19, 21].

В направлении превентивного уменьшения рисков функции страховой отрасли близки к функциям, реализацию которых взяло на себя направление, называемое “эффективный альтруизм” [1]. Инициируемое группой философов из Оксфорда, оно ставит своими задачами улучшение мира и спасение жизней при ограниченных ресурсах и переосмысление эффективности благотворительной деятельности на основе рационального подхода, в частности с использованием идей Канемана и Тверски [22]. Одним из приоритетных направлений этого движения является борьба с рисками (у них в приоритете крупные, в то числе, глобальные риски), а также оно занимается борьбой с бедностью.

И для эффективного альтруизма, и для страховой отрасли важнейшей целью является развитие эффективно работающих социально-экономических институтов мезоуровня экономики, направленных на уменьшение проблем и рисков в обществе, поскольку устойчивые самоподдерживающиеся институты могут приносить постоянную пользу в долгосрочной перспективе, в то время, как разовые денежные поступления на благотворительность, или на компенсацию застрахованного ущерба, часто могут принести лишь краткосрочную и локальную пользу.

Заключение.

Эффективное выполнение страховой отраслью своей превентивной функции может в долгосрочной перспективе способствовать уменьшению рисков возникновения разного рода страховых случаев в обществе в целом. То есть, вести человечество к обществу, где будет намного меньше заболеваемость, выше продолжительность человеческой жизни, меньше рисков возникновения разного рода аварий [23]. Всё это будет эффективно осуществляться, если экономическая политика стран мира будет содействовать гармоничному выполнению страховыми компаниями своих функций. В частности, если будет развиваться и поддерживаться страхование технологий, в результате чего исследователи и ученые будут смелее их разрабатывать и реализовывать, что будет стимулировать научно-технический прогресс.

Для успешной реализации потенциала страхования государственная поддержка играет основополагающую роль. В частности, необходимо совершенствование законодательства в направлении благоприятном, для развития взаимного страхования, региональных страховых организаций, инвестиционной деятельности страховщиков, создающей длинные деньги, а также для усиления превентивной функции страхования.

Список литературы:

1. Макаскилл У. Ум во благо. От добрых намерений - к эффективному альтруизму. М.: Издательство АСТ: Corpus. 2018.
2. People urged to stop vaping following more deaths, hundreds of illnesses // The Wall street journal. [Электронный ресурс] https://www.wsj.com/articles/authorities-investigating-450-vaping-illnesses-and-a-third-death-11567794441 (дата обращения: 11.10.2019)
3. Голубев А.Г. Биология продолжительности жизни и старения. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во Н-Л, 2015.

4. Смертин А.Н., Дашко В.М. Историко-правовые аспекты противопожарного страхования // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. №4. С. 141-146.
5. Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998.
6. Lee H.S., Yong Z.-J., Lim Q.-M. Insurance Development and Economic Growth // Statistical Journal. 2018. Volume 1, p. 1-17.
7. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов. Москва. Центральный банк Российской Федерации. 2019.
8. Единый государственный реестр субъектов страхового дела. Центральный банк Российской Федерации. [Электронный ресурс] https://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_insurance/ (дата обращения: 11.10.2019)
9. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. II квартал 2019 года. Информационно-аналитический материал. Москва. Центральный банк Российской Федерации. 2019.
10. Насырова Г.А. Регулирование страховой деятельности: институциональный подход. Монография. М.: Изд-во Финуниверситета. 2012.
11. Бурков В.Н., Заложнев А.Ю., Кулик О.С., Новиков Д.А. Механизмы страхования в социально-экономических системах. М.: ИПУ РАН, 2001.
12. Талеб Н.Н. Черный лебедь. М.: Колибри, 2009.
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2018.
14. Якушин А.Б. Страховая телематика и ее роль в развитии рынка добровольного страхования Российской Федерации // Страховое дело: ежемесячный аналитический журнал. 2016. № 5. С. 25-29.
15. Климов А. Почему блокчейн в страховании — это шанс для предпринимателя? [Электронный ресурс] https://www.forbes.ru/tehnologii/344683-pochemu-blokcheyn-v-strahovanii-eto-shans-dlya-predprinimatelya (дата обращения: 11.10.2019)
16. Бондарь В.В. Реализация превентивной функции страхования в системе управления рисками предприятия // Известия ИГЭА. 2006. №4 (49). С. 5-7.
17. Всемирный доклад о старении и здоровье. Всемирная организация здравоохранения. 2015. С. 116.
18. Ибрагимова М.Я., Сабирова Л.Я., Березкина Е.С., Скальная М.Г., Жданов Р.И., Скальный А.В. Взаимосвязь дисбаланса макро- и микроэлементов и здоровье населения (обзор литературы) // Казанский медицинский журнал. 2011. Т. 92. № 4. С. 606-609.
19. Васюкова, Л.Х. Инвестиции как форма реализации предупредительной функции страхования // Вестник ХГАЭП. 2011. № 1 (52). С. 29-39.
20. Суслякова О.Н. Страхование как неотъемлемый элемент социально-экономического развития общества // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1 (21). С. 270-274.
21. Мосолов А.И., Мосолова Н.А., Олейник Г.С. Актуальные вопросы повышения эффективности инвестиционной деятельности страховщиков // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. №6. С. 112-116.
22. Канеман Д., Тверски А., Словик П. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Гуманитарный центр. Харьков. 2005.
23. Кононов А.А., Смолян Г.Л. Информационное общество: общество тотального риска или общество гарантированной безопасности? // Информационное общество. 2002. вып. 1. С. 5-7.

Колмыкова Татьяна Сергеевна
доктор экономических наук, профессор
Юго-Западный государственный университет
г. Курск
t_kolmykova@mail.ru

Зеленов Александр Васильевич
аспирант
Юго-Западный государственный университет
г. Курск

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Четвертая промышленная революция является информационно-технологической. Наука, знания, информация становятся ведущими факторами производственного процесса. Переход к цифровой экономике подразумевает наличие высокой степени развитости информационно-коммуникационной инфраструктуры, конкурентоспособного производства цифровых товаров и услуг.

Ключевые слова. Инновации, управление инновациями, инновационное развитие, цифровая экономика

В современном мире получила развитие новая парадигма, заключающаяся в приоритете кооперации, объединения общечеловеческих усилий над центробежными процессами дезинтеграции. Исследователи отмечают, что требования нового времени вызвали необходимость создания таких технологий, которые обеспечивали бы возможности коммуникации, всесторонней интеграции [2, 4, 7]. Средством такого объединения стала всемирная сеть Интернет, а также появление новых технологий, позволяющих формировать симбиотические связи между людьми, разобщенными территориально, для решения вопросов в самых разных сферах жизни.

За последние несколько десятилетий в мир стремительно ворвалась новая реальность, основанная на применении цифровых технологий. Если основными идеями неоклассической экономической школы (А. Смит, А. Маршалл, Л. Вальрас и др.) являлись максимизация полезности в условиях ограниченных ресурсов, невмешательство государства в экономические процессы, то сейчас, в эпоху знаний и новых технологий, информация и знания становятся основным экономическим ресурсом, который имеет ряд специфических свойств, не присущих ранее другим видам ресурсов. С.Ю. Глазьев отмечает эти свойства: глобальность, неисчерпаемость, нематериальность, изменчивость, универсальность представления, и т.д. [1, С.85]. Тем самым, значимость происходящих глобальных событий дает основание утверждать, что весь мир, в том числе и Россия, вступает в крупнейший за всю историю своего существования технологический период, когда богатство природных ресурсов перестает быть основным фактором роста, уступая место парадигме знаний.

Научно-технологический прогресс и связанные с ним процессы нарушают однородность технологического развития, что приводит, по мнению К. Перес, к смене технико-экономической парадигмы [5, С.31]. Иначе, к смене технологических укладов, которые более быстрыми темпами, чем раньше, меняют экономику и общество.

Ключевыми характеристиками четвертой промышленной революции являются развитие искусственного интеллекта, роботизации, беспилотных устройств, многомерной печати, нано- и биотехнологий, наноматериалов, способов накопления и хранения информации. Четвертая промышленная революция предполагает создать мир, в котором виртуальные и физические системы производства будут гибко взаимодействовать между

собой на глобальном уровне. Таким образом, основу современной промышленной революции составляет развитие цифровой экономики с использованием киберфизических систем, интернета вещей, облачных технологий и платформ.

Стоит отметить, что переход к цифровой экономике подразумевает наличие высокой степени развитости информационно-коммуникационной инфраструктуры, конкурентоспособного производства цифровых товаров и услуг. В свою очередь, инфраструктуру цифровой экономики формируют организации сектора ИКТ, которые осуществляют деятельность в сфере телекоммуникаций, производства оборудования, оптовой торговли товарами, связанными с информационно-коммуникационными технологиями, оказание информационно-телекоммуникационных услуг.

Исследователи отмечают перспективы, которые очевидны уже сейчас в связи с развитием цифровых технологий [3]. Наступает время создания цифровых альянсов, в которые будут объединяться банки, крупные хайтек компании и госкорпорации. Имеющиеся в мировой практике успешные примеры подобных объединений, как например, Alibaba и Amazon, позволяют рассматривать цифровые альянсы как межотраслевые коммуникативные платформы. Необходимость межотраслевых цифровых решений актуальна для работы в банковской сфере, электронной коммерции, а также для использования в развитии крупных энергетических, фармакологических, химических и нефтехимических компаний.

Мировой опыт показывает, что востребованными являются маркетплейсы. Для России в самом ближайшем будущем актуальным будет создание нескольких подобных крупных площадок. Их использование полезно с точки зрения организации электронной коммерции, а также оказания банковских услуг, скоринга клиентов. С точки зрения формирования эффективного канала продаж и организации логистики в конкурентную борьбу с консолидированными электронными площадками не смогут вступить небольшие интернет-магазины.

Помимо финтеха и электронной коммерции создание цифровых экосистем будет востребовано в сфере образовательных услуг, туризма, логистики, агропромышленного производства, а также в государственном управлении.

Формирование и распространение цифровых платформ заместит классические бизнес-процессы, поскольку позволит снизить трансакционные издержки, сформировать прямые каналы взаимодействия без обращения к посредникам, приведет к снижению стоимости товаров и услуг.

Создание цифровых экосистем несет как новые возможности, так и угрозы. Все зависит от того, с чьей точки зрения исследовать развитие этого процесса: частного пользователя, клиента или корпораций-создателей подобных систем. Так, банковские экосистемы могут послужить в качестве удобного инструмента для выявления теневого бизнеса, а также незарегистрированных частных предпринимателей, фрилансеров и т.п. Применяемые алгоритмы позволят сопоставить личные расходы, переводы между счетами, данные о покупках и прочие банковские операции.

Процессы цифровизации оказывают неоднозначное влияние на рынок труда, порождая с одной стороны сокращение рабочих мест, стагнацию заработной платы и рост неравенства в оплате труда, а с другой создавая принципиально новые востребованные и высокооплачиваемые профессии.

По прогнозам существенные сокращения коснутся офисных, административных служащих, а также производственного персонала отдельных отраслей. Сокращение доли человеческого труда на фоне внедрения повсеместной роботизации максимально проявится в развивающихся странах, которые испытывают недостаток прорывных технологий, компенсируемый доступной рабочей силой.

Изменения в количестве и структуре рабочих мест не единственные значимые для человека последствия цифровой трансформации экономики. Развитие технологий спровоцирует разрыв между доходами от труда и капитала, что приведет к росту социального неравенства. Максимальную выгоду от предстоящих изменений получат

обладатели интеллектуального и физического капитала (разработчики, акционеры, инвесторы). Работники с низким уровнем образования и квалификации со временем станут не востребованы, в связи с заменой такого рода труда роботизированными ресурсами.

Воплощение цифровых технологий и вносит свои коррективы в процессы формирования и развития человеческого потенциала. В обозримом будущем новые технологии позволят преодолеть имеющиеся сегодня биологические ограничения:

- устройства на теле человека, являющиеся частью интернета вещей, будут передавать контекстно-зависимую информацию, соотносящуюся непосредственно с нашими эмоциями, повышая управляемость ими;
- экзоскелеты и протезирование, сопряженное с мозгом, повысят физическую силу и выносливость человека, а также вернут мобильность пожилым людям и людям с ограниченными физическими возможностями;
- сенсоры и компьютеры, встроенные в контактные линзы и постоянные имплантаты, позволят слышать шепот за стенами, дадут естественное ночное видение и позволят погрузиться в виртуальные и дополненные реальности;
- ноотропные препараты расширят познавательные способности человека и трансформируют работу и образование [6].

Роботизация все глубже проникающая в жизнь человека в скорой перспективе расширит горизонты своего применения и будет интегрирована в новые отрасли и виды деятельности. Роботы будут задействованы в организации ухода за больными, доставке покупок, сборе урожая, поддержании инфраструктуры общества и предоставлении массы прочих услуг, чему будет способствовать распространение интернета вещей с подключением к нему роботизированных систем третьего поколения с искусственным интеллектом. Оперируя терабайтами получаемой из сети информации, такие роботы смогут отвечать за автоматизацию бизнес-процессов, сферы образования, обслуживания и оказания услуг.

Таким образом, риски активного внедрения роботов очевидны. Они связаны с потенциальной безработицей, ростом неравенства и исключением отдельных категорий граждан из экономики. Еще одним негативным последствием является усиление поляризации населения регионов по таким параметрам, как образование, компетентность, возраст и пол. Пожилые люди работоспособного возраста не так гибко реагируют на изменения внешней среды и менее склонны к освоению новых технологий. Что касается поляризации общества по гендерному параметру, то такая тенденция объясняется превышением доли мужчин над долей женщин, занятых на потенциально менее роботизируемых производствах. Различия в степени адаптации к роботизированному циркулярному воспроизводству регионов будут способствовать формированию зон социальной напряженности, увеличению межрегиональных миграционных потоков, а также снижению устойчивости бюджетной системы отдельных территорий.

Таким образом, создание цифровой инфраструктуры является одной из главных целей экономического развития. В обозримом будущем цифровая среда способна вывести материальное производство на новый уровень, решить проблемы международной конкурентоспособности национального производства и безопасности страны. Россия может занять значимое место в мировом разделении труда, если найдет свою нишу в глобальном технологическом пространстве, сделает отчетливые акценты на развитии современной науки и технологий. Научно-технический потенциал страны является ее визитной карточкой, позволяет обеспечить равноправное участие в международных интеграционных процессах, включиться в качестве полноценного участника в мировую глобализацию. Осознание того, что фундаментальные знания и их результат – научно-техническая продукция – являются важнейшим фактором геополитических амбиций государства, должен воплощаться в реализации системных мероприятий, обеспеченных широким спектром организационно-экономических инструментов и мощным финансированием. Отставание России в области развития технологий нового уклада, в производстве современных информационных технологий чревата консерваций сложившей структуры экономики с преобладанием

сырьевой направленности и невозможностью обеспечения роста благосостояния населения, достойного развития образования, здравоохранения, науки, культуры, обороноспособности страны.

Список литературы:

1. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. 256 с.
2. Колмыкова Т.С., Мерзлякова Е.А., Артемьев О.Г. Инновационный потенциал: методический и прикладной аспекты оценки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 37-45.
3. Колмыкова Т.С., Несенюк Е.С., Халамеева К.Ю. Развитие цифровой экономики при переходе к шестому технологическому укладу // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. № 1 (30). 2019. С. 57-65
4. Мерзлякова Е.А., Колмыкова Т.С., Гончаров А.Ю. Проблемы формирования перспективных точек роста высокотехнологичных производств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 3 (24). С. 37-44.
5. Перес К. Технологические революции и финансовой капитал. Динамика пузырей и периодов процветания: пер. С англ. Ф.В. Маевского; Науч. Ред. Пер. С.Ю. Глазьев, В.Е. Дементьев. – М.: Дело, 2011. 232 с.
6. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года / Режим доступа: http://www.consultant.ru
7. Kolmykova T., Telizenko A., Lukianykhin V. Problems of modernization and development priorities for industrial complex // Problems and Perspectives in Management. 2013. Т. 11. № 4. С. 28-34.

Красникова Евгения Васильевна
кандидат экономических наук, доцент
Экономический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
krasnikova@econ.msu.ru

Krasnikova Evgeniya,
Ph.D. of Economics
Associate Professor
Lomonosov Moscow state university
Faculty of economics
Department of Political Economy
(Moscow)

ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕОРИИ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ

FROM THEORETICAL MODEL TO PRACTICAL USE OF THE THEORY OF LARGE CYCLES

Аннотация: Теория больших циклов усилиями российских и западных ученых доведена до состояния ее практического использования в качестве научной основы средне- и

долгосрочного планирования. Это тем более реально в условиях, когда корпоративный и государственный секторы обладают плановым механизмом хозяйствования в масштабах присущей каждому из них ассоциации собственников, что и доказано накопленным развитыми странами опытом планирования. Проблема состоит лишь в жесткой ориентации планирования на закономерности циклического развития, присущего индустриализации.

Ключевые слова: закономерности циклического развития, планирование как механизм сглаживания циклических колебаний, российская практика планирования.

Abstract:

The theory of large cycles by the efforts of Russian and Western scientists brought to the status of its practical use as a scientific basis for medium-and long-term planning. This is all the more true in terms when the corporate and public sectors have a planned management mechanism within the association of owners in each of them, as proven by the experience of developed countries in planning. The problem consists only in strict focus of planning on regularities of cyclic development of industrialization.

Key words: regularities of cyclic development, planning as a mechanism of smoothing of cyclic fluctuations, russian practice of planning

Теория больших циклов Н.Д. Кондратьева – уникальное явление в мировой экономической науке. Ученому оказалось достаточным всего полтора столетия истории индустриализации, тождественной истории капитализма, чтобы увидеть еще одну закономерность присущего индустриализации циклического развития – подверженность экономической динамики не только среднесрочным циклам, глубоко осмысленным учеными к началу XX в., но и долгосрочным в их органическом взаимодействии, выделить фазы долгосрочного цикла в облике повышательных и понижательных волн, равно как и обосновать «эмпирические правильности», присущие каждой из них. Материальную основу больших циклов он усмотрел в достижениях фундаментальных и прикладных наук, в среднем каждые 45-50 лет воплощающихся в прорывных технологиях. Продолжительность полного освоения последних и составляет продолжительность большого цикла, охватывающего период от массового внедрения этих технологий до полного исчерпания их экономического потенциала на практике. А сам этот потенциал измеряется частным бизнесом исчерпанием возможностей максимизации прибыли, государством – дальнейшего роста производства общественных благ, предоставляемых им обществу.

В целях конкретизации прорывных технологий по этапам развития С. Глазьевым было введено в научный оборот понятие технологического уклада (ТУ), широко используемое в современной российской экономической науке, а само оно было определено автором следующим образом: «… в технологической структуре экономики можно выделить группы технологических совокупностей, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности – технологические уклады» [1, С.61]. Аналогом ТУ в интерпретации К. Перес выступает понятие «кластеров инноваций, формирующих последовательные технологические революции» [2, С.199], составляющих содержание «циклов Кондратьева», последовательной сменой которых «… и происходит прогресс при капитализме» [2, С.196].

Все последующее развитие полностью подтвердило концепцию больших циклов. Потребовалась лишь соответствующая корректировка, обусловленная накопленным за прошедшее время опытом циклического развития, не опровергнувшего, однако, ни одного постулата концепции Кондратьева, сразу и навсегда вошедшей в золотой фонд мировой экономической науки. Корректировка предстала всесторонним исследованием каждого последующего цикла вплоть до начала шестого, развертывающегося буквально в настоящее время и уже ознаменовавшегося торговыми войнами между странами- лидерами инновационного развития.

Огромный вклад в развитие концепции Кондратьева внесли российские ученые, когда она стала достоянием гласности после реабилитации ученого почти полвека спустя после его гибели. Сформировалось мощное направление в экономической науке, представленное целой плеядой крупных ученых, в числе которых А.А. Акаев, В.М. Бондаренко, С.Ю. Глазьев, Л.А. Клименко, В.А. Коротаев, С. М. Меньшиков, В.А. Садовничий, Ю.В. Яковец. Их усилиями подвергнуты анализу все последующие большие циклы, начиная с понижательной волны третьего, вступление в которую мировой экономики было отмечено Кондратьевым, и кончая современным периодом, когда мировая экономика оказалась на пороге шестого, исходного в границах четвертой промышленной революции – «Индустрии 4.0». Ими конкретизированы временные границы каждого из последующих циклов, очередные крупные достижения фундаментальных и прикладных наук, материализующиеся в прорывных технологиях, освоение которых и составляет функцию непосредственно повышательной волны каждого большого цикла. Исчерпанием экономического потенциала очередной совокупности таких технологий, измеряемого ростом производительности общественного труда, в свою очередь позволяющим на более высоком уровне осуществлять реализацию экономических интересов частного бизнеса и государства, обусловливается вступление экономики в понижательную волну, безальтернативный выход из которой - освоение очередного поколения прорывных технологий.

Весьма значимая особенность шестого большого цикла, отмечаемая учеными, состоит в том, что он знаменует завершение индустриального этапа в развитии производительных сил, что действительно так, если этот этап трактовать качественно особым в истории производительных. Индустриализация в облике такого этапа вбирает в себя эпоху от первичной механизации ручного труда, а именно на это была направлена первая промышленная революция, на фоне которой протекало два первых больших цикла, до комплексной автоматизации производственных процессов, сводящей занятость в сфере материального производства к минимуму, представленному специалистами высочайшей квалификации, позволяющей им управлять современным роботизированным производственным процессом (их уже прозвали «пастухами роботов»). «Ни одного рабочего в цеху» – таков итог индустриального развития, завершающегося шестым большим циклом, воплощением которого явится цифровая экономика, управляемая интеллектуалами, обладающими соответствующей профессионально-квалификационной подготовкой. Наемный труд обретает облик человеческого капитала, не менее значимого физического, что заведомо исключает традиционные для капитализма отношения эксплуатации.

Но в полном освоении индустриализации еще К. Маркс усматривал историческую функцию именно капитализма вследствие адекватности присущих ему отношений собственности данному этапу в развитии производительных сил. Адекватным тем, что последовательное освоение прорывных технологий гарантирует реализацию целевой установки капиталиста на максимизацию прибыли. А само это освоение обеспечивается способностью индивидуальной частной собственности, исходной в качестве господствующей в истории капитализма, эволюционировать в частные же формы ассоциированной по мере освоения все более сложных технологий. Косвенным, но весьма убедительным доказательством адекватности именно частных форм капиталистической собственности может служить опыт социализма, ключевым признаком которого явилась государственная собственность. Тотальное огосударствление национальной экономики оказалось неадекватной индустриализации системой экономических отношений, вследствие чего завершить ее ему так и не удалось вопреки огромным человеческим жертвам, возложенным на ее алтарь.

Но если это так, то завершением индустриализации завершается и история капитализма, доказательством чему выступают коренные изменения в системе экономических отношений, не вписывающихся в его социально-экономическую природу. Именно вследствие столь явных изменений ученые пишут о «распаде исторической системы, в которой мы живем». И еще более недвусмысленно: «После перехода от исторического

капитализма к чему-то еще, скажем около 2050 г., мы можем оказаться в новой системе…» [3, С.230], что выглядит более чем правдоподобно. О том свидетельствуют и изменения в отношениях собственности, в числе которых оказались не только частные формы ассоциированной с присущим им «размыванием субстанции собственности», отмеченным еще Й. Шумпетером, но и с широким распространением заведомо не частной ее формой - государственной, играющей едва ли не решающую роль в обновлении «основных материальных благ», а это прежде всего объекты производственной инфраструктуры. Но именно с их качественным обновлением Кондратьев непосредственно связывал смену больших циклов.

Отметим в этой связи, что К. Маркс, первым в экономической науке писавший о неизбежности гибели капитализма, слишком поспешил при определении сроков его краха. Поспешил уже тем, что сам же связывал его историю с процессом индустриализации, на поприще освоения которой капитализм в то время делал всего лишь первые шаги. Однако Марксом был представлен и иной прогноз, весьма отличный от социалистического и вполне состоявшийся, преданный, однако, даже его последователями полному забвению, Суть этого прогноза усматривалась им в широком распространении акционерной собственности и акционерных обществ: «Это – результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность» [4, С.480], что и случилось в реальной действительности. Произошла уже упоминаемая эволюция индивидуальной частной собственности в частные формы ассоциированной, высшей из которых по масштабам ассоциации явилась акционерная. В качестве таковой она к тому же еще и обладает в пределах ассоциации собственников-акционеров того или иного АО плановым механизмом хозяйствования, столь значимого с точки зрения последовательного и осознанного освоения инноваций в границах того или иного большого цикла. Тем более это значимо в условиях, когда корпоративный сектор занимает ныне в национальной экономике развитых стран ведущие позиции. Иными словами, такой эволюцией отношений собственности была обеспечена способность капитализма успешно продвигаться по индустриальному пути вплоть до его полного завершения. Именно поэтому данный прогноз заслуживает особого внимания, коему он и был подвергнут автором [5].

Индустриальное (оно же и капиталистическое) развитие, заведомо циклическое по своей природе, предстающее органическим единством средне- и долгосрочных циклов, неизбежно сопровождается социально-экономическими потрясениями при их смене, что обусловлено массовым технико-технологическим обновлением производства вследствие полного исчерпания экономического потенциала прежнего поколения инноваций. Потрясениями особенно глубокими при совпадении смены среднесрочного цикла со сменой большого. Но неожиданно то, что и его повышательная волна неизбежно порождает весьма острые социальные конфликты, что и было не просто отмечено, но обосновано Кондратьевым на основе обобщения исторических событий, неизменно присущих этой волне. Этот тезис убедительно подтвержден и последующим историческим развитием. Конфликты, обусловленные борьбой (нередко вплоть до вооруженных столкновений) между странами за рынки сырья и рабочей силы, за рынки сбыта готовой продукции, потребность в которых резко возрастает в годы подъема. Как уже было отмечено, не составляет исключения повышательная волна и шестого большого цикла, вступление в которую мировой экономики также ознаменовано торговыми войнами прежде всего между инновационными лидерами – КНР и США. При этом управлять процессом циклического развития в условиях частных форм собственности весьма затруднительно, но совсем было исключено при господствующем положении индивидуальной частной собственности с присущим ей механизмом хозяйствования в облике стихийной конкурентной борьбы.

Между тем данное направление в экономической науке доведено ныне до состояния практического использования посредством проведения экономической политики,

выстроенной в соответствии с закономерностями циклического развития. Только таким путем можно свести к минимуму становящиеся все более разрушительными последствия кризисных потрясений, преодолеть неравномерность развития как внутри национальной, так и мировой экономики, сгладить порождаемые такой неравномерностью социально-экономические противоречия в масштабах каждой из них.

Такая политика тем более реальна в условиях существенного изменения механизма освоения НТП ввиду произошедших коренных преобразований в отношениях капиталистической собственности. Ныне доминирующими оказались «ассоциированные» формы собственности (термин введен К. Марксом, имевшем ввиду кооперативную и акционерную ее формы), вследствие чего ведущее положение в экономике развитых стран заняли корпоративный и государственный секторы. Каждый из них обладает не только несравненно более мощным экономическим потенциалом, но и принципиально иным, а именно плановым механизмом хозяйствования (при сохранении рыночного), позволяющим планомерно внедрять инновации. При этом в корпоративном секторе планомерно в пределах корпорации путем директивного планирования (функция наемного менеджмента), в государственном – индикативного, но в масштабах всего общества, осуществляемого институтами планирования. В соответствии с содержанием и продолжительностью каждого из циклов определяется горизонт планирования – среднесрочного и долгосрочного в их единстве. Важно и то, что само планирование чрезвычайно облегчено использованием современных ИКТ-технологий, порожденных пятым большим циклом, вполне освоенных ныне.

Иными словами, перед человечеством стоит грандиозная проблема – путем средне- и долгосрочного планирования, имеющего своей теоретической основой закономерности циклического развития, выявленные Кондратьевым и углубленные учеными в последующий период, вывести мировую экономику на уровень, диктуемый «Индустрией 4.0», сглаживая при этом внутренние и внешние противоречия и тем самым смягчая их разрушительные последствия. В свою очередь это позволит упразднить культ ВПК, все еще остающегося неизменным лидером по освоению прорывных технологий вследствие того, что не первобытным способом решения острых социально-экономических конфликтов человечество не овладело и к XXI в. И это притом, что его культ в гигантских и во все более возрастающих масштабах не только подрывает социально-экономическое развитие всего человечества, но и стремительно разрушает среду его обитания (вспомним последствия катастрофы в Чернобыле и далеко не только для страны). Напомним, что практика планирования успешно была апробирована в послевоенной Франции и Японии, широко известна и весьма успешная деятельность на этом поприще проф. В. Леонтьева. Проблема ныне в том, чтобы такое планирование четко ориентировалось на закономерности циклического развития.

Следующий круг вопросов связан с российской экономикой, которой в годы социализма оказался неведомым путь следования закономерностям циклического развития, объявленным официальной экономической наукой присущим исключительно капитализму. Карой за их нарушение явилась технологическая отсталость гражданского комплекса страны, потому и подвергшегося сокрушительному разрушению в годы либерализации внешнеэкономической деятельности, выявившей слабую конкурентоспособность российской обрабатывающей промышленности. Но свою функцию кризис выполнил – было расчищено экономическое пространство для массового инновационного обновления производственного потенциала, осуществленного, однако, лишь точечно и отнюдь не во всех отраслях обрабатывающей промышленности. Все еще не вполне освоен национальной экономикой не только пятый, но и четвертый технологический уклад. Между тем сверх актуальной и для России является ныне проблема освоения шестого ТУ, стремительно осваиваемого мировой экономикой. Лидером выступает КНР, сумевшая (в отличие от России) весьма успешно использовать опыт планирования эпохи социализма. На ее долю приходится ныне 60% мировых инвестиций, направляемых на освоение технологий «Индустрии 4.0».

Причин технологической отсталости российской экономики множество, все они подвергнуты тщательному анализу российскими учеными, но их суждения остаются невостребованными правящей элитой. Между тем над экономикой нависла угроза необратимости отсталости в условиях стремительного освоения шестого ТУ странами-лидерами. К тому же есть по крайней мере два обстоятельства, облегчающие решение столь актуальной проблемы. Первое из них – многолетний опыт директивного планирования советского периода, все еще так и остающийся невостребованным, а само планирование подменено предвыборными президентскими указами, обязательными (преимущественно на словах) к исполнению. При столь уместном в современных условиях возрождении традиции следует учесть то обстоятельство, что советское планирование осуществлялось при полном игнорировании закономерностей циклического развития, имманентно присущих индустриализации, отнюдь не устраняемых даже государственной собственностью. Одним из примеров игнорирования таких закономерностей может служить произвольно устанавливавшиеся средние сроки амортизации производственного оборудования, даже в лучшие годы превышавших 20 лет вместо 9-11, присущих среднесрочному циклу. Только этим обстоятельством выведение страны в инновационные лидеры заведомо исключалось. И все же опыт не только весьма поучительный, вспомним хотя бы столь развитую систему институтов планирования советского периода, но вполне востребованный и поныне, исходя из сложившегося к настоящему времени соотношения форм собственности.

Второе обстоятельство, способствующее возрождению в стране практики планирования, состоит в наличии в ней даже чрезмерного по рыночным критериям государственного сектора, обусловленного традициям советского прошлого. Но именно этот сектор обладает плановым механизмом хозяйствования в масштабах всего общества. Тем не менее этот механизм так и не задействован, будучи подмененным исполнением президентских указов в сроки, далекие от объективно заданных закономерностями циклического развития, равно как и от них самих. Экономические циклы подменены политическими. Но негативны последствия и того обстоятельства, что государственная собственность занимает в ныне рыночно ориентированной стране не только адекватные ее природе экономические ниши, но и те, в которых она не конкурентоспособна с частным бизнесом, что давно выявлено мировой практикой. В этом состоит одна из причин того, что «институтами развития» государственные корпорации так и не стали вопреки официально заявленной цели.

Итак, концепция Н.Д. Кондратьева во всех ее аспектах блестяще выдержала испытание временем. Ныне, будучи обогащенной обобщением истории последующего индустриального развития, вобравшего к настоящему времени пять больших циклов и оказавшегося на рубеже освоения шестого, осуществленным российскими и западными учеными, она вполне созрела для практического использования. Такому использованию сложились и необходимые предпосылки в области экономических отношений, будучи представленными ныне отношениями не только и не столько индивидуальной частной собственности, но и частными формами ассоциированной, не только частными формами последней, но и государственной, заведомо не частной. Предпосылки, предпосланные плановым механизмом, коим обладают ассоциированные формы собственности в соответствующих каждой из них масштабах ассоциации собственников. Планирование в облике средне- и долгосрочного подлежит сведению государством в единую систему. По крайней мере теоретически можно представить такой (планомерный) вариант развития. Но практически его внедрение в нашей стране осложнено многими обстоятельствами, в числе которых такие, как слабая востребованность со стороны правящей элиты научных изысканий в данной области, предопределенная уровнем ее квалификации и компетентности, несоответствием занимаемой должности, приоритетом ее субъективных целевых установок, далеких от объективно заданных.

Список литературы:

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: «ВлаДар», 1993. 310 с.
2. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Издательский дом «Дело», 2011. 231 с.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 25. Ч.1. 545 с.
4. Красникова Е.В., Хаматханова А.М. Акционерная собственность как фактор долголетия капитализма. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. 184 с.
5. Валлерстайн Им. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

Крутова Любовь Сергеевна
аспирант
Российский университет дружбы народов
г. Москва
lskrutova@gmail.com

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается актуальная для горнодобывающей промышленности России проблема повышения экономической эффективности производства в условиях системных проблем загрязнения окружающей природной среды. При этом решаются задачи формирования оптимального набора мер путем создания институциональных условий развития горнодобывающих предприятий за счет экологического страхования.

Ключевые слова: промышленная безопасность, риск-менеджмент, экологизация производства, экологическое страхование, экологический риск.

Введение

Горнодобывающая промышленность - одна из ведущих отраслей экономики. Главной особенностью отрасли является глубокая интеграция в мировое экономическое пространство. За двадцать лет внешнеэкономическая деятельность российской горнодобывающей промышленности существенно расширилась. По объемам разведанных месторождений железорудного сырья Россия занимает первое место в мире. Но при этом на первый план выходит острое техническое и технологическое отставание промышленности, системные проблемы загрязнения окружающей среды и низкой энергоэффективности.

Анализ, представленный в работе [5, С.209–216], показывает, что добыча руды и производство основных видов металлопродукции сконцентрированы только в нескольких крупных транснациональных компаниях. На пять крупнейших поставщиков железорудного сырья приходится почти половина мирового производства. В работе отмечается, что в пятерку мировых лидеров производства железной руды после «Vale», «Rio Tinto», «BHP Billiton» и «Fortescue Metals Group» входит также российская компания «Металлоинвест» с объемом производства около 40 млн. т. в год.

В исследовании [6, С.98] указывается на вред окружающей среде, наносимый угольной промышленностью. Причем вред наносится комплексно. В процессе добычи угля изменяется ландшафт, загрязняются поверхностные водотоки, опускается уровень грунтовых вод, происходит отрыв водоносных горизонтов от русел рек и т.п. В процессе использования угля в качестве источника энергии в первую очередь загрязняется атмосферный воздух. Основными загрязнителями воздуха являются пыль, окись углерода, двуокись азота.

Осознавая экологическую опасность, альтернативы углю как источнику энергии во многих отраслях мировой экономики нет из-за его относительной дешевизны.

Чтобы решить задачу обеспечения международной конкурентоспособности российской горнодобывающей промышленности, требуется разработать стратегию развития отрасли, учитывающую основные направления экономической эффективности. Повышение экономической эффективности производства – вот основная антикризисная программа горнодобывающей промышленности. В этих условиях государство может помочь в решении данной проблемы путем создания институциональных условий развития горнодобывающих предприятий за счет налоговых и тарифных льгот, субвенций и экологического страхования.

Согласно мировому опыту, данное развитие горнодобывающей промышленности происходит благодаря эффективной государственной политике, основными инструментами которой являются государственное финансирование инфраструктурных проектов и государственно-частное партнерство в реализации промышленных и инфраструктурных проектов.

В экологической политике предприятия горнодобывающей промышленности Германии, США, Великобритании, Китая постоянно снижают отрицательное воздействие некоторых операций на окружающую среду, используют программы быстрого реагирования, придерживаются политики открытости перед общественностью.

Горнодобывающая промышленность России оказывает значительную роль в экономике страны с точки зрения ее вклада в занятость, выпуск и внешнеторговый баланс. Однако потенциал развития не может быть охвачен в полной мере из-за наличия системных барьеров в развитии отрасли:

- высокий уровень износа ряда производственных мощностей;
- *экономические интересы имеют приоритет перед вопросами безопасности, здоровья и охраны окружающей среды;*
- *недостаточное соблюдение нормативно-технической документации в области экологии;*
- недостаточное развитие научного и технологического потенциала горнодобывающей промышленности;
- недостаточное развитие систем стандартов и контроля качества продукции;
- недостаточное принятие кадровых решений и развитие высокопроизводительных рабочих мест.

Обеспечение экологической безопасности деятельности промышленных предприятий в части производственных мощностей может позволить решить данные проблемы и усилить конкурентоспособность всего горнодобывающего комплекса России. Для этого предлагается встроить в производственный процесс предприятия систему страхования экологических рисков, направленную на обеспечение экологической безопасности, возмещение вреда окружающей природной среде и компенсацию убытков, которые могут понести третьи лица.

Методы

Методологической основой данной статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также совокупность законодательных, нормативно-правовых актов Российской Федерации. Для обработки исходной информации использовались методика снижения риска стихийных бедствий и ликвидации их последствий и следующие методы: экономико-статистический (статистический), монографический, системного анализа, комплексной оценки.

Результаты

Анализируя данные Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) по экологическим авариям на предприятиях горнодобывающей промышленности, можно сделать вывод, что основные причины аварии – не обеспечены герметичность технологической системы и исключение условий образования

в горючей среде источников воспламенения, не обеспеченно соблюдение требований федеральных норм и правил в области промышленной безопасности, технологический процесс осуществлялся без внесения изменений в проектную документацию, некачественно выполнены работы при проведении экспертизы промышленной безопасности.

Проводимые проекты по модернизации природоохранного оборудования в среднесрочной и долгосрочной перспективе реально приводят к высокому финансовому эффекту.

Несмотря на модернизацию производства и внедрение экологических программ, к горнодобывающим предприятиям периодически возникают вопросы со стороны природоохранных ведомств. При этом замечания направлены на повышение экологичности производств. Основная причина – сокрытие или искажение экологической информации.

Опыт промышленно развитых стран говорит о необходимости создания правовых механизмов распределения ответственности за накопленный экологический ущерб, определения источников финансирования и стимулирования мер по его гарантированной ликвидации, управления рисками, которым подвергаются участники процесса очистки загрязненных участков, их реабилитации, реорганизации и вовлечения в хозяйственный оборот [3, С.4].

В разных странах выработались различные подходы к составлению экологической отчетности. В Западной Европе указываются сбросы и выбросы, соотношения продукции и сырья. В Канаде и США в центре исследований — токсичные выбросы. При составлении экологического отчета каждая компания руководствуется своими задачами и целями, но уже можно выделить несколько общих параметров, которые в той или иной степени желательно отражать в отчётности любой компании: основные воздействия на окружающую среду, выбросы и сбросы, экологическую деятельность компаний, экологическую эффективность [4, С.192].

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) разработал методику по проведению экологического аудита, которой руководствуются многие страны.

Также ЕБРР разработал Протокол аудита оценки состояния окружающей среды на производстве, без которого предприятие не может считаться удовлетворяющим требованиям банка.

Для предприятий специализированных отраслей, таких как добыча нефти, обрабатывающая и горнодобывающая промышленность, ЕБРР требует отдельных протоколов, соответствующих данной отрасли.

Экологическое страхование предлагается рассматривать в качестве одного из возможных направлений, содействующего разработке, внедрению и распространению инноваций. И, прежде всего, – технологических инноваций.

Для построения системы страховой защиты на промышленном предприятии оценка риска может проводиться с помощью анализа внешних и внутренних факторов риска, построении и анализе цепочек развития событий при действии различных факторов риска, определении показателей оценки уровня риска, а также в установлении механизмов и моделей взаимосвязи показателей и факторов риска.

Рассмотрим алгоритм процедур экологического риск-менеджмента на промышленном предприятии (рис.1). Как видно из представленной блок-схемы, данную процедуру можно разделить на три этапа: идентификация риска, оценка риска и управление риском. Большинство необходимой информации при этапе 1 – идентификации риска – поступает из внутренних источников, что говорит о важности правильной организации информационно-аналитической базы при формировании страховой защиты предприятия. Техническая и экономическая информация, в особенности, служит основой для формирования расчетно-аналитической платформы, на основе которой строятся управленческие решения.

Техническая информация включает в себя:

а) информацию о техническом состоянии объектов производственной сферы (процент износа; объекты, эксплуатирующиеся сверх нормативных сроков; протяженность трубопроводов, требующих ремонтно-восстановительных работ и т.п.);

б) информацию, характеризующую состояние аварийности на предприятии (число аварий, вероятность возникновения, причины, степень тяжести, число пострадавших людей, случаи смертельного исхода и т.п.).

Экономическая информация включает в себя:

а) экологические издержки:

- превентивные (затраты на природоохранные мероприятия, плановые ремонтные работы и диагностику, суммы страховых премий и отчислений в фонды самострахования);
- негативные (затраты на ликвидацию аварий, устранение их последствий, суммы выплаченных компенсаций и штрафов, стоимость рекультивационных работ и т.п.);

б) ресурсное обеспечение (размер материальных, трудовых, денежных ресурсов, которые возможно использовать).

Целью проведения этапа 2 – экологической оценки – является сбор, обработка и представление всех имеющихся данных о деятельности предприятия и понимание, приемлемы ли рассматриваемые варианты развития и обеспечивают ли устойчивое состояние окружающей природной среды.

Экологический риск не является статистическим, неизменным параметром. На его уровень можно оказывать воздействие, но только на проанализированный риск, для чего его нужно оценить. Оценка риска – это совокупность регулярных процедур анализа риска, определения возможных масштабов и последствий проявления факторов риска, роли каждого источника, как-то:

- оценка вероятностей неблагоприятных событий;
- определение структуры возможного ущерба;
- оценка меры риска;
- анализ природоохранного законодательства;
- планирование рискоснижающих мероприятий и резервов;
- планирование восстановительных работ;
- планирование компенсационных выплат;
- планирование природоохранных мероприятий.

Таким образом, экологическая оценка гарантирует отсутствие неблагоприятных экологических и связанных с ними социальных и экономических последствий при реализации производственного процесса.

Страховая компания в таком случае может выполнять превентивную функцию экологического страхования, направленную на предотвращение неблагоприятного экологического события.

3 этап «Управление риском» характеризуется следующими мероприятиями:

- организация мероприятий на производстве по предотвращению вреда окружающей среде;
- организация действий в чрезвычайных ситуациях;
- оценка эффективности методов и мер воздействия на риск;
- организация компенсации и восстановительных работ;
- мониторинг экологической составляющей внешней среды;
- контроль за проведением рискозащитных мероприятий.

Таким образом, разработка данной схемы экологического страхования позволяет привлекать дополнительные источники финансирования за счет повышения инвестиционной привлекательности проекта, а также позволит снизить экологические риски и уменьшить нагрузку на бюджет в глобальном масштабе [1, С.130-141]. Основными элементами в данной схеме будут предприятия-источники экологической опасности, инвесторы, органы государственного управления и сами страховые компании.

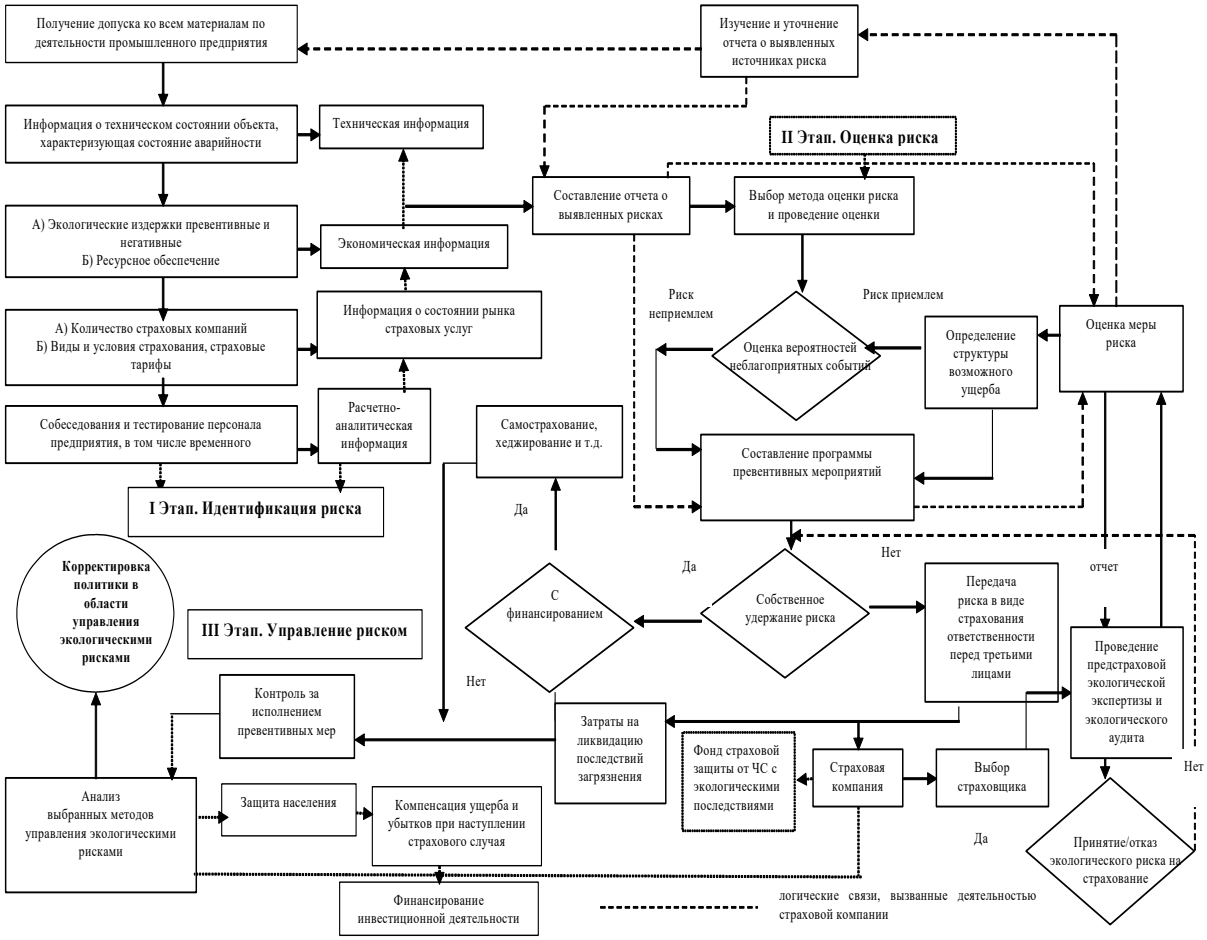

Рис. 1. Блок-схема процедур экологического риск-менеджмента на промышленном предприятии[9]

Предложения по направлению будущих исследований

Для создания нового законодательного акта, учитывающего положения 225-ФЗ и покрывающего вред окружающей природной среде, необходимо решить следующие вопросы.

1. В новом документе необходимо прописать имущественный интерес для осуществления экологического страхования. Пока не будет прописана ответственность за причинение вреда окружающей природной среде, мотивации к экологическому страхованию не возникнет.

2. Необходимо решить вопрос с установлением факта страхового случая, обладающего признаками вероятности и случайности его наступления. На объектах могут иметься не обнаруженные утечки опасного вещества, не носящие случайного характера, но обусловленные неприменением очистных защитных устройств. Данный накопленный вред страховщик не обязан возмещать.

3. Система экологического страхования, направленная на предупреждение и ликвидацию причиненного экологического вреда, должна устраивать всех: природопользователей, уполномоченные органы, экологическую общественность [8, С.445–454].

Заключение

Осознавая экологическую опасность от добычи и сжигания угля, низкую рентабельность горнодобывающей промышленности, тяжелый труд в шахтах, карьерах и на обогатительных фабриках, высокие транспортные расходы и прочие риски, необходимо

[9] Составлено автором

признать, что альтернативы углю как источнику энергии во многих отраслях мировой и российской экономики нет. Поэтому повышение эффективности деятельности угледобывающих предприятий – основная проблема, требующая решения.

Таким образом, следует добиться приоритета эколого-ориентированного производства в деятельности хозяйствующего субъекта. Задачами создания эколого-ориентированной модели развития являются: установление взаимосвязи между экономическими, экологическими и социальными показателями; разработка ключевых показателей оценки экологизации производства и повышение контроля над экологичностью производственной деятельности; применение показателей экономической эффективности, отвечающих принципам экологизации.

В настоящее время расходы крупного бизнеса на экологические программы выросли, но они по-прежнему нечасто превышают 1% от выручки.

Как оценить эффективность этих трат, ведь не по всем предприятиям экологам доступны перечни экологических мероприятий, которые компании включают в свои программы. Соответственно, оценивать их реальный результат сложно.

В этой связи, как указано в исследовании [7, С.1271] необходимо «модернизировать систему страхового регулирования и стратегию развития отрасли с учетом возможностей региональных страховщиков, которые, как показывает мировая практика, с успехом работают со специфичными и незначительными по объему потенциальной страховой премии местными и региональными страховыми интересами, развивая страхование имущества и ответственности физических лиц, средних и малых предприятий».

В настоящее время необходимо радикальное увеличение эффективности использования ресурсов, и несмотря на существенные доказательства того, что многие такие увеличения могут быть экономически и экологически выгодными для общества, ни одна из концепций, которая создана для повышения эффективности использования ресурсов, не работает должным образом. Неопределенность, отсутствие готовности правительства вмешиваться в рынки и сопротивление лоббированию со стороны тех, кто так же склонен быть проигравшими от попыток повысить ресурсоэффективность, – вот достаточные условия серьезного сдвига в этом вопросе [9, С.44].

В заключении можно сделать вывод, что становится актуальным внедрение нового вида страхования – страхования расходов организаций (предприятий) на локализацию и ликвидацию ЧС, в том числе выявление целесообразности создания способов формирования финансовых и материальных ресурсов для ликвидации ЧС, определение правил страхования расходов по их локализации и ликвидации ЧС и методических подходов к расчету страховых сумм.

Правильно налаженная систематическая деятельность по разработке механизма экологического страхования позволит снизить вероятность наступления неблагоприятных последствий при реализации рисковых событий и минимизировать отклонение от цели производственной деятельности предприятий горнодобывающей промышленности [2, С.74-86].

Список литературы:

1. Крутова Л.С. Обновление экономической системы на предприятии через внедрение механизма экологического риск-менеджмента // Экономика природопользования – 2018. – № 3 (75). – С. 130-141.
2. Крутова Л.С. Предпосылки формирования комплексного подхода к управлению экологическими рисками на предприятии химической промышленности // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2017. – № 3. – С. 74-86.
3. Ледашева Т.Н., Чернышёв Д.А. Анализ зарубежного опыта решения проблем накопленного экологического ущерба / Интернет-журнал «Науковедение» – 2014. – № 6 http://naukovedenie.ru/PDF/83EVN614.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/83EVN614. – С. 4.

4. Ревунов Р.В. Международный опыт сотрудничества в сфере регулирования природопользования // Terra Economicus. 2011.– Том 9. – № 4-2. –С. 192.
5. Самарина В.П. Горнодобывающая промышленность России на мировом рынке: современные тенденции // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2017. – № 3. – С. 209–216.
6. Самарина В.П., Ермолаев Д.В., Мартиросян А.Т. История и тенденции современного развития горнодобывающей промышленности России // Фундаментальные исследования. –2018. – № 8. – с. 98.
7. Цыганов А. А., Кириллова Н. В. Страховой рынок Российской Федерации. Региональный аспект // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1270-1281.
8. Porrini D. Risk Classification Eciency and the Insurance Market Regulation // Risks. — 2015. — No 3. — Pp. 445–454.
9. Tukker A., Ekins P. Concepts Fostering Resource Efficiency: A Trade-off Between Ambitions and Viability // Ecological Economics. 2019. V. 155. P. 44.

Кулиев Теймур Адалят оглы
докторант
Аграрный научный центр при Министерстве сельского хозяйства
Азербайджанская республика, г. Баку
seyfedini@yandex.com

СБЫТОВАЯ КООПЕРАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления сельскохозяйственной потребительской кооперации в Азербайджанской Республике. Исследуются теоретические основы сельскохозяйственной кооперации в сфере сбыта. Автор статьи считает более целесообразным стимулирование сельскохозяйственной потребительской кооперации в сфере переработки и сбыта, образование межкооперативных перерабатывающих предприятий, в отношении скоропортящей продукции с последующей реализацией переработанной продукции.

Ключевые слова: индивидуальные предпринимательские хозяйства, семейные крестьянские хозяйства, сбытовая кооперация.

На развитие сельскохозяйственного производства и на состояние семейных крестьянских и индивидуальных предпринимательских хозяйств Азербайджана, на рост их доходов большое влияние оказывает правильная организация сбыта агропродукции. Крестьянское хозяйство, если хочет удовлетворить свои потребности, должно организовать свое производство применительно к потребностям рынка. Студентский Г.А. критиковал трактовку Челинцевым А.Н. рынка, которому тот отводил вспомогательное место [9, С.16]. Рынок способствует росту денежных доходов крестьянских хозяйств. Этот рост еще более усиливается по мере установления тесных связей между местным, общенациональным и мировым рынками. Большое воздействие имеет воздействие транспорта, который способствует сбыту товаров крестьянского хозяйства на дальних рынках. Макаров Н.П. транспорт считал внешним рыночным обстоятельством, способствующий революции в экономических отношениях, влекущим хозяйство на путь организационной перестройки, маня к этому перспективой большого богатства [4, С.151]. Но, Макаров Н.П. считал, что рост товарности крестьянского хозяйства совершается в рамках потребительно-трудовой психологии крестьянства. Даже мелкие крестьянские хозяйства стараются сбыть часть произведенной ими продукции на рынок. Маслов С.Л. приводил пример швейцарских крестьянских хозяйств, где даже самые мелкие хозяйства, как например хозяйства в размере

3,1-5 гектаров, потребляя у себя 33% продукции из всего валового хозяйства, отчуждают на рынок 67% произведенного ими [5, С.8]. Организация крестьянского хозяйства должна быть нацелена на удовлетворение запросов рынка с целью получения более высокого денежного дохода, что требует роста товарности продукции крестьянских хозяйств. В этом случае огромное значение приобретает сельскохозяйственная потребительская кооперация, как средство смычки крестьянских хозяйств с рынком. Современное крестьянское хозяйство является не только потребительским, но так же товарно-денежным хозяйством. Межотраслевое и внутриотраслевое разделение труда усиливает рост товарности. В 2593 индивидуальных предпринимательских хозяйствах Азербайджанской Республики, представивших на 2012 г. отчеты Госкомстату было произведено и реализовано в центнерах соответственно зерновых 672956 и 542896, картофеля 13358 и 9262, хлопка-сырца 31257 и 31257, сахарной свеклы 71448 и 71448, табака 120 и 120, овощей 48183 и 31830, бахчевых 27971 и 23616, фруктов 23623 и 14540, винограда 8467 и 7371. Как видно, наивысший уровень товарности наблюдается по техническим культурам. Студентский Г.А. отмечал, что помимо рыночной конъюнктуры огромное значение для сельского хозяйства имеет также форма и техника связи с рынком, так как иногда не отсутствие хорошей цены, а невозможность реализовать ее из-за скверной техники сбыта является организационным минимумом в хозяйстве [9, С.69]. Отсутствие организации эффективного сбыта лишает крестьянина дохода, который необходим для удовлетворения потребностей крестьянской семьи и накопления в крестьянском хозяйстве. Чаяновым А.В. приводились примеры того, как коммерческие предприятия, устанавливая контроль на рынком сбыта определенной продукции, превращали фермера в рабочую силу, работающую с чужими средствами производства [13, С.205]. Это приводит к потере крестьянскими хозяйствами дохода, необходимого для расширения производства. Иная ситуация складывается при сельскохозяйственной потребительской кооперации. Как указывал Чаянов А.В., в этом случае контроль над системой торговых, элеваторных, мелиорационных, кредитных, перерабатывающих сырье предприятий, концентрирующих и руководящих процессом производства, частью и целиком принадлежат не держателем капитала, а организованным мелким товаропроизводителям [13, С.206]. Как отмечал Маслов С. Л., продажа сельскохозяйственных продуктов вызывается потребностью крестьянского хозяйства в денежном доходе [5, С.10]. Значение рынка для крестьянского хозяйства состоит в том, что она позволяет определить выгодные сферы приложения труда, капитала и земли, заставляя приспосабливаться к его требованиям. Благоприятная рыночная конъюнктура вызывает потребность в расширении производства. Благоприятная конъюнктура, сложившаяся на рынке, если она способствует дальнейшему повышению роста производства трудоемких культур, будет способствовать росту трудоемкости крестьянского хозяйства и тем самым еще большему поглощению труда крестьянской семьи. В этом смысле семейное крестьянское хозяйство является более трудопоглощающим организационным типом в сельском хозяйстве. При наличии выгодной рыночной конъюнктуры усиливается потребность крестьянских хозяйств в улучшенных семенах, кормах, породах скота. Это потребность возникает в связи с необходимостью удовлетворения потребностей населения и промышленности в продовольствии и сырье. Рынок регулирует производство в количественном и качественном аспекте. Крестьянские хозяйства стремятся производить то, что требуется рынком и поэтому сбыт является нервом хозяйства, а организация сбыта составляет важнейшую задачу рационального хозяйствования. Ввиду этих соображений одной из главных целей крестьянской кооперации является организация сбыта. Чаянов А.В., относил сбытовую кооперацию к категории хозяйственных операций, связывающих крестьянство с внешним миром [14, С.115]. В современных условиях, когда место крупных сельскохозяйственных предприятий заняли в преобладающем количестве мелкие и средние сельхозпроизводители (индивидуальные предпринимательские хозяйства и семейные крестьянские хозяйства) весьма актуальным остается вопрос о сбыте производимой ими продукции. Этот вопрос обостряется в условиях диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В результате,

сельхозпроизводители Азербайджана теряют значительную часть доходов, которые оседают в предприятиях частной торговли и в частной перерабатывающей промышленности. Данная проблема является актуальной также и для других стран СНГ. Ушачев И.Г. отмечает, что определяющая фигура на продовольственном рынке страны,- неорганизованный торговый посредник, который в условиях слабого участия государства в создании рыночной инфраструктуры и ее регулирования устанавливает свои «правила игры» [10, С.15]. Он указывает, что разница в ценах, складывающая на продовольственных рынках, во многом объясняется отсутствием прежде всего реальной инфраструктуры. В развитых странах данная проблема решается через сеть кооперативов. Так, в США 70% молока реализуется через кооперативы, аналогичное положение во Франции, Германии, Японии [11, С.9]. Добросецкий В.И. считает, что модернизация продовольственного рынка страны в интересах отечественных товаропроизводителей требует неотлагательного формирования национальной сети производственно-сбытовых кооперативов европейского формата [3, С.54]. Шарипов С.А. предлагает установление налоговых льгот для поощрения сотрудничества кооперативов с предприятиями переработки и сбыта и организации торговых мест с целью стимулирования реализации продукции крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйств населения и сельскохозяйственных потребительских кооперативов [12, С.49-50]. По нашему мнению, более целесообразным было бы стимулирование сельскохозяйственной потребительской кооперации в сфере переработки и сбыта. Прежде чем продукция мелких и средних аграрных производителей попадает на места реализации, она должна быть отсортирована и переработана, что может быть осуществлено сбытовой кооперацией. Образование сбытовых кооперативов может способствовать поддержанию выгодных цен при реализации продукции частным перерабатывающим предприятиям. Но, более выгодным было бы для сельских производителей образование межкооперативных перерабатывающих предприятий, в особенности скоропортящей продукции с последующей реализацией переработанной продукции. Членами сбытовых кооперативов могут быть не только семейные крестьянские и индивидуальные предпринимательские хозяйства, но также юридические лица, внесшие пай для организации кооператива, участие которых в кооперативе должно выражатся в сдаче продукции для реализации. Кооперативный сбыт первоначально объединяет лишь этап продажи продукции крестьянских хозяйств, но мере развития сбытовых операций, безусловно, будет происходить охват не только продажи, но и предшествующих операций сортировка товара, достижение однородности, воздействие на качество товара, путем снабжения хозяйств, определенными семенами, племенным материалом, в результате чего кооперативный сбыт, будучи ответвлением, одним из направлений крестьянской потребительской кооперации, превращается в фактор воздействия на улучшения крестьянского хозяйства. Следует особо учесть разницу между сбытовой и закупочной кооперацией. Как указывал Маслов С.Л., при кооперативном сбыте, кооператив не покупает продуктов у земледельцев. Он только объединяет их: он только помогает земледельцам выгоднее продавать продукты своего труда [6, С.18]. Между тем, закупочный кооператив осуществляет приобретение товара окончательно, за твердый счет. В этом случае социальный состав подобного закупочного кооператива может быть иным: в нем могут преобладать в членстве лица, не связанные с сельским хозяйством. Беляева Н. указывает, что организация закупочных кооперативов дает возможность четко осуществлять закупки, позволит сельскому жителю не сдавать произведенную продукцию перекупщикам [1, С.77]. Таким образом, в сбытовой кооперации происходит совместная продажа сельскохозяйственной продукции с параллельным объединением сбытовой кооперации с кредитованием крестьянских хозяйств под залог товара, сданного ими на совместную продажу, при сохранении продукции за собственностью крестьян, переданных ими на комиссионных началах кооперативу для сбыта. Ссуды, выдаваемые крестьянским хозяйствам должны позволить хозяйству функционировать до полной реализации товаров. Но, как подчеркивал Прокопович С.Н., кооперация в форме специальной организации по сбыту поддается торговле только теми продуктами крестьянского хозяйства, который

сбываются не на соседский, а на капиталистический рынок, производится каждым двором в больших количествах и сбываются течение круглого года [8, С.93]. А потому на местах функцию сбыта могут успешно осуществлять комплексные (универсальные) крестьянские кооперативы. По мере дальнейшего развития крестьянской кооперации на районном и республиканском уровнях может произойти выделение союзных кооперативов, специализирующихся на сбыте определенного товара, так как в функции сбытовых кооперативов входит приемка, обработка, складирование, хранение, упаковка, транспортировка и наконец, продажа продуктов их клиентам. Сбытовые кооперативы могут совмещать в себе также функции перерабатывающих кооперативов, если продукция скоропортящая. Кооперативы по сбыту хлопка могут иметь предприятия по первичной обработке хлопка. Таким образом, сбытовые кооперативы лучше всего могут найти ту форму, в какой продукция может сбываться на рынок. В то же время основная цель кооперативов по сбыту должна состоять также в выполнении посреднических операций между производителями продуктов и оптовыми покупателями, в исследовании рынка. Крестьянские кооперативы, специализирующиеся в сбыте определенного вида продукта могут по своим функциональным качеством выступать комиссионными агентами между крестьянскими хозяйствами и промышленностью. Такие кооперативы могут заключать договоры с представителями перерабатывающих частных предприятий о цене и сроках поставки приобретаемой продукции, о поставках крестьянским хозяйствам – членам кооператива товаров производственного назначения. Подобные кооперативы могут выступать информаторами о состоянии рынка, о соотношении цен, складывающихся на рынке. Но, учитывая, что семейные крестьянские и индивидуальные предпринимательские хозяйства в основном носят многоотраслевой характер целесообразно выделение функций сбыта определенного товара в вышестоящий союз кооперативов, специализирующийся на сбыте данного товара. Образование кооперативов, специализирующихся на сбыте определенного вида товара, превращение их в кооперативы по сбыту определенного вида продукции может произойти по мере роста производства крестьянскими хозяйствами данного продукта, ввиду выгодности его сбыта и соответственно роста оборота продаж товара данными сбытовым кооперативом. Кооперативы регионального или национального уровня по сбыту должны создавать разветвленную сеть специализированных центров, где продукция должна храниться, перерабатываться, упаковываться и потом распределятся. Членами сбытовых кооперативов могут быть производители продукции, семейные крестьянские хозяйства, индивидуальные предпринимательские хозяйства, отдельные лица, внесшие свой пай в создание кооператива и участвующие его деятельности. Обязательным условием членства является продажа сельскохозяйственной продукции только данному кооперативу, то есть член кооператива не имеет права продавать свою продукцию другим организациям. Ввиду того, что на рынке сбытовым кооперативам могут противостоять частные торговые организации, имеющие куда более сильные финансовые возможности, необходимо объединение их в единую организацию на районном, региональном и общереспубликанском уровнях в форме союзных кооперативов. Как отмечает Папцов А.И., в странах Евросоюза, чем больше на том или ином рынке развивается тенденция к монополизму среди закупочных, торговых, перерабатывающих рыночных агентов, тем настоятельнее фермеры испытывают потребность в создании кооперативов, как силы представляющих их общие интересы в сфере сбыта. Дополнительным импульсом для развития сбытовой кооперации является постоянное превышение объема производства над уровнем потребления [7, С.65]. Улучшая условия сбыта для крестьянских хозяйств, кооперация содействует расширению продукции, росту доходности и емкости рынка для промышленности. При сбыте члены кооператива поручают кооперативу продавать продукцию хозяйств с выдачею членам кооператива ссуд под залог сдаваемых для сбыта продуктов. Маслов С.Л., рассматривая различные формы кооперативного сбыта: покупка за твёрдый счёт; ссудо-залоговые операции, при которой земледелец приводит свой продукт в кооператив и берет под него ссуду под залог продукта, но покупателя земледелец ищет сам;

залогово-посреднические. Последнюю форму торговли Маслов С.Л. считал настоящей формой кооперативного сбыта продуктов сельского хозяйства. При залогово-посреднической или комиссионной форме кооператив принимает продукцию своих участников условно, по местной рыночной цене. Сдатчику в счёт этой цены выдает ссуда в размере не полной стоимости продукта. Затем весь продукт поступает в распоряжение кооператива, который обязан его продать. После реализации правление распределяет выручку на фонды, а остальная сумма раздается земледельцам, соответственно количеству и качеству сданного им продукта [6, С.22-23]. Но, если кооператив располагает достаточными средствами, то, оно, не дожидаясь, когда члены сдадут продукцию для сбыта, сам за свой собственный счёт к определенному сезону может осуществить закупку продукта своих членов для последующей продажи его при наиболее благоприятных ценах. В этом случае кооператив при выгодной продажи продукции додаст им разницу в ценах. Горбунов Г.А. отмечает, что формирование действенной системы сбыта продукции АПК на основе создания заготовительных, снабженческо-сбытовых кооперативов, региональных оптовых продовольственных рынков и распределительных центров, возможно только при соответствующей нормативной и правовой базе [2, С.30]. Как таковая продажа (сбыт) является функцией большинства кооперативов, а потому в их уставах должно быть предусмотрено, что торговая деятельность должна вестись ими в интересах членов и чтобы сбыт продукции был организован для членов на комиссионных началах либо за свой счёт и риск. Собирать продукты от не участников можно только в случае, если это улучшает общее дело сбыта продуктов. Для руководства всеми товарными операциями из состава правления должно быть избрано определенное лицо, который должен осуществлять приём товаров. Сбытовые операции кооператива могут быть успешны только тогда, когда члены его получают от них определенные выгоды. Выгоды могут заключаться в том, что члены кооператива при совместном сбыте должны получать более высокую цену за свои продукты, сравнительно с местными рыночными ценами или же в том, что они, передавая кооперативу заботу о сбыте продукции, избавляются от расходов, вызываемых самостоятельной продажи. Достижение данной цели должно стать задачей кооператива при осуществлении функции по сбыту. Создание кооперативов осуществляющих наряду с кредитованием также переработку и сбыт производимой сельхозпроизводителями продукции позволит семейным крестьянским и индивидуальным предпринимательским хозяйствам Азербайджанской Республики повысить свои доходы, в результате предотвратить оседание средств, образованных в сельском хозяйстве республике в других отраслях экономики. Кооперирование в области сбыта будет способствовать повышению также качества производимой продукции, которая отвечает спросу потребителей.

В настоящее время действует закон Азербайджанской Республики «О сельскохозяйственной кооперации» № 270-VQ, принятый 14 июня 2016 г. В статье 7.1.2, закона предусмотрена возможность образования сбытовых и заготовительных кооперативов. В утвержденной 14 июля 2017 г. Государственной программе развития сельскохозяйственной кооперации на 2017-2022 гг. предусмотрена поддержка с помощью грантов кооперативов, а также их отраслевых и региональных ассоциаций в организации ярмарок, кооперативных рынков, в оказании помощи кооперативам в сбыте их продукции на иных рынках, привлечении кооперативов к участию в государственных заготовках сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Однако, с момента принятия закона в 2016 г. на территории Азербайджанской Республики были зарегистрированы всего два производственно-заготовительный и заготовительно-торговый кооперативы. До сих пор не организованы предусмотренные госпрограммой кооперативные рынки. Функционирующие при Республиканском союзе потребительских обществ «Азериттифаке» кооперативные торговые, заготовительные предприятия, предприятия общественного питания бездействуют, наличествующая в них техника устарела. Это требует кадрового, информационного обеспечения их деятельности, выдачу субсидий на возмещение затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в коммерческих банках, выдачу им средств из госбюджета для

приобретения и строительства перерабатывающих и складских объектов, на приобретение транспортных средств.

Список использованной литературы:

1. Беляева Н. Рынок продовольственных товаров и сырья // АПК: экономика, управление, 1998, №6, с. 75-79
2. Горбунов Г.А. Продовольственная безопасность: национальный и международный аспекты // Экономика сельского хозяйства России, 2009, №1, с. 28-32
3. Добросецкий В.И. Механизм модернизации системы распределения потребительских товаров // АПК: экономика, управление, 2009, №7, с. 54-62
4. Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. В 2-х тт. Т.1., Труды Кооперативного института. Москва: Типография Желудковой Н., 1920, 392 с.
5. Маслов С.Л. Крестьянское хозяйство и сельскохозяйственная кооперация. Петроград: Мысль, 1919, 89 с.
6. Маслов С.Л. Кооперативный сбыт хлеба. Москва: Кооперативное издательство, 1925, 35 с.
7. Папцов А.И. Контрактация и сбытовая кооперация в системе интеграционных отношений в аграрном секторе стран Европейского Союза // АПК: экономика, управление, 2008, №9, с. 63-67
8. Прокопович С.Н. Кредитная кооперация в России. Москва: Кооперативное издательство, 1923, 144 с.
9. Студентский Г.А. Очерки по теории крестьянского хозяйства / Труды Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии и политики. Выпуск 8, Москва: НИИСХЭП, 1923, 80 с.
10. Ушачев И.Г. Научное обеспечение Государственной программы развития сельского хозяйства // АПК: экономика, управление, 2008, №3, с. 7-17
11. Ушачев И.Г. АПК в условиях кризиса: состояние, проблемы, пути выхода // АПК: экономика, управление, 2009, №5, с. 8-14
12. Шарипов С.А. Кооперация как инструмент интеграции // Экономика сельского хозяйства России, 2008, №5, с. 48-52
13. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. Москва: Кооперативное издательство, 1925, 215 с.
14. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. Москва: Наука, 1991, 456 с.

Малахова Татьяна Сергеевна
доцент, кандидат экономических наук
Кубанский государственный университет
Россия, г. Краснодар
malakhovats@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ РЕАЛИЙ

Аннотация. В условиях формирования многополярной системы внешнеэкономические и политические отношения между странами становятся все более напряженными и противоречивыми. В этой связи развитые страны стремятся к созданию региональных экономических пространств, а также различных сообществ с целью долгосрочного взаимодействия с развивающимися странами. В статье выделяются ключевые страны-лидеры в мировом хозяйстве, обозначаются проблемы, существующие в Европейском союзе и

Содружестве Независимых Государств, обозначаются перспективы их средне- и долгосрочного сотрудничества.

Ключевые слова: внешнеэкономические отношения, евразийский регион, Европейский союз, Содружество Независимых Государств, внешнеторговое сальдо, экспорт, импорт

В современных условиях внешнеэкономические и политические отношения между странами становятся все более уязвимыми и противоречивыми. Можно с уверенностью отметить, что геополитическая и геоэкономическая обстановка в мире значительно обострилась и это обстоятельство влияет на сотрудничество между странами в мировом хозяйстве. На этом фоне трансформируются внешнеторговые и экономические отношения между странами, усиливается взаимное недоверие партнеров друг к другу [9]. Тем не менее, в евразийском регионе десятилетиями создавались различные формы внешнеэкономического взаимодействия между странами, в том числе, партнерства, союзы, интеграционные группы и т.д. Поэтому резко разорвать внешнеэкономические связи из-за сегодняшних геополитических противоречий довольно трудно. Объединение угля и стали было лишь началом продвижения к экономическому сообществу, которое впоследствии переросло в крупную интеграционную группу [8]. После значительных успехов объединения ЕС экспертное сообщество стало утверждать, что формирование устойчивых региональных связей, в основе которых лежит интеграция национальных хозяйств, станет глобальной тенденцией и что по мере укрепления своего экономического фундамента такие объединения начнут играть все более активную роль в мировой экономике. Кроме того, отмечалось, что региональные интеграционные группы станут ключевой частью структуры будущего мирового экономического порядка [1, С.13].

В нынешних условиях каждая страна стремится занять достойное положение на мировом рынке. Для этого страны используют свои конкурентные преимущества (труд, земля, капитал, предпринимательские способности и т.д.), которые позволяют им утвердить свои позиции в мире. Не вызывает сомнений, что конкуренция – это довольно сильный инструмент экономического развития отдельных стран и регионов мира [6]. Однако если исследовать интеграционные группы, где основополагающую роль играют развитые страны (в Европейском союзе это, в первую очередь, Германия), то для отдельных стран она может иметь весьма негативные последствия. Так, например, конкурентная борьба между транснациональными корпорациями на общем рынке Европейского союза может привести к экономической войне между странами-партнерами и увеличению неравенства между ними. Кроме того, такие противостояния могут привести к бюджетным дефицитам, накоплению государственного долга, росту безработицы, деградации социальной инфраструктуры, увеличению импорта из развитых стран Европейского союза [7, С.38-41]. Поэтому многие страны вынуждены под давлением нарастания экономических проблем и социально-экономического неравенства искать средства их решения. Один из распространенных вариантов – это использование внешних финансовых заимствований со стороны Международного валютного фонда, Всемирного банка, отдельных развитых стран, что в конечном итоге приводит к еще более зависимому положению незащищенных от этого процесса развивающихся стран во всем мире. Тонко подчеркнул Р.И. Хасбулатов, «Основная проблема еврозоны – высокая долговая задолженность банков и слабая кредитная способность самих государств, которые вынуждены все чаще обращаться за кредитами в МВФ и т.д.» [5, С.360–361]. Кроме того, необходимо отметить, что первоначально многие крупные предприятия стран Центрально-Восточной Европы и Юга не выдерживают конкуренцию на общем европейском рынке с крупнейшими транснациональными корпорациями западноевропейских стран. Даже если судить по критериям, которые устанавливает Forbes в части формирования рейтинга крупнейших транснациональных корпораций мира, а именно на основе выручки, прибыли, активов и рыночной капитализации, то можно с уверенностью сказать, что как минимум в первой сотне не представлено ни одной компании из выше

представленных европейских регионов. Указанный факт не дает им возможности быть активными субъектами на европейском рынке. Это в нынешних условиях не только трансформирует их отраслевую структуру в сторону деградации системообразующих отраслей, но и вызывает рост безработицы, а также внушительную миграцию населения в поисках более высокооплачиваемой и престижной работы в развитых странах Европейского союза. Необходимо отметить, что в отдельных странах ЦВЕ (Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия и др.) население неуклонно сокращается вследствие неблагоприятных демографических факторов и /или большой эмиграции. В структуре потребления населения указанных стран с каждым годом значительно увеличивается объем платных социальных услуг, в том числе здравоохранения и образования. Миграционный кризис до предела обострил все конфликты, связанные с мультинациональной и мультиконфессиональной природой европейского общества. Более того, опыт показал, что европейская интеграция несет в себе серьезные риски для стран ЦВЕ и Юга как ее экономически слабых участников. Оказавшись в довольно глубокой зависимости от Западной Европы в деле финансирования экономического роста, осуществления долгосрочных инвестиций, а также сбыта произведенной продукции, ЦВЕ и страны Юга острее других регионов мира реагируют на нестабильность европейской экономики, товарных рынков и потоков капитала. Как подчеркивает Р.С. Гринберг, «Большую тревогу должны вызывать такие быстро распространяющиеся в Евросоюзе явления, как фрустрация массового сознания, неверие в традиционные политические партии, всплеск национализма, а также антиинтеграционные и сепаратистские настроения» [2, С.5-6]. На этой основе необходимо исследовать особенности внешнеторговых и экономических отношений между странами в евразийском регионе, и показать усиливающееся неравенство между развитыми и развивающимися странами в рамках указанного региона.

Сегодня с уверенностью можно отметить, что многие страны мира стремятся к формированию единого экономического пространства как в мировом, так и региональном масштабе. Это, в первую очередь, проявляется в реализации различных форм взаимодействия между странами (интеграция, партнерства, союзы, альянсы и т.д.). Необходимо отметить, что в каждом регионе существует лидер или локомотив объединения (сотрудничества). В евроазиатском регионе можно выделить Европейский союз (страна-лидер – Германия), Содружество Независимых Государств (СНГ) или в более укрупненном составе Евразийский экономический союз (страна-лидер – Россия) и т.д. [4]. Необходимо отметить, что с 2014 г. по 2018 г. локомотивами и крупнейшими экономиками в рамках СНГ выступали и выступают Россия, Казахстан и Белоруссия. По основным показателям внешней торговли они во много раз превосходят своих партнеров по СНГ. Однако необходимо сделать акцент на том, что значительный разрыв в отраслевой структуре стран-партнеров может привести к значительным противоречиям и проблемам внутри СНГ. Сегодня только в трех странах (Азербайджан, Казахстан и Россия) из девяти наблюдается положительное сальдо внешней торговли. В остальных странах практически нет возможности сократить импортную зависимость от стран-локомотивов СНГ или развить инновационные технологии, которые будут пользоваться спросом во всем мире. Этот факт приводит к дестабилизации внешнеторговых и экономических отношений между партнерами и в дальнейшем может повлиять на изменение внутренней архитектуры самого СНГ [3]. Отметим, что если страны-партнеры стремятся к укреплению и углублению внешнеэкономических отношений, то необходимо понимать, что если возникает структурный кризис в одной стране, то он по принципу домино перенесется на соседние страны. Это сказывается на общем результате деятельности всего СНГ. По сравнению с Европейским союзом и другими крупнейшими экономиками мира, доля СНГ в мировом экспорте и импорте является незначительной. Так, доля стран СНГ в мировом экспорте в 2018 г. составила 2,9%, а импорт – 2,1%. Специалисты отмечают, что некоторые важнейшие макроэкономические показатели (отношение капитализации фондового рынка к ВВП, доля национальной валюты в мировой торговле и на мировых валютных рынках, доля расходов на НИОКР в ВВП и др.) растут крайне медленно

и их динамика не дает оснований ожидать, что в ближайшие 20 лет бывшие социалистические страны догонят страны Запада по степени зрелости финансовых рынков и роли инноваций в экономическом развитии.

Однако в Европейском союзе также имеются проблемы и противоречия во внешнеторговых и экономических отношениях, в частности с каждым годом увеличивается импортная зависимость многих стран от западноевропейских партнеров в рамках интеграционной группы. Так, с 2014 г. по 2018 г. в 16 странах Европейского союза из 28 наблюдается отрицательное сальдо внешней торговли. Необходимо отметить, что в основном это страны Юга и Центрально-Восточной Европы: Болгария, Греция, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Португалия, Румыния, Хорватия, Эстония и др. Если исследовать их ключевые отрасли, то окажется, что в вышеуказанных странах превалируют отрасли, связанные с тяжелой и легкой промышленностью, сельским хозяйством и сектором услуг (в основном туризм и гостиничное дело и т.д.). Кроме того, данные страны не имеют столь крупных корпораций, чтобы составить конкуренцию западноевропейским ТНК. Если проследить за динамикой внешнеторговых отношений между странами-партнерами, то можно увидеть, что страны Европейского союза увеличивают экспортные операции внутри интеграционной группы. С 2014 г. по 2017 г. экспортные операции в Европейском союзе увеличились на 412,7 млрд евро. Кроме того, с каждым годом увеличиваются экспортные поставки в Китай (в 2014 г. – 164,7 млрд евро, в 2015 г. – 170,4 млрд евро, в 2016 г. – 169,8 млрд евро, в 2017 г. – 198,2 млрд евро). Такая же тенденция прослеживается и с Соединенными Штатами. В 2014 г. экспорт из стран Европейского союза в США составил 311,4 млрд евро, в 2015 г. – 371,3 млрд евро, в 2016 г. – 363,7 млрд евро, а в 2017 г. этот показатель оказался на рекордной отметке – 375, 9 млрд евро за последние три года. Экспорт в Японию странами Европейского союза варьируется от 50 до 60 млрд евро ежегодно. В 2017 г. этот показатель составил 60,7 млрд. евро, что на 7,4 млрд. евро больше, чем в 2014 г. Что касается стран СНГ, то в 2017 г. страны Европейского союза экспортировали на 125,5 млрд евро. В 2015 и 2016 гг. прослеживалось заметное снижение этого показателя (в 2015 – 109,0 млрд евро, в 2016 г. – 106,8 млрд евро). Однако постепенно данный показатель выравнивается и происходит увеличение экспортных поставок в страны СНГ. Если анализировать экспорт из стран Европейского союза в остальные страны мира (Латинская Америка, Африка, Азия и др.), то в 2017 г. он составил 1118,5 млрд. евро. Если этот показатель сравнивать в динамике, то экспорт в 2014 г. составил 1030,1 млрд. евро, в 2015 г. – 1083,3 млрд. евро, в 2016 г. – 1047,7 млрд. евро. Что касается импорта, то он немного меньше. Так, в 2017 г. он составил 963,1 млрд. евро (в 2014 г. 885,2, в 2015 г. – 888,1, в 2016 г. – 893,1 млрд. евро). В 2017 г. внешнеторговое сальдо оказалось положительным – 155,4 млрд. евро. Таким образом, экспорт из стран Европейского союза в остальные страны мира превышает импорт.

В современных условиях можно с уверенностью выделить ключевые проблемы и противоречия в Европейском союзе, которые приводят ее к трансформации: полная либерализация в интеграции приводит к увеличению неравенства между странами-членами Европейского союза; различия в отраслевых структурах экономик стран-партнеров Европейского союза; концентрация ТНК и ТНБ преимущественно в развитых странах Европейского союза; введение единой валюты в рамках еврозоны приводит к зависимости стран периферии от денежно-кредитной политики стран ядра; увеличение и ускорение трудовой миграции из развитых стран в развивающиеся.

Таким образом, обозначено, что в 2018 г. в 6 странах СНГ из 9 наблюдается отрицательное сальдо внешней торговли. За исследуемый период времени положительное сальдо отмечалось лишь в Азербайджане, Казахстане и России. По сравнению с Европейским союзом и другими крупнейшими экономиками мира, доля СНГ в мировом экспорте и импорте в нынешних условиях является незначительной. Кроме того, обозначены ключевые экономико-политические проблемы и противоречия в Европейском союзе, которые могут привести ее к трансформации. Так, если указанные в исследовании причины не будут

устранены странами-локомотивами ЕС в кратчайшие сроки, то можно с уверенностью отметить, что неравенство между развитыми и развивающимися странами будет только увеличиваться. Безусловно, этот процесс необходимо останавливать, поскольку страны Юга и Центрально-Восточной Европы стремятся быть активными участниками во внешнеторговых и экономических отношениях с западноевропейскими странами.

Список литературы:

1. Борко Ю.А. Заглядывая в XXI век: Европейский союз и Содружество независимых государств // «Европейская идея»: от утопии к реальности. – М.: Интердиалект +, 1998. – С. 13.
2. Гринберг Р.С. Найти выход из мировоззренческого тупика // Мир перемен. – 2013. – №1. – С. 5-6.
3. Малахова, Т.С. Трансформация внешнеэкономических связей мирового авангарда и мировой периферии: позиции России: монография / Т.С. Малахова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016.
4. Малахова Т.С. Кризис глобальной экономики: тенденции и противоречия: монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015.
5. Хасбулатов Р.И. Закат рыночного фундаментализма. Теории, политика, конфликты: в 2 кн. – М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. – С. 360-361.
6. Balassa B. The Theory of Economic Integration. – Greenwood Press Reprint, 1982.
7. Malakhova T.S., Kolesnikov N.P. Trends and contradictions of the global economy crisis and transformation of the world financial institutions // European Journal of Economics and Management Sciences, Scientific journal, Vienna, №1. – 2019. – P. 38-41.
8. Myrdal G. An International Economy: Problems and Prospects, Harper & brothers publishers, New York, 1956.
9. Tinbergen J. On the Theory of Economic Integration // Les Cahiers de Bruges (Bruges Quarterly). – 1952.

Миронова Лариса Владимировна
Союз писателей России, Московское отделение
г. Москва
larissamir2006@yandex.ru

ГОСУДАРСТВО КАК ПЛАТФОРМА В ЦИФРОВОЙ СТРАНЕ

Аннотация. Цифровые преобразования как один из факторов мирового экономического роста. Экономические прогнозы, связанные с внедрением принципиально новых бизнес-моделей и технологий: цифровые платформы, цифровые экосистемы, аналитика больших данных. Рассмотрена проблема перехода к новому типу постиндустриального государства – «государство как платформа» в условиях цифровизации страны.

Ключевые слова: постиндустриальное государство, закономерности развития человечества как системы, «время между», цифровизация страны, государство как платформа, диджитал, большие данные (BIG DATA)

Известным экономистом Бондаренко В.М. (Институт экономики РАН) получен новый методологический инструментарий, который даёт хорошую возможность прогнозировать будущее из будущего, а также позволяет понять во времени и пространстве объективную картину закономерностей развития человечества как системы, в зависимости от

положительной (устойчивой) или отрицательной (неустойчивой) направленности на реализацию поставленной единой цели.

Исследования Бондаренко В.М. показали, что в реальности всё сводится к двум парадигмам развития системы:

1) между производством и потреблением устанавливается непосредственная связь;

2) между производством и потреблением связь опосредована.

Доиндустриальный этап характеризуется преобладанием первой парадигмы развития, выражающейся в непосредственной взаимосвязи между производством и потреблением, и всё, что производилось на том уровне ручного труда, которым начинало овладевать человечество, им же и потреблялось. Следовательно, время между возникновением потребности конкретного человека и ее удовлетворением было минимальным. [1, С.25–38]

Сейчас иное. В декабре 2016 года Президент России подписал указ о разработке и утверждении программы «Цифровая экономика». Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. No 1632-р программа «Цифровая экономика Российской Федерации» была утверждена. В соответствии с этим распоряжением, под цифровой следует понимать такую экономику, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства, что, как считают авторы программы, значительно повысит конкурентоспособность нашей страны и обеспечит экономический рост, а также национальный суверенитет. ЦЭ в большинстве случаев рассматривается как проблема техническая и технологическая, для обработки с невероятной скоростью увеличивающихся массивов данных (BIG DATA), как инфраструктурный проект и как средство общения в рамках сегодняшней парадигмы развития человеческого сообщества. А это значит – что придётся столкнуться и со всеми отрицательными последствиями, присущими этой парадигме развития, но, в условиях цифровизации, куда более разрушительными, т.к. в этом случае диспропорции чудовищно возрастают. Методологически все существующие сегодня разработки по ЦЭ базируются на эмпирическом подходе и субъективной интерпретации тех или иных фактов и данных. Показательными в этом плане являются исследования Центра стратегических разработок (ЦСР). В аналитическом докладе ЦСР «Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России» прямо говорится, что этот документ является результатом осмысления развернувшихся в мире процессов, ведущих к смене технологического уклада и моделей экономического роста. (Это примерно то же, что смотреть на звёздное небо в телеском, на очень удалённые объекты, и думать, что мы наблюдаем сегодняшний день их жизни, в то время как этих объектов, в реальности, в современном мире может уже и не быть, т.к. мы видим лишь свет, испущенный ими миллионы лет назад, а не сами эти объекты, т.е. мы всё ещё видим картинки из прошлого - мир, каким он был когда-то и каким уже никогда не будет.)

Таким образом, программа «Цифровая экономика РФ», равно как и подобные программы в других странах, разработана с помощью эмпирических данных прошлого развития и субъективных интерпретаций. Развитие же идет, если отвлечься от усыпляющей бдительность масса риторики, в условиях существующей парадигмы (в интересах узкой группы структур и лиц), келейно принятой ими цели развития: цель развития нигде и никак не обсуждалась, если не считать заявления первого лица в интервью различным изданиям о том духе, что мы не стремимся быть сверхдержавой, так это затратно, да и вообще никому не нужно.

В этом случае просматривается тенденция возникновения технологической сингулярности, сердцевиной которой является искусственный интеллект, цифровые, биологические и другие технологии манипулирования и управления человеческим сознанием. Риски для государства, общества в целом, а также отдельного человека возрастают, а момент достижения принятой цели никогда не наступит, и человечество, т.о., неминуемо ждет апокалипсис.

К 2020 году программой «Цифровая экономика» запланировано «создание системы центров обработки данных, обеспечивающей обработку всех данных, формируемых

российскими гражданами и организациями на территории РФ. Такое регулирование означает, что введение сквозного идентификатора личности создаст возможность практически одномоментного сбора полного досье информации на человека и его семью, вплоть до биометрических данных и всякой иной, исключительно личной информации. И всё это несмотря на то, что внедряемая программа прямо противоречит Поручению Президента РФ Председателю Правительства РФ от 26 апреля 2017 года, в котором сказано: «В целях повышения информационной безопасности государственных информационных систем в Российской Федерации и защищённости персональных данных граждан Российской Федерации обеспечьте внесение изменений в федеральные законы, предусмотрев следующие принципы обработки данных в государственных информационных системах:

- минимизацию состава обрабатываемых персональных данных, необходимых для решения возлагаемых на информационные системы задач;
- декларирование и согласование порядка обработки персональных данных с целями их обработки;
- хранение персональных данных в электронном виде в информационных системах по месту возникновения таких данных... Срок – до 1 декабря 2017 года».

Более того, программой ЦЭ запланировано достижение прямо противоположных целей, а также создание общей цифровой среды доверия на пространстве общей политики по созданию подобной среды доверия с другими государствами и интеграционными объединениями. Из чего можно заключить, что, вопреки обещанному, планируется опасное выстраивание номерной идентификации субъектов с обработкой всех их персональных данных также и в мировом масштабе, помня при этом, что наше руководство и не предполагает вести страну к серьёзным высотам и призовым местам.

Между тем, ЦЭ должна рассматриваться как экономика согласованных интересов между государством, обществом, бизнесом и интересами конкретного человека в реальном времени везде и на всех уровнях, иначе повсеместного роста конфликтности не избежать. Главная роль государства заключаться в том, что власть осознает необходимость перераспределения своих функций и бюджетов с верхнего, жестко централизованного уровня на все остальные уровни. Пока этого не видно, ведь нельзя же считать осознанием этой своей обязанности пожелание как регионам, так и отдельным гражданам «жить по средствам», признавая бедных, имеющих в собственности хоть какое-то жильё или участок земли, лентяями.

В 2017 году цифровая революция вошла в решающую фазу – к интернету подключился каждый второй житель Земли. Россия уже активно живет в цифровой эре: по количеству пользователей интернета она занимает первое место в Европе и шестое – в мире. Однако доля цифровой экономики в ВВП России составляет 3,9%, что в 2 –3 раза ниже, чем у стран-лидеров. И всё же у России есть все необходимые предпосылки для дальнейшей реализации цифрового потенциала. Страна располагает всё ещё мощной интеллектуальной и научной базой. Миссия развития цифровой экономики в России – резко повысить качество жизни, обеспечить конкурентоспособность страны и национальную безопасность, а вовсе не мириться со скромным местом где-то в серединке мирового обоза, ведь если великан пристроится в шеренгу карликов, признав их равными и даже лучшими, то только ленивый не будет его пинать. И бесполезно запоздало лепетать всяческие справедливости, это, кроме всеобщего смеха, не вызовет никакой иной реакции. Тема внедрения цифровых технологий все активнее включается в повестку дня шумных экономических форумов. Развитию цифровых технологий посвящаются масштабные государственные программы. Но реформирование, причём принципиальное, продуманное, всей образовательной инфраструктуры необходимо и безотлагательно уже сейчас на практике, а не только в программах и речах, а лозунг «прибыль любой ценой» надо вообще забыть, иначе мошенничество в цифровых структурах получит «зелёный» коридор.

Цифровые платформы, безусловно, один из наиболее ценных активов современной экономики, их быстрый рост вполне объясним: победитель получает всё. Однако, компании,

идущие в авангарде цифровой революции, не только получают значительные преимущества, но и закономерно несут повышенные риски. В США на протяжении 1993–2013 годов те отрасли экономики, где наблюдалась наиболее заметная положительная динамика прибыльности, также характеризовались активным применением цифровых технологий. Однако внутри этих отраслей показатели прибыльности лидеров и аутсайдеров различались в 2–4 раза. Внедрение цифровых технологий влечет за собой дальнейшее ужесточение конкуренции, создавая для существующих лидеров рынка угрозы, исходящие от новых волн инноваций. Например, «Тинькофф Банк», не имеющий отделений, всего за десять лет стал крупнейшим в мире независимым банком такого типа и вторым в России банком по количеству выпущенных кредитных карт. А вот радоваться этому факту или плакать – пока вопрос (привычка жить в кредит уже поставила США в весьма пикантную позу).

Причины кроются в том, что в доцифровую эпоху экономия на масштабе достигалась за счет строительства больших производственных комплексов. Развертывание подобных производств требует значительных затрат времени и ресурсов и несет существенные приростные издержки. Что же касается цифровых компаний, то сочетание низких приростных издержек с легкой масштабируемостью ИТ-платформ позволяет наиболее успешным из них в рекордные сроки достигать невозможных ранее масштабов. На место классических посредников приходят цифровые платформы.

Согласно рейтингу готовности стран к цифровой экономике, оценивающим факторы, влияющие на ее развитие, и то, насколько хорошо государства используют цифровые технологии для повышения конкурентоспособности и благосостояния, Россия занимает 41-е место, в 2016 году доля цифровой экономики в ВВП России составила всего 2,8%, впрочем, всё же немного поднявшись с 2,3% за 2015 год.

Цифровизация меняет подходы к управлению и переводит его из продуктовой направленности в сервисную. Трудно осуществить цифровую трансформацию в условиях бесконечного бумажного потока документов, в отдельных кабинетах, создавая дублирующие друг друга информационные системы, которые будут ограничены «стенами» ведомств, не увидев в гражданине и организациях партнера для решения общей задачи и клиента для всей системы госуправления. Взаимодействие человека и государства должно измениться, но это вовсе не означает, что государство должно отойти в сторонку и сонно наблюдать за происходящим.

Критика принятого правительством в мае 2018 г. Документа «Государство как платформа» https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf сводится к следующему: Системный подход утверждает, что части чего-то сложного лучше понимаются в конкретных отношениях. Поэтому, сложная цифровая система представляется с разных точек зрения в виде различных моделей и отношений между ними. Любая, взятая вне контекста, точка зрения, чаще всего, ущербна. Системный подход обеспечивает предельно целостное восприятие системы. Это значит, что, рассматривая систему с какой-то точки зрения, мы в сознании своём легко можем дополнить ее до целого.

Выводы:

1. Рецензируемый документ «Государство как Платформа» (ГкП) в основном акцентируется только на «видимой» для населения деятельности государственного управления, то есть, предполагается, что все государственное управление – это, концептуально, система услуг для партнеров государства (включая граждан, бизнеса и различные общественные организации). Это типичная точка зрения потребителей услуг. Вся остальная деятельность Органов Государственной Власти (ОГВ) в этом документе не рассматривается.

2. Предлагаемая Государственная Цифровая Платформа (ГЦП) – это всего лишь техническая точка зрения на ГкП; ГЦП позиционируется как независимый цифровой посредник между ОГВ и партнерами государства (граждане, бизнес и общественные организации), которому должно передать часть информационных систем ОГВ.

3. Обещания успешно провести цифровую трансформацию ОГВ, по сути, ничем существенным не подкреплены.

4. Порой парадоксальна смесь морально устаревших и современных технологий.

5. Невысокая концептуальная целостность правительственного документа указывает на возможное механическое заимствование текстов из Интернета.

Рекомендации:

1. Следует рассмотреть со всех необходимых точек зрения целостно всё государство как цифровую компанию (со своей собственной бизнес-моделью).

2. Посредническая платформа – это только один из компонентов цифрового государства. Необходимо провести соответствующие архитектурные работы, чтобы вычленить все остальные компоненты.

3. Цифровая бизнес-трансформация государства безусловно должна отхватывать ОГВ и всю сферу предоставления государственных услуг. Первый шаг в такой трансформации – это создание единого индекса тестирования (и соответствующего департамента) для всех ОГВ.

4. Необходимо создание архитектурного центра Цифровой Экономики (ЦЭ), который бы также производил тщательный и объективный отбор методологий и технологий для ЦЭ.

5. Единая онтология, методология разработки и архитектура ЦЭ являются обязательной основой для всех предложений по цифровизации. Всё это должно быть разработано архитектурным центром ЦЭ.

«Предисловие» рецензируемого документа

В подтверждение известной системной эвристики, «главная ошибка сделана в самом начале» - рецензируемый документ в первом параграфе предисловия говорит то о «трансформации государственного управления с использованием возможностей, которые нам дают новые технологии», то о том, что «должна измениться сама госслужба во время цифровой трансформации оказания государственных услуг, ведения разрешительной и контрольно-надзорной деятельности и принятия управленческих решений». А это две большие разницы. Здесь https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/432 читаем, что государственное управление (ГУ) - это осуществляемая на основе законов и других нормативных актов организующая, исполнительная и распорядительная деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, общественных и иных негосударственных формирований, наделенных соответствующими государственно-властными полномочиями (7). ГУ или управление делами государства вообще осуществляют все ветви государственной власти: законодательная, исполнительная и судебная власть… ГУ имеет четко выраженный публичный характер: проводит в жизнь (исполнение) содержащиеся в законодательных актах юридически властные предписания, осуществляет функции текущего управления, представляя собой государственную деятельность по управлению делами общества». Понятно, что цифровая бизнес-трансформация нужна всему государственному управлению, а выбор конкретной ветви власти для начала такой трансформации – это вопрос приоритетов. Неявное навязывания приоритетов вызывает законное недоумение и сопротивление. Отсутствие чёткого указания, что все работы по реализации ГкП обязаны следовать Конституции и действующим законам вызывает шквал обоснованной критики, типа обзывания авторов «маньяками контроля».

Стр.5. «Executive Summary» рецензируемого документа гласит, что в фокусе развертывания Платформы находится гражданин в условиях новой цифровой реальности. Однако пока была только концептуальная ГкП, которую реально «развернуть» никак нельзя – ведь это пока только идея. А тут вдруг, как из шляпы фокусника, является граду и миру некая ГкП - как готовый программный продукт, которую уже готовы развертывать.

Стр. 6. «Государство перейдет от предоставления единичных «точечных» сервисов при помощи государственных (ведомственных) информационных систем (ГИС) и баз данных к комплексному решению жизненных ситуаций человека, которое основано на едином массиве данных и алгоритмах работы с ними, совместно разработанными федеральными органами исполнительной власти».

Использование довольно неопределённого компонента «единого массива данных» вызывает также немало вопросов. Насколько это легально - хранить все данные вместе? Как быть с защитой персональных данных подобно GDPR? И как это технически реализовать в масштабе всей страны? Введение в других главах нового понятия «хранилища данных» вызывает сомнения в концептуальной целостности рецензируемого документа.

Стр. 7. «При этом благодаря использованию современных технологий данные граждан будут более эффективно защищены от несанкционированного доступа, а надежное резервирование предотвратит их утрату». Т.о., убедительных доказательств этого тезиса в рецензируемом документе не обнаружено. Более того, обнаружены доказательства наличия принципиального отрицания существующих рекомендаций по защите данных.

Стр. 7. «Платформа поможет исполнять большинство функций управления не при помощи органов власти, а на основе платформенных решений. Переход от одной формы исполнения к другой возможен на основе следующих ключевых принципов…»

Таким образом, ГкП как программный продукт не рассматривается как орган власти – а тогда что это? Вещь в себе? Посредник? Насколько такое исполнение является законным? Означает ли это, что такая платформа и информационные системы ОИВ будут мирно (или не очень) сосуществовать? Или все информационные системы ОИВ автоматически исчезнут? С этим надо тщательно разбираться «на берегу».

Стр. 8. Не упоминание фигуры корпоративного архитектора – это экивок, что предлагаемая цифровая бизнес-трансформация говорит о создании программного продукта. Другой звоночек – это неявное подтверждение, что все ОИВ будут иметь свои ИТ-системы. Таким образом, ГкП как программный продукт будет существовать отдельно, а ОИВ – отдельно. Общаться они будут по неким правилам. Пока не сосем ясно – каким именно.

Стр. 9. «система государственного управления должна будет действовать как передовая IT-корпорация».

Ошибка или злой умысел? Логичнее: не «передовая ИТ-корпорация» а «передовая в ИТ корпорация».

Стр. 9. «Модель государственного участия:

государство как координатор возьмет на себя управление взаимодействием всех участников платформы, но должно будет выступать создателем экосреды взаимодействия, а не быть постоянным запретительным регулятором…»

Непонятно что означает «координатор возьмет на себя управление взаимодействием всех участников платформы» - кто/что с кем/чем собирается взаимодействовать? Будут ли граждане взаимодействовать между собой - как в сетях? или бизнес начнёт что-то делать между собой - как в Lnikedin?

Стр. 9. «Государственные процессы:

- государственная инфраструктура станет единой точкой для всех обращений за государственными сервисами (там, где сохранится государственное участие;

- вместо цифровизации устаревших процессов – ориентация на цифровую трансформацию: умение создавать наиболее эффективный процесс достижения цели с системой быстрого, постоянного и с минимальными затратами улучшения;

- использование достоверных и единых данных для принятия решений даст новые возможности для определения целей, оценки результатов, позволит снизить коррупцию».

Опять проблема с концептуальной целостностью документа. Есть ссылка на стандарты ИСО 9000 и тут же предлагается «управлять процессами», что не является современной методологией в этой области. Правильное использование процессов – это управление организациями при помощи бизнес-процессов с использованием новых методологий (BPM, ACM и RPA).

Стр. 9. «Государственная служба:

- разовьется «цифровой менталитет»: принятие цифровой реальности, умение в ней эффективно работать, цифровые навыки и персональное развитие;

- возникнет единая цифровая платформа взаимодействия для государственных служащих, бизнеса и граждан;

- предиктивный анализ и искусственный интеллект станет помощником для выполнения рутинных операций, государственные служащие сфокусируются на выводах, а не на рутине».

«единая цифровая платформа взаимодействия для…» – это что? государственный налог на Telegram или Facebook? Опять проблема с концептуальной целостностью рецензируемого документа.

Стр.10. «Государство-как-Платформа» (ГкП, Платформа) – качественно новая система организации и исполнения функций органов государственной власти…» Еще раз декларируется: в центре - цифровая бизнес-трансформация, а не создание программного продукта.

Стр. 12. «во время этого «переходного периода» «старые» и «новая» системы сосуществуют параллельно» Предлагаемый подход – это не «brown filed» и не «green field», что не соответствует заявленному выбору: «Этот путь и предлагает для реализации Центр стратегических разработок в данном документе стр. 11». Предлагаемый подход является паттерном «eclipse» и, похоже, авторы изобретают «велосипед», т.к. они не указали некоторые важнейшие характеристики этого подхода, тем самым создавая огромные риски.

Стр. 13. «Введение роли главного архитектора Платформы и концентрацию управленческих и финансовых ресурсов мы считаем принципиальным решением, которое может позволить успешно провести цифровую трансформацию». Пока более понятна концептуальная ГкП, а вот ГкП как программный продукт – нет. Есть вопросы о целевой архитектуре ОГВ, их цифровой бизнес-трансформации, трансформации информационных систем и собственно ГкП как программного продукта. Сначала необходимо создать единый департамент информационных и телекоммуникационных технологий для всех ОГВ. Иначе цифровая бизнес-трансформация будет «затерта» внутри правительственных трений, затем эта схема копируется по всей стране. Так что все рассуждения пока что не имеют должного обоснования и выглядят как попытка создать программный продукт без наличия общего понимая его будущей работы, и, главное, при полном отсутствии веры в успех этого дела.

Стр. 14. «Процесс внедрения Платформы должен быть поддержан институтом назначаемых в ОГВ Chief Digital Officer (CDO)»

Это кто такой - мастер, или прораб, или то и другое вместе, или что? Почему CDO, а не CDTO? Как CDO будет сотрудничать с ИТ-архитектором? Если нет корпоративного архитектора, то вся эта деятельность - только по созданию программного продукта.

Стр. 15. «В результате внедрения Платформы Россия получит гибкий, объективный, быстрый механизм принятия стратегических решений и государственного управления.»

Нет, это может осуществиться как раз только в результате успешной цифровой трансформации всех ОГВ. Платформа – всего лишь инструмент цифровой бизнес-трансформации, а не цель. Очень опасная подмена понятий.

1.1. Предпосылки создания платформы» рецензируемого документа (стр. 16-18)

Стр. 16. «Нарастает «уберизация» экономики – устранение посредников, переход к прямым транзакциям между поставщиком и потребителем товаров/услуг благодаря широкому внедрению современных информационных систем». На самом деле, идет замена существующих посредников путем создания новых, сетевых, мощных и невидимых, но тоже посредников. Крайне опасное заблуждение на основе поверхностного анализа. Правильный подход – это системный анализ проблемной области (см. «Мистерия цифровых платформ цифровой экономики»: http://egovtm.blogspot.com/2017/08/blog-post.html) [8, С.5-14]

Стр. 18. «Для повышения конкурентоспособности экономики жизненно необходимо новое качество государственного управления. Его можно достигнуть только при переходе на новые модели управления процессами и данными».

А вот это уже трижды фундаментальное заблуждение:

1) надо управлять не процессами, а управлять с помощью процессов;

2) данные без их моделей бесполезны; данные не возникают из ниоткуда, а создаются в результате работы систем;

3) методологиb и технологиb должны быть верно скомбинированы для достижения ожидаемых результатов цифровизации.

1.2. Что должна делать платформа» (стр. 9-22)

Стр. 19. «от документов – к данным» На самом деле описывается переход от информации в представлении на бумажных носителях к машинно-читаемому цифровому представлению. Просто данные бесполезны, люди и компьютеры работают не с данными, а с информацией.

Стр. 19. «решения принимаются на основе данных»

Нет, они принимаются на основе информации.

Стр. 19. «обеспечена возможность создания независимыми поставщиками приложений/ сервисов для пользователей» Кто такие эти «пользователи»? Откуда они прибыли? Это понятие встретилось в первый раз без какого-то определения. Опять проблема с концептуальной целостностью документа.

Стр. 20. «…будет основываться на достоверных и надежных данных и человеконезависимых алгоритмах, включая искусственный интеллект».

Основа основ правового государства – это то, что все равны перед законом, но пока ИИ может принимать необъяснимые решения, с применением и приоритетом ИИ следует повременить. Сначала выясним, кто «заказывает музыку». (Кто конкретно завладеет главным сервером?)

Стр. 21. «Рис. 7. Основные элементы экосистемы ГкП»

ГкП выглядит равноудаленной от граждан, бизнеса и ОГВ. Так ГкП – это часть государства или нет? Или она может находиться на Марсе, сама по себе? Или это одно из подразделений государства, или даже одно из программных продуктов государства? Пока неясно.

Стр. 22. «Создание к 2024 г. не менее десяти отраслевых (индустриальных) цифровых платформ для основных предметных областей экономики (в том числе для цифрового здравоохранения, цифрового образования и «умного города»), предусмотренное программой «Цифровая экономика Российской Федерации», необходимо также проводить в парадигме развертывания ГкП».

Судя по количеству замечаний и тому, что «парадигма развертывания ГкП» упоминается в рецензируемом документе только один раз, очень непонятно, как можно предлагать реализацию таких важных компонент цифровой экономики на столь зыбком обосновании.

2. Основные элементы экосистемы платформы» рецензируемого документа (стр. 22-24)

Стр. 23 «Государство-как-Платформа» – это прежде всего экосистема из трех основных групп».

Понятие «экосистема» используется очень вольно в рецензируемом документе, например, «цифровой экосистемой», «новой экосистемы ИТ-государства», «информационные экосистемы», «элементы экосистемы ГкП», «экосистемы платформы», «экосреды взаимодействия». Считая, что платформа – это система услуг, то выражение «экосистема платформы» логически неверно. Опять проблема с концептуальной целостностью рецензируемого документа.

Стр. 24 «Государственная Цифровая Платформа (ГЦП). Единая программноаппаратная среда, которая поддерживает алгоритмизированные взаимоотношения значимого количества участников (см. выше – государства, граждан, бизнеса), обеспечивает их интегрированными бизнес-процессами, сервисами, информацией и аналитикой».

Так, становиться явным, что ГЦП – это программно-аппаратная реализация ГкП, как посредника, который находится вне государства. Таким образом, прилагается независимый посредник между ОГВ и партнерами государства (граждане, бизнес и общественные организации), что-то типа МФЦ 2.0, а не цифровая бизнес-трансформация ОГВ.

Стр. 24 «. Использование ГЦП приводит к снижению транзакционных издержек и предоставляет возможности для подключения новых участников (посредством API и др.)».

Непонятно, почему сделано ударение на «снижение транзакционных издержек». У государства нет конкурентов и существует много характеристик, которые более важны, например, информационная безопасность и защита личной информации. Похоже, что авторы механически перенесли концепцию посреднической платформы в государственное управление (см. http://egovtm.blogspot.com/2018/05/blog-post.html).

«3. Бизнес-архитектура» рецензируемого документа (стр. 25-30)

Стр. 25. «Рис 8 – Бизнес-архитектура ГЦП»

Эта иллюстрация проясняет многое. Рис. 8 – это прикладная архитектура (точка зрения, которая акцентирует ИТ сервисы, приложения и взаимосвязи между ними) программного продукта ГЦП для оказания ОГВ государственных услуг. Такие услуги – это только одна из областей деятельности ОГВ. То есть задекларированной в рецензируемом документе цифровой трансформацией ОГВ на самом деле нет. Есть только создание независимого цифрового посредника между ОГВ и партнерами государства (граждане, бизнес и общественные организации). Хотя было обещана цифровая трансформации ОГВ.

Стр. 25. «Рис 8 – Бизнес-архитектура ГЦП»

Прикладная архитектура ГЦП вызывает смешанную реакцию, а именно:

1) использование понятия «жизненной ситуации» приветствуется;

2) примитивность набора «базисных универсальных сервисов» удивляет отсутствием некоторых широко используемых технологий (business process management, business decision management, business document management, knowledge management, business event management и т.п. см.

http://improving-bpm-systems.blogspot.com/2015/10/enterprise-patterns-peasexample-cube.html), а это создает подозрение, что предлагает широкое «изобретение велосипедов».;

3) доступ «граждан» к хранилищам данных под слоем «Управление доступом данным» вызывает большие сомнения в концептуальной целостности этой архитектуры;

4) очевиден перекос архитектуры в сторону данных, хотя хорошо известно, что:

• цифровая бизнес-трансформация – это не о технологиях

(https://www.cio.com/article/3245106/it-industry/digital-transformation-it-isnt-a-technology-thing.html),

• умные города – это не о больших данных и мобильном доступе

(https://www.forbes.com/sites/federicoguerrini/2016/09/19/engaging-citizensor-just-managing-them-smart-city-lessons-from-china/#272aa3a1dab0), и

• большие данные не привязаны к данным, которые характеризуют работу предприятия

(https://www.theguardian.com/science/politicalscience/2018/apr/18/smart-cities-need-thick-data-not-big-data).

Стр. 26. «В то же время обеспечивается защита данных от несанкционированного доступа и разграничивается доступ к данным в зависимости от их владельца и разрешаемого им уровня».

Да, а у вас там дыра в безопасности. Доступ к данным зависит еще и от самих данных, а не только от его владельца.

Стр. 29. «В результате сам государственный аппарат (в идеале) превратится в малочисленную и высокопрофессиональную службу, обеспечивающую наиболее сложные функции и профессионально работающую с автоматизированными системами. Существенное число госслужащих будут специалистами по работе с данными и машинному обучению для того, чтобы обеспечивать функционирование и совершенствование интеллектуальных систем, и подготовку правил для их работы».

Для этого надо провести цифровую бизнес-трансформацию ОГВ, что обещано в документе, но никак не отражено.

4. Технологическая архитектура» документа (стр. 31-32)

Стр. 32 «должна использоваться OpenAPI Specification». Этот стандарт поддерживает только REST протокол. Нет объяснений почему приняты такие ограничения.

«5. Технологический инструментарий» документа (стр. 33-34)

Стр. 33 «Т.к. в области разработки платформ для государственного управления не существует готовых типовых функциональных решений (что, например, имеет место на рынке корпоративных информационных систем, предназначенных для управления коммерческими компаниями)». Этот вывод основывается на выбранной архитектуре ГЦП, которая пропустила много широко используемых технологий.

Стр. 34. «Создание ГЦП должно быть контролируемо, институциализировано, иметь четкие цели и сроки». Увы, забыта индустриализация.

«6. Система управления развитием платформы» рецензируемого документа (стр. 35-42)

Стр. 35 «Система управления развитием платформы». Ясно, что документ сфокусирован на реализации программного продукта ГЦП, а не на цифровой бизнес-трансформации ОГВ.

Стр. 35. «Управление программой создания ГкП на верхнем уровне должно осуществляться согласно принципам управления портфелем проектов». Снова фундаментальная ошибка. Создание ГЦП (а не ГкП, что является всего лишь концепцией) обязано производиться на основе Жизненных Циклов (ЖЦ) как самой ГЦП, так и ее программно-аппаратных компонент. Управление проектами вторично.

7. Подход к развертыванию платформы» документа (стр. 43-45)

Стр. 43. «Затем, исходя из принципиальной архитектуры Платформы, каждый орган власти должен подготовить свою программу развития цифровых сервисов и цифровой трансформации».

Это значит, что требования разнообразных ОГВ более разнообразны, что предлагаемой ГЦП. Но -– всех будут загонять в ГЦП! Т.о., идея общей ГЦП порочна, т.к. государственное управление рассматривается только в перспективе предоставления услуг партнерам (гражданам, бизнесу и общественным организациям).

9. Ключевые риски и методы реакции» документа (стр. 48-51) Авторы документа сделали все возможное для возрастания всех отмеченных рисков: «Медленное принятие необходимых нормативных актов» - это непонимание того, как работать в среде, управляемой законами. «Сопротивление существующих структур управления» - что неудивительно, раз предлагается насильственная унификация без учета специфики каждого ОГВ.

«Недостаток финансирования» - предлагается «локальная» оптимизация только одной из сторон госуправления, а не рассмотрения всего государственного управления, всей цифровой экономики.

Эта «Инертность» - ответ на уровень вовлеченности граждан в разработку этого документа.

«Качество данных в существующих хранилищах» - еще придётся заниматься осушением многих «data swamp» (болота данных), в которые превращаются «data lake» (озера данных).

Итак, одно из определений цифровой платформы, это цифровая среда (программно-аппаратный комплекс) с набором функций и сервисов. Однако при этом нигде не указано, что Uber не владеет ни одним такси, Airbnb - ни одной квартирой, Facebook не создает контент, Alibaba не производит товары. Все они – как есть, типичные посредники. Значит «цифровая платформа» в подобном исполнении - это тоже посредник. Таким образом, цифровая экономика в предложенном варианте станет экономикой сообщества мощных посредников, а кто будет производить эти самые товары и услуги, не говоря уже о том, что взаимодействие двух сторон с противоположными интересами да ещё через мощного посредника - куда более сложная задача «трех тел», чем те, которые приходилось решать до сих пор.

И, наконец, самое главное: Государство как платформа, реализованное в итоговом проекте цифровизации, не может и не должно иметь ни малейшего признака корпорации и даже черт корпоративности, что пока, между прочим, именно это констатируется как неизбежность.

Иначе сработает Четвёртый закон Ньютона: Общество падает прослойкой вниз.

Литература:

1. Бондаренко В.М. Контуры экономики будущего и настоящего: две парадигмы развития // Вестник ИЭ РАН. 2011. No 2. С. 25–38
2. The Transformative Economic Impact of Digital Technology. URL: http://unctad.org/meetings/en/Presentation/ecn162015p09_Katz_en.pd; https://blogs.dxc.technology/2016/09/27/the-economic-impact-of-digital-transformation/
3. Defining and Measuring the Digital Economy. Working Paper Kevin Barefoot, Dave Curtis, William Jolliff, Jessica R. Nicholson, Robert Omohundro 3/15/2018. URL: https://www.bea.gov/digital-economy/_pdf/defining-and-measuring-the-digital-economy.pdf
4. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации. Н. Касперская, развернутые тезисы выступления на Парламентских слушаниях в Госдуме.
5. «Большой брат» пришёл: Сквозная идентификация граждан антиконституционна // ИА REGNUM, 17.02.2018 г.
6. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/432
7. https://www.csr.ru/wpcontent/uploads/2018/05/GOSUDARSTVOKAKPLATFORMA_internet.pdf
8. Мистерия цифровых платформ цифровой экономики»:
9. http://egovtm.blogspot.com/2017/08/blog-post.html)

Наумов Сергей Николаевич
кандидат экономических наук, доцент
заведующий лабораторией
Всероссийская академия внешней торговли
Россия, г. Москва
Naumov_SN@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММАХ

Аннотация. Анализируются недостатки и проблемы современной системы стратегического планирования в Российской Федерации. Рассматриваются вопросы гармонизации документов стратегического планирования и встраивания национальных целей развития России на период до 2024 года в государственные программы. Выдвигаются предложения в части целеполагания в системе стратегического планирования и построения сбалансированной конструкции государственных программ.

Ключевые слова: стратегическое планирование, целеполагание, цели, государственные программы, эффективность.

Великий русский экономист Н.Д. Кондратьев рассматривал в качестве одного из наиболее эффективных средств государственного воздействия на экономику народнохозяйственный план, на который можно опираться в руководстве народным хозяйством. Для формирования подобного плана необходим объективный критерий, по которому можно судить, какие из перспективных задач социально-экономического развития и в какой форме могут быть реализованы в течение перспективного периода [1, С.96].

Наша страна обладает значительным опытом опыт в области программно-целевого управления. План ГОЭЛРО лёг в основу индустриализации и радикальных структурных сдвигов в экономике СССР. Исключительную роль программно-целевой метод сыграл в развитии оборонно-промышленного комплекса, атомной энергетики, освоения космоса и в иных жизненно важных сферах деятельности. Без современного инструментария программно-целевого управления практически невозможны достижение стратегических национальных целей развития России, осуществление качественных сдвигов в экономике, формирование её перспективного облика, ускорение темпов социально-экономического развития на новой технологической основе.

Н.Д. Кондратьев как один из основателей системы отечественного народнохозяйственного планирования выделял три ключевых элемента плана: система перспектив, которой должны руководствоваться органы хозяйственного регулирования, анализ объективной хозяйственной действительности и тенденций её стихийного развития и формирование системы мероприятий и средств воздействия государства на этот процесс в целях направления его в требуемом направлении [1, С.99].

Нельзя утверждать, что современная система государственного стратегического планирования в России к настоящему моменту сформировалась. Реализация ключевых положений федерального закона о стратегическом планировании [2] затруднена множественностью и противоречивостью документов стратегического планирования, которые не всегда увязаны друг с другом либо противоречат друг другу. Это тормозит проведение сбалансированной социально-экономической политики и решение проблем национальной безопасности. Тем не менее, в ней в той или иной степени присутствуют все три элемента, выделенные Н.Д. Кондратьевым.

Система перспектив, которой следует руководствоваться органам хозяйственного регулирования, должна устанавливаться в стратегии социально-экономического развития страны, которая до настоящего времени не принята. Её роль выполняют иные документы стратегического планирования (далее – ДСП), разрабатываемые в рамках целеполагания на федеральном уровне (ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию, документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации), иные документы стратегического планирования, а также указы Президента Российской Федерации и др. При неоспоримой значимости этих документов многие их них объективно устарели и утратили свою актуальность, они не всегда увязаны между собой и не создают системного представления о перспективном облике экономики России. Кроме того, отсутствует какой-либо объективный подход приоритезации целей социально-экономического развития, предусмотренных в различных документах стратегического планирования. При этом некоторые цели систематически не достигаются и переносятся на следующий перспективный период без проведения тщательного анализа причин недостижения и выработки системы мер, гарантирующих их достижение.

Так, например, одной из национальных целей развития страны на период до 2024 года, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 (далее – Указ № 204), является «ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа» [3]. Эта цель ставится на протяжении нескольких десятков лет, однако в течение всего этого периода эта цифра колеблется в районе 10 процентов, и серьёзных оснований для её скачкообразного роста не наблюдается (если исключить возможности статистических манипуляций).

Национальная цель «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов» [3] представляется частично достижимой. Если в последние году удаётся удержать инфляцию на уровне 4 процентов, то низкие темпы роста национальной экономики

(на уровне 1-2 процентов с год) явно не позволяют России улучшить свои позиции в соревновании с ведущими странами мира, темпы роста экономик которых заметно выше.

В условиях длительной (более 5 лет) стагнации либо сокращения реальных доходов населения, и уменьшения объёмов жилищного строительства сомнительным представляется достижение национальной цели «улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно» [3].

Тем не менее, национальные цели развития России и должны быть по-настоящему прорывными, требующими максимальных усилий и задействования для своего достижения всех факторов – как экстенсивного, так и интенсивного характера. При этом, как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём выступлении на XXIII конгрессе Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) главным, основным смыслом справедливого и ответственного государственного управления должно быть «обеспечение устойчивого развития общества и достижении достойного уровня жизни людей» [4].

В этой связи важнейшей задачей Счётной палаты Российской Федерации является не только выявление и фиксация проблем, но и дополнение финансового аудита «…комплексным анализом национальных проектов и инвестиционных программ, оценкой того, насколько их конкретное наполнение, практические меры отвечают тем вызовам, с которыми сталкивается весь мир сегодня и, в частности, наша страна, Россия, как они работают на повышение конкурентоспособности всей страны и улучшение жизни, расширение возможностей для каждого человека» [4].

В этом плане принципиально важно отметить, что в отечественной системе целеполагания безусловно превалирует генетический подход, ориентирующийся на сложившиеся тенденции социально-экономического развития. При этом попытки «подключения» методов, имманентных телеологическому подходу, не имеют системного характера и зачастую носят волюнтаристический оттенок. При такой ситуации высок риск наращивания отставания отечественной экономики от мировых тенденций и утраты конкурентных позиций даже в тех сегментах, где Россия традиционно занимает лидирующие позиции.

Анализ хозяйственной действительности, несмотря на постоянные статистические ухищрения и перманентное «совершенствование» методик расчёта макроэкономических и иных важнейших индикаторов и показателей, проводится регулярно, однако его объективность, достоверность и глубина вызывают сомнения. Достоверное определение тенденций развития экономики страны, основанное на результатах подобного анализа, в основном имеет экстраполяционную природу и не направлено в должной степени на осуществление серьёзного прорыва в социально-экономическом развитии страны.

Система мероприятий и средств воздействия государства на процесс этого развития в требуемом направлении реализуется в составе государственных программ (далее – госпрограммы), которые рассматриваются в качестве основного инструмента стратегического управления и проведения социально-экономической политики государства. Вместе с тем, отсутствие механизмов оценки эффективности и отбора наилучшего перечня мероприятий госпрограмм, а также преимущественно формальный подход к оценке их реализации существенно снижают эффективность госпрограмм и экономики в целом.

Госпрограммы становятся главным инструментом достижения национальных целей развития России, установленных Указом № 204, и, будучи инструментом динамики в системе стратегического управления, обеспечивают оперативное реагирование на новые вызовы, возможности, риски и ограничения. Их следует рассматривать как инструмент управления изменениями в соответствующей сфере деятельности.

Госпрограмма реализуется в конкретных временных рамках, в которых должны быть достигнуты все её цели с учётом ресурсных, технологических и иных ограничений. Цели госпрограммы должны быть конкретными, однозначно понимаемыми, количественно

измеримыми и реально достижимыми по аналогии с «пилотными» госпрограммами, в каждой из которой установлено 5 целей, соответствующих этим требованиям.

Госпрограммы призваны гарантированно обеспечить достижение предусмотренных в них результатов, которые должны иметь количественную оценку. Недостижение установленных результатов госпрограмм создаёт реальный риск разбалансировки в экономике, искажения её перспективного облика, определённого документами стратегического планирования, создания социальной напряжённости, нарушения экологического равновесия и иных кризисных явлений. Для повышения результативности и эффективности госпрограмм важно опираться на современный инструментарий цифровой экономики и сбалансированную систему целевых индикаторов и показателей (далее – ЦИП), характеризующих результативность госпрограмм, объективно отражающих наиболее значимые аспекты соответствующего вида экономической деятельности либо перспективного развития соответствующей территории.

Реализация госпрограмм должна быть эффективной не только в плане их экономических и социальных результатов, но и с точки зрения укрепления экономической безопасности и усиления конкурентных позиций России в соответствующем сегменте мирового рынка. Помимо оценки эффективности реализации госпрограмм принципиально важна оценка их качественных характеристик – инновационности, технологичности, импортозамещающего и экспортоориентированного потенциалов, конкурентоспособности соответствующего сегмента экономики, социальных, экологических и иных последствий реализации госпрограммы.

Не менее важным аспектом оценки результативности и эффективности госпрограмм является обратная связь с конечным потребителем программного продукта, т.е. уровень его удовлетворённости результатами реализации госпрограммы. В настоящее время эта проблема далека от решения, только в некоторых госпрограммах установлены ЦИП, характеризующие удовлетворённость конечного потребителя результатами реализации госпрограммы. В реализуемых госпрограммах фактически не определён выгодоприобретатель её результатов, хотя стратегическое планирование должно строиться исходя из перспективных потребностей экономики и населения. Оценка результативности и эффективности реализации госпрограммы фактически строится на отчётных данных ответственного исполнителя, а в условиях возникающего в результате этого конфликта интересов за формальным благополучием кроется масса нерешённых проблем.

Дополнение оценки результативности и эффективности реализации госпрограммы со стороны конечных потребителей, а также независимых экспертов в соответствующей области представляются принципиально важными и крайне полезными для объективной оценки реализации госпрограммы по существу.

Национальные цели развития носят межотраслевой, межрегиональный, межпрограммный, межпроектный характер, и достижение любой из них невозможно в рамках лишь одной госпрограммы и (или) национального проекта (программы). Они органически связаны между собой, и достижение одних целей зависит от достижения других. «Так, снижение в два раза уровня бедности невозможно без устойчивого экономического роста. Рост производительности труда невозможен без широкого распространения цифровых технологий и инновационного развития» [5].

Каждая госпрограмма – это уникальный самостоятельный продукт, направленный на достижение результатов, принципиально отличных от иных госпрограмм, имеющий свой «жизненный цикл» и, соответственно, отличные от других госпрограмм уровень и динамику эффективности. Для оценки реальной эффективности госпрограммы в процессе её разработки и реализации целесообразным представляется составление баланса её доходов и расходов. При этом крайне желательно оценивать как прямые, так и сопряжённые доходы от реализации госпрограммы (т.е., мультипликативный эффект), которые планируется получить не только в течение срока реализации госпрограммы, но и за его пределами. Это же относится и к расходам, связанным с реализацией госпрограммы.

В этом плане формирование госпрограммы должно начинаться с построения её «дерева целей», не упускающего из виду ни одного существенного момента, связанного с развитием соответствующего сектора экономики, в том числе внешних и внутренних вызовов. Одной из главных задач госпрограмм является повышение эффективности функционирования соответствующего сектора экономики на основе проведения активной инновационной политики в данном секторе. Это требует изменения правил и процедур межведомственного и межуровневого взаимодействия, тщательной работы в области межпрограммных связей и синергии усилий на разных уровнях управления.

С течением времени цели госпрограмм корректируются вследствие действия новых вызовов, факторов, рисков, возможностей, - как внутренних, так и внешних, - возникших после принятия госпрограммы или изменений и/или дополнений в неё и которые объективно не могли быть учтены в прежней редакции. Отчасти эти изменения вытекают из различных ДСП, лежащих в основе разработки соответствующей госпрограммы. Большинство реализуемых в настоящее время госпрограмм были приняты в 2014 году, после чего был утверждён ряд важнейших ДСП, положения которых, в том числе в части целеполагания, нашли либо должны найти отражение в актуальных редакциях госпрограмм. В частности, в редакциях 2019 года в системе целей, задач и ЦИП госпрограмм учтены принятые в 2018 году национальные проекты и входящие в их состав федеральные проекты.

Минэкономразвития России предлагает сделать госпрограммы реальным управленческим механизмом, основанном на принципах и подходах, опробованных на национальных проектах. В результате этих изменений госпрограммы должны быть объединены с национальными проектами: должна быть выстроена конструкция сквозного характера: от национальных целей развития до конкретных индикаторов и показателей, которые должны быть установлены в госпрограммах и которые частично предусмотрены в национальных проектах [6].

Кроме того, в госпрограммах в той или иной мере должны учитываться цели устойчивого развития ООН на период до 2030 года (далее – ЦУР) [7]. Устойчивое развитие предполагает сбалансированное решение социально-экономических и экологических проблем в целях удовлетворения потребностей как современного, так и будущих поколений. Устойчивое развитие предполагает гармонию интересов наращивания производственного потенциала, поддержания экологического равновесия и всестороннего развития человеческого потенциала.

На протяжении большей части XX века главным приоритетом социально-экономического развития России были ускоренные темпы экономического роста за счёт наращивания производственного потенциала базовых отраслей народного хозяйства за счёт сдерживания решения социальных задач и экологических проблем. Проблематика гармоничного развития человеческого потенциала и рационального природопользования отходила на второй план.

В результате возросшая мощь экономики трансформировалась в разрушительную силу для природы и человека. Это явление имеет глобальный характер, оно представляется серьёзным вызовом всему человечеству. В связи с этим 25 сентября 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН определила 17 ЦУР, для достижения которых предполагаются совместные усилия правительств, частного сектора, гражданского общества. Перечень национальных целей развития России до 2024 года в основном соответствует ЦУР, однако следует иметь в виду, что в связи с ограниченностью ресурсного потенциала страны не все ЦУР объективно могут быть реализованы в достаточной степени.

Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [8]. В связи с этим уровень социальной эффективности должен стать главным ориентиром долгосрочной социально-экономической политики государства и основным критерием макроэкономической эффективности, а социально-ориентированные госпрограммы призваны играть определяющую роль в обеспечении устойчивого социального развития

страны и её граждан. Поэтому столь важно выделение специального направления «Новое качество жизни» в качестве главного целевого направления Перечня госпрограмм [9].

В каждой госпрограмме должны быть установлены ЦИП, характеризующие национальные цели развития России, предусмотренные в Приложении к Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года [10]. Например, такие показатели как «Реальные располагаемые денежные доходы населения» и «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, процентов от общей численности населения» необходимо включить в госпрограмму «Экономическое развитие и инновационная экономика»; показатель «Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле в валовом внутреннем продукте страны» предлагается трансформировать в показатель «Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле в общем объёме продукции (работ, услуг) по государственной программе» для включения в состав каждой госпрограммы.

Список литературы:

1. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.
2. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
4. Конгресс Международной организации высших органов финансового контроля. 25 сентября 2019 года [Официальный сайт Президента Российской Федерации https://rg.ru/2019/09/25/putin-nazval-smysl-gosupravleniia.html?utm_source=rg.ru&utm_medium=amp&utm_campaign=incut&utm_content=small] (дата обращения 26 сентября 2019 года).
5. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года. Утверждён Председателем Правительства Российской Федерации 7 мая 2019 года № 4043п-П13.
6. Орешкин предложил реформировать превратившиеся в «болото» госпрограммы. - - https://www.rbc.ru/economics/12/09/2019/5d7a57849a79473fa303e980?fbclid=IwAR0CQ7jAMz_CMy2jD0hTyH1lSvGwjkw97IjV6fIJZJIKJDb9gLWRuBaq5eU (дата обращения 12 сентября 2019 г.)
7. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция 70/1, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. - https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения 7 мая 2019 г.)
8. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 г.
9. Перечень государственных программ Российской Федерации. Утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1950-р.
10. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года. Утверждён Председателем Правительства Российской Федерации 7 мая 2019 г. № 4043п-П13.

Панкова Екатерина Игоревна
магистр
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург
ekaterinaa.pankovaa@gmail.com

«СУПЕРЗВЕЗДЫ» И САЛАРИАТ – НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. На протяжении долгого периода времени в мире возникали опасения, что внедрение новых технологий приведет к снижению занятости. Обеспокоенность научного сообщества данным возможным исходом в настоящее время видится за счет начавшейся активной неолиберальной политики в 1980-х гг. поспособствовавшей формированию нового класса - прекариат. При этом положение салариата и элиты в обществе только укрепляется за счет повышающегося спроса на высококвалифицированные кадры, способные благодаря совместной работе с новыми технологиями приумножить экономическую эффективность компании.

Ключевые слова: суперзвезды, салариат, прекариат, дифференциация доходов.

На протяжении долгого периода времени в мире возникали опасения, что внедрение новых технологий приведет к сокращению занятости, профессий. Людей, у которых возникают подобные опасения, часто ассоциируют с луддитами. Они выступали за то, что первая промышленная революция несет беду для рынка труда, однако после нее последовал ряд других промышленных революций, однако люди все еще работают, при чем занятость возросла, да и появился ряд новых профессий. Безусловно некоторые рабочие места были уничтожены. Например, банки больше не нанимают клерков для регистрации каждой транзакции, сельскохозяйственные организации теперь используют комбайны для сбора урожая. Однако данное беспокойство связано с изменившейся классовой структурой (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура общества развитых стран XXI века по Стенденгу[10]

На сегодняшний день, учитывая классы, сохранившиеся и появившиеся в различных странах, Гай Стэндинг выделят следующую классификацию: элита (суперзвезды), салариат, профессионалы, рабочий класс, прекариат, безработные, люмпен-прекариат. На вершине находится «элита», состоящая из сравнительно небольшой группы людей, обладающих властью и богатством. Далее следует «салариат». К данному классу относятся люди, которые имеют постоянное место работы, пенсию, отпуск, субсидии от государства. В основном они работают в крупных корпорациях, правительственных учреждениях и

[10]Составлено автором по: [11]

государственных органах. Салариат можно рассматривать как граждан, обладающих по крайней мере неявными правами голоса в фирме, охватывающих ряд решений и практик, которые другая группа граждан, акционеры и владельцы, неявно принимают, имея при этом собственные явные права голоса по стратегическим решениям. в фирме. Ниже расположен класс «профессионалов». Имеют узкую профессиональную стезю. Они хотят быть не привязанным к одному месту работы, путешествовать. Далее следует «рабочий класс».

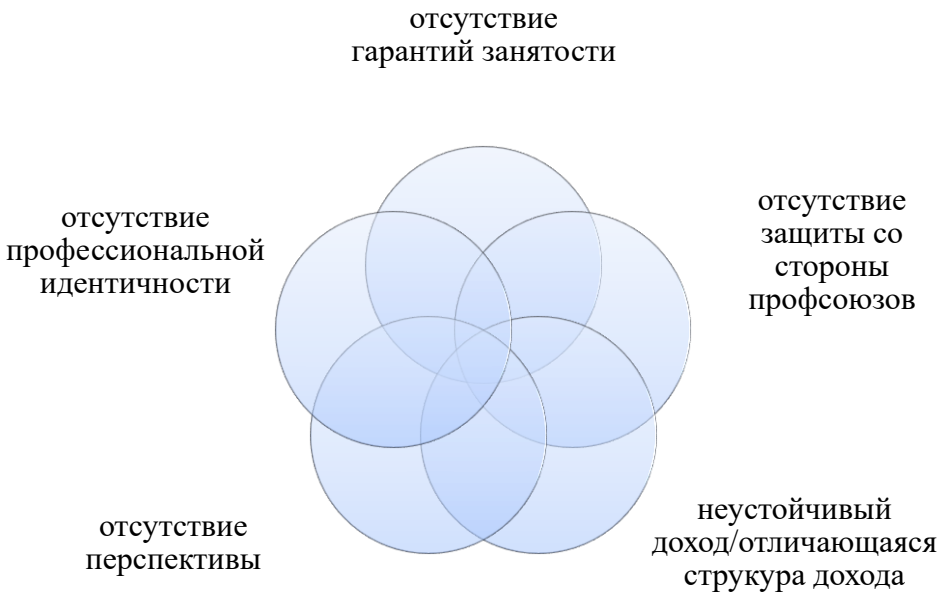

Рисунок 2 – Особенности класса «прекариат»[11]

Под этими четырьмя группами расположился растущий класс – «прекариат». Их можно определить как группу временных сотрудников, имеющие низкие доверительные отношение с государством, а также слабую защищенность со стороны профсоюзов. При этом их доход не соответствует уровню образования, а работа – профессии. В результате данная группа людей выступает уязвимой категорией в изменяющемся мире (рисунок 2).

Что касается технологий, то причина, по которой новые разработки не стали причиной массовой безработицы, заключается в том, что их будут использовать лишь тогда, когда они сделают производственный процесс более прибыльным. Когда ресурсы высвобождаются в другом месте возникает потребность в них. Так рабочие, которые были раньше заняты в сельском хозяйстве, теперь заняты в производственной сфере, в офисе, что означает, что они не только нашли новую работу, но и повысили уровень своего благосостояния. Точно так же технологические новшества современности приведут к увеличению числа рабочих мест.

В настоящее время перед научным сообществом встает проблема аргументации того факта, что четвертая промышленная революция приведет к кардинальным изменениям на рынке труда. Ведь как говорилось выше, производители будут автоматизировать рабочий процесс лишь тогда, когда будет выгодно. Для получения прибыли, производителям нужен рынок, то есть спрос, желательно платежеспособный. Но это не говорит о том, что изменение не произойдут. В большей степени они коснутся спроса. Предполагается, что автоматизации подвергнутся рабочие места, на которых заняты низко- и среднеквалифицированные рабочие.

Потенциал автоматизации деятельности в целом зависит от того, является ли она рутинной или нет. В прошлом именно подобные сферы трудовой деятельности подверглись автоматизации [2, 3, 7]. В настоящее время та деятельность, которая считалась нестандартной, также подвергается автоматизации [6]. Например, навигация, распознавание

[11] Составлено автором по: [11]

рукописного ввода и перевод стали рутинными задачами и были автоматизированы с помощью анализа данных [10, 12]. При этом автоматизация привела к увеличению спроса на рабочую силу в сфере транспорта, логистики, административной поддержки [5]. В свою очередь, подобно указанным выше нестандартным профессиям, которые в свою очередь не являются рутинными, однако все же подвержены риску автоматизации. Например, диагностика хронических заболеваний и лечение рака были частично автоматизированы за счет внедрения анализа больших данных [4].

В развивающих странах, по данным на 2016 г., около 40% низкоквалифицированных работников были подвержены риску того, что их рабочие места будут автоматизированы, в то время только 5% работников, имеющих высшее образование, были подвержены подобному риску [1]. При этом имеется весьма ограниченная информация о количестве новых рабочих мест, которые возникнут благодаря новым технологиям. По оценкам Международной федерации робототехники, роботизация приведет к созданию около миллиона высококвалифицированных рабочих мест в течение пяти лет [5]. Кроме того, каждое рабочее место, которое будет создано в высокотехнологичной отрасли, создаст дополнительные пять рабочих мест в иных сферах экономики [9]. Однако в целом темпы создания новых рабочих мест в высокотехнологичном секторе замедлились. Например, в 1980-х гг. 8,2% рабочей силы США перешло в высокотехнологичный сектор, тогда как в 1990-х эта цифра составила лишь 4,4% [8]. В 2000-х гг. только 0,5% рабочей силы США смогли перейти в сектора, связанные с новые технологиями [3]. Рабочие места, создаваемые новыми технологиями, в основном требуют высокой квалификации. Сегодня к ним можно отнести профессии, связанные с облачными технологиями, аналитикой безопасности, больших данных. Кроме того, технологии, которые служат дополнением к труду, увеличат спрос на определенные кадры. Например, более широкое использование текстового редактора и другого программного обеспечения увеличило спрос на специалистов в области информационных технологий, которые могут решать проблемы, возникающие в фирме. Новые и более совершенные технологии увеличат спрос на квалифицированных работников, которые знают, как использовать технологии для повышения производительности труда. Так, например, волна новых информационных технологий в США поспособствовала сокращению сотрудников с низкой квалификацией, таких как файловые служащие, которые раньше занимались хранением картотеки, заполненной бумажными записями транзакций. Тем не менее, те же новые технологии послужили дополнением к высококвалифицированным сотрудникам, таким как менеджеры, которые извлекли выгоду из технического прогресса, за счет появившейся возможности отслеживания большего количества информации, упрощения способов связи, а также совмещения более широкого круга обязанностей. Однако, для того чтобы в большей степени избежать несоответствия между спросом и предложением рабочей силы, образовательные и учебные программы должны быть направлены на обучение, развитие более технических, творческих, предпринимательских навыков, требуемые автоматизацией.

В настоящее время цифровизация рассматривается в качестве потенциально важного фактора инновационного развития и экономического роста государств. Однако повсеместное внедрение технологий приведет не только к сокращению занятости в некоторых секторах экономик, но и поспособствует занятости в других. Большему риску сокращения подвержены менее квалифицированные кадры. Обеспокоенность научного сообщества данным возможным исходом видится потому, что за счет начавшейся активной неолиберальной политики в 1980-х гг. к настоящему времени сформировался новый класс под названием «прекариат». Они выступают уязвимой группой в обществе за счет сложившихся особенностей взаимодействия с государством, работодателями, профсоюзом и иных факторов. При этом спрос повысится на более высококвалифицированные кадры, обладающие такими навыками как креативность, наличие предпринимательской жилки, чтобы благодаря совместной работе с новыми технологиями приумножить экономическую

эффективность компании. В следствие чего положение салариата и элиты в обществе будет только укрепляться.

Список использованных источников:

1. Automation and Independent Work in a Digital Economy [Electronic resource]. – Access mode : https://www.oecd.org/els/emp/, free.
2. Autor, D. H., Levy, F., Murnane, R. J. The skill content of recent technological change: An empirical exploration [Text] // The Quarterly Journal of Economics – 2003. – Vol. 118. – №4. – P. 1279–1333.
3. Autor, D. H., Dorn, D. The Growth of Low-Skill Service Jobs and the Polarization of the US Labor Market [Text] // American Economic Review – 2013. – Vol. 103. – №5. – P. 1553–1597.
4. Cohn, J. The robot will see you now [Electronic resource]. – Access mode : https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2013/03/the-robot-will-see-you-now/309216/, free.
5. Frey, C. B., Osborne, M. A. Technology at Work v2.0: The future is not what it used to be [Text] // Citi GPS: Global Perspectives & Solutions – 2016. – 156 p.
6. Frey, C. B., Osborne, M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? [Text] // Technological Forecasting and Social Change – 2013. – Vol. 114 – P. 254–280.
7. Goos, M., Manning, A., Salomons, A. Job polarization in Europe [Text] // The American Economic Review – 2009. – Vol. 99 – №2. – P. 58–63.
8. Lin, J. Technological adaptation, cities, and new work [Text] // Review of Economics and Statistics – 2011. – №93. – P. 554–574.
9. Moretti, E. Local Multipliers [Text] // American Economic Review – 2010. – №100. – P. 1–7.
10. Plötz, T., Fink, G. A. Markov models for offline handwriting recognition: a survey [Text] // International Journal on Document Analysis and Recognition – 2009. – Vol.12. – №4 – P. 269–298.
11. Standing, G. The Precariat The New Dangerous Class [Text] // Bloomsbury Academic – 2011. – 209 p.
12. Veres, S. M., Molnar, L., Lincoln, N. K., Morice, C. P. Autonomous vehicle control systems – a review of decision making [Text] // Proceedings of the Institution of Mechanical Engineers, Journal of Systems and Control Engineering – 2011. – Vol.225. – №2 – P. 155–195.
13. OECD [Electronic resource]. – Access mode: http://www.oecd.org/, free.

Погребинская Екатерина Александровна
доктор экономических наук, доцент
Первый Московский государственный университет им. И.М. Сеченова
г. Москва
pogrr@yandex.ru

Лобачева Елена Николаевна
доктор экономических наук, профессор
заведующая кафедрой экономики и менеджмента
Московский государственный технический университет
г. Москва
lobacheva-e-n@yandex.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ ДЛЯ КОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРА РОССИИ И МИРА

Аннотация. Замедление темпов внедрения инноваций в реальный сектор наблюдается повсеместно и связано как с технологическими факторами, с усложнением технологий и удлинением технологических цепочек, та и с замедлением фундаментальной науки и экспериментальной практики на фоне проблем на мировом рынке труда. А усиление ненадежности технологий и связанных рисков заставляют критично относиться к форсированию инноваций.

Ключевые слова: инновации, драйверы инноваций, стейкходеры инноваций, риски и побочные эффекты инноваций.

Актуальность затронутой проблемы связана с поиском предпосылок замедления экономического роста и инновационной активности. Обычно вопрос заинтересованности предпринимателей в инновациях не вызывает сомнений: логично ориентироваться на приращение прибыли за счёт внедрения конкурентных преимуществ в технологической сфере. Отмечается низкий интерес реального сектора к дорогостоящим новейшим технологиям, сокращение бюджетного финансирования инноваций государственных компаний. Структурные изменения, обусловленные технологическими, экономическими, демографическими, социальными и геополитическими макроэкономическими тенденциями, являются движущей силой глубоких преобразований в реальном секторе. В то же время корпоративный сектор эволюционировал от доминирования физических активов к получению большей стоимости от нематериальных активов, таких как интеллектуальная собственность, сети, платформы, данные и отношения с клиентами.

Именно применительно к инновациям рассматривают исчерпание эффекта низкой базы, апеллируя к использованию эффекта как рекламного трюка в привлечении инвесторов в развивающиеся страны [3]. Ранее эффектом низкого старта объясняли высокие (до 7-10 % в год) темпы роста ВВП в таких странах как КНР, Индия, Таиланд на фоне темпов роста ВВП развитых стран, где прирост реального ВВП в размере хотя бы 2% в год считается хорошим показателем. Однако реальное увеличение благосостояния развивающихся стран (включая влияние на экологию) остается худшим по сравнению с развитыми странами. Рост производительности труда в развивающихся странах остается более значимым драйвером экономического рота, поскольку развитые страны и так уже используют передовые технологии, а улучшающие инновации не приводят к революционным прорывам и скачкам роста ВВП [3]. Эффект низкой базы в пределах экономики одной страны (к примеру, РФ) часто можно наблюдать, когда рост ВРП небольших, периферийных и аграрных регионах (Дагестан, Еврейская а.о.) значительно превосходит рост ВРП столицы и прочих постиндустриальных, промышленно развитых регионов (Москва, Санкт-Петербург). Эффект

низкой базы наблюдается в новых, бурно развивающихся отраслях экономики при незначительном абсолютном объёме. Также может наблюдаться и там, где происходит некоторое оживление роста после периода продолжительного сокращения объёмов производства в результате предшествовавшего кризиса, депрессии [1]. Тайлер Коуэн, профессор экономики в Университете Джорджа Мейсона, утверждает, что американская экономика достигла исторического технологического плато, и факторы, которые стимулировали экономический рост на протяжении большей части истории Америки, в основном израсходованы [5]. Аллегория на «низко висящие фрукты» из названия подразумевает включение в оборот свободных, ранее неиспользуемых земель; применение и распространение технологических прорывов, особенно в период 1880-1940 годов, включая транспорт, холодильную технику, электроэнергию, средства массовой информации и санитарию; распространение образования. Коуэн, профессор экономики в Университете Джорджа Мейсона, объясняет этими факторами стагнацию в средней американской заработной плате, наблюдаемую с 1973 года. Анализ противопоставил «Великую стагнацию» идее «великого расхождения», аргументы, которые обвиняют растущее неравенство доходов и глобализацию в срыве экономического роста в набранном темпе.

Статистика показывает [4, С.19-21], что стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года в большей степени была ориентирована на поддержку предложения в сфере исследований и разработок, а не на создание абсорбирующей инновационной среды корпораций. Это ясно, прежде всего, из анализа данных об источниках финансирования инноваций. Так с 2011 года, когда собственные средства (например, в сфере телекоммуникаций и ИКТ) составляли 98,4% картина практически не изменилась. Экспорт инновационных товаров работ, услуг промышленного производства в страны дальнего зарубежья демонстрирует нестабильную динамику к величине экспорта во все страны: в 2014 году он составил 84,2%, в 2015 – вырос до 90%, а в 2017 и 2018 годах рост замедлился, составив 78,2% и 89,0% соответственно [2, С.136].

Среди элементов такой среды сами предприниматели называют благоприятный инвестиционный климат, борьбу с коррупцией грамотную политику в области технического регулирования, таможенного и административного сопровождения, поощрение конкуренции. И хотя эксперты утверждают, что вектор развития инновационной системы России в целом позитивен, но формирующие этот вектор тренды неустойчивы. Например, сокращается отставание России от стран-лидеров по 22 из 62 показателей «панели управления», которые относятся к рамочным условиям развития инноваций: человеческий капитал, инфраструктура, зрелость отраслей, институты, ценности. В ресурсах для инноваций (финансовое и материальное обеспечение, спрос и предложение технологий, кооперация науки и бизнеса, инновационная активность, госучастие) сокращение отставания зафиксировано по 7 показателям из 15. Но эти улучшения пока незначительно отразились на блоке результатов инноваций, где критическое отставание от 15 стран-лидеров продолжает сохраняться по всем направлениям: публикации, патентные заявки, технологии, инвестиции, инновационная продукция [4, С.9-11]. Наряду с Южной Кореей, Китай в 2019 году показал значительный рост патентной активности, однако торговая война США может значительно замедлить технологический рост этой страны.

В мире в пятерке отраслей-лидеров реального сектора, осуществляющих технологические инновации: производство табачных изделий (47,1% из всего числа компаний отрасли), производство компьютеров, электронных и оптических изделий (31,9%), высокотехнологичные производства (31,8%), производство лекарственных средств и материалов для медицины (31,6%), производство электрического оборудования (24,5%).

Замедление темпов внедрения инноваций в реальный сектор наблюдается повсеместно: большинство экономистов отмечает следующие предпосылки замедления деловой активности и снижения интереса к инновациям.

1. Взаимозависимые усложнение и удорожание технологий.

Наблюдаются негативная динамика в развитии научно-производственного взаимодействия, сохраняются разрывы между наукой, образованием и бизнесом: доля отечественных промышленных предприятий, участвующих в совместных научно-исследовательских проектах, за 2015-2016 годы сократилась в 1,1 раза, в целом за период 2010-2016 гг. - в 1,3 раза. В долгосрочном периоде в России не создано предпосылок для значимого улучшения по показателям, характеризующим результаты коммерциализации (хотя, например, доля страны в общем числе действующих патентов среди 45 стран выросла, но де-факто ситуацию нельзя считать благополучной).

В целом, традиционно строительный сектор медленно внедряет инновации. Одним из факторов, сдерживающих внедрение новых технологий, является отсутствие достаточных данных для обоснования стоимости внеплощадочных производственных активов на протяжении всего жизненного цикла строительства. В ряде стран, в том числе в Великобритании, Сингапуре и Финляндии, предпринимают шаги в направлении более ориентированного на инновации в строительстве. Например, используется информационное моделирование зданий (BIM) общественных проектов для стандартизации обмена и обмена информацией, касающейся строительства и эксплуатации здания. Но BIM принимается не всеми, особенно далеко не всеми небольшими строительными компаниями. Более универсальный переход к этой технологии остается проблемой.

2. Взаимомотивирующие усложнение технологий и удлинение технологических цепочек на фоне очагов социальной и политической дестабилизации в регионах с потенциально самым дешевым трудом. В строительстве проекты становятся все более сложными, затраты растут и область рисков быстро расширяется. Перечисленные факторы являются движущей силой изменений в строительстве, с более широким использованием новых технологий, таких как 3D-печать, беспилотные летательные аппараты, беспроводные датчики, автоматизация сайта и сборные компоненты. По сути, интеллектуальное строительство - это стремление к оцифровке. Следовательно, с увеличением использования компьютерного программного обеспечения и автоматизации, риски, связанные с этим, могут перейти от области человеческой ошибки к области механической неисправности. Риски включают кибер-уязвимость, повреждение и потерю данных, а также неточные прогнозы из-за неправильного моделирования. В 2016 году правительство Дубая запустило свою стратегию 3D-печати, с целью строительства 25% зданий с использованием технологии 3D-печати к 2030 году. В 2015 году китайская строительная компания построила Mini Sky City, 57-этажный небоскреб в центральном Китае за 19 рабочих дней. Быстрое время сборки было достигнуто за счет того, что 90% конструкции были изготовлены на заводе. В Японии производитель оборудования Komatsu использует технологии интеллектуального строительства с 2015 года на более чем 3 300 объектах по всей стране. Это влечет за собой использование специализированных беспилотных летательных аппаратов для проведения изыскательских работ менее чем за один час (обычно этот процесс может занять многих работников в течение нескольких дней). Дополнительным преимуществом такой технологии может стать повышение безопасности труда.

3. Замедление фундаментальной науки и экспериментальной практики на фоне квалификационного разрыва. Так в США время, необходимое новому фармацевтическому препарату, чтобы получить разрешения на выпуск в продажу, возросло с 8 лет в 1960-х до 13 лет - в 1990-х. В наши дни большое количество эффективных и перспективных препаратов ждут выхода на рынок не менее 20 лет. В 2011 году несколько медицинских благотворительных организаций и нучно-исследовательских организаций Великобритании обвинили введенные ЕС нормы в «торможении медицинских достижений». Люди буквально умирают из-за того, что лекарства делают более безопасными, но менее эффективными. Забота о безопасности, создание всё большего количества вспомогательных средств для обеспечения надёжности требует дополнительных разработок и инвестиций. Это в значительной степени замедляет рост сферы применения новых технологий. Швейцарский институт экономики и Лондонская школа экономики совместно разработали индекс

макроэкономической устойчивости, ранжируя страны по широкому спектру переменных, чтобы предложить более целостную оценку экономического благополучия, чем только валовой внутренний продукт. Индексы устойчивости страхования охватывают три основные области риска: стихийные бедствия, смертность и здравоохранение.

4. Усиление ненадежности технологий в связи с их усложнением на фоне эффектов раскоординации в промышленности. Чем сложнее технологии, тем они менее надёжны. Это можно продемонстрировать на примере 5G-технологий. Так, стандарт 5G, обеспечивая сверхбыстрое широкополосное соединение с большей емкостью и меньшей задержкой, обслуживает беспроводное подключение в режиме реального времени для любого устройства Интернета вещей (IoT), будь то автономные автомобили или управляемый сложными датчиками завод. Для обеспечения функционального покрытия сети и увеличения пропускной способности в целом потребуется больше антенн, включая прием более высоких уровней электромагнитного излучения. Существуют опасения в отношении потенциального негативного воздействия на здоровье человека. Другие проблемы вызваны кибер-воздействиями, которые увеличиваются с более широким охватом беспроводных «объектов атаки 5G». Традиционно устройства IoT не имеют должной безопасности. Хакеры могут также использовать скорость и объем 5G, что означает, что больше данных может быть украдено гораздо быстрее. Крупномасштабный прорыв 5G-технологий будет означать, что функции безопасности должны будут улучшаться в том же темпе, иначе подрыв платформы 5G может вызвать катастрофический, кумулятивный ущерб. Опасения по поводу вопросов конфиденциальности связаны с возможным увеличением судебных рисков, нарушениями безопасности и шпионажем. Основное внимание уделяется не только взлому третьими лицами, но и программным багам. Кроме того, рынок инфраструктуры 5G в настоящее время сосредоточен на нескольких фирмах, и это повышает риск концентрации: кибер-воздействия с 5G становятся мощнее, поскольку атаки становятся быстрее и массированнее. Это повышает сложность защиты. Непрекращающийся международный спор по поводу провайдеров 5G и возможности шпионажа или саботажа может повлиять на международное сотрудничество и негативно повлиять на финансовые рынки.

5. Подсознательное противление сингулярности на фоне возрастающих технологических рисков и техногенных катастроф (в том числе, как последствий техногенного вмешательства в экологию). Изменения климата в настоящее время является реальной опасностью, увеличивая риски угроз пандемий из-за потепления температуры и загрязнения воздуха, вызванного более частыми лесными пожарами. В первой половине 2019 года из общего объема глобальных экономических потерь в размере 44 млрд. долл. на долю природных катастроф пришлось большинство, или 40 млрд. долл. по сравнению с 45 млрд. долл. в предыдущем году. Остальные 4 миллиарда долларов убытков были вызваны техногенными катастрофами [6]. Так один из ведущих мировых перестраховщиков и страховщиков Swiss Re Group в исследовании «SONAR 2019: New emerging risk insights» выделяет такие пять новых рисков, как конфликт цифровых технологий с устаревшим оборудованием, потенциальные угрозы от распространения мобильных сетей 5G, все более ограниченная финансовая и денежно-кредитная гибкость центральных банков, последствия генетического тестирования для страховщиков жизни и влияние изменения климата на сектор жизни и здоровья. Исследование фокусируется как на новых внезапных, так и на «медленно возникающих» рисках. В 2019 году в докладе фигурируют уже 15 новых областей риска и пять наметившихся рисковых трендов. Среди новых областей: растущая неуверенность в эффективности вакцин, опасности косметической хирургии, туризма, искусственного интеллекта и здравоохранения, спортивные травмы, сельскохозяйственные технологии будущего, и разрыв в навыках бэби-бумеров. При этом акцент делается на приспособительных реакциях общества, например, системы здравоохранения должны будут адаптироваться к последствиям глобального потепления [6].

Положительные аспекты замедления темпов внедрения инноваций видятся в «откладывании» пессимистических сценариев развития человечества:

1. «Конца истории», предрекаемого технопессимистами из-за экологического коллапса.
2. Сингулярности с ее драмой homo excessus - «человека лишнего», вытесненного из производства, социума и пространства смыслов роботами.
3. Сценария уничтожения «лишнего» населения, предрекаемого мальтузианцами из-за безвозвратной утраты гармонии с биосферой.

В ходе дискуссий о достаточности предпосылок к экономическому росту рассматривается вопрос о том, реализуется ли полностью эффект интернета (экспоненциального роста внедрения инноваций) в производстве, имеют ли его пользователи значительный потребительский профицит и каким образом он может быть дополнительно интегрирован в экономику. Теории циклического развития так же указывают на то, что чрезвычайно большая отдача, должна смениться замедлением роста.

Список литературы:

1. Гречко М.В., Сахно А.В. Производительность труда как императив развития отечественной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - №7(292), 2015. – С. 25-37.
2. Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, И. А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 376 с.
3. Касьянов Г. А., Способна ли концепция «быстрого старта» объяснить высокие темпы послевоенного восстановления СССР? - https://cyberleninka.ru/article/n/sposobna-li-kontseptsiya-bystrogo-starta-obyasnit-vysokie-tempy-poslevoennogo-vosstanovleniya-sssr (дата обращения 2.09.2019)
4. Национальный доклад об инновациях в России-2017. – 201https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf
5. Cowen, Tyler The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will(Eventually) Feel Better. - Dutton, 9 June 2011. ISBN 0525952713. - https://www.mercatus.org/publication/great-stagnation
6. SONAR 2019: New emerging risk insights. - https://www.swissre.com/institute/research/sonar/sonar2019.html

Погребинская Екатерина Александровна
доктор экономических наук, доцент
Первый Московский государственный университет им. И.М. Сеченова
г. Москва
pogrr@yandex.ru

Сидоренко Валентина Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент
Московский городской педагогический Университет
г. Москва
080507.111v@gmail.com

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Новая экономическая политика не мыслима без развития новых образовательных форм на прочной платформе классического российского образования. При этом необходимо понимать, что образование обладает колоссальным инновационным потенциалом. Именно новые образовательные формы и технологии способны стать

драйвером реализации этого потенциала логичной и механизмом реализации новой экономической политики в образовании.

Ключевые слова: интерактивные образовательные формы, абсорбирующая образовательная траектория, виртуальные образовательные проекты.

Новая экономическая политика логичной и весомой компонентой содержит образование. Образование при этом выступает и как объект государственной политики, и как самостоятельный инновационный субъект. В современных условиях «квалификационной ямы», развития образовательных технологий и новых потребностей рынка труда, формирование образовательной траектории требует активного включения самого обучаемого. Само понятие образовательной траектории приобретает интерактивное, динамически развивающееся значение.

Экскурсии относятся к активным внеаудиторным формам проведения занятий и отлично интегрируются в план занятий, разработанный в соответствии с образовательным стандартом. Мультипликативный эффект таких научно-образовательных комплексов, как вуз и музей связан с социализирующей, творческой и культуротранслирующей функциями образования [1, С.32-37]. В таком случае, образование выступает условием и способом развития личностного потенциала современного студента. Инновационная модель развития российской системы образования интегрирует учебные и научные задачи с целевой установкой на систему передачи, накопления и открытия знания как на инструмент развития личности и общества. Будучи объединенной единой темой, проблемой с традиционным практическим занятием или семинаром, экскурсия ориентирует на использование игровых форм (деловых, симуляционых, ролевых), на диалогическое взаимодействие в ходе разработки плана или по итогам экскурсии (мозговой штурм, «круглый стол», дебаты, работа в малых группах), на проблемно - деятельностный подход (проектные задания, творческие мастерские, проблемные ситуации, поисковые задания) [7, С.178-200]. Решением Департамента образования города Москвы от 21.02.2013 года в рамках проекта «Москва - столица образования», реализуемого совместно с Фондом поддержки Российского учительства, музеи включаются в образовательный процесс студентов.

Целями образовательного процесса, проводимого для студентов в музее, можно определить как стимулирование интереса к познанию актуальной научно проблемы через музей и его коллекции; воспитание бережного, уважительного отношения к экспонатам как части культуры; формирование понимания единства общества и науки [6, С.66-71].

Задачи образовательной траектории с использованием экскурсии: формирование способности комбинировать зрительные впечатления путем свободного ассоциирования с целью создания нового образа, новой реальности; развитие способности системного видения, чувства гармонии; наработка навыков музейного поведения, самостоятельной ориентации в музее; постижение на примере исторических артефактов горизонтов современного развития человека.

В основе образовательного процесса с включением музейной экскурсии лежат следующие принципы: интерактивность (человек лучше запоминает то, что делает); комплексность как включение всех каналов восприятия (чувственный, логико-аналитический, психомоторный); целеполагание, обеспечивающее усвоение информации и приобретение умений на основе специально разработанных программ. Таким образом, достигается образовательная задача: воспитание, обучение и развитие.

Музейная педагогика в России имеет давнюю и богатую историю: педагогическая деятельность музеев в области профессиональной подготовки зародилась в Российской империи по инициативе органов народного образования Санкт-Петербурга в 1864 г. В 1865 г. возник Русский педагогический музей, который выступил в роли общественного научного и просветительского центра, разрабатывающего актуальные вопросы педагогической науки.

Современным, динамично развивающимся направлением является интерактивный виртуальный музей [3, С.157-160]. Интерактивное искусство – это современный термин,

который используются для обозначения теоретической и практической деятельности, определяющей искусство во всем его многообразии. Понятие это относится скорее к области деятельности, объединяющей науку и искусство во всем их многообразии; оно обозначает очень широкий круг экспериментов, научных и художественных достижений в области медиа, которые бросают вызов многим привычным представлениям. Интерактивные возможности синтезируют специфический поток информации (образов, текстов, звуков) и множество когнитивных кибернетических структур окружающей среды в сочетании с коммуникационной средой (представлением, спектаклем, персональным воздействием или компьютерной сетью). Вступая в контакт со зрителем, эта интеллектуальная среда позволяет ему почувствовать информационный поток, меняя структуру системы или взаимодействуя с ней, выбирать формы и способы своего общения с неживыми компьютерными объектами, быть вовлеченным в процессы с возможностью как изменения, так и создания окружающей его среды [4,5].

В итоге эстетика и форма этой художественной среды зависят от поведения зрителя. Создаются только начальные условия, описывающие широкий контекст происходящего, что обеспечивает разнообразие среды, необходимую и достаточную ее сложность, а затем организует «точки входа» в систему, через которые «зритель» получает доступ в созданное пространство музея. Такая схема и устанавливает рамки, в которых мыслится интерактивное искусство - на уровне широкого культурного вмешательства в жизнь больших групп людей, или же на уровне индивидуального опыта участника художественного процесса. Образовательная траектория подготовки современного специалиста может быть органично дополнена как включением в существующий музейный проект, так и дополнением виртуального пространства собственным музеем.

Основными в палитре методов включения традиционной экскурсии в образовательную траекторию являются:

- исследовательский - включает сбор эмпирических данных (восприятие информации экскурсовода, наблюдение, обзор электронных источников, литературы и т. п.) и их анализ на форумах и т. п. Результатом экскурсии будет анализ и обобщение полученной информации;
- творческий – основывается на сборе галереи образов экономистов, пословиц или цитат из литературных произведений. Результатом экскурсии будет углубление знаний о ключевых фигурах денежного обращения России;
- ролевой и игровой - заключается в создании нескольких команд, которые должны изложить «свой» аспект проблемы друг другу. Результатом экскурсии будет присуждение победы команде, которая заинтересовала всех своей информацией и артефактами;
- ознакомительно-ориентировочный - включает сбор информации на заданную тему. Результатом экскурсии может стать реферат, отчет, статья и т. д.

Качество и количество современных экспозиций многочисленных музеев без труда позволяют провести в них занятия студентов практически всех направлений обучения практически по всем дисциплинам, по всем темам [4,5]. Традиционно перед проведением экскурсии необходимо конкретизировать тему, методы проведения и контроля, способ координации работы групп и подгрупп студентов, распределение обязанностей при подготовке материалов для отчета, сбора и оформления материалов и отчета подгруппы. Следует определить предполагаемый круг участников (студенты, их родственники, другие преподаватели); сформулировать цели и задачи экскурсии; составить аннотацию, краткую характеристику экскурсии; определить более эффективные методы обучения и педагогические технологии; согласовать этапы и сроки проведения экскурсии; выбрать форму подведения итогов, определить, возможность использования результатов, полученных в ходе проведения экскурсии. Итогом проведенной работы является зачет, который получает вся группа за описание экскурсии.

Еще более творческим, интерактивным вариантом с использованием технологии телекоммуникационного проекта является создание группой студентов виртуального музея.

Рассмотрим технологию разработки телекоммуникационного проекта. Прежде всего, необходимо обсудить со студентами возможную тему для разработки телекоммуникационного проекта. Требования к теме: она должна быть конкретной и интересной для всех участников группы. В качестве универсальной темы можно предложить «Виртуальный музей финансов моей семьи» или «Виртуальный музей финансов нашей группы».

В начале каждым студентом/подгруппой/группой (в зависимости от выбранного варианта) разрабатывается план описания проекта, который включает:

1. Указание авторов идеи, авторов-разработчиков, внешних консультантов и экспертов, название, краткое обоснование выбранной темы, актуальность, перспективность и т. д., учебный предмет, межпредметные связи.
2. Предполагаемый круг участников (студенты, их родственники, другие преподаватели).
3. Формулировку целей и задач проекта.
4. Аннотацию, краткую характеристику проекта.
5. Обоснование используемых методов обучения и педагогических технологий.
6. План этапов и сроков проведения проекта.
7. Обоснование формы подведения итогов, примерный план использования данных результатов, полученных в результате проектной деятельности.

Далее нужно определить доминирующий метод реализации музейного микропроекта:

- исследовательский — включает сбор эмпирических данных (опрос, эксперимент, наблюдение и т. п.) и их анализ через электронную почту, списки рассылки, форумы и т. п. В этом случае результатом проекта будет анализ и обобщение полученных данных;
- творческий - предполагает сбор наиболее обширной галереи фото артефактов, образов или цитат из литературных произведений. Результатом проекта будет издание альбома или создание web-страницы;
- ролевой и игровой - заключается в создании команд или индивидуальных проектов студентов, которые должны что-то доказать друг другу. Результатом проекта будет присуждение победы команде, которая предоставила наиболее убедительные аргументы;
- ознакомительно-ориентировочный — подразумевает сбор информации на заданную тему. Результатом такого проекта может стать реферат, отчет, статья и т. д.

Выбрав тему и доминирующий метод, необходимо выбрать модераторов, координировать подготовку материалов будет для отчета, ответственных за сбор, обобщение материалов и оформление отчета (если работа организована в подгруппах). Далее разрабатывается телекоммуникационный проект (групповой) и оформляется в соответствии с планом, наконец размещается в «Электронной конференции».

Рассмотрим возможные темы для разработки телекоммуникационных проектов при создании «Виртуального музея финансов моей семьи» или «Виртуального музея финансов нашей группы»:

1. История и этапы создания современной российской денежной системы.
2. Историко-культурный комплекс современного денежного обращения. Символика монет, банкнот и купюр. Художественные методы и образцы оформления банковских карт. Преемственность в культурном видении современной денежной системы России.
3. Вклад моей семьи/группы в денежный оборот и государственные финансы. Доля наличных/безналичных расчетов, структура текущих трат/накоплений.

4. Государственные деятели, экономисты, выпускники известных вузов, участвующие в регулировании денежного обращения. Деятели искусства и культуры, повлиявшие на современный образ денежной системы.
5. Культура и технологии финансовой грамотности и безопасности. Культура популяризации финансовых знаний в современной России. Применяемые технологии защиты денежного обращения. Индивидуальные «лайфхаки» финансовой безопасности: опыт и результаты.

В конце работы, в случае удачного представления проекта, зачет за описание проекта получает вся подгруппа в целом [2, С.4-6].

Это позволяет заключить, что в современном мире музей - это форма представленности мира в его историко-культурологическом материализованном виде, деятельность которого рассматривается как полноценный элемент образовательной траектории. Являясь хранителем культурного наследия, музей проводит аксиологический отбор наиболее значимых для развития этноса, цивилизаций, памятников истории и культуры, которые аккумулируют в себе ценности, нормы, идеалы, опосредованный креативный опыт человечества, что необходимо задействовать в современный образовательный процесс.

Виртуальный музей может помочь обучающемуся, «оторванному» географически или предметно от музейных центров, включиться в новые предметные области, стать творческой личностью и сформировать у него систему ценностей. Текстовая информация по музею может содержать гиперссылки на музеи мира, расширяя кругозор обучающегося. Режим коллективных музеев по музеям мира дает уникальную возможность формирования ценностного отношения аудитории к ресурсам и технологиям Интернета, к виртуальным музейным представительствам, а следовательно, и к самим музеям. Стремительное увеличение емкости информационных носителей, качества записи и воспроизведения изображений раздвигает стены музея. Глобальные сети делают уникальные экспонаты все более доступными. Десятки и сотни доступных для каждого пользователя компьютера виртуальных музеев становятся реальность сегодняшнего дня [3, С.157-160].

Образовательный процесс, связанный с посещением музея, — это особый вид обучающей коммуникации, основанный на личном соприкосновении с музейными предметами - источниками информации, в специально организованной, образно-наполненной среде. Он включает познавательную, оценочную коммуникативную деятельность и творческую активность студентов. Экскурсия создает условия для развития интеллекта, творчества учащихся; повышает их познавательную активность; расширяет замкнутые предметные рамки до историко-географического контекста. Студенты с глубоким погружением в проблему осваивают учебный материал, апеллируя к личным и семейным примерам, расширяют свое информационное поле и информационное поле всех членов образовательного коллектива.

Информационные платформы, возможности использования виртуальной среды обучения делают возможным привлечение в учебный процесс библиотек, других вузов, музеев. При этом учащийся становится не пассивным потребителем культурно-эстетического продукта и транслируемой информации, но и сам может проявить творческую активность, выступив непосредственным созидателем окружающей его среды и новой экономической политики.

Список литературы:

1. Жукова О. А. Инновационный потенциал гуманитарной стратегии культуры и образования //Инновационное развитие профессионального образования. - №№ 1(01), июнь 2012. – С. 32-37.
2. Комарова Е. В.Квалиметрический подход в системе дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы. Авторефератдиссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. - Москва – 2012. – 47с.

3. Нагорная В. А. Организация проектной деятельности в учреждении начального профессионального образования по созданию «Виртуального музея культуры и быта казачества на Южном Урале» //Инновационное развитие профессионального образования. - №№ 1(01), июнь 2012. – С. 157-160.
4. Московская электронная школа (МЭШ). - https://www.mos.ru/city/projects/mesh/
5. Постановление Правительства Москвы«0 грантах за вклад в развитиепроекта "Московская электронная школа"»- 8 ноября 2017 г. - N 844-ПП.
6. Столяров Б.А.Педагогическая деятельность музея // Дошкольное воспитание. - 2002. -N11. -С.66-71.
7. Электронная информационно-образовательная среда: методологические подходы к разработке и опыт практической реализации // Инновационное развитие профессионального образования. - №№ 1(01), июнь 2012. – С. 178-200.

Преснякова Елена Владимировна
кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики НАН Беларуси
Республика Беларусь, г. Минск
prasniakova@tut.by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ МИРА В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ИХ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА

Аннотация. В статье представлены основные направления современной промышленной политики, включающие экономику знаний, интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости, новую промышленную революцию, устойчивое развитие и др. Выделены модели промышленной политики: наращивания потенциала; защитная; догоняющего развития; основанная на инновациях; ориентированная на новую промышленную революцию. Представлена их характеристика с учетом степени отраслевой специфики, вмешательства, открытости для внешней конкуренции, экспортной ориентации. Показано, что для стран с уровнем дохода выше среднего характерна «ловушка среднего дохода», представляющая собой ситуацию, связанную с замедлением темпов экономического роста вследствие недостаточных инноваций. Выделена группа стран (Южная Корея, Тайвань), обеспечивших себе за счет высоких затрат на инновации переход из группы стран с уровнем дохода выше среднего в группу стран с высоким уровнем дохода. Отражены формы и инструменты промышленной политики данных стран. Внесены предложения по адаптации для Беларуси мирового опыта формирования и реализации промышленной политики.

Ключевые слова: промышленная политика, модели промышленной политики, устойчивое развитие, инновационное развитие, ловушка среднего дохода, новая промышленная революция.

Современная промышленная политика становится все более разнообразной и сложной. По сравнению с промышленными политиками прошлого современная промышленная политика охватывает экономику знаний, интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости, новую промышленную революцию, устойчивое развитие и др. [1]. Промышленная политика, основанная на инновациях, имеет свои собственные проблемы устойчивого развития, связанные с инклюзивным ростом и влиянием передовых технологий производства. Согласно Лимской декларации, принятой в ходе XV сессии Генеральной конференции ЮНИДО: «...неотложной задачей по-прежнему является искоренение нищеты. Добиться этого можно только с помощью интенсивного, всеохватывающего, устойчивого и

неуклонного подъема экономики и промышленности и эффективного решения всего комплекса экономических, социальных и экологических задач в рамках устойчивого развития». ЮНИДО неуклонно поддерживает путь экономического роста и индустриализации, в котором учтены все аспекты устойчивого развития [2].

В таблице 1 в кратком виде представлены этапы эволюции в подходах к промышленной политике в мире.

Таблица 1

Эволюция промышленной политики и новые направления

	Период до 1970-х гг.	1980–1990 гг.	Современная промышленная политика	
			с 2000 гг. до настоящего времени	новые темы
Ключевые факторы / направления	Индустриализация и структурная трансформация	Стабилизация, либерализация, свободный рынок	Экономика знаний ГЦДС	Новая промышленная революция Устойчивое развитие
Цели политики	Формирование рынка, диверсификация	Ориентированная на рынок модернизация	Специализация и рост производительности	Современное промышленное экологическое развитие
Ключевые элементы	Импортозамещение Протекционизм Секторальное развитие Создание конкурентных отношений в отдельных секторах	Ограниченное участие государства Больше мер горизонтальной политики Открытие доступа для ПИИ Воздействие конкуренции	Целевые стратегии в странах с открытой экономикой Благоприятная бизнес-среда Цифровое развитие и диффузия ИКТ Участие в глобальных производственных сетях Продвижение ПИИ в сочетании с защитой стратегических отраслей Поддержка МСП Развитие навыков	Развитие технических возможностей Инновации в производстве Развитие секторов в соответствии с целями устойчивого развития Государственно-частные институты знаний / технического развития Привлечение зарубежных технологий Развитие предпринимательства

Источник – [3].

Промышленная политика включает в себя как вертикальную политику, ориентированную на конкретные отрасли, так и горизонтальную политику, направленную на улучшение операционных условий и возможностей в нескольких секторах.

Для качественной характеристики различных типов промышленной политики выделяют следующие модели промышленной политики:

- *наращивания потенциала* (Build-up) или *защитная* (Defensive) (в зависимости от страны и контекста);
- *догоняющего развития* (Catch-up);
- *основанная на инновациях* (Innovation-based), в более современном варианте – *ориентированная на новую промышленную революцию* (NIR-based).

Данные модели не являются дискретными; стратегии наращивания потенциала содержат горизонтальные меры повышения конкурентоспособности, модели догоняющего развития содержат элементы продвижения инноваций и внедрения новых технологий, а модели на основе инноваций используют механизмы расширения производства отдельных отраслей (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика моделей промышленной политики

	Модель промышленной политики		
	защитная или наращивания потенциала	догоняющего развития	основанная на инновациях
Степень отраслевой специфики	Преимущественно вертикальная (промышленно-специфичная)	В основном горизонтальная, в сочетании с целями для нескольких отраслей	В основном горизонтальная, с промышленно-специфичными элементами
Степень вмешательства	Относительно более высокое правительственное вмешательство	Более ориентированное на рынок, сфокусированное на возможности	Смешанное, с защитой и поддержкой новых отраслей промышленности и ГЧП
Степень открытости для внешней конкуренции	Выборочная и постепенная открытость к конкуренции	Фокус на внешней конкурентоспособности	В основном открытая, с гарантиями для стратегических технологий
Степень экспортной ориентации	Внутренний и региональный спрос	Экспортноориентированная, интеграция в ГЦДС	Смешанная

Источник – [2].

Политика наращивания потенциала, как правило, направлена на улучшение инфраструктуры, дорог, портов, аэропортов, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры в качестве неотъемлемой части промышленной политики. В рамках защитных мер применяются тарифные пошлины и нетарифные барьеры. Политика догоняющего развития уделяет больше внимания развитию навыков, поддержке МСП и продвижению связей, содействию экспорту и стратегическим государственным закупкам в качестве инструмента содействия развитию внутреннего предпринимательства. Политика, основанная на инновациях, подчеркивает укрепление промышленных экосистем с использованием инновационных ГЧП, научно-исследовательских институтов и общих элементов мягкой инфраструктуры (табл. 2).

Многие страны мира охвачены более чем одной промышленной политикой. Эти страны

могут иметь национальную промышленную политику, ориентированную на передовое производство и позиционирование для новой промышленной революции, но также поддерживать промышленную политику наращивания потенциала для повышения общей конкурентоспособности промышленности и стимулирования конкретных производственных секторов.

По данным Всемирного банка, группа с высоким уровнем дохода включает 80 стран с валовым национальным доходом (далее – ВНД) на душу населения, рассчитанным методом Атласа, в размере более 12 055 долл. США (2017 г.). В нее входят Австралия, Австрия, Германия, Канада, Франция, Италия, Япония, Республика Корея, США и др. Среднее значение ВНД на душу населения по данной группе стран – 40400 долл. США.

Для стран с высоким уровнем дохода в период после 1945 г. выделяют три фазы промышленной политики.

Первая фаза охватывает период послевоенного восстановления и продолжается до конца 1970-х гг. В течение этого времени ряд стран выступили с крупными инициативами в области финансирования и поддержки новых производств (например, в Великобритании, Франции, Японии и Корее, где целью было догнать США), или в области упрощения регулирования таких секторов, как сталелитейная промышленность, судостроение и текстильная промышленность, которые сталкивались с сильной иностранной конкуренцией или отсутствием спроса. На этом этапе влияние правительств, поддерживающих «национальных чемпионов», было очень велико, большое значение придавалось праву собственности на предприятия.

Вторая фаза промышленной политики – с начала 1980-х до середины 2000-х гг. На смену интервенционистскому варианту промышленной политики пришли приватизация, либерализация и конкуренция. Государственная поддержка осуществлялась в большей части на «горизонтальной» основе, т.е. зачастую распространялась на все предприятия, при этом упор делался на стимулирование научных исследований и разработок (далее – НИР), профессиональную подготовку и открытие рынков для иностранной конкуренции.

За последние десять лет можно обозначить третью фазу, в рамках которой акцент на горизонтальной политике сочетается с усилиями по стимулированию инноваций и росту малых и средних предприятий (далее – МСП). Некоторые страны приняли пакеты мер по поддержке секторов, спрос на продукцию которых снижался после кризиса 2008–2009 гг. [4, 5, 6, 7].

Страны с высоким уровнем дохода не однородны по уровню конкурентоспособности. Для них характерными выступают четыре модели промышленной политики: защитная (преимущественно в историческом аспекте), догоняющего развития, основанная на инновациях и ориентированная на новую промышленную революцию, которые не являются взаимоисключающими, и политики, отражающие каждую из них, можно найти одновременно в одной и той же экономике (табл. 3).

Таблица 3

Модели и инструменты промышленной политики в странах с высоким уровнем дохода

Модель ПП	Инструменты	Соответствие правилам ВТО
Наращивание потенциала; защитная	Предоставление кредитов, обучающие гранты, стимулирование спроса, временные ограничения на импорт	Потенциальная проблема при наличии специфических субсидий или экспортных субсидий
Догоняющего развития	Предоставление кредитов, начальное финансирование и налоговые льготы для НИОКР, политика слияния	Потенциальная проблема при наличии специфических субсидий во взаимосвязи с различными стимулами
	Налоговые льготы,	

	инвестиционные гранты, пакет мер поддержки	
Основанная на инновациях	Финансы для фундаментальных исследований и их коммерческого применения, налоговые льготы на НИОКР, государственные закупки, высшее образование	Потенциальная проблема при наличии специфических субсидий в отношении инноваций
Новая промышленная революция	Правовые и организационные меры, пакет мер поддержки, обучение кадров	Потенциальная проблема при наличии специфических субсидий в отношении затрат на цифровизацию производства

Источник – [3].

Защитная промышленная политика применяется в ситуациях, когда правительства решают проблемы секторов со снижающейся эффективностью или, в более общем плане, отстающих регионов или областей. Структурные изменения неизбежны по мере развития экономики, поэтому исторически это было важной опорой промышленной политики во многих странах мира. Примерами могут служить поддержка судостроения, добычи угля и автомобилей в Великобритании в 1970-х гг. Фонды сплоченности ЕС являются известным примером региональной политики поддержки отсталых регионов в ЕС с целью повышения уровня доходов для поддержки дальнейшего расширения внутреннего рынка. Защитная промышленная политика, включающая введение ограничений на импорт, антидемпинговые меры (с защитной мотивацией), субсидирование, может вступать в противоречие с правилами международной торговли. Страны с высоким уровнем дохода выступают членами ВТО, деятельность которой направлена на обеспечение равных прав в торговле. Вместе с тем предоставление специфических субсидий отдельным секторам или фирмам прямо противоречит Соглашению ВТО по субсидиям и компенсационным мерам (далее – ССКМ). В целом роль защитной промышленной политики заключается в том, чтобы облегчить переход от неэффективных к более перспективным производствам, а не в защите тех видов деятельности, конкурентоспособность которых в долгосрочном плане сомнительна [3].

Промышленная политика догоняющего развития важна для стран, еще не достигших передовых технологических рубежей. Ее цель – поднять производительность до уровня стран-лидеров. Предполагается, что благодаря повышению конкурентоспособности, продукция промышленности будет пользоваться спросом на мировом рынке. Наиболее яркий пример – поддержка «национальных чемпионов» в Великобритании и Франции (аэронавтика, компьютеры, атомная энергетика и автомобили), Японии и Южной Корее (машиностроение, электроника, химикаты и автомобили). Используемые инструменты варьировались и включали прямые государственные инвестиции, налоговые льготы, субсидированное финансирование, поощрение слияний, контракты на государственные закупки, поддержку фундаментальных исследований и ограничения на иностранные внутренние инвестиции на внутреннем рынке [3].

Современная инновационная промышленная политика близка к «индустриализации посредством инноваций». Она основывается на предпосылке, что рост в странах с высоким доходом должен обеспечиваться инновациями, поскольку они составляют основу конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. Суть политики заключается в применении «горизонтальных» мер, касающихся инвестиционного климата, инфраструктуры, поддержки кластеров, обучения, улучшения условий финансового посредничества в сочетании со специфическими мерами по поддержке инноваций, включая государственное финансирование исследований, а также кредиты для высокорисковых вложений в инновации.

В целях обеспечения новой промышленной революции во многих странах мира реализуются государственные программы и стратегии цифровизации национальных экономик и промышленных отраслей.

Страны с уровнем дохода выше среднего могут попадать в специфическую ловушку, которая представляет собой ситуацию, в которой данные страны сталкиваются с замедлением темпов экономического роста вследствие недостаточных инноваций. В мировой экономике следует особо выделить группу стран (Южная Корея, Тайвань), обеспечивших себе за счет высоких затрат на инновации переход из группы стран с уровнем дохода выше среднего в группу стран с высоким уровнем дохода. За период с 1970 по 2017 гг. ВНД на душу населения в таких высокодоходных странах, как Германия и Франция, увеличился в 12,0-12,1 раз, США – 10,9 раз, Швеция – 11,7 раз, Австрия – 22,0 раз, Австралия – 15,7 раз, Япония – 21,2 раза. При этом рекордным образом вырос ВНД на душу населения в Южной Корее – в 101,4 раз, значительные результаты в Китае – рост в 72,4 раза, Сингапуре – 56,8 раза и Гонконге – 49,8 раза.

Инновации способствовали быстрому промышленному развитию Южной Кореи и Тайваня и переходу из группы стран с доходом выше среднего в группу высокодоходных стран. Следует отметить, что несмотря на то, что Китай остается в группе стран с уровнем дохода выше среднего, он демонстрирует крайне высокие темпы промышленного развития.

Инструменты промышленной политики в странах с уровнем дохода выше среднего, перешедших в группу стран с высоким уровнем дохода, в том числе применяемые Южной Кореей и Тайванем, представлены в таблице 4.

Таблица 4

Формы и инструменты промышленной политики в странах, перешедших в группу стран с высоким уровнем дохода

Формы	Инструменты
Государственно-частный научно-исследовательский консорциум	Обеспечение государственного финансирования НИОКР
Сотрудничество с иностранными научно-исследовательскими учреждениями	Организация финансирования со стороны правительства
Содействие развитию отечественных фирм посредством получения знаний от прямых иностранных инвесторов	Возможно ограничение по максимальному пакету акций у иностранных инвесторов; повышенные тарифы на импортируемые товары
Содействие развитию научных предприятий в сфере прямого проектирования	Государственное финансирование научных исследований
Приобретение зарубежных технологий и брендов	Кредитование государством сделок по слияниям и поглощениям

Источник – [8].

Вместе с тем, если Корея и Тайвань смогли выйти из ловушки среднего дохода, Китай по-прежнему остается в условиях ограничений для экономического роста. Стабильное снижение темпов экономического роста Китая уже превратилось в тяжелейшую проблему для китайского руководства. Если в 1979–2010 гг. ВВП Китая рос в среднем на 10% в год, то в 2012 г. этот показатель снизился до 7,9%, а в 2017 – до 6,8% [9]. Замедление роста китайской экономики, наблюдаемое с 2012 г., объясняется в основном структурными факторами: ростом заработной платы, относительным сокращением трудоспособного населения и т.д. [10].

Беларусь в соответствии с классификацией Всемирного банка относится к странам с уровнем дохода выше среднего. В 2017 г. ВНД на душу населения[12] для нашей страны составил 5290 долл. США. За период с 1995 по 2017 гг. прирост ВНД на душу населения производился достаточно высокими темпами и увеличился в 2,4 раз, что выше показателей для Германии (1,5 раз), Франции (1,5 раз), Гонконга (2,0 раз), Японии (0,9 раз) и других и соответствует уровню Южной Кореи (2,4 раз). Вместе с тем низкие темпы роста ВВП в предыдущие годы (в 2016 к 2015 г. – 97,5%, 2017 к 2016 г. – 102,4%) позволяют предположить, что наша страна также находится в ловушке среднего дохода, не позволяющей в поной мере реализовать свой производственный и инновационный потенциал.

При выработке стратегических направлений промышленной политики для Беларуси предлагается учитывать, что возможности применения мер *защитной политики* для нашей страны ограничены. Беларусь не состоит в ВТО, при этом планирует присоединиться к организации в 2020 г., что, соответственно, вызовет снижение импортных пошлин на отдельные группы товаров. В рамках ЕАЭС механизмы защиты внутреннего рынка страны от импорта промышленных товаров определяются Договором о Евразийском экономическом союзе, запрещающем применение вывозных и замещающих субсидий, а также регулирующем установление специфических субсидий для защиты национальных производителей.

С учетом результатов проведенного исследования для Беларуси актуальными будут следующие модели промышленной политики.

Наращивание потенциала. Вышеназванная модель промышленной политики подразумевает поддержку отраслей промышленности, составляющих основу отечественной экономики. В ее рамках в Беларуси необходимо обеспечить постепенный отказ от практики предоставления господдержки на основе отдельных нормативных актов и формирование системного подхода к оказанию государственной поддержки промышленным предприятиям в рамках государственных программ.

Догоняющее развитие. Горизонтальные меры. Модель предусматривает в первую очередь создание более благоприятной среды для ведения бизнеса и привлечения инвестиций по сравнению со странами-конкурентами и торговыми партнерами. В целях активизации инвестиционной деятельности и привлечения отечественных и прямых иностранных инвестиций в промышленность предлагаются меры: совершенствование норм, касающихся гарантий защиты прав инвесторов; развитие инвестиционных возможностей промышленных предприятий на финансовом рынке; расширение сотрудничества с международными организациями и финансовыми институтами с целью получения доступа к источникам внешнего финансирования инвестиционных проектов.

Догоняющее развитие. Вертикальные меры. Модель предусматривает внедрение в производство современных технологий по выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью; создание новых производств с уровнем производительности труда не ниже среднеевропейского; перераспределение работников с низкопроизводительных рабочих мест на новые высокоэффективные производства [2]. Включает принятие вертикальных мер инвестиционной и инновационной политики на уровне государства для поддержки высокотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей высокого уровня.

*Основанная на инновациях. Новая промышленная революция***.** Модель направлена на создание условий для инвестиций, направленных на ускорение разработки и внедрения принципиально новых технологий и внедрение инноваций в производство. Предусматривает государственные меры по повышению затрат на внутренние исследования и разработки за счет государственных и частных источников до 2,0% от ВВП. Включает формирование сектора интеллектуального промышленного производства за счет освоения и внедрения информационных технологий нового поколения и производственных интегрированных

[12] Рассчитан Всемирным банком атлас-методом.

систем (интеллектуальное управление процессом производства, промышленные роботы и аддитивное производственное оборудование, цифровые и облачные технологии). Предусматривает мероприятия по комплексной цифровизации производственных процессов на промышленных предприятиях с формированием в будущем на их основе «цифровых фабрик».

Предлагаемые направления адаптации для Беларуси мирового опыта формирования и реализации промышленной политики стран с высоким уровнем дохода и уровнем дохода выше среднего позволяют сделать вывод, что для нашей страны необходимо применять как меры промышленной политики наращивания потенциала развития в отношении секторов экономики, составляющих основу отечественной промышленности, догоняющего развития – в отношении высокотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей высокого уровня, так и меры промышленной политики, основанной на инновациях, направленные на создание новых отраслей и цифровую трансформацию промышленности.

Список литературы:

1. World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. – UNCTAD : United Nations, 2013. – 264 p.
2. Отчет о промышленном развитии – 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор. – Вена : ЮНИДО, 2016. – 77 с.
3. World Investment Report 2018: Investment and New Industrial Policies / United Nations Conference on Trade and Development. New York and Geneva: UNCTAD. – 2018. – 213 p.
4. Weiss, J. Industrial Policy in High-Income Economies / J. Weiss. – Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum, 2015. – 11 p.
5. Warwick, K. Beyond Industrial Policy: Emerging Issues and New Trends / K. Warwick. – OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2013. – № 2.
6. Ciuriak, D., Curtis, J. The Resurgence of Industrial Policy and What It Means for Canada. – IRRP Insight, 2013. – June, No. 7.
7. Owen, G. Industrial Policy in Europe since the Second World War: What Has Been Learnt?. – ECIPE Occasional Paper, 2012. – 2012. – № 2.
8. Keun, Lee. Industrial Policies for Upper-Middle-Income Countries. – Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum, 2015. – 12 p.
9. Lin, Justin Yifu. Why China can grow according to plan [Electronic resource] : Project syndicate. – 2016. – Mode of access: https://www.project-syndicate.org/commentary/china-growth-goals-are-achievable-by-justin-yifu-lin-2016-03?barrier=accessreg. – Date of access: 24.10.2018.
10. Wei Sh.-J., Xie Z., Zhang X. From «Made in China» to «Innovated in China»: Necessity, prospect, and challenges [Electronic resource] : J. of econ. perspectives. – 2017. – Vol. 31, N 1. – P. 49–70. – Mode of access: http://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.31.1.49. – Date of access: 30.10.2018.

Румянцева Светлана Юрьевна
кандидат экономических наук, доцент
Санкт-Петербургский Государственный Университет
Россия, г. Санкт-Петербург
s.pumyantseva@spbu.ru

САМООРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА ЦИКЛА

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-02-00521 «Динамика смены технологических укладов и перспективы грядущих экономических трансформаций»

Аннотация. Показано, как усложнение системы в ходе ее самоорганизации во время повышательной волны цикла порождает: а) потерю динамики развития системы, определяющую верхнюю поворотную точку и переход к нарастанию диссипативных тенденций; б) необходимость роста управляющих усилий со стороны общества и порождение дирижистских тенденций в экономической политике, необходимых для защиты национальной системы от нарастающего хаоса. Самоорганизация и управление предстают как диалектическая пара в ходе развертывания циклической динамики экономики.

Ключевые слова: самоорганизация, диалектика, шестая длинная волна, экономический цикл, государственное управление экономикой.

Современные экономические системы подходят к точке минимума длинной волны. В этот период в системах нарастает хаос, а свободная энергия системы минимальна. Структура дезорганизуется. В этих условиях «критерием выбора единственного варианта развития из множества возможных служит стремление системы вновь обрести устойчивость и обеспечить рост (активность) системы нового уровня» [2, С.7]. Будущая организованность конкретной системы, нарастание в ней порядка, тем не менее, не детерминирована в отличие от перехода из стадии упорядоченности в стадию усиления процессов диссипации по мере потери энергии системой после прохождения ею верхней поворотной точки цикла. В верхней поворотной точке энергия, хотя и максимальна, что демонстрируется высокими показателями экономического развития, но уже в зависимости от закономерностей смены технико-экономических парадигм (ТЭП) начинается плавный переход к фазе верхнего плато s-ной кривой развития, характеризующегося отсутствием роста. Система теряет энергию и съезжает к минимальной точке закономерно.

И. Пригожин и И. Стенгерс полагали, что диссипативность структур самоорганизацции материи присуща и социальным порядкам, которые проходят стадии зарождения, зрелости и угасания, что они в этом смысле подобны биологическим объектам [4]. Исследователи синергетических процессов указывают на дискретность развития сложных открытых систем, что на наш взгляд означает для отдельно взятой сложной открытой системы, инкорпорированной в более крупную систему, что время ее жизни, в отличие от самой большой системы, может быть конечным. Эта конечность определяется возможностями системы приобретать энергию и информацию во время нижней поворотной точки цикла за счет взаимосвязей с другими системами.

Поскольку экономика России, развиваясь в рамках общемировых тенденций становления и упадка ТЭП, является отдельной системой, обменивающейся энергией и информацией с общемировой экономической системой, а также системой научно-технического творчества, экологической системой, социальной системой и проч., время ее жизни в рамках каждого цикла испытывает риск конечности. Этот риск, как и для экономики любой другой страны, проистекает из ограниченности возможностей обмена энергией и

информацией с другими системами, из конкуренции за эти ресурсы, и в конечном счете может проявляться в потере страной своей экономической независимости.

В области вокруг точки минимума «система находится в ситуации выбора дальнейших вариантов развития … который будет осуществляться системой по критерию минимума (минимального роста) энтропии» [2, С.7].

В этой ситуации система еще есть, но ее уже как бы и нет. Или наоборот: ее еще нет, но в потенции она уже существует как один из множества равновозможных, но не равновероятных вариантов. В точке минимума в развитии системы проявляется «начало», которое есть единство «бытия» и «ничто» по Гегелю [1]. Чтобы система перешла из состояния равновероятности жизни и смерти в состояние «наличного бытия», и затем прошла все стадии качественного и количественного развития для самореализации в явлении, а затем и в идее этого явления, которое для конкретного субъекта мировой экономики есть идеология, требуется выбор. Притом выбор не автоматический (как представляется из «чистой», космополитической синергетики, когда система сама выбирает свой путь дальнейшего развития, и которой безразлично, какой «элемент» победит в этом выборе, а какой погибнет), а выбор осознанный, обусловленный интересами выживания страны и ее национального хозяйства.

По этой причиной нам представляется, что необходимо с синергетической и диалектической точек зрения рассмотреть, что придает энергию системе, сопоставление с каким внешним для себя «иным» даст ей, в частности, экономике России, черпать энергию и информацию для продолжения жизни, для продуктивного перехода через хаос, для возрождения и формирования упорядоченности, которая нарушится вхождением в точку бифуркации.

Представляется, что зарождение идеи в этот период как единства «бытия» и ничто» произойдет автоматически в разных вариантах, но задачей научного сообщества является выпестовывание зарождения идеи, которая по сути своей должна стать символом свободного творчества и продуктивной деятельности на благо процветания страны, для чего есть основания, лежащие в основах многовековой истории России.

На практическом уровне это означает, что для того, чтобы быть независимой в экономическом отношении страной, России необходимо при переходе через точку бифуркации целенаправленным образом *сформировать* в структуре своей экономики эндогенные циклы [9], соответствующие факторам-тенденциям длинных волн. До тех пор, пока экономика России колеблется вместе с колебаниями мировой конъюнктуры, задаваемыми чужим НТП, чужой энергоэффективностью и чужими ценами на нефть, чужими информационными потоками и чужими колебаниями курсов валют, отражающих денежную политику других стран, у нас будут проявляться только фоновые циклы. А воздействие на последние, например, на инфляцию или прирост ВВП непосредственно никакого эффекта не дает, потому что фоновые циклы – это следствия, а не причины колебаний. Нам надо сформировать свои собственные эндогенные циклы в структуре национального НТП, использования ресурсов и факторов энергоэффективности, информационных потоков, денежного рынка.

Здесь ключевой является проблема переосмысления роли государства в экономике.

Теория длинных волн подает мнбого поводов для размышления о роли государства в управлении экономикой. Пора признать нормативную природу этой теории.

Наши эмпирические исследования показали, что на повышательных фазах длинных волн уровень госрасходов был стабильно невысоким в первых трех волнах в США, во время кризиса верхней поворотной точки наблюдались резкие взлеты этого показателя, , после чего их уровень устанавливался на стабильно м, но существенно более высоком значении, чем в предыдущей длинной волне [5, С.125-140]. Несмотря на политику либерализации М.Тэтчер и Р.Рейгана в IVдлинной волне уровень госрасходов вырос плавно с 200 до 1600 млрд. долл. за период 1950-1995 гг., и только темп их прироста несколько снизился в 1980-1995 гг. [5, С. 132-233].

Этот пример говорит о том, что для сохранения упорядоченности системы в синергетическом плане власти США на протяжении всей истории существования станы применяли в фазе рецессии длинных волн «кейнсианские» рецепты, пытаясь сохранить, как бы мы сказали с позиций синергетики, возможность самого появления разновариантности с положительным знаком. То есть сохраняли и поддерживали варианты, в том числе научно-технического плана, которые могли бы «выстрелить» в период бифуркакции и обеспечить экономику страны новыми траекториями роста. Будучи «выпестованы» в предшествующий период рецессии, ростки нового сами создают после прохождения через точку бифуркации новые траектории, которые и формируют устойчивость системы. Последняя, будучи сформирована, уже не требует роста государственного участия в экономике, а требует только приемлемого уровня поддержки.

Если же в период рецессии госрасходы на поддержку факторов длинноволновой динамики не осуществляются, переход через минимум опять будет связан с формированием отрицательных кластеров развития – расхитительного, криминального, перераспределительного.

Поэтому интерпретировать синергетические исследования в духе тезиса «самоорнганизация сама выведет нас на кривую роста» неверно, это закон только в рамках глобальной экономики, да и то для глобальной экономики период хаоса означает как вероятность возрождения роста, так и вероятность скатывания в максимум энтропии, например, в войну.

Поэтому давно уже назрела необходимость рассматривать самоорганизацию и управление в рамках длинного цикла как диалектическеую пару: самоорганизация будет вести к уменьшению энтропии только при условии, когда предшествующее управление позволяет в экономике вызреть нескольким кластерам единства бытия и ничто, которые в виде наличного бытия выливаются не в беспорядки, социальные взрывы и войну, а в технологические траектории, новые формы денег, новые способы использования природных ресурсов, положительные практики производства информации и управления ею. На данный момент в стадии единства бытия и ничто в России находятся социальные конфликты, политические взрывы, опасность внешних войн, которые могут сорваться с контроля в период общемирового хаоса.

Высвечивая общую логику длинноволновой самоорганизации, можно утверждать, что на повышательных фазах длинной волны присутствует либерализм, тогда как на понижательных и в период депрессии – дирижизм и протекционизм. Важно здесь тоже отметить, что отпуск экономики страны «в свободное плавание» по восходящей волне цикла чреват провалом, если заранее не была проведена работа по выработке технологий и институтов новой ТЭП.

Отметим в этой связи, что применительно к экономике России В.Т.Рязанов выявил, что для циклов реформ характерно усиление либеральных тенденций на повышательных фазах мировой конъюнктуры, тогда как понижательным фазам соответствуют периоды контрреформ и усиление централизма [7, С.52-69]. Последние тенденции усиления централизма в нашей стране подтверждает это открытие, как и множество публикаций, посвященных становлению в мире и в России тенденций дирижизма после прохождения верхней поворотной точке пятой длинной волны в 2008 г [например, 3, 6, 8].

Формат данной статьи не позволяет провести анализ того, что сделано, и что не сделано в России в сфере регулирования экономикой в понижательной фазе длинной волны, хотя мы проводим такие исследования [например, 10]. Главным посылом здесь является то, что усиление роли государства в стимулировании, прежде всего, НТП для полноценного вхождения в новую ТЭП является необходимостью, доказанной историей формирования длинных волн в развитых странах и в России. Речь идет о предотвращении социальных, политических, военных конфликтов которые как единство «бытия» и «ничто» присутствуют в качестве кластеров антиинноваций в социально-экономической среде России, в то время как научно-технологические кластеры хотя и есть, но их недостаточно и они слабые. Вопрос

выживания страны зависит от того, как мы понимаем длинные волны и связанные с ними механизмы самоорганизации социально-экономической материи и идеи.

С вхождением в точку бифуркации разрушительные кластеры и созидательные кластеры, как и в прошлой длинноволновой депрессии 1990-1998 гг. получат равное право на реализацию. Подавление разрушительных кластеров. которое предпринимает сейчас правительство нашей страны, вызывает только нервозность электората и усиление негативных социально-экономических движений, порождает недоверие к власти. Требуется отход от репрессивной социально-экономической и политики и идеологии и построение идеологии созидания, которая сформируется сама, если государство покажет действенные примеры выращивания технологий, помощи в этом процессе науке и бизнесу.

Таким образом, необходимым «иным», источником внешней энергии и информации для наименее разрушительного перехода через бифуркацию для нашей страны является сфера фундаментальной и прикладной науки, достижения и текущие разработки в которых надо сейчас подключать активно, и формировать на этой основе новую идеологию творческого, технологически продвинутого общества, максимально оповещать население страны об имеющихся научно-технических заделах, оповещать предпринимателей о существующей системе поддержки бизнеса, например, через РВК, НТИ, НИС, формировать мотивационные условия для преодоления назревающих в период перехода к хаосу проявлений негативной диссипации в обществе. С материальной точки зрения необходимо укреплять связи между наукой и бизнесом и совершенствовать критерии оценки результатов экономического развития страны.

Список литературы:

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель ; [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. - Москва : АСТ : ОГИЗ, 2019. - 895 с. : ил. ; 22 см. Текст: непосредственный.
2. .Лукашевич И.В. Синергетический подход к анализу длинных волн / И.В.Лукашевич // Вестн. С.-Петербург. Ун-та. Сер. 5. Экономика, 1995. Вып 4. С. 3-11. ISSN 0288 – 755X. Текст: напосредственный.
3. Осипов Ю.М. Неодирижизм плюс неолиберализм равняется Экономика современной России /Ю.М.Осипов // Неодирижизм м модернизация российской экономики. Коллективная монография / Под ред. Ю.М.Осипова, С.Ю.Синельникова, Е.С.Зотовой. – М.: РГ-Пресс, 2014 – 176 с. С. 7-11. ISBN 978-5-9988-0269-0. Текст: непосредственный.
4. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. / И.Пригожин, И.Стенгерс. — М.: Прогресс, 1986.—432 с. Текст: непосредственный.
5. Румянцева С.Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ / С.Ю.Румянцева. СПб.: Изд-во С.-Петербю ун-та, 2003. – 232 с. ISNB 5-2888-026662-9. Текст: неполсредственный.
6. Румянцева С.Ю. Пропорции либерализма и дирижизма при стимулировании инновационного развития с учетом карты экономической конъюнктуры /С.Ю.Румянцева // Неодирижизм м модернизация российской экономики. Коллективная монография / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. – М.: РГ-Пресс, 2014 – 176 с. С. 148-165. ISBN 978-5-9988-0269-0. Текст: непосредственный.
7. Рязанов В.Т.. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство XIX-XX вв. СПб., / В.Т.Рязанов. 1998 – 800 с. ISBN 5-02-028352-5.Текст: непосредственный.
8. Хубиев К.А. Государственное участие в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма / К.А.Хубиев // Неодирижизм м модернизация российской экономики. Коллективная монография / Под ред. Ю.М.Осипова, С.Ю.Синельникова,

Е.С.Зотовой. – М.: РГ-Пресс, 2014 – 176 с. С. 18-32.. ISBN 978-5-9988-0269-0. Текст: непосредственный.

9. Rumyantseva S.Yu. Economic Matter Movement and the Mechanism of Business Cycle // TEM Journal. Volume 8, Issue 2, Pages 507-515, ISSN 2217-8309. DOI: 10.18421/TEM82-26, May 2019
10. Korostyshevskaya E., Rumyantseva S., Samylov I. Determination and realization of scientific and technological priorities of Russia in the context of globalization. Globalization and its socio-economic consequences, 17th international scientific conference. University of Zilina, Proceedings (Part III.) 3 th –56 th October 2017 Rajecke Teplice, Slovak Republic. p. 1044-1051.

Соболев Эдуард Неньевич
доктор экономических наук
ведущий научный сотрудник
Институт экономики Российской академии наук
г. Москва
edsobol@rambler.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РОССИИ: ЗАМЫСЛЫ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье дается комплексная оценка развития системы социального партнерства в России, раскрываются причины ее низкой эффективности, предлагается система мер по ее активизации. Особое внимание уделяется раскрытию роли и перспективам профсоюзов в регулировании трудовых отношений.

Ключевые слова: социальное партнерство, коллективный договор, профсоюзы, участие в управлении

В России становление института социального партнерства происходило «сверху» по инициативе государства в условиях жестокого экономического и социального кризиса 1990-х гг. «Введение» социального партнерства имело прежде всего политическое значение. Оно было призвано, с одной стороны, затушевать остроту социальных проблем периода «шоковых реформ», а с другой, сделать социально-трудовые отношения более управляемыми, амортизировать возможные конфликтные ситуации. Сегодня, по истечении почти 30 лет, можно сделать вывод, что созданная система социального партнерства не оправдала возложенные на нее надежды. Партнерство не превратилось не только в основной, но и в сколько-нибудь серьезный регулятор социально-трудовых отношений [7].

На общенациональном уровне Трехсторонняя комиссия лишь формально фиксирует решения, которые по сути уже приняты ранее властями. Там же, где комиссия проявляет самостоятельность, соглашения носят либо декларативный, либо необязательный характер. Практически отсутствует взаимодействие профсоюзов с законодательными органами власти. Не работает статья 35.1 Трудового кодекса, которая определяет обязательный порядок направления законопроектов, касающихся регулирования социально-трудовой сферы, на рассмотрение соответствующих трехсторонних комиссий. Незначительную роль играют отраслевые и региональные тарифные соглашения.

Коллективные договоры на уровне предприятий также имеет отчетливые зоны уязвимости. Во-первых, подавляющая часть коллективных договоров приходится на крупные и средние промышленные предприятия. В то же время на малых предприятиях, как правило, принадлежащих «новому» частному сектору, договоры заключается крайне редко. Согласно обследованию по проблемам трудовых отношений, проведенному Институтом экономики РАН, полностью договор не выполняется почти на половине предприятий. При

этом нарушаются чаще всего пункты, связанные с оплатой труда [5]. Во-вторых, подавляющая часть трудовой сферы остается вне сферы действия коллективных договоров, так как регулируется либо индивидуальными договоренностями, либо неформальными и негласными соглашениями. Это относится к оплате труда, а еще в большей мере к социальному пакету. Практически не встречаются договоры, которые регулировали бы максимально допустимую дифференциацию между наиболее высокооплачиваемыми и наиболее низкооплачиваемыми группами работников. Существенно расширилась практика непубличного распределения социальных льгот. Возможность для неформального регулирования заработков создается неестественно низкой для нормальной экономики долей постоянной части оплаты труда. Естественно, вне сферы коллективных соглашений остаются и широко распространенные теневые выплаты. Отсутствуют коллективные договоры, как – впрочем - и профсоюзные организации в строительном бизнесе и торговле. В целом же доля предприятий, на которых заключены коллективные соглашения, составляет менее 5% от общего числа зарегистрированных юридических лиц.

Но если на практике партнерство мало влияет на социальную ситуацию, то возникает вопрос, кто заинтересован в таком партнерстве? Как ни парадоксально это звучит, заинтересованы все субъекты социально-трудовых отношений.

Бюрократов созданное «фасадное партнерство» устраивает, поскольку оно прикрывает действующие авторитарные механизмы управления, задающие основные параметры социально-трудовой сферы. Вполне устраивает этот механизм и либеральную часть правящей элиты, которая выступает против каких-либо институциональных ограничений свободного рынка. Для либеральной элиты периферийное партнерство – максимум того, что может существовать в рыночной экономике. По ее мнению, акцент должен быть сделан на развитии системы индивидуальных трудовых контрактов, как наиболее соответствующих конкурентной рыночной среде [3].

Весьма комфортно себя чувствуют в рамках действующей системы социального партнерства и предприниматели. Образованные на рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого века объединения работодателей с самого начала были ориентированы на выстраивание «эффективных» партнерских отношений с государством, а проблема развития партнерских отношений между бизнесом и наемным трудом была отодвинута на второй план. Внутри корпораций, непосредственно на предприятиях, ни один из субъектов (даже государство) и близко не подходит по влиянию к менеджменту. Решение социально-трудовых проблем зависит не столько от активности профсоюзов (профсоюзы в современных условиях играют второстепенную роль), сколько от менеджмента, который вполне самостоятельно выстраивает внутреннюю социальную политику [1].

В рамках формального партнерства весьма уютно чувствует себя профсоюзная бюрократия, которая «на равных» ведет диалог с властью и бизнесом. В реальности же на уровне первичных организаций профсоюзы находятся большей частью под патронатом собственного менеджмента, а на федеральном уровне зависимы от власти. В результате «низы» не очень верят в эффективность профсоюзов, а профсоюзные «верхи» продолжают жить отдельной, всецело их устраивающей жизнью.

Развитие партнерства – это, прежде всего, функция спроса, а не предложения. Сегодня потребность в демократизации не испытывают те, кого оно непосредственно касается – рядовые работники. Это проявляется в том, что профсоюзы рассматриваются самими работниками не как организация борьбы за свои интересы, а как «привычная» распределительная контора.

Таким образом, основными причинами низкой эффективности действующих механизмов партнерства являются преимущественное использование властью и бизнесом авторитарных механизмов, задающих основные параметры социально-трудовой сферы; формально имитационная деятельность профсоюзов по защите интересов работников; безразличие или нежелание основной массы рядовых работников активно участвовать в защите своих интересов.

Означает ли констатация факта несбывшихся надежд – признание бесперспективности партнерства в стране? Вопрос в настоящее время - дискуссионный. Ряд исследователей выступают резко против внедрения элементов партнерства в нашей стране, считая его чем-то вроде дьявольского изобретения западных радикальных либералов [4, С.10]. Но рыночные радикалы как раз здесь не причем. На Западе партнерство – это элемент социально-рыночных концепций, близких к европейской социал-демократии. Данное понятие возникло на Западе как антипод классовой борьбе между трудом и капиталом. Изначально под социальным партнерством понималась такая форма взаимоотношений, которая обеспечивала компромисс, преодоление антагонизма интересов наемных работников и работодателей.

К сожалению, большинство из критиков партнерства ставят вопрос преимущественно в идеологической плоскости. Логика здесь незатейлива: исходная ситуация, сложившаяся в результате проводимых реформ (спад экономики, обнищание существенной доли населения, социальный и экономический антагонизм классов и групп населения и др.) не дает никакой возможности для какого-либо сотрудничества труда и капитала. Единственный выход – силовое противостояние труда капиталу, прежде всего посредством забастовок. Но этой логике с равным успехом вполне может быть противопоставлена противоположная логика: пережитый коллапс создает морально-политический фон, который заставляет искать выход из тупиков социального каннибализма на пути развития социального партнерства, в том числе при помощи мер принудительного характера.

Вообще говоря, спор о необходимости развития партнерства в России не может быть решен аргументами подобного рода, поскольку они носят в значительной мере идеологический и априорный характер. Единственный путь – это отказаться от идеологических и политических штампов, а сосредоточиться на конкретном анализе и делать вывод об экономической целесообразности использования тех или иных форм партнерства в российской практике.

Исследователи трудового права на Западе отмечают, что в странах с развитой рыночной экономикой термин «социальное партнерство» практически не используется. Отсутствует он и в официальных документах МОТ. Ему предпочитают термины «социальный диалог», «дву- или трехсторонние консультации» [2, С.682-712]. Правда, в последнее время Эксперты Международного бюро труда стали использовать термин «механизм социального партнерства», под которым они понимают следующую совокупность институтов: согласование на национальном уровне социально-экономической политики в целом, включая распределение доходов, разработку критериев социальной справедливости и мер по защите интересов заинтересованных сторон; коллективно-договорное регулирование условий и оплаты труда; участие работников или их представителей на постоянной основе в управлении предприятиями и корпорациями; постоянно действующие органы и механизмы согласования интересов социальных партнеров на различных уровнях (например, трехсторонняя комиссия на общенациональном уровне); мирные (внесудебные) методы урегулирования возникающих между сторонами разногласий и споров [7, С.15].

Таким образом, принципиальным противникам партнерства необходимо ответить на вопрос, какие конкретно его механизмы и институты неприемлемы для России. Отказ от партнерства, если он будет реализовываться на практике, будет означать и отказ от коллективно-договорного регулирования, и отказ от отраслевых и региональных тарифных соглашений, и отказ от участия персонала в управлении предприятиями и т.д. Слишком высокая цена за приверженность идеологической чистоте.

Меры по активизации партнерства. В развитии социального партнерства необходимо, прежде всего, переходить от формально-показных к реальным формам. Это развитие должно происходить одновременно на всех уровнях (предприятие – отрасль – регион – народное хозяйство в целом) и базироваться на четком разграничении полномочий между верхними и нижними уровнями в системе коллективных соглашений. При этом задачи государства по институциональному обеспечению поиска согласия не заканчиваются с формальным созданием многоуровневой системы социального партнерства. Оно должно принять

дополнительные экономические и организационные меры для принуждения субъектов социально-трудовых отношений к партнерству. В практическом плане важно создание эффективной и, главное, независимой от обеих сторон системы третейского суда (принудительного арбитража) для разрешения трудовых конфликтов [6, С.44-45].

Социальное партнерство на общефедеральном уровне должно на практике выполнять, по крайней мере, следующие функции:

- - переговоры по определению минимальной заработной платы, а в ряде случаев – выработку критериев для повышения заработной платы на уровне отрасли или предприятия в рамках общегосударственной политики доходов и занятости;
- - примирение и посредничество при общенациональных (или крупных) забастовках и конфликтах;
- - совещательная роль при обсуждении общих вопросов экономической и социальной политики.

Согласие по таким вопросам, как защита трудовых доходов от инфляции, решение проблемы невыплат заработной платы, способов и форм предотвращения всплесков безработицы образуют фундаментальную основу для расширения социального партнерства в других областях.

Особая роль в системе социального партнерства должна принадлежать регионам. Региональные тарифные соглашения, определяющие межотраслевые, межпрофессиональные, межквалификационные соотношения в тарифной части оплаты труда (если они не будут излишне детализированы) способны обеспечить более обоснованную дифференциацию заработной платы. Здесь главное – обеспечить обязательность их выполнения на всей территории региона, в том числе на предприятиях и организациях, на которых профсоюзы отсутствуют.

Следует отметить, что в данном случае опыт западных стран, где государство мало вмешивается в отношения труда и капитала, в основном наблюдая за диалогом развитых организаций и традиционно не менее сильных профсоюзов, для России не актуален. В нашей стране государство должно быть не просто скромным модератором при диалоге, а организатором и активным участником процесса. В этом смысле трипартизм – взаимодействие государства, бизнеса и работников - наиболее адекватно отражает как раз российскую потребность [8, С.267].

Профсоюзы: поиски ниши. Положение профсоюзов в социально-экономической системе российского общества двойственное. Они должны быть, с одной стороны, системными, т.е. не направленными на разрушение государства, а с другой, независимыми от власти, лоббирующими профессиональные и экономические интересы работников. Пока решить эту задачу ни профсоюзам, ни власти не удалось. Сегодня мы имеем дело с крайностями: либо сервильные традиционные профсоюзы, либо политизированные альтернативные.

Жизнеспособность и авторитет новых профсоюзов может гарантироваться только их действительной независимостью. Лишь в этом случае они способны выступать как самостоятельная сила, выражающая интересы работников, а не политические амбиции спонсоров. Политизация массовых протестных акций, подмена конкретных экономических требований партийными лозунгами чревата потерей интереса к деятельности альтернативных профсоюзов со стороны рядовых работников.

Перспективы профсоюзов на российских предприятиях связаны с ответом на ключевой вопрос, должны ли профсоюзы становиться субъектами участия в управлении предприятиями, корпорациями. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой участие профсоюзов в управленческом процессе не должно выходить за рамки, требуемые для осуществления защитных функций. Для этих целей используются коллективные переговоры, а также забастовки и другие методы давления на предпринимателей. Инструментом же соучастия работников в управлении, налаживания сотрудничества с администрацией должны выступать не профсоюзы, а органы представительства коллективов предприятий.

Конкретные формы участия персонала в управлении могут быть заимствованы у Германии, где так называемая система участия получила широкое развитие. С этой целью предлагается законодательно закрепить определенный минимум участия персонала в управлении на средних и крупных предприятиях в таких формах как производственный совет, обязательное членство в наблюдательном совете и разного рода комиссиях, закрепление определенного объема полномочий за трудовым коллективом и т.п.

Специфика современной ситуации в социально-трудовой сфере такова, что фактов, ставящих под сомнение ведущую роль профсоюзов в защите интересов трудящихся, накопилось немало. Однако достаточно убедительной альтернативной концепции (модели) социальной защиты пока не разработано и, тем более, не апробировано. Реалистический выход из положения – в отборе и систематизации всех тех элементов, которые, так или иначе, работают в различных социально-экономических системах, невзирая на их идеологическую ауру. К таким элементам можно отнести различные формы участия персонала в управлении, в том числе «в порах» корпоративного управления, развитие системы государственного контроля и государственных гарантий, индивидуализация коллективно-договорного регулирования.

Список литературы:

1. Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / Отв. ред. Шишкин С.В. – М., 2005. – 232 с.
2. Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. М., 1999. – 728 с.
3. Перегудов С. Треугольник взаимовыгодной имитации // Независимая газета. 20 марта 2007 г.
4. Проблемы и противоречия воспроизводства в России в контексте мирового экономического развития / Под ред. Черковца В.Н. – М., 2004. – 459 с.
5. Соболев Э.Н. Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 45 с.
6. Соболев Э.Н. Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 32 –36.
7. Соболев Э.Н. Социальное партнерство в России: эффективность и перспективы // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 6–20.
8. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста / рук. авт. кол. Д.Е. Сорокин; под ред. Н.Ю. Ахапкина, Л.В. Никифорова. – М.: ИНФРА-М, 2017.

Соловьев Аркадий Константинович
доктор экономических наук
Профессор Финансового университета
Заслуженный экономист России
Начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования
Пенсионный фонд Российской Федерации
Россия, г. Москва
Sol26@100.pfr.ru

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Цифровизация мировой экономики с позиций простого человека означает радикальную трансформацию системы трудовых отношений, которые имеют многовековую историю, и на практике означают замещение в перспективе всех производственных функций,

выполняемых наемным работником, машинами. В текущем столетии влияние цифровизации начинает проявляться в странах с низким уровнем экономического развития.

Ключевые слова: пенсия, пенсионное обеспечение, цифровая экономика, пенсии.

Самым «опасным» проявлением негативных результатов рассматриваемых глобальных процессов является необходимость изменения национальных пенсионных систем в части нивелирования сложившихся форм и методов пенсионного обеспечения.

Современные пенсионные системы в развитых странах, как и в нашей стране, ориентированы на реализацию страховых принципах государственного пенсионного обеспечения и были основаны на формирование пенсионных прав в период рамках трудовых отношений наемного работника и работодателя. В той или иной степени, в зависимости от уровня развития экономики и социально-трудовых отношений, страховые пенсионные системы в цивилизованных странах гарантируют всем застрахованным лицам достойный уровень материального обеспечения, адекватный их трудовому потенциалу.

Цифровая трансформация экономики неизбежно потребует радикальной трансформации трудовых отношений, и соответственно изменения институциональных принципов формирования пенсионных прав на страховой основе солидарного перераспределения экономических рисков.

Однако, как показывает многолетняя практика перестройки советской пенсионной системы, институциональные трансформации социальных и экономических отношений сопряжены с серьезными рисками ухудшения не только социального, но и экономического положения населения. Дополнительные риски для пенсионного обеспечения создают глобальные процессы ускорения старения коренного населения и рост притока мигрантов. В условиях указанных демографических рисков должно произойти резкое и достаточно быстрое свертывание рынка наемного труда, предусматривающее экономические отношения между работником с его трудовым потенциалом и работодателем. В результате этого принципиальная трансформация должна затронуть институциональные основы экономического механизма всей государственной системы материального обеспечения населения страны в нетрудоспособный период их жизни, поскольку в условиях роботизации большинства (а в последующие периоды всех) отраслей и сфер производственной и непроизводственной деятельности

В этой связи следует подчеркнуть, что в теории пенсионного страхования именно зарплата и продолжительность трудового стажа являются отправными точками для исчисления размера страховой пенсии и ее дифференциации для различных категорий застрахованных лиц. За последние 30 лет в России произошли значительные социальные, экономические и демографические изменения, которые создали серьезную нагрузку на всеобщую систему социального обеспечения, значительно сократив существующие социальные программы.

Указанные изменения в начале периода перехода страны к рыночной экономике привели к значительному снижению уровня и качества пенсионных выплат, а также к сужению охвата в основном тех категорий работников, которые заняты в неформальном секторе экономики. Значительно выросло неравенство в обществе, увеличился разрыв в уровне жизни между сельским и городским населением, а также внутри данных когорт населения. Эти негативные явления потребовали проведения целенаправленных последовательных реформ, среди которых отдельное место отводилось учреждению различных обязательных и добровольных социальных программ. В настоящее время социальное обеспечение в Российской Федерации включает целый комплекс обязательных и добровольных пенсионных программ, а также программ в области здравоохранения, материнства и семьи, на случай безработицы и производственного травматизма.

Демографическая составляющая является исходной для оценки перспектив развития пенсионной системы. Данные о численности и структуре населения являются базой для определения численности получателей пенсий и плательщиков взносов – двух ключевых

элементов системы пенсионного страхования. Демографическая ситуация в стране характеризуется крайне низкой продолжительностью жизни мужской части населения, низким уровнем рождаемости, не обеспечивающим простого воспроизводства населения, высоким уровнем смертности в трудоспособный период жизни граждан, неэффективным использованием миграционного потенциала и т.д. Это приводит к старению населения, сокращению его численности, росту нагрузки на сокращающееся трудоспособное население со стороны пенсионеров, что все более серьезно ограничивает не только текущие, но и долгосрочные перспективы социально-экономического развития страны.

Несмотря на положительную динамику демографических факторов развития страны, для устойчивого долгосрочного функционирования пенсионной системы на страховых принципах предусмотренных государственной демографической программой мер недостаточно. Финансово-экономическим следствием демографических рисков развития пенсионной системы в долгосрочной перспективе является рост нагрузки пенсионной системы на реальный сектор экономики и занятое население, с одной стороны, а также на федеральный бюджет страны, с другой.

Государственное регулирование и стабилизация рынка труда должны быть направлены, аналогично опыту западных стран, с одной стороны, на стимулирование увеличения цены рабочей силы, увеличение численности трудоспособного населения, а с другой — на более активное вовлечение этого населения в экономически активную жизнь, создание новых рабочих мест, легализацию трудовых отношений и заработной платы.

Негативное влияние демографической ситуации усугубляется неблагоприятными макроэкономическими условиями, связанными с мировым финансовым кризисом. Среди макроэкономических показателей, оказывающих наибольшее воздействие на функционирование пенсионной системы, следует выделить заработную плату занятого по найму населения, определяющую уровень жизни как занятых, так и пенсионеров.

Основной макроэкономической проблемой, негативно влияющей на стабильность бюджета ПФР, остается крайне низкая оплата труда и высокий уровень ее сокрытия, не позволяющая застрахованным лицам, с одной стороны, сформировать достаточный объем собственных пенсионных прав, а с другой — обеспечить финансирование уже накопленных обязательств перед нынешними пенсионерами.

Очевидно, что негативное влияние на пенсионные права застрахованных лиц и доходы бюджета Фонда оказывает и неравномерное распределение наемных работников по уровню заработной платы.

Наибольший разрыв наблюдался в организациях финансовой деятельности (в 20,9 раза); операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (в 20,4 раза); оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (в 19,8 раза).

Учитывая вышеперечисленные неблагоприятные макроэкономические и демографические факторы: низкий уровень заработной платы, сокращение количества работающих по найму и, напротив, увеличение числа получателей трудовых пенсий, очевидно, что для поддержания сложившегося уровня пенсионного обеспечения и возврата к принципам бюджетной самостоятельности Фонда потребуется более высокий тариф страховых взносов в размере 26%, и сниженный с 2012 г. до 22% (с компенсацией выпадающих доходов из федерального бюджета до 2019).

Таким образом, проблемы утраты Фондом финансовой самостоятельности неотделимы от экономических и демографических процессов, происходящих в стране и решать их необходимо на государственном уровне.

Управление системой ОПС в условиях усиления влияния на пенсионную систему «внешних факторов»: неблагоприятной демографии, стагнации экономики, теневого рынка труда и скрытой зарплаты при наличии проблем внутри самой системы требует проведения профессиональных актуарных расчетов.

Проведенный анализ выявил сходства и различия системы ОПС с другими сферами страхования. В первую очередь актуарное оценивание должно учитывать специфику вида страхования и специфику пенсионных схем.

Вместе с тем, те факторы, которые объединяют ОПС с системами социального страхования, является отличием от негосударственного пенсионного страхования. По сравнению с добровольным пенсионным страхованием, для системы ОПС, учитывая ее охват, существенное влияние оказывают внешние риски (демография, макроэкономика, рынок труда), анализ и оценка которых должны стать требованиями к актуарной деятельности в системе ОПС.

Уникальной особенностью системы ОПС России по сравнению со всеми рассмотренными видами страхования, а также аналогичными системами государственно пенсионного страхования за рубежом, является ее сложность и многоуровневость, а также наличие нестраховых элементов системе, обусловленных историческим наследием при переходе от системы социального обеспечения к страховой пенсионной системе.

Анализ рисков цифровизации для финансовой обеспеченности государственных пенсионных обязательств показывает, что прямого влияния старения населения на увеличение численности пенсионеров и тем более на рост расходов бюджета ПФР и федерального бюджета не наблюдается. Причина современных и будущих проблем финансовой сбалансированности бюджета заключается в том, что пенсионная система в современных условиях полностью интегрирована в экономику и все ее экономические параметры в первую очередь зависят от уровня развития экономических отношений между участниками пенсионной системы. Демографические факторы (продолжительность жизни, гендерная структура, динамика рождаемости) могут выступать только как ограничители для реализации экономических отношений участников пенсионной системы.

Критерием формирования пенсионных прав в рыночных трудовых отношениях является принцип учета «трудового вклада» каждого пенсионера в государственную пенсионную систему путем механизма страхования заработка/дохода каждого работника в течение всего периода трудоспособной жизни. Количественными критериями измерения этого трудового вклада в страховой пенсионной системе общепризнаны показатели трудового стажа и заработной платы/дохода.

Трансформация пенсионной системы на страховые экономические механизмы наряду с позитивными сдвигами (расширение условий дифференциации размеров пенсии, отказ от нормативного стажа, выбор пенсионных солидарных или накопительных пенсионных программ и т.д.) сопровождается радикальным изменением в бюджетно-финансовом обеспечении накопленных государственных пенсионных обязательств. При этом пенсионная система как общественный институт должна быть встроена с одной стороны в государственную систему управления в части бюджетного планирования, а с другой учитывать весь комплекс социально-демографических факторов, что делает ее полностью зависимой от всех факторов, определяющих как макроэкономическое развитие страны, так и демографические процессы

Следует подчеркнуть, что дефицит пенсионных прав наиболее сильно сказывается на застрахованных лицах младших пенсионных возрастов 16-25 лет практически без гендерных различий. В то время как в старших возрастах доля численности застрахованных лиц трудоспособного возраста, не формирующих пенсионные права начиная с 2002 г. составляет 12-13%, причем с значительным превышением у мужчин. Рост хронической незанятости наиболее негативно сказывается не только на объемах пенсионных прав застрахованных лиц, но и на сокращении страховых доходов пенсионного бюджета [1, С.50].

Численность застрахованных лиц трудоспособного возраста, не формировавших пенсионные права в отчетном году (т.е. величина текущей незанятости), возросла с 19 млн.чел. в 2002 г. до 31 млн.чел. в 2017 г. или на 62,5%. Доля незанятых застрахованных лиц трудоспособного возраста увеличилась за 10 лет с 25,6% до 35,3%.

Еще один экономический аспект незанятости, который в условиях цифровой экономики создает риски сокращения охвата государственным пенсионным страхованием застрахованных граждан, и является все более заметным фактором недополучения доходов бюджета ПФР – это занятость в течение года.

Анализ показывает, что из общего числа наемных работников полный год заняты только 68% женщин и 60% мужчин. Остальные работают менее года. Более того, 9% работавших в 2011 г. женщин и 12% мужчин в течение года были заняты менее 6 месяцев.

Из общего числа застрахованных лиц трудоспособного возраста около 14,4 млн. за период с 2002 по 2011 гг. официально не были заняты и не уплачивали взносы. Их доля в численности зарегистрированных в СПУ лиц этого возраста составила 16,4% Без учета неработающих получателей трудовой пенсии по инвалидности численность лиц трудоспособного возраста, не имеющих страхового стажа с 2002 г. (т.е. незанятых в течение полного 10-летнего периода), составила в расчете на 2019 г. 12,7 млн. чел. Для оценки потери пенсионных прав застрахованных лиц от хронической незанятости следует рассмотреть их возрастные группировки. Так, не имеют ни одного дня стажа за период 2002-2019 гг.:

- застрахованные лица, которым до достижения пенсионного возраста осталось 10-15 лет, - 14,4% мужчин и 11,6% женщин;

- застрахованные лица, которым до пенсии не более 5 лет - 15,2% мужчин и 12,1% и женщин.

Очевидно, что данная категория застрахованных лиц в оставшееся до пенсионного возраста время не успеют выработать необходимый стаж и станут получателями социальных пенсий по государственному пенсионному обеспечению спустя 5 лет после достижения общеустановленного пенсионного возраста. В долгосрочной перспективе это приведет к росту числа бедных пенсионеров, которые потребуют целевого финансирования за счет средств федерального бюджета.

Решение стратегической задачи – долгосрочной сбалансированности и устойчивости пенсионной системы может быть достигнуто только при осуществлении комплекса мероприятий как в самой пенсионной системе (параметрической настройке ее нестраховых сегментов), так и внешних – макроэкономических факторов функционирования пенсионной системы. При этом главное направление «предотвращения демографической угрозы старения» для роста нагрузки на федеральный бюджет заключается не в секвестировании их пенсионных прав различными методами, а в создании объективных условий на рынке труда для реализации трудовых прав граждан на занятость и, соответственно, на зарабатывание собственных пенсионных прав в солидарной страховой пенсионной системе [2].

Анализ современной практики реализации пенсионной реформы показывает, что ее эффективность зависит не только от страховой оптимизации самой пенсионной модели, но в большей степени – от демографических рисков, которые сопровождают весь долгосрочный период пенсионного страхования. Риски цифровизации экономики для развития пенсионного обеспечения проявляются в резком сокращении потребности в участии населения в трудовых процессах и активном «вытеснении» и замещении человеческого труда из производственных процессов. Это означает сокращение трудовой занятости и необходимости изменения системы трудовых отношений как экономического механизма распределения результатов труда между работодателем (получение прибыли) и работником (получение зарплаты).

Список литературы:

1. Соловьев А.К. Эконометрический анализ условий повышения пенсионного возраста// Проблемы теории и практики управления. – 2017. - № 2. - С. 47-57.
2. Соловьев А.К. Исследование влияния неформальной занятости на сбалансированность бюджета ПФР и формирование пенсионных прав работника // проблемы теории и практики управления. – 2017. – С. 54-64.

Солод Татьяна Валерьевна
кандидат экономических наук, доцент
Ростовский государственный университет путей сообщения
Южный федеральный университет
Россия, г. Ростов-на-Дону
tatiana.solod2011@yandex.ru

ТУРИСТСКАЯ ОТРАСЛЬ В СТРУКТУРЕ «НОВОЙ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОГНОЗЫ

Аннотация. Российская Федерация находится на пути развития, стараясь всеми способами занять достойное положение на мировой арене и достичь устойчивого экономического роста. Выбранный путь ставит перед правительством задачу пересмотра и постоянного совершенствования мер экономической политики, которая была выбрана для достижения поставленных целей. Периодически происходит пересмотр «опорных» точек экономической политики и проводится смена методов и подходов управления экономикой, что привело к ряду положительных результатов, но добиться устойчивого роста экономики так и не позволило. В аспекте поиска наиболее «успешных» вариантов развития российской экономики, в рамках статьи остановлено внимание на возможностях развития туристской отрасли, построен прогноз внутреннего и въездного туристских потоков, сформирован перечень возможных путей развития национальной туристской индустрии.

Ключевые слова: туристская отрасль, экономическая политика, прогноз, внутренний туристский поток, въездной туристский поток, возможности развития.

В аспекте формирования и закрепления новых путей развития российской экономики, все чаще обращают внимание на отрасль туризма, становление которой несет в себе весомый перечень положительных следствий для страны. Так, динамичное развитие въездного и внутреннего туризма способствует развитию других отраслей экономики: торговли, транспорта, гостеприимства, производства товаров народного потребления, сельского хозяйства, строительства, питания и других. Экономическая эффективность туризма предполагает, что туризм должен развиваться параллельно с другими отраслями экономики. Также следует отметить, что положительное влияние туризма на экономику страны происходит только тогда, когда туризм развивается всесторонне, то есть не превращает экономику страны в экономику услуг и не наносит ущерб развитию других отраслей. Въездной туризм является наиболее экономически совершенен для принимающей страны, поскольку его функционирование способствует привлечению денежных средств. Доходы от туристской деятельности стимулируют развитие не только экономики страны в целом, но и региональной экономики. Туристы, приезжая на территорию, предъявляют потребительский спрос на разнообразные товары и услуги. Специфика туристского потребления состоит в том, что не товар доставляется потребителю, а потребитель-турист прибывает к месту производства и потребления товаров и услуг. Именно через потребление туризм стимулирует хозяйственную деятельность страны или отдельного региона. Увеличиваются доходы гостиниц, предприятий питания, транспортных предприятий, спортивных объектов, учреждений культуры и т.д., стимулируется развитие сервиса предприятий бытового обслуживания, связи, автосервиса. Повышается спрос на сувениры и изделия местных ремесел, что служит целям рекламы данного региона. Возрастает товарооборот предприятий торговли как специального, так и общего назначения.

Можно четко сказать, что туризм практически не подвержен кризисам экономических систем. Была сделана попытка рассмотреть, есть ли в мире опыт того, что бы туризм был опорой экономического развития, или хотя бы был в приоритете. Итог исследования представлен в таблице 1.

Таблица 1

Страны, выбравшие туризм как «точку» опоры

№ п/п	Страна	№ п/п	Страна
1	Камбоджа	15	Испания
2	Гонконг	16	Турция
3	Индонезия	17	Маврикий
4	Макао	18	Сейшельские острова
5	Малайзия	19	Новая Зеландия
6	Мальдивские острова	20	Сингапур
7	Филиппины	21	ОАЭ
8	Бразилия	22	Южная Корея
9	Мексика	23	Шри-Ланка
10	Греция	24	Тайланд
11	Вьетнам	25	Хорватия
12	Аргентина	26	Мальта
13	Болгария	27	Португалия
14	Египет	28	Марокко

Список стран, представленный в таблице 6, довольно многообразен, если с островными государствами все более или менее ясно, такие страны как Турция и Египет тоже понятны, а вот то что, например, в этом списке делают, например, Сингапур и Южная Корея стоит рассмотреть. Сингапур в целом уникальный случай, но мало кто знает, что при формировании государства в качестве приоритета был выбран именно туризм, который в принципе успешно развивается, при поддержке правительства страны, до сих пор. Интересен опыт Южной Кореи, страна смогла развивать внутренний туризм используя стратегию региональной специализации. Ряд азиатских государств успешно используют отрасль туризма в качестве инструмента регулировки цен на внутреннем рынке (Тайланд). Бразилия, по экономике которой сделаны наилучшие прогнозы развития на долгосрочную перспективу, также не собирается отказываться от туризма, и реализует целевую программу поддержки отрасли.

Последние несколько лет туризм входит в список приоритетов для национальной экономики, было предпринято довольно много усилий, чтобы вывести туристскую отрасль «из тени» нефтяной и газовой промышленности. В частности, Правительство РФ в лице уполномоченных органов власти проводило следующие основные мероприятия:

- совершенство отраслевого законодательства;
- создание механизма стабилизационных финансовых фондов в области выездного туризма;
- использование финансовых рычагов (дотации, субсидии и пр.);
- развитие процессов кластеризации по территории страны;
- поддержка развития отдельных регионов России (Краснодарский край, Республика Татарстан);
- проведение мероприятий международного уровня (Олимпиада, Чемпионат мира по футболу);
- модернизация транспортной инфраструктуры и пр.

На сайте Ростуризма выделены основные направления и меры развития туризма в России, что представлено в таблице 2.

Таблица 2

Основные направления и методы развития туризма в России

№ п/п	Направление	Методы
1	Повышение доступности и улучшение потребительских свойств отечественных туристских продуктов	Чартеры
		Пакетные туры
		Сотрудничество с РЖД
2	Развитие инфраструктуры	Реализация ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ» 2019 – 2025 гг.
3	Диверсификация туристских предложений	Соглашения с ФОИВ и бизнесом
		Развитие туристических маршрутов
4	Повышение качества туристского сервиса	Обучение
		Сертификация
		Аттестация
5	Повышение прозрачности рынка	Изменения в законодательстве
		Ведение реестров
6	Повышение информированности туристов	СМИ
		Социальные сети
		Нацпортал Russia.Travel
		Туристический бренд России

В целом проведенные мероприятия имеют довольно высокие положительные результаты, выраженные в росте объемов внутренних и въездных туристских потоков (рис. 1). [1]

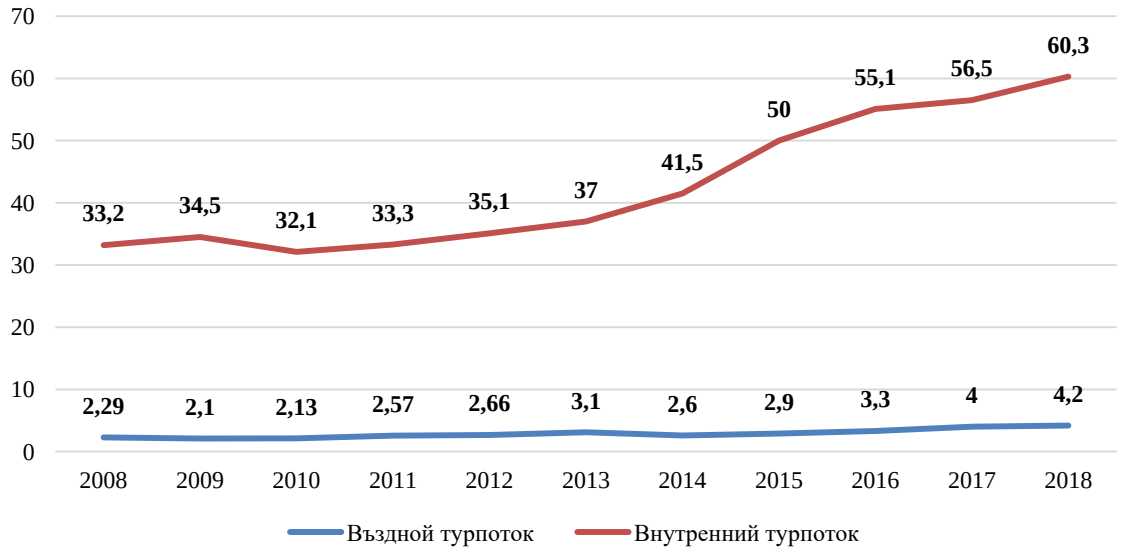

Рисунок 1 – Динамика внутреннего и въездного туристских потоков (млн.), 2009 – 2018 гг.

Как видно из данных рисунка 1, средний рост внутреннего туристского потока за указанный период составил – 7%, а въездного – 6%, что в целом подтверждает прогноз, сделанный в отношении России международной организацией ЮНВТО (в отношении внутреннего туризма). Статистика позволяет говорить о том, что в ситуации с въездным

туристским потоком ситуация далеко не так хороша, как хотелось. Количество туристов, пересекающих границу РФ именно с туристскими целями минимально для страны с таким высоким туристским потенциалом, кроме того, динамика изменения данного показателя в различные годы носила отрицательный характер.

Если применить метод экстраполяции, и заложить выведенные средние показатели прироста внутреннего и въездного туристского протока за базовый показатель, то это позволит сформировать прогноз изменения указанных категорий на период до 2030 года (рис. 2).

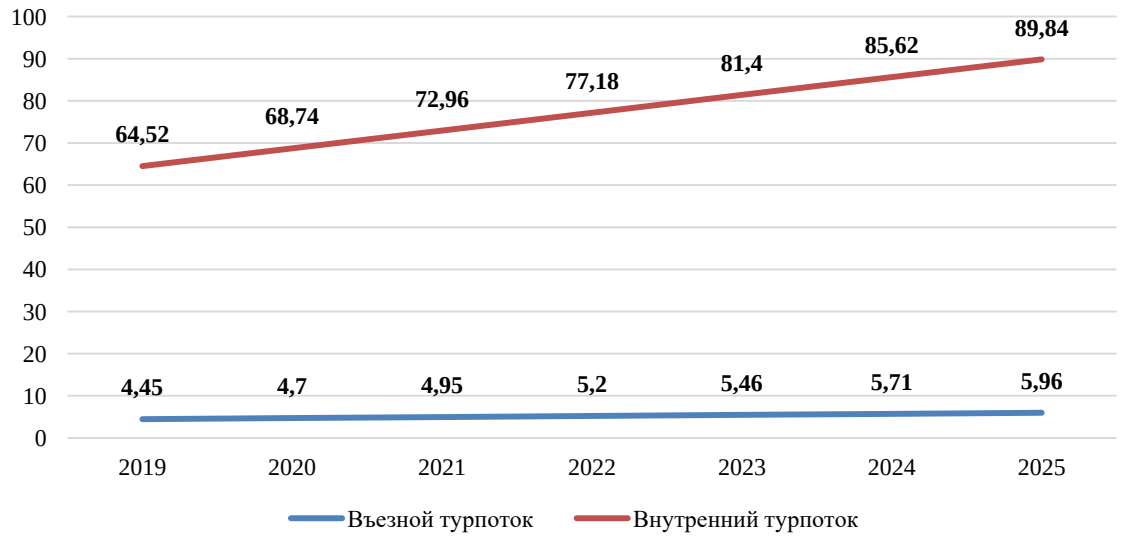

Рисунок 2 – Прогноз развития внутреннего и въездного туристских потоков (млн.), 2019 – 2030 гг.

Полученные результаты показывают, что к 2025 году нам не удастся достигнуть признанных лидеров международного туристского рынка – Францию, Испанию и США, что представляется дискуссионным вопросом для страны с огромным культурным, природным и историческим потенциалом.

В таблице 3 представлены основные страны лидеры мировой туристской индустрии на текущий момент времени.

Таблица 3

Страны-лидеры мировой туристской индустрии

Страна	Количество туристов в 2018 году, млн.	Количество туристов в 2017 году, млн.	Количество туристов в 2016 году, млн.
Франция	88,9	86,9	82,7
Испания	82,2	81,8	75,3
США	72,9	76,9	76,4
Китай	59,3	60,7	59,3
Италия	58,7	58,3	52,4
Мексика	39,3	39,3	35,1
Турция	39,9	37,6	30,3
Великобритания	38,7	37,7	35,8
Германия	37,6	37,5	35,6
Таиланд	34,7	35,4	32,6

Исходя из данных таблицы 3, можно сделать вывод, что почти все страны-лидеры продемонстрировали положительную динамику посещаемости в 2018 году – в среднем + 5 % в год. В целом, при реформировании государственной системы стимулирования туристской отрасли в нашей стране, можно опираться на опыт именно этих стран в первую очередь.

Столь незначительные перемены туристской отрасли выявленные в разрезе развития мировых туристских дестинаций говорят о том, что несмотря на, казалось бы, большой перечень мероприятий по поддержке туристской отрасли в нашей стране, все-таки что-то происходит не так. Рассмотрим, основные сдерживающие моменты развития туристской отрасли в стране, с особым акцентом на въездном туризме. [2]

1. Не смотря на большие усилия правительства страны в сфере нормотворчества, так были внесены существенные изменения в ФЗ № 132 «Об основах туристской деятельности», и сформирована перспективная ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ, 2019 – 2025 гг.», остается не рассмотренным вопрос визового режима РФ в отношении иностранных государств в сторону его упрощения. С одной стороны, практики туристской отрасли утверждают, что не стоит вносить послабления в визовый режим страны, поскольку визы России в основном получают граждане государств, которые также имеют встречные визовые условия для россиян. Но, с другой, Россия не в тех условиях, чтобы диктовать свои визовые правила, поскольку иностранные туристы – это прямые вливания в федеральные и региональные бюджеты, а темпы их прироста незначительны. Кроме того, у России визовый режим установлен в отношении практически всех стран Европы, которые по географическому положению и возможностям транспортировки самые перспективные.

2. Отсутствие адресной рекламной компании по продвижению России как туристской дестинации на иностранных рынках. Находясь на территории иностранного государства, очень редко можно увидеть рекламную продукцию или акцию по продвижению туризма в отношении России, чего нельзя сказать про другие страны. Даже на российском телевидении можно увидеть проморолики стран направленных на привлечение туристов (Чехия, ОАЭ, Китай и пр.). На первый взгляд отсутствие указанного механизма продвижения туризма в России можно рассматривать как результат недостатка финансирования, но с другой, отмечая денежные суммы, выделенные на поддержку туристской отрасли, дело скорей в невысокой степени заинтересованности в продвижении въездного туризма. То есть интерес не такой высокий, каким его хотят показать власти.

3. Несоответствие прописанных ориентиров развития туризма в стране реализуемым на деле мероприятиям. Так, например, в ФЦП одним из перспективных видов туризма выделен – речной, но за последние 10 лет не произошло существенных модификаций ни в инфраструктуре, ни в формировании работающих механизмов его развития. Пропагандируемый кластерный подход к развитию туризма, для многих регионов стал высоким грузом ответственности в силу отсутствия эффективных управленцев. К сожалению, стоит отметить тенденцию к тому, что перспективные планы и мероприятия остаются таковыми только на бумаге, и на практике практически не реализуются. Большая часть функционирующих туристских кластеров в России, получили свое развитие благодаря частной инициативе и инвестициям.

Выделенные моменты сдерживания туристской отрасли требуют немедленного рассмотрения и реагирования, поскольку чтобы достичь уровня мировых лидеров туристской индустрии, необходимо развиваться более быстрыми темпами чем они. Никто не будет ждать пока Россия разберется со своими внутренними проблемами, необходимо пользоваться имеющимся на текущий момент времени спросом на российский туристский продукт со стороны иностранцев, поскольку их предпочтения очень быстро меняются, и с каждым днем появляется все более «интересные» туристские дестинации.

Проведение исследования позволило сформировать основные перспективные пути развития внутреннего и въездного туризма в стране, которые представлены на рисунке 3.

Рисунок 3 – Возможные пути развития внутреннего и въездного туризма

Соответственно, можно говорить о большом перечне путей для развития туристской отрасли, которые к сожалению, до конца не использованы и требуют учета. К сожалению, даже нормативно прописанные направления развития туристской отрасли, соответствующие реалиям современного развития туризма в мире, во многом остаются на бумаге. Ориентация на поддержку туристской отрасли в стране, позволит со временем превратить ее в реальную силу, способную поддерживать народнохозяйственную систему в периоды спадов и кризисов, поскольку именно туризм признан отраслью практически не подверженной им. Россия действительно обладает огромным потенциалом, правильное распоряжение и управление им позволит обеспечить стабильный приток денежных средств в экономику и повышение благосостояния общества.

Список литературы:

1. Григоренко Т. Н., Солод Т. В. Оценка взаимосвязи между показателями въездного туризма: эконометрический подход // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1 (46). С. 143–148.
2. Молчанова Т.К., Латушко Н.А., Рубан Д.А. Диспропорции российской индустрии туризма и гостеприимства: инновационные и пространственные аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2018. №3. С. 41 – 46.

Старостин Александр Михайлович
доктор политических наук, профессор
директор ИМИГПиГ,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Россия, г. Ростов-на-Дону
amstar2912@mail.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВОЛНЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация.

В статье подчеркивается все возрастающий удельный вес в массе инновационных действий и продуктов инноваций гуманитарной природы. Автор, выделяя

крупномасштабные (глобальные) волны инновационного развития, отмечает относительную самостоятельность таких их кластеров, как геополитический, геоэкономический, геоантропологический, геоэкологический (глобальный кватернион). Ключевым аспектом смены глобальных инновационных волн выступают стратегии глобального развития, обозначившиеся в XX – начале XXI вв. (устойчивого экономического роста, устойчивого развития, устойчивого роста человеческого капитала). Отмеченные тенденции преломляются применительно к развитию современной России.

Ключевые слова: глобальные инновации, гуманитарные инновации, глобальный кватернион, стратегии глобального развития.

В современных публицистических, научных, экономических, политических публикациях, комментариях все большее внимание уделяется инновациям и инновационной деятельности. Это уже не столько «общее место», сколько настоятельное требование и где-то стандарт, которому должна удовлетворять любая деятельность, если она претендует на статус современной, конкурентоспособной, эффективной.

В общесоциальном и философско-культурологическом ключе «Инновации – нововведения, понимаемые в контексте общей тенденции вытеснения традиционных, архаичных и кустарных форм деятельности рационально организованными… Со 2-й половины 20 в. в развитых странах практики инноваций становятся не только господствующей социокультурной установкой, но и особой профессией» [1, С.121–122].

В мировой практике (а в последние годы и в отечественной) в течение последних десятилетий с нарастанием утверждается деятельность, направленная на поддержку и использование инноваций.

В области осмысления сущности, описания истории и современного состояния инновационной деятельности существует ныне обширная литература, в которой истоки понимания значимости инноваций связывают с именами Г. Менша, Н. Кондратьева, Й. Шумпетера, А. Клайнкнехта, К. Фримана, Дж. Кларка и др. [2, С.18–47]

Вполне естественно, что в эпицентре и научного, и политического внимания оказываются прежде всего те виды инновационной деятельности, которые дают быстрый и значимый экономический эффект. Поэтому зачастую и трактовка инноваций ограничивается научно-технической, технико-технологической сферой, связанной с быстрыми изменениями в экономическом развитии или вообще, обусловливающей смену доминирующего технологического уклада [3, С.70–97; 4; 5].

В качестве примера важнейших социально-гуманитарных инноваций 2-й половины XX в. – начала XXI в. (по экспертной оценке) приведем следующие:

- ✓ концепция и технологии формирования социального государства;
- ✓ концепция, технологии и практики ненасильственных действий;
- ✓ технологии и инструментарий программирования поведения в организациях и базовых видах деятельности (PR, HR, GR, НЛП и т.д.);
- ✓ сервисная модель государственного управления («гибкая власть»), её реализация в технологиях «электронной демократии», «электронного правительства»;
- ✓ программа мультикультуризма и формирования толерантной межнациональной среды;
- ✓ концепция и политический проект гуманизации отношений к человеку и различным группам меньшинств со стороны государства и местных обществ (права человека, права женщин, права детей, права пожилых людей, права безнадежных больных и др.);
- ✓ создание технологий нескольких поколений индустрии развлечений, включая виртуальную (компьютерную) реальность;
- ✓ разработка и продвижение через Internet различных сетевых моделей социального и профессионального взаимодействия и ряд других.

Заметим, что и классическая, и неклассическая гуманитарная инноватика, в основном носит объектоцентрический характер, в рамках которого разрабатываются и используются технологии воздействия на массы, большие группы, рассматриваемые как объекты управления, объекты манипулирования[13]. Тем не менее, со стороны субъекта, использующего социально-гуманитарные инновации, весьма важной выступает ценностно-целевая составляющая (см. схему 1).

Ценностно-целевая направленность
социально-гуманитарных исследований (СГИ)

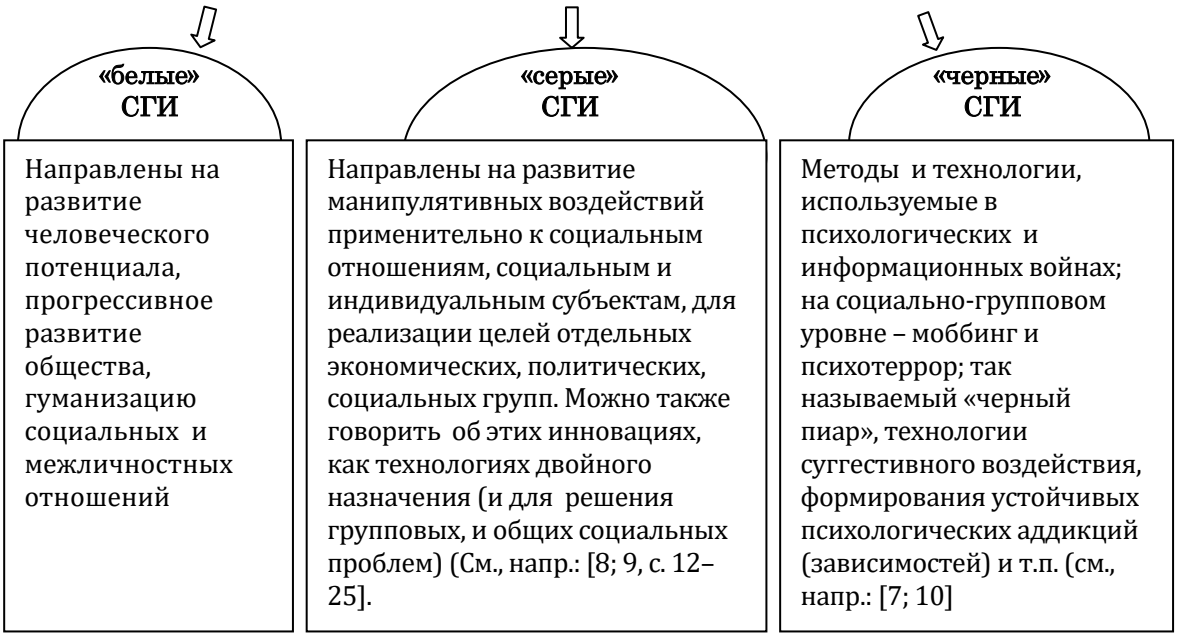

Схема 1

Следует отметить, что в системе социально-гуманитарных и когнитивных инноваций (как, впрочем, и в сопряжении с технико-технологическими инновациями) велика роль философского знания и философских исследований, продуцирующих не только новую методологию, но и новые смыслы, ценности, способы понимания мира, человека, техносферы.

Важными аспектами трансфера социально-гуманитарных инноваций выступает их масштабность и синхронизированность (прямая или косвенная) с трансфером научно-технических и экономических инноваций. Целесообразно, имея в виду указанные аспекты, рассматривать в системе геополитические, геоэкономические, геоэкологические и геоантропологические кластеры инноваций. Итог их взаимодействия может рассматриваться как ***глобальный кватернион*** взаимосвязанных глобальных инноваций.

Отметим вкратце основные инновационные особенности и характеристики указанного кватерниона. Итак, кластер ***геополитических инноваций.***

Прежде всего, это переход от системы глобальной иерархии, сложившейся и функционировавшей четверть века и связанной с распадом СССР и социалистической системы, что получило название «однополярного мира». В настоящее время формируется полиархическая система, связанная с существенным укреплением экономического и военного потенциала Китая, а также Индии и изменением политических притязаний России. Все это может быть названо устремленностью к ***глобальной демократии***. На очереди становление новых международно-правовых и международно-финансовых отношений, что

[13] Касательно современных манипулятивных воздействий в отечественной литературе есть весьма подробные разработки – см., например: [6; 7].

может также занять 25-30 лет. Но в итоге сформируется политико-экономическая платформа нового этапа глобализации (см. подробнее: [11]).

Не следует также упускать из вида, что глобальные экономические и политические процессы сопровождаются и балансируются сопряженным ***процессом государствообразования***. За период с конца 40-х годов (около 65 лет) число государств в мире выросло более чем втрое. Государствообразование этого периода включает две интенсивные волны: послевоенную, связанную с распадом колониальной системы Запада и постсоветский период, связанный с распадом СССР и восточно-европейской социалистической системы. Именно государствообразующий процесс способствовал продвижению к глобальной демократии посредством ускоренного развития новых крупных государств и образования новых государственных союзов, не связанных с геополитическими и геоэкономическими мотивами и интересами, сложившимися под влиянием стран Запада.

Геоэкономический инновационный кластер связан с интенсивным процессом ***глобальной экономической перестройки*** [12], основные проявления которой сводятся к следующим направлениям:

- в технологическом плане – это четвертая промышленная революция (по Клаусу Швабу [13] или, о чем чаще говорится в отечественной экономической литературе – переход к 6-му технологическому укладу, вытекающему из кондратьевских циклов [14, 15]. И в том, и в другом случае говорится о начале 20-х годов XXI в. и сюда включают такие базовые технологические новшества, как освоение технологий квантовых вычислений и искусственного интеллекта (ИИ); Интернета вещей (ИВ); трехмерной печати; создание мощных нано- и биотехнологических отраслей; «зеленая экономика»; новая (микрокосмическая и макрокосмическая) энергетика; создание транспортной инфраструктуры, базирующейся на новых энергетических носителях;
- в финансово-экономическом плане – это преодоление расширяющегося разрыва между реальной глобальной экономикой и финансовой сферой через посредство инфосферы и информационных регулятивов рыночных обменов [16];
- глобальная капитализация человеческих ресурсов (многопараметрическая) и, в частности, рост социальной сферы, что явно обозначилось в странах ЕС, на которые уже приходится около 60% совокупного мирового объема социальных расходов при менее 10% населения мира [17, С.31-32];
- формирование геокосмической экономической инфраструктуры [18, С.115-121];
- формирование эколого-экономической сферы (производство замкнутых и открытых экологических макро- и микросред).

К этому необходимо добавить глобализацию и синхронизацию развития научно-инновационных процессов, прежде всего, сопряженных с ***глобальной цифровой инфосферой***, что проявляется в:

- формировании глобальной инфосферы как суммы инфомиров с атрибутами самоорганизации и саморазвития, и перемещении туда научно-экспериментальной и проектной деятельности как базовой области практического опыта и его верификации (альтернативная когнитивистика) (см. подробнее: [19, с. 163-165]); освоение новых фрагментов фундаментальной реальности и установление сопряжений (не только когнитивных) между этими областями и инфореальностью;
- концентрации научно-инновационных процессов на сохранении и приумножении человеческого потенциала, и поддержании потенциала самоорганизации глобального социума;
- формировании новой волны военно-технологической и военно-политической революции, позволяющей парировать, купировать и элиминировать возможности оружия массового поражения; перемещение военной конкуренции в область инфосферы (когнитивное оружие, кибероружие) [20].

Отмечая новые тенденции геоэкономического развития, следует подчеркнуть как их эволюционную, так и конкурентно-конфронтационную проекцию. На последнем аспекте особо останавливаются известные авторы Р. Блэквилл и Дж. Харрис в своей монографии «Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управлять государством» [21]. Они подчеркивают значимость семи наиболее задействуемых в этом ключе направлений и соответствующих технологий глобального уровня: торговую политику, инвестиционную политику, экономические санкции, киберсферу, финансовую помощь, денежно-кредитную политику, энергетическую и сырьевую политику.

Мощным фактором становления нового этапа глобализации и нового глобального культурно-антропологического контекста выступают ***цивилизационные факторы***, возобновление локально-цивилизационной динамики. На это повлияло как изменение баланса отношений крупнейших государств и новых государственных объединений (США и ЕЭС, Китай, Индия, Россия, страны Ближнего и Среднего Востока), так и девальвация объединяющего потенциала крупнейших идеологических систем (национал-социализм, коммунизм, либерализм). Ныне, наряду с христианско-протестантскими началами, которые продолжают занимать ведущее место в ценностно-цивилизационном ряду, усиливается влияние конфуцианско-буддийского комплекса, палитры исламских религиозно-ценностных комплексов, а также православно-христианских цивилизационно-духовных начал [22, С.511–518].

Следует подчеркнуть ныне четко обозначившееся существенное воздействие на становление нового глобального контекста таких ***культурно-антропологических факторов***, которые связаны, прежде всего, с очень высокой динамикой в прохождении населения многих стран мира, макрорегионов основных ценностно-мотивационных ступеней в процессе первичной и вторичной социализации. Прежде всего, это выход основной массы человечества за период после Второй мировой войны на ступень массового материального потребления и некоторой части населения мира (до 15-20%) – на ступень личностной и духовной самореализации и духовно-культурных приоритетов в массовом потреблении.

Можно предположить, что последующие 25-30 лет (жизнь одного поколения) приоритеты духовно-личностной самореализации станут нормой не только для элитного и среднего слоя, но и распространятся в массовом слое, что, скорее всего, отразится и на приоритетах глобальной экономики, а также будет связано со становлением новых технологических укладов и их задействованием на обеспечение мотивов и потребностей высокого уровня.

Впрочем, данные процессы протекают не только неравномерно, но, зачастую в парадоксальных формах макросоциального развития, генерируемых на стыке разных цивилизационных ступеней развития и направленных на устранение межступенных барьеров через социальный взрыв, скачок, таких как: демографический взрыв, миграционный взрыв, гендерный взрыв, экстремистско-террористический взрыв. Это сочетается с задействованием глобальных инноваций для поддержания этих новых девиационных кластеров и «пузырей» массового иждивенчества, что приводит к застреванию на уровне низких мотивационно-потребительских ниш, культивированию традиционных и архаических субкультур. Данные проявления требуют подробного рассмотрения не только в парадигме расширения социокультурного разнообразия, но и рисков глобального развития, связанных с переизбыточным заполнением уже «заполненного» (по выражению классиков Римского клуба), или относительно «заполненного мира». Это то, что тормозит переход к социальным укладам, делающим мир вновь «пустым» или «незаполненным».

Что касается ***геоэкологической проблематики***, то она находилась постоянно в течение более полувека в поле зрения крупных научных и экспертных организаций, таких как Римский клуб. В отечественном исполнении они объединялись усилиями ряда крупных исследователей (Н. Моисеев, В. Александров, В. Данилов-Данильян, А. Урсул, М. Будыко, Н. Реймерс, Э. Кульпин, О. Яблоков, А. Назаретян, В. Грачев, О. Яницкий и др.) и

организаций (Российская академия экологии, факультет глобальных процессов МГУ, Российское философское общество и др.).

Наиболее значимые коллизии инновационного порядка здесь наметились в связи с коррективами, вносимыми в известную концепцию (доктрину) устойчивого развития. А также в связи с потребностью скоординированного, и в том числе, междисциплинарного взгляда на социально-экологические процессы в период изменения глобальной динамики, обусловленной сменой экономико-технологического уклада и перенормировкой геополитических процессов (см. также: [23, с. 203–208; 24, с. 183–201; 25].

К сказанному нужно добавить то, что репрезентированные кластеры глобальных инноваций, сконцентрированные в рамках упомянутого их кватерниона, так или иначе втягиваются в соответствующие стратегии глобального развития.

При всем уважении к наиболее популярной стратегии устойчивого развития, учитывая концепцию Н. Кондратьева [26, С.5–13], следует подчеркнуть наличие и других стратегий. Одни из них доминировали на этапе бурного индустриального развития, другие только заявили о себе. Подчеркнем их наличие и значимость в современной глобальной динамике.

(1) Еще в 60-70-е гг. XX в. доминантой в выборе приоритетных моделей социально-экономического развития можно было рассматривать философию безопасности и развития в условиях ***устойчивого социально-экономического роста***. С тех времен, пожалуй, лишь Индия и Китай из числа крупных государств сохранили такой общий подход к развитию, что, с одной стороны, вызывает в некоторых кругах удивление и даже несогласие, поскольку, например, экономика КНР за счет этого занимает все более заметные позиции в мировой экономике. В то же время китайский феномен ускоренного экономического роста порождает и тревогу о быстром приумножении факторов риска в глобальной эколого-социальной системе.

(2) Начиная с 90-х гг XX в. вступила в пору философия безопасности и развития в условиях устойчивых глобальных межсекторных балансов и рисков, связанных с их нарушением. Это ***доктрина «устойчивого развития»***, которая продолжает доминировать и поныне. Однако ныне возникли значительные сомнения по истечении четверти века попыток ее утвердить.

(3) С нашей точки зрения, о чем уже отмечалось выше, зарождается новая философия безопасности и развития на пороге зарождения тенденций глобальной эволюционной диатропики[14], обусловленной нарастанием влияния локально-цивилизационных систем. В этих рамках все более явственно заявляет о себе доктрина устойчивого ***роста глобального человеческого капитала (потенциала)***, активно поддерживаемая в последние 12-15 лет ООН и как генерализирующая общий диатропический поток. В итоге речь следует вести о сопоставлении разных моделей глобальной социальной эволюции в общем потоке современной глобальной динамики, ориентированной на социально-антропологические приоритеты.

И в заключение о России. Ее место в глобальной динамике зависит в первую очередь от полноты обладания ею государственным и локально-цивилизационным суверенитетом. Если в геополитическом ракурсе Россия обладает практически полным суверенитетом, то в экономическом этот уровень не более 25–30 %. А по социокультурным основаниям общество определенно расколото на несколько кластеров, отношения между которыми могут описываться разными градациями конфликтности. Но решающую значимость в вопросах социокультурного партнерства и сотрудничества приобрели ныне культурно-антропологические и инновационные факторы. Касательно проблем и парадоксов инновационного развития России остановимся подробнее.

Несмотря на то, что применительно к инновационному развитию страны за последние годы принят ряд крупных решений, быстро формируется соответствующая нормативно-

[14] Термин введен известным методологом Ю.В. Чайковским (см.: [27, с. 312]), под чем подразумевается сопоставление рядов эволюционирующих объектов (в данном случае речь идет о локальных цивилизациях).

правовая база, выделяются уже сотни миллиардов рублей на краткосрочную перспективу в этой сфере, здесь существует целый ряд нерешенных концептуальных и прикладных проблем, последствия которых ощущаются в виде механизмов торможения, низкой эффективности в управлении и реализации инновационной политики.

Основной крен здесь взят в сторону институциональных проблем инновационного развития. Что пока не дало желаемого эффекта. На это указывают и ведущие наши эксперты: «К сожалению, в России наблюдается так называемый реформаторский зуд: мы не раз перетряхивали министерства, ликвидировали и сливали их, создавали вместо них агентства и другие структуры, но заметного улучшения дела не достигли» [28, С.68].

В то же время весьма слабо разрабатываются и освещаются поведенческие и социально-коммуникативные проблемы, связанные со взаимодействием элит и состоянием их ценностно-мотивационной сферы применительно к инновационным процессам.

Между тем, стоит прислушаться к важной методологической установке, высказанной еще М. Вебером применительно к становлению и развитию индустриального общества и культивированию технологических и экономических инноваций на этой платформе. Речь идет о «духе капитализма», «протестантской этике» и тому подобных ценностно-мотивационных факторах, которые данный классик противопоставлял методологическим позициям других классиков («невидимая рука рынка», «основные противоречия капитализма» и т.п.), которые в большей мере выстраивались во внешнем, объективистском плане.

Возвращаясь к проблеме перспектив российского инновационного развития и оценивая их с позиций современного состояния межэлитных коммуникаций и ценностно-мотивационной сферы элит, следует подчеркнуть не только недостаточность данных предпосылок, но и недостаточное внимание к их изучению и изменению.

Резюмируя, подчеркнем: основные тренды системного характера политического и социально-экономического развития российского общества свидетельствуют не о шагах в продвижении к информационному, инновационному обществу, а о попятном, инверсионном движении.

На этом пути возможно создание неких «заповедников» инноваций, но не системная трансформация, которая обусловит массовую востребованность инновационной деятельности.

Для последнего требуются шаги по реформированию политической и экономической системы, существенное обновление политической и бизнес-элиты и их взаимоотношений с интеллектуальной элитой, разрушение системы теневой экономики. Иными словами, это – обширное поле в том числе, а, скорее всего, приоритетно, и для социально-гуманитарных инноваций на макроуровне общества.

Список литературы:

1. Инновации // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 2. М., 2010.
2. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М., 2004.
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010.
4. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. М., 2010.
5. Инновационная модернизация России. Политологические очерки. – М.: Ин-т политологии РАН, 2011.
6. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – М.: Академ. проект, 2009;
7. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. – М.: Академ. проект, 2007.
8. Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издат., 2012;

9. Варшавский А.Е. Проблемные инновации: риски для человечества. – М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2014.
10. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Эксмо, 2010.
11. Старостин А.М. Философия международных отношений: введение в проблему // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 107–115.
12. Кондратьев В.Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // МЭиМО. Т. 62. № 6. С. 5–17.
13. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э.», 2017.
14. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
15. *Акаев А.А., Садовничий В.А.* О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. М, 2012. С. 5–69.
16. Смыслов Д.В. Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции // МЭиМО. Т. 63. № 2. С. 5–12.
17. Глобальная перестройка / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М.: Весь мир, 2014.
18. Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д.: СКАГС, 2009.
19. Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
20. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М.: Книжный мир, 2015.
21. Блэквилл Р., Харрис Дж. Война иными средствами. Геоэкономика и искусство управлять государством. – М.: Изд-во АСТ, 2017.
22. Добреньков В.И. Глобализация духовности. – М.: «Академ. проект», 2019.
23. Старостин А.М. Исследовательская философия. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
24. Попкова Н.В. Философская экология. – М.: Изд-во ЛИБРОКОМ, 2018.
25. Яницкий О.Н. Биосфера и социосфера: как совместить их исследование? // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 178–188.
26. Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. Ежегодник. – Волгоград: Изд-во «Учитель», 2018.
27. Чайковский Ю.В. Активный связный мир. М., 2008.
28. Богомолов О.Т. Социально-гуманитарные аспекты модернизации России // Вестник РАН. 2012. № 1.

Степанов Никита Сергеевич
кандидат экономических наук
старший научный сотрудник
Институт экономики РАН
Россия, г. Москва
nikitosstepanov@gmail.com

Соколовская Елена Анатольевна
кандидат экономических наук
старший научный сотрудник
Институт экономики РАН
Россия, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные социально-экономические предпосылки формирования интеграционного механизма межгосударственного партнерства Российской Федерации, КНР и Индии (РИК). Выделены основные направления стратегического развития данного интеграционного объединения. Показана его роль в обеспечении политико-экономической конкурентоспособности относительно США и зависимых от американской финансовой политики регионов мира. На основании экономико-статистического анализа выявлена тесная корреляция темпов развития изменения реальных ВВП России, Индии и Китая, что является одной из объективных макроэкономических предпосылок активизации интеграционных процессов между данными государствами. Систематизированы основные направления формирования Большого евразийского партнерства (БЕП), интеграционным ядром которого может стать РИК, как условие перехода к новой модели экономического развития РФ. Выделены основные риски интеграционного взаимодействия России, Индии и Китая и стратегические направления их минимизации.

Ключевые слова: новая модель экономического развития РФ, международная интеграция, ШОС, БРИКС, межгосударственные инвестиционные проекты, стратегическое международное экономическое сотрудничество, геополитика.

Formation of a large Eurasian partnership as a condition for the transition to a new model of Russia's economic development

Summary. In article the main social and economic prerequisites of formation of the integration mechanism of interstate partnership of the Russian Federation, the People's Republic of China and India (RIC) are considered. The main directions of strategic development of this integration association are allocated. Its role in ensuring political and economic competitiveness concerning the USA and regions of the world, dependent on the American financial policy, is shown. On the basis of the economical and statistical analysis it is revealed close correlation of rates of development of change of real GDP of Russia, India and China that is one of objective macroeconomic prerequisites of activization of integration processes between these states. The main directions of formation of the Big Eurasian Partnership (BEP) which integration kernel can be RIC are systematized, as a condition for the transition to a new model of economic development of the Russian Federation. The main risks of integration interaction of Russia, India and China and the strategic directions them are marked out to minimization.

Keywords: new model of Russia's economic development, international integration, SCO, BRICS, interstate investment projects, strategic international economic cooperation, geopolitics.

Современный этап развития цивилизации характеризуется существенным обострением конкуренции между крупными субъектами мировой экономики за контроль над логистическими маршрутами, крупными рынками и финансовыми потоками. Установление (а для стран, ранее занимавших доминирующее положение, сохранение) такого контроля позволит той или иной стране занять наиболее выгодную позицию в системе глобальной экономики и стать (остаться) влиятельным субъектом международной политики. Сейчас происходит перераспределение сфер и объемов влияния между крупнейшими странами мира. При этом, на региональном уровне активизировался ряд государств, руководство которых не удовлетворяет роль сырьевых придатков (в экономическом аспекте) и послушных сателлитов (в политическом плане) крупных держав. Эти страны начали пытаться проводить самостоятельную политику, хотя бы на региональном уровне. Однако в современном мире все очень тесно взаимосвязано. События и изменения обстановки в каком-либо регионе обязательно меняют и глобальную ситуацию. На фоне ослабления традиционных центров сил активно формируются новые центры глобального и регионального влияния.

На этом фоне важнейшим событием, которое может оказать глобальное влияние на геостратегическую ситуацию представляется сближение позиций России, Индии и КНР (потенциальный интеграционный блок РИК), которое позволяет говорить о создании единого, если не блока, то фронта из этих государств. О возможности и целесообразности формирования такого альянса ещё в 1990 гг. писал Е. М. Примаков [3, С.79]. Экономическая интеграция России, Индии и Китая и создание большого евразийского партнерства как условие формирования новой модели экономического развития РФ.

Диалог РИК может стать механизмом согласования позиций и действий трех стран по решению важнейших проблем современности, таким как террористическая угроза, борьба с глобальной наркомафией, обеспечение безопасности в Евразии, установление правил международной торговли в регионе, вовлечение в международную торговлю стран Центральной Азии, обеспечение энергетическими ресурсами, влияние на глобальную политику и противодействие попыткам США сохранить режим собственного глобального доминирования. Совокупный потенциал входящих в данное объединение стран позволяет им оказывать серьезное влияние на любые процессы, происходящие в мире.

До самого последнего времени трехсторонний диалог между странами РИК отсутствовал. Взаимодействие между ними развивалось в рамках ШОС - организации, которая подтвердила свою жизнеспособность и постепенно расширяется. Именно в рамках ШОС, усилиями, прежде всего РФ и КНР, продвигается идея «континентального партнерства», как программа развития Евроазиатского континента путем реализации совместных инфраструктурных проектов и развития трансграничных связей.

Если двусторонние отношения РФ и КНР сейчас переживают период рассвета, а уровень взаимодействия этих государств достиг степени «стратегической координации», то отношения с Индией до самого последнего времени складывались не так гладко. Противоречия между КНР и Индией существуют давно. До сих пор не урегулированы территориальные разногласия. Тесное сотрудничества КНР с Пакистаном также вызывает озабоченность Индии. Тем не менее, наличие разногласий между Индией и КНР не помешало странам РИК продемонстрировать единство по таким важным вопросам, как развитие Центральной Азии, нераспространение ЯО, реализация транспортных трансевразийских проектов и т.д. В совместных и скоординированных усилиях по этим и другим вопросам заинтересованы все участники «треугольника», что должно способствовать развитию отношений между ними. Тем не менее, именно противоречия между КНР и Индией в течение довольно продолжительного периода не позволяли полноценно оформиться «треугольнику», а также тормозили развитие взаимодействия в ШОС и БРИКС.

Важнейшим внешним фактором, способствующим сближению позиций Китая и Индии, началу полноценного диалога внутри «треугольника» из России, Индии и КНР, развитию сотрудничества между этими и некоторыми другими странами (Иран, Венесуэла, Сирия и

т.д.) является стремление США любой ценой и любыми средствами сохранить свое геополитическое доминирование [2, С.15]. Подобная политика США просто вынуждает другие страны к образованию союзов и коалиций, направленных на защиту собственных экономических и политических интересов. Высокие темпы экономического роста КНР и Индии в сочетании с не менее высокими темпами прироста их населения, возвращение России на международную арену в качестве активного геополитического игрока также являются факторами, способствующими образованию антиамериканской коалиции из КНР, Индии и РФ. В изменившейся обстановке, когда глобальная гегемония США осталась в прошлом, возникла потребность в создании новых механизмов поддержания глобального мирового порядка и начавшийся трехсторонний диалог «треугольника» может стать зародышем одного из таких механизмов. Однако, формирование новой архитектуры миропорядка – процесс весьма трудоемкий и продолжительный, особенно, если учитывать яростное противодействие со стороны США и сателлитов этого государства.

Как уже отмечалось, двусторонние отношения России и КНР достигли такого уровня, что аналитики всерьез говорят о возможности создания полноценного, без всяких оговорок, союза или военно-политического блока КНР-РФ, то в отношении политики Индии полной определенности пока не наблюдается. И дело здесь не только в застарелых разногласиях между Индией и КНР.

Дело в том, что политическая элита Индии сейчас разделилась на две основные группы, между которыми идет серьезная внутриполитическая борьба. Первая группа состоит из политиков, ориентированных на США. Они считают КНР угрозой и выступают за тесное сотрудничество с США (вплоть до заключения военного союза). Однако в последнее время существенно усилилось влияние другой группы, выступающей за сотрудничество с КНР. Представители этой группы считают, что взаимодействие с КНР способно обеспечить стабильность, китайские инвестиции будут способствовать экономическому росту, а военно-политическое сотрудничество с КНР и (прежде всего) с Россией обеспечит безопасность. Ослабление позиций первого подхода и усиление влияния группы, выступающей за сотрудничество с КНР не в последнюю очередь связано с последними внешнеполитическими телодвижениями администрации Трампа, в частности, с отменой статуса привилегированного торгового партнера, ввода ряда тарифов на индийскую продукцию, ввода санкций за попытку приобретения ЗРК С-400 у России и т.д. Тем не менее, проблема недоверия в отношениях КНР и Индии по прежнему актуальна, она активно раздувается сторонниками союза с США, именно на её решение направлены последние инициативы Индийского премьера (трехстороннее обсуждение на саммитах ШОС и G-20, а также приглашение в Дели китайского лидера). Кроме того, повседневное взаимодействие в различных международных структурах (ШОС, БРИКС и т.д.) постепенно подтачивает взаимное недоверие между КНР и Индией, способствуя нормализации их взаимоотношений.

Что касается двусторонних отношений между Индией и Россией, то здесь, на первый взгляд все в полном порядке. Сколько-нибудь серьезные разногласия по каким-либо стратегическим вопросам между странами отсутствуют. По большинству вопросов, в том числе и реформирования глобальной архитектуры миропорядка наши страны демонстрируют согласованные позиции. Развивается сотрудничество во многих сферах. Однако, эту работу необходимо интенсифицировать, и, прежде всего расширить и углубить экономическое взаимодействие. Тем более, что интенсивное развитие взаимодействия и сотрудничества между РФ и КНР вызывает у Индии определенную озабоченность [1, С.53].

Ещё одним фактором, способствующим сближению Индии с КНР и Россией, является ситуация вокруг Ирана. Эта страна для Индии является основным поставщиком нефти. Поэтому ввод США санкций против Ирана и, в особенности, попытка полностью запретить продажу Ираном нефти воспринимается в Индии очень болезненно [7, С.51].

Однако дальнейшему развитию сотрудничества и укреплению доверия в треугольнике Индия-Россия-КНР препятствуют и некоторые разногласия, касающиеся текущих инфраструктурных проектов [6, С.93]. Например, Индия без особого восторга относится

китайской инициативе ОПОП, особенно в её нынешнем формате, когда её важнейшим элементом является Пакистано-Китайский экономический коридор, который прокладывается через Кашмир. На неприемлемость для Индии такого развития проекта премьера министров Индии Моди прозрачно намекнул на встрече в Бишкеке, заявив, что трансрегиональные проекты могут быть поддержаны его страной только при условии уважения её суверенитета и соблюдении принципа региональной целостности. Но то, что при этом индийская сторона не заблокировала итоговое заявление по результатам упомянутой встречи, свидетельствует о том, что она готова к переговорам по этим и другим проблемам.

Для статистической оценки перспектив межгосударственной интеграции КНР, РФ и Индии воспользуемся инструментарием корреляционно-регрессионного анализа. Так, согласно подходу, в частности А.Б. Крейга, для активизации интеграционных процессов необходимо, чтобы между динамикой ВВП участников интеграции существовала устойчивая положительная корреляция [9, С.57]. Действительно, если, например, для одной из стран характерен устойчивый рост реального ВВП, а для другой – длительный спад, то возможности глубокой интеграции между данными экономическими системами достаточно проблематичны.

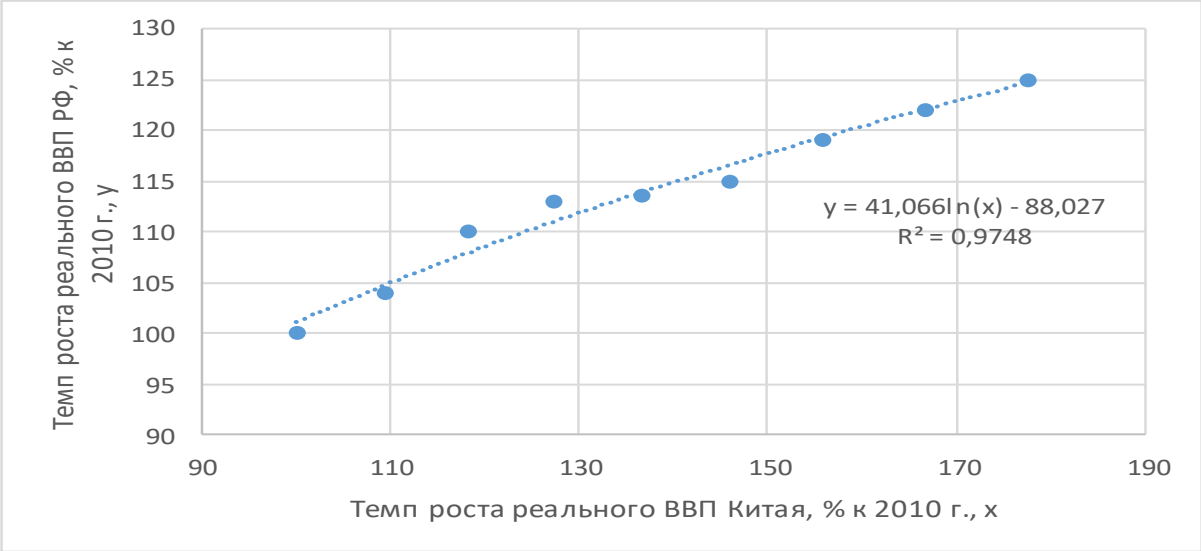

Рис. 1. Экономико-статистическая функция взаимовлияния темпов изменения реального ВВП КНР и РФ (2010 – 2018 гг.) (построено автором на основании данных, содержащихся в [5, С.87])

Как показано на рис. 1, для периода 2010 – 2018 гг. характерно наличие прямой устойчивой корреляции между темпами экономического развития КНР и РФ, что является объективной макроэкономической предпосылкой для активизации межгосударственных финансово-экономических интеграционных процессов.

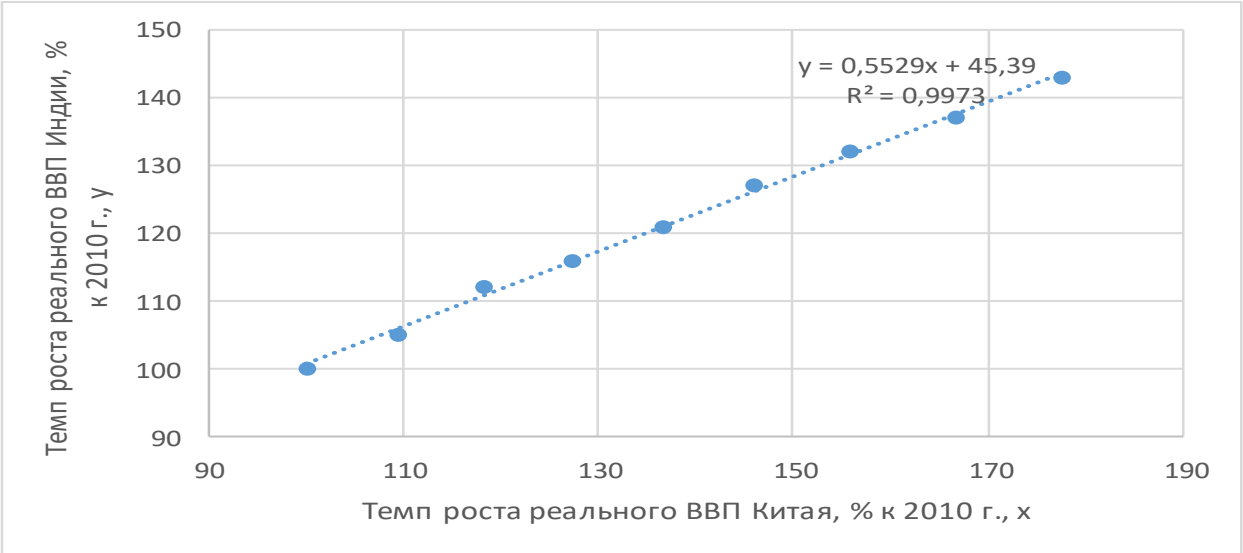

Рис. 2. Экономико-статистическая функция взаимовлияния темпов изменения реального ВВП КНР и Индии (2010 – 2018 гг.) (построено автором на основании данных, содержащихся в [5, С.89]

Как следует из информации, представленной на рис. 2, между темпами экономического развития Индии и КНР также имеет место тесная корреляция, в значительной степени являющаяся следствием наличия крупных совместных инвестиционных проектов, финансовой взаимозависимости, реализации межгосударственных инфраструктурных инициатив.

Следует также рассмотреть геополитические аспекты потенциального формирования нового интеграционного объединения РФ, КНР и Индии в части взаимодействия указанных государств с США. Так, перспектива присоединения Индии к стратегическому партнерству России и КНР стала серьезной угрозой планам США по сохранению (восстановлению) своего доминирующего положения в мире.

Собственно, одним из важнейших факторов торможения развития сотрудничества внутри треугольника Россия – КНР – Индия и даже его дестабилизации является сильное влияние в Индии проамериканской части элиты этой страны, а также давние традиции американо-индийского военно-стратегического партнерства, которое на протяжении двух последних десятилетий только укреплялось.

США не оставили планов установления своей монополии на поставку в Индию вооружений, а также на заключение с ней прочного военного союза, направленного против КНР (в первую очередь) и против России (во вторую).

Так, 01.06. 2019 г. Пентагоном была опубликована новая военная доктрина в Индо-Тихоокеанском регионе. Примечательно, что само понятие Индо-Тихоокеанского региона появилось в американских концепциях около года назад и сразу стало позиционироваться, как одно из важнейших направлений американской внешней политики [6, С.59].

Ещё в 2018 г. (сентябрь) между Индией и США было заключено особое соглашение по военному сотрудничеству (COMCASA), которое предполагает интенсивный обмен информацией, совместные военные учения и поставку из США новейшей военной техники и вооружений. В декабре 2018 г. был открыт объединенный американо-индийский морской информационный центр.

Как отмечает, в частности, А.В. Якимов, США уже давно пытаются вытеснить Россию с индийского оружейного рынка [8, С.74]. Их беспокоят поставки российских самолетов и другой техники. Особенно неприятным для США является перспектива покупки Индией из России партии ЗРК С-400, а также озвученные на днях в Дели планы по возможному

приобретению новейших российских истребителей СУ-57 (это при том, что руководство России неоднократно заявляло, что экспортные поставки СУ-57 в ближайшие годы не планируются).

В новой доктрине США названы основные угрозы, которым США намерены противостоять в этом регионе. Разумеется, главной угрозой безопасности Индо-Тихоокеанского региона в США считают КНР. В вину Китаю ставятся такие действия, как укрепление НОАК, наличие территориальных претензий, военное присутствие на спорных островах, а также применение экономических методов для укрепления политического влияния.

Второй угрозой интересам США в регионе называется Россия. Здесь нет ничего нового. За набором лицемерных фраз об угрозе подрыва лидерства США и международного права скрывается бессильная ярость от утраты глобального доминирования в военной сфере, позволявшего США ещё совсем недавно игнорировать международное право и применять военную силу по своему усмотрению в любой точке мира. Возращение России на международную арену в качестве силы, военный потенциал которой, как минимум не уступает США положило конец этой практике, к которой США так хотели бы вернутся. Отсюда и ряд надуманных обвинений в адрес России, и санкционная война, и т.д. Особое беспокойство США вызывает укрепление российско-китайского сотрудничества в военно-технической сфере.

Примечательно, что в документе, посвященном тропическому Индо-Тихоокеанскому региону Пентагон довольно много места уделил таким «угрозам» интересам США, как освоение Россией своих арктических территорий и работу над развитием СМП в сотрудничестве с КНР. В своей Индо-Тихоокеанской стратегии Пентагон не забыл упомянуть и КНДР, прямо назвав эту страну государством-изгоем. Таким образом, данная программа имеет явную направленность против КНР и России. Многое зависит от того, в какой степени США сумет реализовать эти планы. На данный аспект рассматриваемой проблемы указывает, в частности, М. Джованович [10, С.328].

Тем не менее, трехстороннее сотрудничество России КНР и Индии имеет хорошие перспективы в долгосрочном плане и можно предположить, что тенденция на дальнейшее сближение в рамках «треугольника» будет сохраняться, несмотря на попытки противодействия этому процессу со стороны США.

На фоне усиливающейся турбулентности, разгорающихся торговых и тарифных войн тема Большой Евразии вызывает все больший интерес во многих странах, поскольку именно эта концепция отражает надежды на активизацию экономического взаимодействия между государствами Евроазиатского континента, что способно привести к экономическому росту и улучшению жизни населения не только в самых развитых странах, но и во всех остальных государствах, участвующих в интеграционных евроазиатских проектах.

На фоне продвижения собственных интересов с помощью откровенного протекционизма, санкционного шантажа и угроз реализация таких проектов, как ЕАЭС или ОПОП создает условия для преодоления глобальных кризисных явлений, устойчивого, поступательного роста, создания всей необходимой инфраструктуры (от транспортной до цифровой) для формирования единого экономического пространства на громадной территории самого большого материка.

Во время прошедшего нынешней весной очередного форума в Санкт Петербурге ПМЭФ лидер КНР Си Цзиньпин заявил о том, что Китай полностью поддерживает идею БЕП и обе, составляющие её инициативы (ОПОП и ЕАЭС) будут гармонизированы в интересах глобальной Евроазиатской интеграции.

Китайский мегапроект «Пояса и Пути» уникален по своим масштабам и открывающимся перспективам. И, как было продемонстрировано на II форуме ОПОП в Пекине, весной текущего года, даже частичная реализация этой инициативы, начавшаяся в 2013 г., уже вызывает позитивные изменения. Это засвидетельствовали лидеры нескольких десятков стран.

Россия и КНР ещё в мае 2015 г., сумели прийти к соглашению о гармонизации и сопряжении ОПОП с ЕАЭС. Очень важно, чтобы преимущества, которыми обладают каждая из сторон, были оптимально использованы в интересах реализации проектов, направленных на укрепление БЕП и обеспечивающих непрерывное и равномерное развитие экономик стран-участниц с одновременным решением назревших социальных проблем.

Очевидно, что финансовые инвестиции и технологическая помощь КНР будут очень полезны для подавляющего большинства азиатских государств и их жителей. Главная цель формирования БЕП заключается в преобразовании всего Евразийского материка в зону устойчивого мира, взаимовыгодного сотрудничества и повсеместного процветания. Для её достижения требуется сформировать преференциальные режимы экономического и торгового взаимодействия, создать на материке транспортную, энергетическую и цифровую инфраструктуру нового уровня, гармонизировать национальные программы развития с международной (Евразийской) производственной и технической кооперацией, перейти к справедливой и удобной для всех участников валютно-финансовой системе, прекратить текущие военные конфликты и создать условия для эффективного их предотвращения в будущем. На необходимость последовательной интеграции финансово-кредитных систем субъектов такого рода интеграции указывает, в частности, Д.И. Степанова [4, С.45].

При решении данных задач необходимо учесть социально-экономические, культурно-исторические и внутриполитические особенности каждого Евразийского государства. Концепция БЕП совершенно не предполагает какой-либо культурной или политической унификации, а предусматривает абсолютное уважение национального суверенитета всех стран-участниц интеграционного процесса, строгое соблюдение принципов невмешательства во внутренние дела, сохранение хозяйственного, общественно-политического и культурного многообразия, как обязательного условия для создания атмосферы добросовестной конкуренции внутри национальных юрисдикций и между ними, а также предпосылок для развития на основе конвергенции конкурентных преимуществ.

В основу формирования БЕП должна быть положена гибкая система совместных институциональных и проектных организаций, а также правовых актов, где будет учитываться всё разнообразие интересов стран-участниц и строго соблюдаться принцип добровольности сотрудничества. Участие в системе партнерства может быть разноуровневым. Это означает, что каждая страна, желающая присоединиться к системе БЕП будет сама выбирать пакет обязательств и, как следствие, уровень собственной интегрированности в системе.

Масштабная интеграция на Евразийском пространстве объективно назрела и должна быть основана на опыте международного созидательного сотрудничества, исчисляющегося тысячелетиями.

Сейчас на Евразийском географическом пространстве одновременно существует и действует более полутора десятков различных экономических объединений регионального масштаба с разными уровнями интеграции входящих в них стран, и охватывающие различные сферы. Наднациональными регулирующими органами располагают только ЕС и ЕАЭС, тогда как все остальные объединения работают на межгосударственном уровне. Значительная часть подобных объединений существует для того, чтобы внутри себя уменьшить (или вовсе устранить) торговые барьеры, а также гармонизировать нормы регулирования в технической, таможенной, тарифной и других сферах. Пользуется популярностью и создание зон свободной торговли.

При этом практически все страны Евразии входят в ВТО и, соответственно, региональные объединения основываются на нормах, принятых в данной организации.

В этих условиях сопряжение ЕАЭС, являющегося классическим образцом экономического объединения регионального масштаба с мегапроектом ОПОП, целью которого является совместное инвестирование в купные инфраструктурные проекты с их последующей реализацией, может стать базовой моделью для сформирования БЕП. В этой модели будут сочетаться такие компоненты, как соблюдение принципа свободы торговли с

объединением через совместные инвестиции конкурентных преимуществ для обеспечения синергетического эффекта ко взаимной выгоде всех и каждого из участников интеграционного процесса.

Одной из самых перспективных форм интеграции регионального и межрегионального уровня является концепция ОПОП, которая нацелена главным образом на реализацию масштабных совместных инфраструктурных проектов, прежде всего, нацеленных на улучшение транспортной связанности территорий Евразии, что создаст предпосылки для формирования единого экономического пространства на всем материке. Эта инициатива пользуется поддержкой более 100 государств.

При том, что в Средней Азии и Европе уже созданы объединения регионального масштаба с наднациональными регулирующими органами, на остальном пространстве Азии интеграционные процессы ещё не достигли этой стадии. Но и там сверхдержавы регионального масштаба активно занимаются формированием собственных центров региональной интеграции.

Основополагающей доктриной БЕП является строгое соблюдение принципов добровольности, равноправного партнерства, взаимовыгодности и прозрачности при неукоснительном соблюдении международного права и собственных обязательств. Каждая страна сама для себя устанавливает участие, либо неучастие в соответствующих объединениях с добровольным принятием определенных обязательств по соблюдению совместно принятых решений и исходит при этом из собственных национальных интересов и процедур, определенных своим национальным законодательством.

Вовлечение в интеграционный процесс с использованием таких инструментов, как организация неконституционной смены власти, внешняя поддержка (финансовая или техническая) политических организаций для обеспечения прихода к власти угодных заказчику политических деятелей или организаций и создания нужного внешнему заказчику политического режима следует рассматривать как тяжкое преступление против человечества, а навязанные стране при помощи таких инструментов обязательства нельзя считать легитимными.

Практически все государства Евразийского материка входят в состав ООН, ВТО и множества других региональных или секторальных международных организаций, чьи нормы и установленные процедурные правила могут считаться естественными компонентами общеевразийской интеграции. Многие из этих стран вошли в составы различных зон свободной торговли или трансокеанских партнерств, связав таким образом, БЕП с другими материками. Любая страна или региональной объединение обладает собственной сетью договоров и соглашений с другими организациями или/и странами.

Интеграция БЕП может распространяться только на сферы экономического взаимодействия, его торговые, инвестиционные, отраслевые и другие компоненты. Она не должна распространяться на военно-политические, культурно-религиозные и этнические аспекты. В каждой из данных сфер имеются собственные международные и региональные организации и объединения, членство в которых не должно мешать интеграции в БЕП.

Целесообразнее всего работу в этом направлении начать с сопряжения ОПОП с ЕАЭС. Частью такой работы может быть создание общего рынка электричества и объединения систем межконтинентальной волоконно-оптической связи. Эти процессы требуют обязательной гармонизации норм безопасности, регулирования и гарантий защиты инвестиций. Кроме того, взаимодействие в телекоммуникационной области потребует гармонизации норм кибербезопасности, поскольку современные IT технологии не только соединяют территории, создавая единое информационное пространство, но и широко используются различными деструктивными силами в преступных целях. Чтобы эффективно противодействовать этому нужно сформулировать и заключить международный договор по информационной безопасности.

Одним из главных направлений БЕП может стать формирование пула наиболее приоритетных масштабных проектов. У России имеется несколько предложений в данной

области, таких, например, как проект строительства большого энергетического кольца, которое должно объединить энергосистемы РФ, КНР, Японии и Кореи. Кроме того, имеется проект строительства логистического перехода Сахалин-Хоккайдо.

Некоторые российские масштабные инвестиционные проекты вполне коррелируют с китайской инициативой ОПОП, например, строительство через ЕАЭС высокоскоростных железнодорожных и шоссейных магистралей, которые свяжут КНР со странами ЕС. Реализация этого проекта уже идет.

Среди других интересных проектов можно отметить предложение по организации Евразийского авиастроительного консорциума для разработки и производства авиационной техники всех назначений и типоразмеров, где с максимальной эффективностью можно будет использовать потенциал отечественных инженерных школ авиационных КБ и возможности промышленности КНР.

В настоящее время формируется сеть трубопроводов, которая в будущем станет технической основой для создания единого евразийского рынка углеводородного сырья. Для оформления пула приоритетных инвестиционных проектов предполагается использовать механизмы специальных инвестиционных контрактов, предусмотренных системой частно-государственного партнерства.

Одной из основных сфер регулирования БЕП может стать система денежного обращения. В наличии такой системы заинтересованы все участники интеграционного процесса, но в то же время именно в эта сфера остается практически не охваченной региональными интеграционным объединениями, что открывает возможности, например, для создания единой цифровой валютной среды БЕП, которая должна состоять из таких компонентов, как, цифровая межнациональная расчетная и, одновременно, резервная валюта БЕП с её обязательной привязкой к корзине национальных валют стран-участниц в долях, пропорциональных их взаимному товарообороту, а также, центр эмиссии и клиринга, который должен работать на основе соответственного межгосударственного договора стран-участниц, в котором будут прописаны правила эмиссии и другие аспекты поддержания эффективности единой цифровой валютной среды БЕП.

До начала реализации этого проекта ещё достаточно далеко, однако процессы формирования новой мировой валютной среды уже имеют место, о чем свидетельствует набирающий силу процесс дедолларизации с замещением в международных расчетах доллара на мультивалютную корзину.

Вместе с тем, по нашему мнению, для активизации интеграционных процессов КНР, РФ и Индии в рамках развития БЕП могут быть характерны следующие основные стратегические риски:

- различия в подходах к ведению бизнеса, оказывающие непосредственное влияние на состав и структуру трансакционных издержек формирования и реализации межгосударственных инвестиционных проектов;
- разные модели антикоррупционной политики в исследуемых государствах, ее сравнительно низкая эффективность в России, препятствующая процессам приобретения китайскими и индийскими инвесторами долей в российских компаниях;
- существенно различающиеся модели регулирования финансово-кредитных отношений и налогового пространства, особенно в части косвенных налогов и налога на прибыль организаций, налоговых льгот для инвесторов;
- различные модели регулирования интернет-пространства (либеральная в Индии, авторитарная в КНР, промежуточная, еще не вполне определенная в РФ), что в условиях современной цифровой экономики является существенным препятствием активизации интеграционных процессов.

Таким образом, по нашему мнению, для формирования и прогрессивного развития БЕП необходима последовательная унификация норм не только финансово-кредитного законодательства его участников, но и стандартов регулирования цифровой экономики.

Кроме того, следует обеспечить конгруэнтность форматов взаимодействия в рамках БРИКС, ШОС и БЕП с целью недопущения ни коллизий между указанными интеграционными объединениями, ни нерационального дублирования рассматриваемых вопросов. Ещё одним актуальным проектом, является создание единой валюты для расчетов между КНР, РФ и Индии. Её курс предлагается устанавливать в соответствии с объемом совокупной корзины валют участников интеграционного процесса, а в качестве резервного актива может использоваться реальное золото. Такого рода проект, разумеется, носит не конъюнктурный, а выраженно стратегический характер. Его параметры требуют тщательной проработки. В целом, подобная валюта позволила бы существенным образом уменьшить неоправданное доминирование доллара в системе международных расчетов.

Список использованных источников:

1. Глобализация и международная экономическая интеграция /Под ред. Е.Ф. Авдокушина, В.С. Сизова. М.: Инфра-М 2015. 320 с.
2. Воронина Т.В. Международная экономическая интеграция. Ч.1. М.: Lambert, 2018. 260 с.
3. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2018. 608 с.
4. Степанова Д.И. Развитие интеграционных процессов между Россией и Китаем // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. №1. С.44-56.
5. Россия и страны мира: статистический ежегодник. М.: Из-во Федеральной службы государственной статистики, 2019. 628 с.
6. Чекунов В.В., Савулькин Г.В. Китай. Культурный шок. М.: АСТ, 2019. 272 с.
7. Шарко С.В. Россия и Китай: возможности и развитие региональной интеграции. М., 2010. 168 с.
8. Якимов А.В. Проблемы интеграционных процессов в рамках ШОС // Вопросы экономики и менеджмента. 2019. №3. С.72-74.
9. Crage A.B. International policy. Wash., 2017. 124 p.
10. Jovanovic M. The economics of international integration. NY.: Edward Elgar Pub, 2016. 736 с.

Сухарев Олег Сергеевич
доктор экономических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт экономики РАН
г. Москва
Sukharev O.S., IE RAS, Dr., prof.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, ИНСТИТУТЫ И СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация. В статье исследуется проблема перехода российской экономики к новой модели экономического роста. С использованием структурного анализа, полученной автором структурной формулы», позволяющей дать оценку вклада элементов ВВП в темп его роста, изучаются особености сложившейся модели струткурной динамики эономики России. Именно эти особенности, которые формируют институты (правила экономического поведения агентов) закрепляют текущую модель роста экономики, предопределяя возможности её изменения. Чтобы действительно создать новую модель роста необходимо не только изменение экономической политики, но базовых институтов и сложившегося режима структурной динамики, к которому в экономике создаётся своеобразный эффект привыкания. Превзойти силу этого эффекта можно посредством специальной структурной политики, которая не должна сводиться только исключительно к приватизации либо созданию инвестиционного климата или бизнес-среды и стимулирвоанию малого и среднего

бизнеса (хотя это необходимо), а должна воздействовать на складывающиеся в экономике пропорции и модели поведения агентов. Также необходиммо, чтобы она изменяла сложившиеся хозяйственные аттитюды, модификация которых и будет способствовать возникновению нового динамизма.

Ключевые слова: экономический рост, стурктура ВВП по расходам, секторальная динамика ВВП, институты, структурная политика

ECONOMIC GROWTH, INSTITUTIONSAND STRUCTURAL POLICY

Abstract. The paper reserching the problem of the transition of the Russian economy to a new model of economic growth. Using the structural analysis obtained by the author of the “structural formula”, which allows assessing the contribution of the elements of GDP to its growth rate, we study the features of the current model of structural dynamics of the Russian economy. It is these features that form the institutions (the rules of economic behavior of agents) that consolidate the current model of economic growth, determining the possibility of its change. To truly create a new growth model, it is necessary not only to change the economic policy, but also the basic institutions and the existing regime of structural dynamics, to which a peculiar habituation effect is created in the economy. The strength of this effect can be exceeded through the use of a special policy of policies, which should not be reduced solely to privatization or the creation of an investment climate or business environment and stimulation of small and medium-sized businesses, but should affect the proportions and patterns of agents' behavior that are emerging in the economy. It is also necessary that she change the existing economic attitudes, the modification of which will contribute to the emergence of a new dynamism.

Keywords: economic growth, GDP structure by expenditure, sectoral dynamics of GDP, institutions, structural policy

В России довольно остро обсуждается проблема формирования новой модели роста экономики. С 2012 году наблюдалось устойчивое снижение темпа роста, с рецессией 2015 года и стагнацией 2014, 2016-2017 гг. Экономический рост, превышающий 1%, но не превышающий 2% не позволяет решить значительное число проблем развития. Научные дискуссии, развернувшиеся вокруг вопроса о запуске новой модели роста, охватывают различные аспекты. В основном они касаются необходимости индустриализации, поиска ресурсов роста в резервных фондах, включая валютные резервы, займах (внутренних и внешних), возможности банковской системы и т.д. и т.п. Утверждается также необходимость изменения методов и инструментов макроэкономической политики, так как проводимая политика никак не способствует росту экономики. Кроме того, ведётся речь и об институциональных изменениях, поскольку сформированные институты (правила хозяйственного поведения) не позволят запустить рост высокого темпа, так как ограничивают инициативу агентов. По этой же причине, чтобы задействовать весь потенциал экономических агентов, требуется стимулирование малого и среднего бизнеса, создания бизнес-среды, а также инвестиционного климата. Даются оценки и необходимости структурной политики, причём она сводится в основном к приватизации и институциональным изменениям бизнес-среды, налоговым изменениям. Конечно, приватизация формально является инструментов, обеспечивающим структурные изменения, так как напрямую трансформирует распределение активов между частным и государственным секторами экономики. Однако, её возможности крайне ограничены, так как активы у частника могут использоваться не по назначению и теряться, а диапазон возможностей государства при этом ограничивается, да и суммы в бюджет обычно пи приватизации поступают такие небольшие, что не позволяют решить добавочно иные задачи, имеющиеся в плане развития государственного сектора.

Обратим внимание, что российская экономика после более чем двадцати лет трансформации, в том числе и главным образом институциональной и структурной, опять

находится перед необходимостью её осуществления, только на новом этапе развитии. Потенциал роста прежней модели исчерпан – и это оказалось откровением не только для системы государственного управления, не только для аналитических правительственных служб, но и достаточного числа представителей экономической науки. Подобный исход говорит о большой слабости аналитического управления и экономических рекомендаций в предшествующий период, не умении оценить эффективность осуществляемых на экономику воздействий и их последствий, что ещё более значимо относительно текущей эффективности, если бы она подлежала правильной оценке.

До сих пор осуществляемые трактовки, в частности, структурной политики, сводимые к приватизации, либо созданию некой среды не исходят из задачи формирования тех пропорций экономического развития, которые собственно наиболее продуктивны с точки зрения обеспечения темпов и качества этого развития [2]. Если первое (приватизация) формально может быть отнесено к методам воздействия на структуру, то второе (условия бизнесу, климат) представляет собой общие условия. И большой вопрос смогут ли они привести к изменению структуры экономики, и в каком направлении. Планировщики экономической политики в России не учитывают, например, обстоятельство, согласно которому в развитых странах эволюционно происходило бурное развитие «сервисной экономики», при этом снижалась доля индустрии, что получил наименование деиндустриализации, однако, технологичность этой индустрии, одновременно, резко возрастала [3]. В России расширение позиций «сервисной экономики» в 2000-2010-ые гг. происходило за счёт свёртывания индустрии, при этом её технологичность значительно за двадцать лет не возросла. Формально наблюдался рост технологичности, даже в 2 раза, однако в области очень низких значений, с 0,05 до 0,1[15] в среднем по экономике (под технологичностью пониманием показатель, равный отношению объёма производства на новых технологиях к объёму производства на старых технологиях, тем самым характеризующий уровень технологического обновления производства). Таким образом, в России происходил процесс, который никак не похож на структурную модификацию развитых стран, причём и занявшую соизмеримый период времени, только проходивший на несколько десятков лет раньше, нежели в России. При этом системной трансформации базовых общественных институтов в этих странах не наблюдалось, а институциональные коррекции, которые сегодня также обладают высокой скоростью и в Западных обществах (развитых странах) и в бурно развивающихся странах Азии, вызваны технологической гонкой и резким повышением технологического уровня, причём не только производства, но и оказания услуг. Такие разнонаправленные структурные процессы не могут не вызывать озабоченность и не быть отражены в мерах проводимой экономической политики. Однако, стереотипные методы макроэкономической политики как раз и пренебрегают этим весьма мощным ограничением. Более того, формируемые и отстаиваемые в России представления о структурной политике, заимствуемые из научной литературы по развитым странам, абсолютно не учитывают специфики, если угодно, «структурного развития» именно России. Поэтом в появляющихся докладах о росте и структурной политик [2] открыто провозглашается, что перемещение ресурсов между секторами российской экономики не только не рассматривается, но, дескать, и не приведёт к каким-то сдвигам в экономике. Оно признаётся, чуть ли не тупиковым аналитическим приёмом, причём весомых доказательств для такого постулата не приводится. Это весьма странно, если учесть даже элементарное логическое сопоставление о том, что разрастание трансакционных секторов в России происходило при деградации индустрии и отсутствии значимого повышения её технологичности. Уже это возражение приводит к тому, что закономерно поставит вопрос о том, не происходило ли такое разрастание как аз за счёт обрабатывающих секторов. В ряде работ автора показано, что до сих пор происходит отток капитала и труда в сторону

[15] Для сравнения этот показатель в Германии в районе 0,4, при этом в несколько раз быстрее происходит полная смена парка техники (коэффициент выбытия и обновления оборудования очень высоки).

трансакционных и сырьевых секторов России[16]. Именно эта динамика формирует процесс изменений хозяйственной структуры. Более того, когда утверждается, что на новую модель роста нужны ресурса, необходимо обратить внимание на то, не избыточно ли сосредоточены ресурсы (в силу указанного перемещения) в тех секторах, которые получили не вполне адекватное доминирование, в силу быстрого свёртывания обработки. Безусловно, количественные оценки подтверждают сосредоточение избыточных ресурсов в доминирующих секторах – трансакционных. В связи с этим, структурная политика, по своему смыслу и содержанию призванная формировать секторальные пропорции экономики не может обойти эту тему – концентрации и перемещения ресурсов для новой (по качеству и темпу) модели роста российской экономики. НА рисунках 1-2 показан вклад компонент ВВП РФ и секторов в темп роста ВВП на интервале 2001-2017 гг.

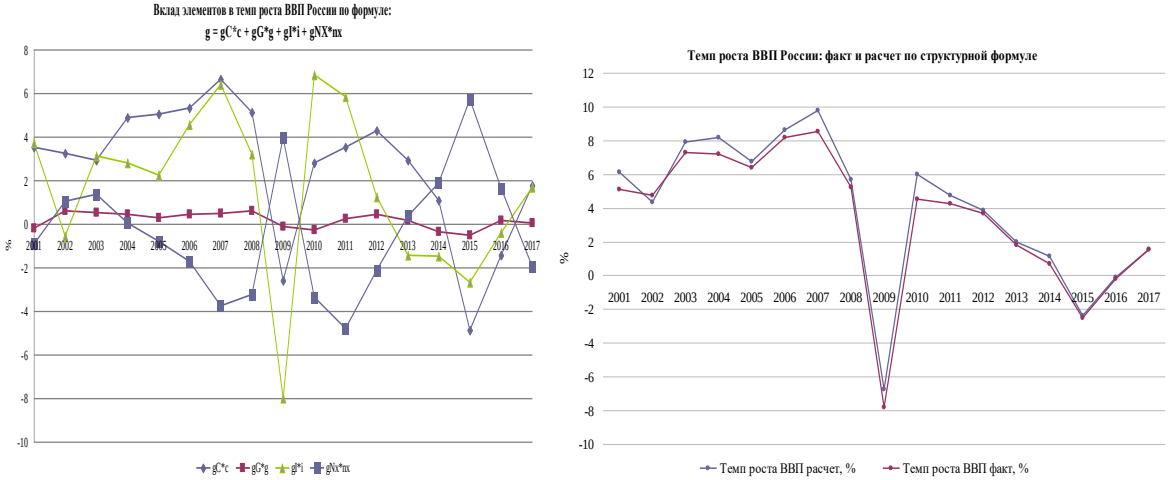

Рисунок 1 – Вклад компонент ВВП по расходам в темп роста (слева), 2001-2017 гг., точность расчёта (справа)[17]

Российская экономика показывает (см. рисунок 1) потребительскую модель роста, поскольку валовое потребление вносит основной вклад в темп роста. На втором месте по вкладу в темп роста располагаются инвестиционные расходы. Как видим из рисунка 1, справа обеспечивается довольно высокая точность расчёта за указанный период. Оценка вклада в темп роста секторов (обрабатывающий, сырьевой и трансакционный) демонстрирует наибольший вклад в темп роста трансакционного сектора, затем обработки и сырьевого сектора (рисунок 2, слева). Точность расчёт также является высокой (рисунок 2, справа).

[16] Подробнее см. Сухарев О.С. Изменение доктрины денежно-кредитной и бюджетной политики в условиях рецессии. Федерализм, 2015, №1

[17] Расчёт для рисунка 1-2 осуществлён по данным: https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic. Данные приведены в цены 2010 года. Расчёт проведен по структурной формуле, предложенной и апробированной автором см. Сухарев О.С. Экономический рост в России: проблема управления. Экономист. 2016, N 7. и другие работы (www.osukharev.com)

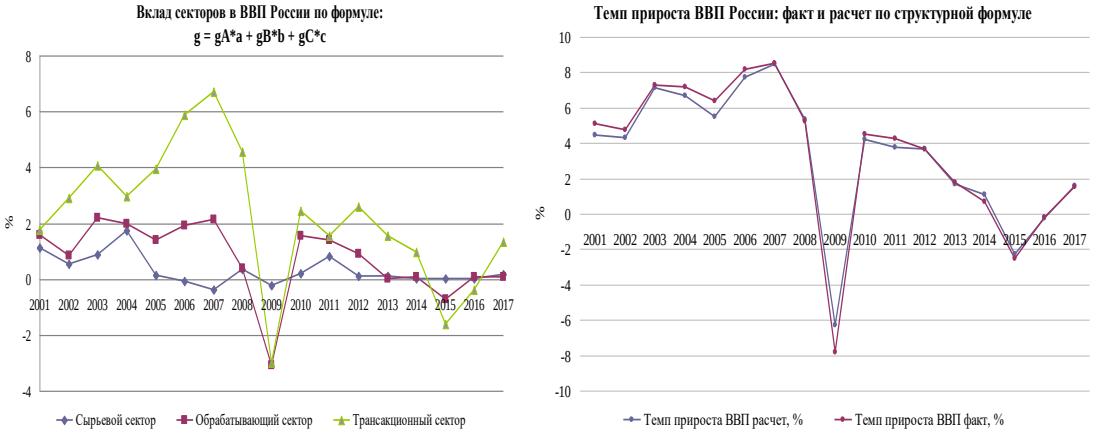

Рисунок 2 – Вклад секторов в темп роста ВВП РФ (слева), 2001-2017 гг. точность расчёта (справа)

Поскольку вклад трансакционного сектора в темп роста определяющий, а сам трансакционный сектор в силу своей специфики не может дать большего вклада (доходившего при увеличении этого сектора к 2206-2007 году до 6%, однако уже с 2013 года он не превышает 2%), то перестройка модели роста, видимо, должна означать применение такой структурная политик, которая бы изменила соотношение вклада секторов в темп роста экономики. Причём динамика компонент ВВП также должна измениться с тем, чтобы инвестиционные расходы обеспечивали больший вклад. Примечательно, что правительственные расходы (бюджет), судя по рисунку 1, не давали значимого вклада в темп роста российской экономики на рассматриваемом отрезке времени. Это ещё одна из причин почему модификации экономики отличались не высокой эффективностью ответ банален, они видимо не в должном объёме финансировались даже на уровне государственного сектора.

Подводя итог, отметим, что подлинное содержание структурной политики, не может обойти вопрос обеспечения ресурсами секторов хозяйства, которое необходимо для обеспечения их темпа роста и должного вклада в общий темп роста экономики [1, 3]. Поскольку трансакционные секторы низко рискованны и высокодоходны, а обработка показывает обратное соотношение, видимо, требуется управляемое перемещение ресурсов, с тем, чтобы изменить величину данной разницы, что повысит мобильность экономики и адекватность управления. Предпринимаемые институциональные коррекции, а также реализуемые национальные проекты, по всей видимости, также должны исходить из структурной цели развития, сводимой к обеспечению динамики секторов ресурсами и устойчивости этой динамики. Многоцелевой характер макроуправления также должен учитывать, что различные инструменты могут противоречить друг другу и, тем самым, по каналам обратной связи обесценивать предшествующие воздействий, если в экономике не ставится задач формирования её структуры и институционального качества.

Список литературы:

1. Баранов В.В., Цвиркун А.Д. Управление развитием: структурный анализ, задачи, устойчивость// Автоматика и телемеханика, 2018 - №10 – с. 55-75
2. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка// науч. рук. Е.Г. Ясин – М.: Издательский дом Высшей школы экономики 2018 – 32 с.
3. Сухарев О.С. Экономическая динамика. Институциональные и структурные факторы – М.: Ленанд, 2015 - 240 с.

Толкачев Сергей Александрович
доктор экономических наук, профессор
первый заместитель руководителя
Департамента экономической теории
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, г. Москва
SATolkachev@fa.ru

Тепляков Артем Юрьевич
кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
Центр исследований долгосрочных закономерностей развития экономики
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, г. Москва
teplyakovy@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

Статья выполнена в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Цикличность развития мирохозяйственных укладов» по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ на 2019-2021 гг.

Аннотация. Авторы логически и эмпирически обосновывают «секторальную логику» долгосрочных технико-экономических изменений. Такой концептуальный подход позволяет объяснить не только ретроспективную динамику мировой системы хозяйственных связей, но и текущую глобальную экономическую ситуацию, в частности, нарастающее экономическое «напряжение» между США и Китаем.

Ключевые слова: базисная технология, технологический уклад, внешнеэкономическая политика, «торговая война»

В ряде предыдущих публикаций [1, 2, 3, 4] была выдвинута гипотеза о технологической обусловленности внешнеэкономической политики стран - лидеров глобального мира в исторической ретроспективе последних двух-трех веков, а также приведены ее доказательства логического и эмпирического характера. Суть данной гипотезы состоит в том, что процессы развития и смены технологических укладов (согласно теории технологических укладов С.Ю. Глазьева [5, С.94-95]) корреспондируют с длительными циклами протекционизма, фритредерства и так называемого империализма в мировой экономике. При этом прослеживается соответствие между «секторальным» характером технологического уклада и режимом внешнеэкономической политики.

На первом этапе (в процессе освоения национального рынка) страны-технологические лидеры заинтересованы в протекционистской внешнеэкономической политике. Протекционизм здесь нужно понимать в широком смысле, как предполагающий не только таможенную защиту нарождающихся высокотехнологичных отечественных отраслей, но и концентрацию научно-инженерной базы на национальной территории. Следующий этап (торговая экспансия на внешних рынках) «требует» проведения политики фритредерства, позволяющей расширить рынки сбыта. Наконец, заключительный этап (активный экспорт капитала), очевидно, предполагает заинтересованность стран-экспортеров в либерализации международного движения капитала. Тем самым достигается предел международного разделения труда в рамках господствующего «пучка» технологий.

Мы полагаем, что протекционизм связан преимущественно с интенсивным развитием средств производства. Второй этап – фритредерство - сопровождается активным развитием средств транспорта, поскольку это позволяет повысить эффективность международной торговли, а именно, снизить издержки доставки товаров. Наконец, третий этап - империализм (экспорт капитала) - «требует» более развитых средств коммуникации (хранения, обработки и передачи информации) для более эффективного удаленного управления предприятиями. Такой подход позволяет представить изменения во внешнеэкономической политике стран – глобальных лидеров в контексте смены технологических укладов и преимущественного развития тех или иных отраслевых секторов хозяйства (см. табл.1).

Таблица 1

Технологическая обусловленность циклической динамики
мировой системы хозяйственных связей

Промышленная революция	**Базисные технологии**	**Технологический уклад**	**Период**	**Сектор экономики**	**Внешнеэкономическая политика стран-лидеров**
I	Выплавка железа, текстильные машины, паровые двигатели	I	До 1840-х гг.	Средства производства	Протекционизм
		II	1840-1870-е гг.	Средства транспорта	Фритредерство
I-II	Технологии электротехнической, химической и сталелитейной промышленности	III	1870-1910-е гг.	Средства коммуникации	Империализм
II			1910-1940-е гг.	Средства производства	Протекционизм
		IV	1940-1970-е гг.	Средства транспорта	Фритредерство
II-III	NBIC-технологии	V	1970-2010-е гг.	Средства коммуникации	Империализм
III		VI	2010-2040-е гг. (?)	Средства производства	Протекционизм
		VII (?)	2040-е гг. (?)	Средства транспорта (?)	Фритредерство (?)

Источник: *таблица составлена Толкачевым С.А. и Тепляковым А.Ю.*

В данной статье сосредоточим внимание на современных тенденциях во внешнеэкономической политике ведущих стран мира. В качестве «точки отсчета» возьмем последнюю треть XIX века.

В этот период, с одной стороны, первая промышленная революция себя коммерчески почти «исчерпала», а с другой – неуклонно «набирает силу» вторая промышленная революция. Какие технологии последней в первую очередь заинтересуют бизнес ведущих стран мира (и, прежде всего, Великобритании) «отягощенный» отраслевой структурой первого и второго технологических укладов и соответствующей ей инфраструктурой? Представляется логичным предположить, что предприниматели, особенно владеющие и управляющие крупными производствами, в известной мере консервативны и склонны не доверять инновациям «нового века», особенно «требующим» ломки существующих технологических и организационных структур.

К. Перес так описывает данную ситуацию: «Базовые отрасли минувшей технологической революции срывают последние плоды экономии на масштабе и, скорее всего, изнемогают от огромных инвестиций в основной капитал. Вместе с тем эти отрасли обладают мощной рыночной структурой (олигополия или почти монополия), способной обеспечить их средствами для поиска новых эффективных решений, чтобы вырваться из ловушки. Такие средства могут включать слияния, изменение месторасположения и другие оригинальные действия по отношению к финансовому капиталу. <…> Однако важнейшее значение имеют процессы, ведущие к следующей технологической революции» [6, С.58].

Таким образом, инвестиционные решения в этот период, как правило, направлены на искусственное «продление жизни» уже используемых технологий, а также на использование тех инноваций новой промышленной революции, которые позволяют эту задачу решить. Отсюда не случаен коммерческий интерес к информационно-коммуникационным технологиям второй промышленной революции на «излете» первой: телеграф (1833[18]), фотосъемка (1838), трансатлантический телеграф (1866), телефон (1881), фонограф / граммофон (1887), международная телефонная связь (1910), радио (1922) и др. [7, С.124-128]. Именно эти инновации существенно снизили для Англии, Франции, Германии и других развитых капиталистических стран трансакционные издержки управления зарубежной финансовой экспансией, связанной с резким ростом экспорта капитала в предвоенные десятилетия так называемого империализма (1870-1910-е гг.).

Однако логика развития второй промышленной революции «требовала» радикального технологического обновления средств производства (промышленного «фундамента» экономики) на базе масштабной электрификации и существенных прорывов в сталелитейном производстве, неорганической химии, тяжелом машиностроении. Это привело к возвращению протекционистских форм внешнеэкономической политики, пришедшихся на период мировых войн (1914-1945 гг.). Такой «возврат» примерно за четверть века пророчески предвидел Д.И. Менделеев: «В Англии нет пока надобности возобновлять таможенный протекционизм, потому что во всех ее основных промышленностях (например, мореходстве, добыче каменного угля, в производстве машин и в мануфактурном деле) она еще не имеет в Европе соперников. Но уже очевидно, что если в этих делах Америка или Россия представят шансы соперничества, Англия опять прибегнет к таможенному покровительству» [8]. Не только Англия, но все ведущие капиталистические страны в это время последовательно защищали внутренние рынки от иностранной конкуренции.

Между тем, исход глобального конфликта предопределил экономическое лидерство именно Соединенных Штатов Америки. Если в 1938 году совокупная доля их основных геополитических конкурентов (СССР, Великобритании, Германии, Франции, Японии) в суммарном ВВП мира была существенно выше, чем у США: 35,0 против 23,4%, то в 1950 году они почти сравнялись: 29,7 против 28,8% соответственно [9, С.503-504]. Во время Второй мировой войны промышленные предприятия США не только не пострадали от налетов бомбардировщиков и артиллерийского огня, но, напротив, динамично развивались, обеспечивая выполнение госзаказа, в том числе удовлетворявшего и нужды союзников по антигитлеровской коалиции. Завершение войны могло грозить американским бизнесменам кризисом перепроизводства и падением нормы прибыли.

Поэтому неудивительно, что сразу после окончания войны Соединенные Штаты оказались самыми последовательными сторонниками свободы международной торговли и инициаторами заключения Генерального соглашения по торговле и тарифам (1947). Разоренные войной Европа, СССР и Япония также были заинтересованы в импорте американских товаров и технологий. Активизация внешнеторговых связей, как это уже было примерно столетие назад (когда Англия заявила о приверженности фритредерству), оказала сильное влияние на развитие средств транспорта.

[18] Здесь и далее в скобках указан год внедрения инновации, как правило не совпадающий (с моментом изобретения технологии.

К. Перес обратила внимание, что «нефтепереработка и двигатель внутреннего сгорания, изобретенные в рамках Третьей парадигмы [третьего технологического уклада, согласно концепции С.Ю. Глазьева], использовались преимущественно в роскошных автомобилях» [6, С.56]. Иными словами автомобили, самолеты, вертолеты, а также принцип реактивного движения как инновации имели место уже в рамках третьего технологического уклада, во многом получив импульс для развития, благодаря военным конфликтам. Однако раскрыть свой коммерческий потенциал, выраженный в увеличении скорости транспортировки грузов и соответственно снижении транспортных издержек они «смогли» только в рамках четвертого уклада, составив его ключевой фактор и став следующим этапом второй промышленной революции.

Таблица 2

Отраслевая структура промышленного производства развитых стран, %

Год / **Отрасль**	1900	1938	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Добывающая промышленность	40,0	28,1	27,1	17,9	11,2	9,0	7,3	5,9
Обрабатывающая промышленность:	56,0	67,8	69,4	77,5	82,9	84,3	85,9	87,7
В т.ч. машиностроение:	9,2	16,5	22,4	20,7	33,9	38,2	40,3	45,3
- электротехническое	1,2	2,3	4,4	4,3	7,3	12,5	15,8	19,8
- транспортное	2,8	4,6	5,9	5,7	9,8	10,0	9,6	10,3
Электро-, газо-, водоснабжение	4,0	4,1	3,5	4,6	5,9	6,8	6,8	6,5

Источник: [9, С.561-562].

То обстоятельство, что производство именно средств транспорта стало драйвером экономического роста в капиталистическом мире в период четвертого технологического уклада, находят свое подтверждение в статистических данных. Так, в таблице 2 мы видим более чем двукратное повышение доли транспортного машиностроения в промышленном производстве развитых стран в 1940-1970-х гг.: с 4,6% в 1938-м до 10,0% в 1980 году. В последней же трети XX века наблюдается стабилизация «вклада» этой отрасли в промышленное развитие.

Таблица 3

Норма отдачи вложений в основной капитал в США в 1949-2015 гг.

Годы	1949-1973	1974-1995	1996-2007	1996-2015
Норма отдачи вложений в основной капитал, %	18,5	13,3	14,5	11,6

Источник: [10, С.140].

Можно сказать, в это время начала «выдыхаться» вторая промышленная революция, что неизбежно отразилось на норме отдачи вложений в основной капитал. Так, в 1974-1995 гг. в США она примерно на треть ниже, чем в 1949-1973 гг.: 13,3 против 18,5% (см. табл.3). В итоге, глобальный бизнес стал воспроизводить модель поведения, сильно напоминающую ту, что сложилась на «стыке» первой и второй промышленных революций – в эпоху империализма.

П.Г. Щедровицкий и В.Н. Княгинин так описывают данный период развития мировой экономики: «Промышленно-технологическое развитие <…> сопровождается двумя взаимосвязанными процессами: быстрым старением, а как следствие, и обесцениванием технологий, с одной стороны, и вытеснением устаревающих и второстепенных технологий на региональную периферию, где дешевле рабочая сила и природные ресурсы, - с другой. В 1970–1980-е гг. широкое распространение получило так называемое «бегство заводов» из

индустриально-развитых стран в страны — развивающиеся рынки. При этом развитые страны постарались оставить в своих руках разработку новых технологий, инновации и маркетинг, а главное, утверждение технологических стандартов и стандартов потребления. С конца 1990-х гг. Соединённые Штаты и многие иные индустриально развитые страны мира столкнулись с новым феноменом — выводом за рубеж не только индустриальных производств, но и в сфере услуг и интеллектуального труда. Был разработан метод так называемого "аутсорсинга бизнес-процессов"» [11].

Технологической основой таких глобальных экономических сдвигов стали постоянно совершенствуемые компьютеры, соединенные сетью Интернет, позволяющей передавать все большие и большие объемы информации все с большей и большей скоростью (основа пятого технологического уклада). Так, в 1991 году количество компьютеров с доступом в Интернет во всем мире составило около 5 млн., в 1996 году - 60 млн., в 2001 году — около 300 млн. При этом происходило постоянное удешевление электронной техники и снижение стоимости услуг по передаче информации. Например, цена персонального компьютера и периферийного оборудования к нему с 1960 по 2000 гг. упала в 1869 раз [9, С.36-37]! Таким образом, информационно-коммуникационные инновации новой промышленной революции в очередной раз «продлили жизнь» технологий «уходящей».

Вместе с тем, «кризис доткомов» в США и особенно мировой экономический кризис 2008-2009 гг., можно сказать, «обозначили пределы» последней. Мир стоит «на пороге» новой промышленной революции. К. Шваб называет ее четвертой [12], но наш взгляд, она логически «вытекает» из информационной революции последней трети XX века, демонстрируя последовательность распространения базисных технологий от сектора средств коммуникации к сектору средств производства и далее транспортному сектору.

Конвергенция нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий вместе с развитием 3D-принтинга, промышленного Интернета и рядом других инновационных трендов должны привести к очередному массовому «созидательному разрушению» в производстве средств производства (шестой технологический уклад). Поэтому, как это было в период первого и «на стыке» третьего и четвертого технологических укладов, в настоящее время мы наблюдаем стремление ведущих стран мира обеспечить на национальной территории критическую концентрацию научно-инженерной базы и защитить нарождающиеся высокотехнологичные отечественные отрасли и собственное лидерство на полувековом горизонте.

В США это связано с началом переосмысления собственной роли как промышленной державы в глобальном мире, что находит выражение, в том числе и в таком явлении, как решоринг (бэкшоринг, оншоринг и т.п.). Под решорингом часто понимается «перемещение обрабатывающих производств в страну, где находится материнская компания» [13, С.56]. Так, данные рисунка позволяют сделать вывод о достаточной устойчивой в 2010-х гг. тенденции увеличения созданных в Соединенных Штатах рабочих мест в рамках решоринга и привлеченных прямых иностранных инвестиций. Например, в «пиковом» 2017 году количество первых превысило 80 тыс., а количество вторых – 100 тыс. рабочих мест.

Рисунок: Динамика количества рабочих мест, созданных в США в рамках решоринга[19] и привлеченных прямых иностранных инвестиций[20] [14]

В то же время едва ли не главным «сюжетом» современной международной экономической динамики являются отношения США и Китая. Расчеты Всемирного банка показывают, что в 2014 году произошло эпохальное событие – ВВП Китая стал больше ВВП США на 5,4%; в 2015 и 2016 гг. это преимущество составило 9,8 и 15,3% соответственно [15, С.51]. Сложившийся в 1980-1990-е гг. устойчивый и взаимовыгодный экономический альянс Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики в 2010-е гг. «дал трещину». В 2018 году между глобальным лидером XX века США и претендующим на эту роль в XXI веке Китаем началась «торговая война» [16, С.59-60]. Это явно свидетельствует об отходе ведущих стран мира от политики свободы трансграничного перемещения товаров, услуг и капиталов к новым формам протекционизма и стимулирования национального производства.

Вместе с тем, предлагаемая авторами концепция о последовательном распространении базисных технологий в таких секторах хозяйства, как: средства коммуникации, средства производства и средства транспорта, позволяет сделать прогноз по поводу перспектив эволюции тенденций глобальной внешнеэкономической политики в «обозримой перспективе». Так, мы полагаем, что драйвером развития глобальной экономики примерно с начала второй трети XXI века станет транспортный уклад с массовым развитием «беспилотников», электромобилей и даже частной космонавтики. Возможно, именно в этот период времени следует ожидать очередного «витка» активности Всемирной торговой организации, связанного с новациями по снижению таможенных барьеров (так называемое «новое фритредерство»).

Список литературы:

1. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Закономерности развития технологических укладов и смена режимов системы мирохозяйственных связей // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности. Сборник научных трудов / Под ред. Д.Е. Сорокина, М.Л. Альпидовской. – Краснодар, 2017. – С.256-258.
2. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Типология экономических укладов и современный этап деглобализации // Phenomenon of the Market Economy: Vectors and Features Evolution. – Printed in the UK. – 2017 by the LSP. - P.202-208.
3. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Новый протекционизм в контексте циклических закономерностей технологических укладов // Львовские чтения – 2017: Сборник статей V Всероссийской научной конференции / Под научной редакцией Г.Б. Клейнера. – М.: ГУУ, 2017. - С.163-168.

[19] Reshoring.
[20] FDI.

4. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Секторальные аспекты закономерностей смены технологических укладов // Материалы международной научно-практической конференции «Арригиевские чтения» по теме «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода», 16-18.05.2019, в 2-х частях. Часть 1 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева и др. – Орёл: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. – С.300-307.
5. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. - М.: Экономика, 2010.
6. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Пер. с англ. Ф.В. Маевского. — М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011.
7. Mensch G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. - 1979 by Ballinger Publishing Company.
8. Менделеев Д.И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом (1891) / Русское самодержавие. – URL: http://samoderjavie.ru/mendeleev-tarif (дата обращения: 30.09.2019).
9. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И.С. Королева. - М.: Юристъ, 2003.
10. Клинов В.Г. Причины и последствия модификации большого цикла мирового хозяйства // Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн / Под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Р. С. Гринберга. - М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.
11. Щедровицкий П.Г., Княгинин В.Н. Территориальная проекция промышленной политики в России – кто оплатит издержки глобализации / Аналитический портал «Гуманитарные технологии». – 20.03.2009. - URL: https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2564 (дата обращения: 30.09.1019).
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016.
13. Кондратьев В.Б. Решоринг как форма реиндустриализации // МЭиМО. – 2017. – Том 61. - №9.
14. Reshoring Initiative 2018 Data Report / Reshoring Initiative. – URL: http://reshorenow.org/content/pdf/Reshoring_Initiative_2018_Data_Report.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
15. Балацкий Е.В. Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // Terra Economicus. – 2018. – Том 16. - №1.
16. Михеев В., Луконин С. Китай – США: многовекторность торговой войны // МЭиМО. – 2019. – Том 63. - №5.

Турсунмухамедов Искандер Гайратович
кандидат экономических наук, P(h)D
Финансовый университет при Правительстве РФ
Калужский Филиал
г. Калуга
iskander-t@yandex.ru

Пугачев Иван Владимирович
Финансовый университет при Правительстве РФ
Калужский Филиал
г. Калуга
iskander-t@yandex.ru

МАРКСИЗМ И ПЛАНИРОВАНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Главные проблемы отечественной экономики лежат именно в сфере реального производства. Производство требует эффективного планирования и решать эту задачу должны управленцы и экономисты. Распространение планомерной организации производства, пока существующей лишь внутри отдельных компаний, на все общество приведет к более рациональному производству. Рыночная конкуренция ведет к повышению концентрации капитала, что в свою очередь еще острее поднимает вопрос эффективности планирования.

Ключевые слова: марксизм, политическая экономия, планирование, воспроизводство, теория стоимости.

Марксизм как идеология и научное мировоззрение стал формироваться еще в эпоху становления капитализма, когда капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения в обществе только стали вытеснять феодальные. Русский революционер и теоретик В.И. Ленин выделял три основополагающие составные части марксизма:

1) Классовая борьба и вытекающая из нее теория диктатуры пролетариата, как единственного класса, заинтересованного в разрушение старого и создания нового порядка.
2) Диалектический материализм, как философская составляющая и способ построения мысли. С её помощью выводятся универсальные законы развития бытия в природе и обществе, так закон единства и борьбы противоположностей раскрывает причины развития, закон перехода количества в качество – механизм развития, а закон отрицания отрицания – направленность и форму изменений в развитии.
3) Политическая экономия как экономическое учение марксизма. раскрывает процессы производства и воспроизводства материальных благ. Господствующий в обществе способ производства определяется экономическим базисом, который в свою очередь складывается из взаимодействия производственных сил и производственных отношений. Развитие производственных сил в капиталистическом обществе происходит под воздействием достижений науки, роста концентрации капитала и повышения эффективности производства. Производственные отношения складываются в процессе создания экономических благ. Так в основе капиталистического способа производства лежит наемный труд рабочих, которые отчуждая от себя часть своего рабочего времени посредством орудий труда создают ключевую часть всех материальных и нематериальных ценностей. Отношения найма и отчуждения распространяются и на другие, непроизводственные, сферы общества, создавая таким образом политическую, культурную надстройку.

Если обратиться к ситуации в нашей стране, то с точки зрения марксисткой политэкономии не составит труда описать причинно-следственную связь между недавними экономическими явлениями и проводимой государством политикой. Так в некотором плане изоляция (санкции, внешние военные конфликты и информационное противостояние) вызваны бурным развитием капитализма в нашей стране, который пытается потеснить иностранных конкурентов на внутренних рынках. Этому в полной мере способствует политика импортозамещения, высокие пошлины, ответные санкции на ввозимую в РФ продукцию.

Главные проблемы отечественной экономики лежат именно в сфере реального производства. Производство требует эффективного планирования, решать эту проблему по идее должны управленцы и экономисты. Каждый год сотни тысяч молодых специалистов данных специальностей заканчивают высшее образование и выходят на рынок труда. В среднем согласно опросу Роструда лишь 27% опрошенных в 2017 году считают, что их работа полностью соответствует полученной специальности.

Вместе с тем, принято считать, что экономика сегодня носит если не рыночный, то хотя бы смешанный характер. Тогда как, в реальности, практически все ее сферы носят плановый характер. В каждой организации есть бухгалтер, который ведет учет деятельности и в том числе занимается планированием. Значительную долю многих рынков занимаются крупные компании и корпорации, имеющие огромные отделы, занимающиеся планированием выпуска, сбыта, рекламы, маркетинга и т.д. Получается, что даже в идеале свободный капиталистический рынок состоит из множества взаимодействующих субъектов, ведущих плановый учет. Не только выжить, но и активно развиваться в условиях изменчивой экономической конъектуры, и без того насыщенных рынков сбыта и высокой конкуренции может лишь то капиталистическое хозяйство, которое имеет значительный капитал, позволяющий прибегать к большей экономии на масштабах производства, чем у конкурентов. Без снижения себестоимости продукции организация недополучит доход с ее реализации, пострадает выручка. От снижения выручки пострадает прибыль, что в последующем отразится на расходах в сферах маркетинга, лоббирования в органах власти, затратах на научные разработки, персонал и т.д. Таким образом рыночная конкуренция ведет к повышению концентрации капитала, что в свою очередь еще острее поднимает вопрос эффективности планирования. Для капиталистической экономики характерно планирование в денежных эквивалентах, которые подвержены инфляции и имеют сложную систему регулирования. Контроль за выпуском новых денег и уже имеющейся в обороте денежной массы ведет банковская система во главе с ЦБ. Эффективность данного контроля вызывает у многих вопросы, не говоря уже о том, что подобная система создает дополнительную меновую стоимость, содержащеюся непосредственно в деньгах. Получается ни производитель благ, ни их потребитель не способны в условиях товарно-денежных отношений в полной мере осуществлять эффективный плановый контроль за процессом воспроизводства в силу того, что учет и обмен ведется в денежных эквивалентах.

Альтернативой денежной системе планирования может стать экономическая система, основанная на трудовой теории стоимости. В отличие от централизованной денежной системы, контроль за затратами труда может осуществляться самими работниками непосредственно в процессе производства путем сравнения средней производительности работников в целом на данном производстве и производительности труда конкретно взятого работника. Особенно способствует этому разделение труда и сам конвейерный процесс производства на предприятиях, когда каждый работник выполняет свою узкоспециализированную работу и имеет возможность сравнить качество и время ее выполнения предыдущим работником со средними показателями в предыдущих периодах/отрасли в целом. А распространение планомерной организации производства, пока существующей лишь внутри отдельных компаний, на все общество приведет к более рациональному производству. Так капитализм превратил индивидуальный ремесленный труд в мануфактурный, фабричный. Вместо ремесленника, последовательно выполняющего

все операции по превращению сырья в готовую продукцию наемный работник выполнял отдельную, определенную деятельность во всем процессе производства с большей эффективностью. В масштабах всего общества процесс разделения труда также реализовывается, но несколько архаично в виду отсутствия планомерности, внедренной, к примеру, на отдельном предприятии.

Таким образом, планомерность в производстве и временной планирование деятельности способны обеспечить большую эффективность в воспроизводстве общественных благ, а самоуправление и низовой контроль самими работниками данных процессов позволит перенаправлять ресурсы общества на создание тех благ, потребность в которых оно испытывает.

Использованная литература:

1. Маркс. К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Процесс производства капитала / Под ред. М. Трушкова. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 446 с.
2. Ленин В. И. ПСС, т. 23 «Три источника и три составных части марксизма» М.: Издательство политической литературы, 1973 г.
3. Лекция И.И. Потапенкова: "Экономика будущего общества" https://abzads.livejournal.com/101038.html
4. С.В. Зайцев. Об актуальности теории империализма в XXI веке/ М. журнал “Теоретическая экономика” №1 2017 г.
5. Вавулин Д.А. и Симонов С.В. Центральный банк российской федерации как мегарегулятор российского финансового рынка/ М: журнал “Финансы и Кредит” №5 2014 г.
6. Сетевое издание РИА Новости: Роструд, сколько россиян работают по специальности. URL: https://ria.ru/society/20170607/1495988368.html
7. Ведомости URL:
http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2015/08/26/606234-trillion-speshit-na-pomosch
8. Лента URL: http://lenta.ru/columns/2015/10/22/glaziev_stop/
9. «Ревизия 90-х: взгляд экономиста Сергея Гуриева», 24.10.2015 // URL: http://gefter.ru/archive/16330

Хотулёв Евгений Леонидович
Руководитель Центра развития программно-целевого управления
Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России
г.Москва
e.khotulev@vavt.ru

Наумов Сергей Николаевич
кандидат экономических наук, доцент
заведующий лабораторией инструментов программно-целевого управления
Центр развития программно-целевого управления ВАВТ Минэкономразвития РФ
г.Москва
naumov_sn@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Исследованы первопричины, объясняющие текущую ситуацию низкой эффективности государственных программ, описаны «уязвимые места», определены приоритеты развития госпрограмм и предложены нормативные, методологические и управленческие решения.

Ключевые слова*:* программно-целевое управление, государственная программа, эффективность и результативность государственной политики

Annotation. The root causes explaining low efficiency of state programs are investigated, key vulnerabilities are described, development priorities are identified and normative, methodological and managerial solutions are proposed.

Keywords: performance-based management, state program, efficiency and effectiveness of public policy

В последние десятилетия увеличивается уровень неопределенности в мировой экономике, ускоряются и усложняются экономические процессы, стремительно расширяется объем доступной информации. Одновременно, возникают все новые возможности и технологические решения по информатизации процессов и процедур в государственной сфере, включая процедуры принятия решений. В этом контексте усиливаются тенденции к переходу в секторе государственного управления от прогнозирования к программированию экономического развития страны.

В федеральном законодательстве термин «программирование» определяется как деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации государственных и муниципальных программ, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания [1].

Государственная программа Российской Федерации, в свою очередь, определяется как документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Сходным образом определяются также государственные программы субъектов Российской Федерации и муниципальные программы, которые реализуются на субфедеральном уровне в рамках соответствующих полномочий.

Большинство реализуемых в настоящее время госпрограмм сформировались к 2014 году. Несмотря на то, что в 2018 году новую жизнь получили национальные проекты, реализуемые с применением проектных подходов, государственные программы остаются главным практическим инструментом управления социально-экономическим развитием России и достижения национальных целей развития России на период 2024 года, установленных Президентом Российской Федерации [2] и конкретизированных в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года [3], а также Едином плане по достижению национальных целей [4].

Практически все национальные цели выходят далеко за границы государственной политики в какой-то конкретной сфере и являются комплексными, «сквозными». Их достижение непосредственно связано с высвобождением синергетических эффектов, возникающих в результате скоординированных действий на разных уровнях государственного управления и в разных областях политики, а также подкрепленных однонаправленными действиями и других участников экономической деятельности.

Однако недостатки, «зацементированные» в системе разработки и реализации государственных программ, делают их непригодными для решения амбициозных и комплексных задач.

Можно сформулировать две большие группы таких недостатков и проблем:

1. Проблема подмены целей развития функциями, вероятно, связанная с искажением понимания «программирования», нечетким закреплением понятий и терминов или их неверной трактовкой в практике управления.

2. Проблемы, связанные с развитием и реальными приоритетами управленческих процессов, в том числе распространенность «ручного управления».

Рассмотрим эти группы более подробно.

Во-первых, как уже указано выше, госпрограммы формально определены как документ, а не система действий. Каждая принятая государственная программа – это нормативный правовой акт Правительства Российской Федерации. Это смещает приоритеты участников в сторону формальных действий, от сути (достижения поставленной цели) к форме (формированию необходимого пакета документов, соответствующего нормативным требованиям).

Более того, к настоящему времени многие государственные программы сформировались в значительной степени как функциональный, а не стратегический документ. Часть причин относятся к недостаткам законодательства о стратегическом планировании, сформулированным Н.М. Казанцевым в своей статье [5].

В качестве иллюстративного примера в таблице приведены формулировки целей и целевых показателей одной из государственных программ Российской Федерации в редакциях 2014 года и 2019 года. На фоне передачи отдельных функций в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности от Минэнерго России к Минэкономразвития России [6] данный вопрос был исключен из названия программы и всех целевых установок «верхнего уровня». На основании этой иллюстрации в данном конкретном случае можно сделать вывод о смещении акцента в сторону операционной деятельности.

Таблица 1

Цели и целевые показатели в динамике: государственная программа Российской Федерации «Развитие энергетики» [7]

Формулировка госпрограммы	2014 год [8]	2019 год
Цели	- Надежное обеспечение страны топливно-энергетическими ресурсами. - Повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов. - Снижение антропогенного воздействия топливно-энергетического комплекса на окружающую среду.	Надежное, качественное и экономически обоснованное обеспечение потребностей внутреннего рынка в энергоносителях, энергии и сырье на принципах энергосбережения и энергоэффективности, а также выполнение обязательств по зарубежным контрактам
Целевые показатели	- Снижение энергоемкости валового внутреннего продукта РФ за счет реализации мероприятий Программы (к 2007 году). - Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства.	Темп роста инвестиций в основной капитал в топливно-энергетическом комплексе к уровню 2018 года

	- Глубина переработки нефти. - Потери электроэнергии в электрических сетях от общего объема отпуска электроэнергии. - Добыча нефти, включая газовый конденсат. - Добыча газа природного и попутного. - Добыча угля.	

Одним из важных следствий функционального подхода является размытое понятие заказчика (потребителя, выгодоприобретателя) результатов госпрограммы. Когда ответственный исполнитель самостоятельно осуществляет целеполагание с ориентацией на возложенные на него функции, отдельные цели, задачи, целевые показатели госпрограммы или ее составляющих могут формулироваться под операционные потребности и текущие приоритеты работы ведомств. Зачастую такая практика приводит к тому, что государственная поддержка доходит до конечных получателей несвоевременно и неполном объеме, либо эта поддержка оказывается невостребованной из-за того, что она не соответствует реальным нуждам.

Не менее важный аспект, влияющий на эффективность и результативность госпрограмм, – отсутствие в такой логике потребности в обратной связи с целевыми группами-потребителями непосредственного результата для выявления и учета их потребностей, а также уровня удовлетворенности результатами реализации госпрограммы. В настоящее время эта проблема далека от решения. Только в некоторых госпрограммах предусмотрены индикаторы, характеризующие уровень удовлетворенности результатами.

Это сущностный вопрос, потому что госпрограмма, если она не выстроена как логическая модель, работающая на обоснованный результат с понятным бенефициаром-выгодоприобретателем, не может считаться программой. В целом об управлении по результатам бессмысленно говорить, если не определен заказчик и приемщик этого результата.

Во-вторых, имеются условия для имитации в госпрограммах программно-целевого управления, инерционного планирования, ориентации работы не на результат, а на выполнение требований системы контроля.

Тенденция последних лет заключается в последовательном стремлении передачи принятия сложных решений на вышестоящий уровень и высокой роли «ручного управления» – работы по директивам и разовым поручениям, которые на практике имеют более высокий приоритет, нежели решение стратегических задач.

В условиях, когда «центры принятия решений высокого уровня» не справляются с объемами трансформации стратегических задач в разовые поручения и директивы, а нижестоящий уровень исполнения не готов по разным причинам работать с инициативами и принимать дополнительную ответственность, увеличивается документооборот и возникает избыточное количество различных форм отчетности и рассогласованных между собой процессов управления, мониторинга и контроля, которые требуют значительного объема кадровых и временных ресурсов.

Еще одним следствием преобладания контроля и «ручного управления» является то, что система государственного управления к настоящему времени перегружена целевыми индикаторами и показателями. Даже с учетом того, что приняты или актуализированы не все стратегические документы, предусмотренные законодательством о стратегическом планировании[21], количество показателей измеряется тысячами, а если учитывать региональный и муниципальный уровни, то десятками тысяч. Их выполнение жестко

[21] Перечень документов стратегического планирования приведен в статье 11 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

контролируется системой контроля. При этом часть показателей представляет собой перефразированные редакции идентичных или сходных по сути показателей, значения который не согласованы между собой.

В условиях большого количества контролируемых показателей приоритет получают не показатели, наиболее сильно влияющие на конечные цели, а те, которые контролируются с более высокого уровня и имеют более сжатые сроки для выполнения.

Более того, «человеческий фактор» и работа в условиях неполной информации способствуют тому, что предпочтения и текущие приоритеты могут меняться. При этом рациональнее для ответственного исполнителя становится достижение целей путем их периодического «уточнения» и переопределения. Возникает неопределенность, в которой первоначальные цели теряются, конкретные действия по их достижению отходят на второй план.

Практика управления госпрограммами, редуцированная до системы периодической отчетности, накладывает отпечаток на госпрограмму как документ и приводит к тому, что в ее структуре могут образовываться смысловые разрывы.

В соответствии с утвержденными требованиями к структуре госпрограмма может быть условно разделена на две части: стратегическую и операционную[22]:

- стратегическая часть включает систему целей, задач и целевых показателей госпрограммы, а также ее подпрограмм и их структурных элементов;
- операционная часть начинается с целевых характеристик непосредственных результатов работы и далее декомпозируется в плане реализации государственной программы на очередной финансовый год и плановый период, а также детальном плане-графике.

Можно указать на три возможных «смысловых разрыва» в структуре программы.

1. Разрыв внутри стратегической части – между целями программы и ее структурой. Вероятность такого разрыва существенно возрастает, если программа на этапе планирования адаптируется под сложившуюся функциональную структуру ведомств-участников с жестко разграниченными зонами ответственности. В условиях приоритета операционной деятельности над решением задач развития все существующие проблемы внутриведомственного и межведомственного взаимодействия обостряются.
2. Разрыв между стратегической и операционной частями возникает из-за отсутствия координации между процедурами планирования и исполнения госпрограммы. Вероятность разрыва увеличивается при формальном подходе ведомства к разработке программы (превалирование формы над содержанием) и недостаточного уровня квалификации специалистов.
3. Разрыв внутри операционной части, который проявляется в несогласованности контрольных событий между собой и с показателями непосредственного результата госпрограммы. Вероятность разрыва увеличивается в случае трансформации плана реализации госпрограммы в операционный план работы ведомства и «размывания» приоритетов за счет включения в планы текущих поручений и задач. Еще больше вероятность разрыва увеличивается при консервативном планировании деятельности и низкой исполнительской дисциплине.

Перечисленные тезисы проиллюстрированы на рисунке.

[22] Данное разделение является условным и относится к структуре программы в соответствии с «базовыми» требованиями, которые содержатся в Порядке разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 № 588. В общем перечне госпрограмм выделено пять «пилотных», реализуемых с применением проектных принципов, требования к структуре которых несколько отличаются.

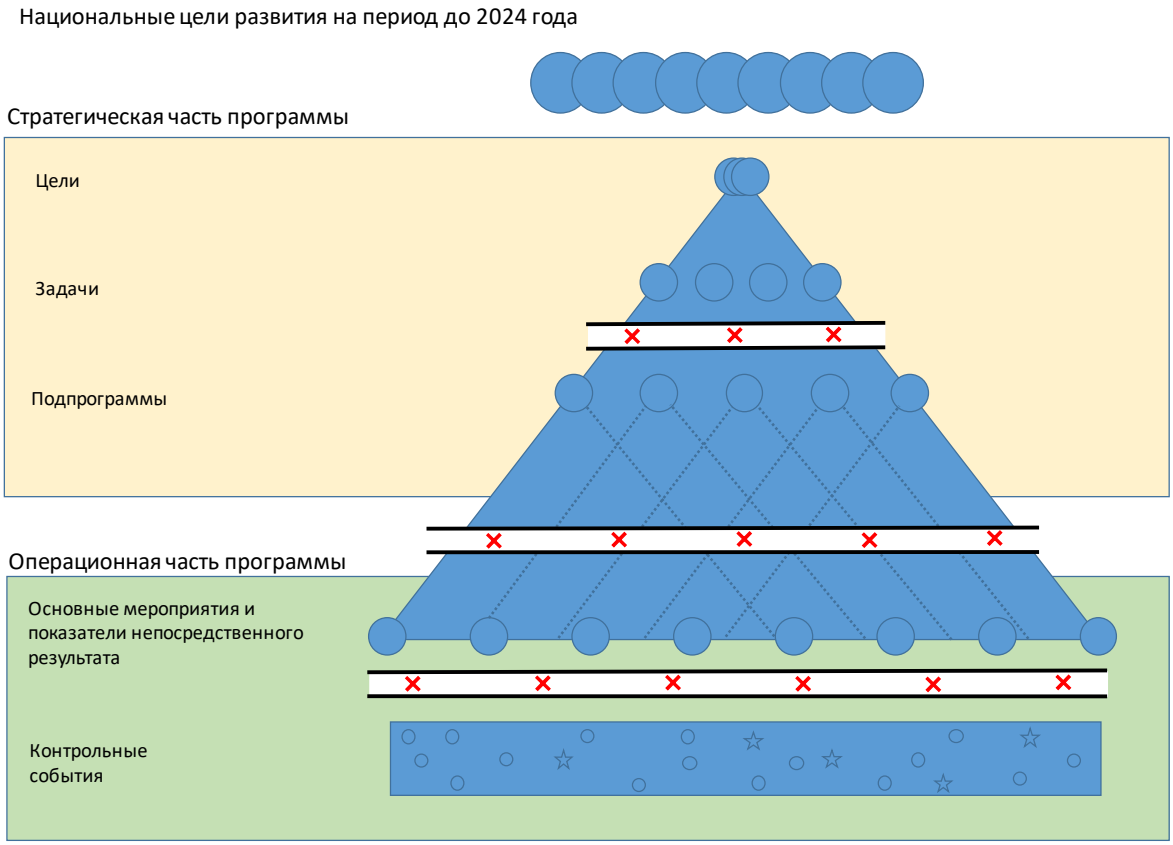

Рисунок 1. Три смысловых «разрыва» в структуре государственной программы

Описанная практика, к сожалению, является устоявшейся. В условиях перечисленных смысловых разрывов задача связи между контрольными событиями и целями госпрограммы может быть решена технически, однако содержательного решения может не иметь без глубокой корректировки как системы целей и переработки планов работы под задачи политики, а не функции ведомства. Как следствие, объективно ответить на вопрос о влиянии ежедневной работы ведомств на достижение национальных целей на период до 2024 года также проблематично.

Решение поставленных задач требует «перезагрузки» госпрограмм, их трансформации в инструмент управления изменениями в экономике и государственной политике. Это становится возможным при применении системного подхода, использования современных методов государственного управления и конструктивного взаимодействия между министерствами и ведомствами, а также между органами исполнительной и законодательной власти.

Однако важно отметить, что такая «перезагрузка» не требует революционного подхода и создания новой управленческой сущности с нуля. Подобный подход уже привел к накоплению большого количества различных документов, претендовавших в момент своего создания на роль современного и эффективного программно-целевого инструмента.

Изменения возможны путем рационального и последовательного точечного воздействия на отдельные элементы управления госпрограммами одновременно с «пилотированием» более кардинальных новаций.

В соответствии с логикой декомпозиции проблем и их первопричин, предложенной в настоящей статье, изменения могут производиться по следующим направлениям:

1. Конкретизация на нормативном уровне понятия «программирование» и программно-целевое управление, предполагающие, в первую очередь, переход от формы к сути и

закреплении важности не только документов, но и управленческих процессов как ключевого условия достижимости национальных целей.

2. Разделение на уровне нормативного правового документа госпрограммы на стратегическую (целеполагающую) и операционную (адаптивную) части.
3. Изменение моделей управления не может проводиться без корректировки подходов к мониторингу, аудиту и контролю. Функции этих процессов должны быть четко обозначены, разграничены и соотнесены с контекстом. В систему мониторинга и оценки управления госпрограммами должны быть введены элементы, направленные на устранение смысловых разрывов внутри госпрограмм, в том числе:
   - формировать стратегическую часть госпрограммы в логике структурной декомпозиции целей и построения для каждой госпрограммы дерева ее целей, гармонично встроенного в деревья национальных целей. Для этого требуется разработать методологию и обеспечить единство подходов между федеральными ведомствами, а также регионами;
   - четко идентифицировать потребителя непосредственных результатов программы и выгодоприобретателей промежуточных и социально-экономических результатов программы, повысить уровень публичности информации о реализации планов и детальных планов-графиков реализации госпрограмм, а также обеспечить функционирование системы обратной связи с потребителями и выгодоприобретателями;
   - разработать и внедрить на операционном уровне госпрограммы систему управления рисками, позволяющую в дальнейшем объективно ставить и решать задачи снижения совокупного риска достижения целей госпрограмм. Следует особо обратить внимание, что рисками необходимо управлять именно на операционном уровне (планы и достижение непосредственных результатов)

Начинать процессы системной трансформации госпрограмм следует с точечных изменений в наиболее узких местах, которые могут быть реализованы уже в ближайшей перспективе.

При этом каждую конкретную госпрограмму следует рассматривать как инструмент управления изменениями в соответствующей сфере деятельности. Она должна отвечать на актуальные вызовы, основываться на реальных потребностях граждан и бизнеса. Также необходимо иметь в виду, что национальные цели развития России сформулированы на период нынешнего президентского срока, в то время как госпрограммы, являясь инструментами государственной политики, должны решать задачи в более широком горизонте времени.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с последующими изменениями и дополнениями), пункт 7 статьи 3.
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утвержденные Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым 29 сентября 2018 г.
4. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года от 7 мая 2019 г. № 4043п-П13.
5. Н.М. Казанцев «Ляпсусы Федерального закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», – «Инновации» № 8 (238), 2018, с. 14-22.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2019 № 45 «Об изменении и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов

Правительства Российской Федерации»
7. Название в редакции программы 2019 года, утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 № 321.
8. Государственная программа Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2019 № 335 (с последующими изменениями и дополнениями).

Цукерман Вячеслав Александрович
кандидат технических наук, доцент,
Горячевская Елена Сергеевна
научный сотрудник
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина
Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН»
Россия, г. Апатиты
tsukerman@iep.kolasc.net.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Исследования возможностей технологической трансформации показали неэффективность вложений в инновационное развитие по сравнению с освоением и переработкой полезных ископаемых Арктики. Определено, что в арктических регионах не может быть устойчивой технологической трансформации без дополнительных инвестиций. Проведенные авторами исследования показали, что ни одно из 22 основных северных промышленных предприятий не имеет ресурсов для стратегического планирования инновационного развития.

Ключевые слова: трансформация, технологии, Арктика, регион, финансовые ресурсы, инновационные процессы.

Технологическая трансформация является ключевым фактором, определяющим в долгосрочной перспективе уровень социально-экономического развития территорий Арктики, предусматривающий многофакторный процесс, связанный с реализацией современных целенаправленных эффективных управленческих воздействий.

Современный мировой тренд связан с ожиданием глобальных технологических сдвигов, преобладанием пятого и шестого технологических укладов, в формировании и развитии которых могут быть использованы инновационные проекты, прежде всего, при реализации энергосберегающих и экологически совершенных технологий.

Повышение уровня научного и инновационного потенциала, является определяющим для конкурентоспособности промышленности Арктической зоны Российской Федерации (Арктики).

Технологическая трансформация Арктики должна основываться на первый период на совершенствовании подготовки и переподготовки кадров научных и производственных специальностей, которые предусматривают существенное повышение компетенций и уровня знаний при реализации комплексного освоения и переработки природных ресурсов Арктики с учетом повышенных затрат.

Президентом РФ в своем Указе № 204 от 7 мая 2018 г. определена задача к 2024 г. увеличить до 50 % число организаций, реализующих технологические инновации [1]. На сегодняшний день инновационная активность предприятий арктических регионов чрезвычайно низкая, при этом динамика за последние годы отрицательная (таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес осуществляющих технологические инновации арктических организаций, в процентах к общему числу [2]

	2013	2014	2015	2016	2017
Ненецкий АО	4,8	2,6	5,9	5,6	4,6
Мурманская область	9,0	8,4	7,8	7,3	6,8
Ямало-Ненецкий АО	6,2	11,2	7,7	9,2	7,0
Чукотский АО	17,6	33,3	26,1	14,7	10,7
Российская Федерация	9,7	9,7	9,5	9,2	7,5

Также отмечается отрицательная динамика объемов производства инновационной продукции (таблица 2).

Таблица 2

Удельный вес инновационной продукции арктических регионов, в процентах к общему объему [2]

	2013	2014	2015	2016	2017
Ненецкий АО	-	-	-	0,0	0,0
Мурманская область	0,8	3,6	1,7	1,5	1,3
Ямало-Ненецкий АО	-	0,0	0,2	0,1	0,0
Чукотский АО	1,7	0,0	0,1	0,7	1,4
Российская Федерация	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2

Соответственно и доля наукоемких и высокотехнологичных отраслей экономики Арктики в валовом региональном продукте за последние годы не увеличивается (таблица 3).

Таблица 3

Доля наукоемких и высокотехнологичных отраслей экономики Арктики в ВРП

	2013	2014	2015	2016	2017
Ненецкий АО	4,7	4,7	4,0	3,6	3,5
Мурманская область	17,9	18,6	17,1	16,8	16,6
Ямало-Ненецкий АО	4,8	4,4	4,1	3,7	3,5
Чукотский АО	18,1	15,2	13,2	13,6	14,5
Российская Федерация	19,4	19,6	20,2	19,7	19,7

Выполненный анализ основополагающих постановлений Правительства Российской Федерации и указов Президента в области технологического развития показал, что арктические ресурсные корпорации реально способны быть «локомотивом» инновационно-технологического развития России, выступая по-существу заказчиком новых технологий и соответствующего инновационным технологиям оборудования. При совершенствовании системы высшего образования имеются все необходимые условия для подготовки квалифицированных кадров для этих целей [3, 4].

Уникальность Арктики заключается в том, что основа промышленности связана с добычей и переработкой минерального сырья (таблица 4).

Таблица 4

Удельный вес добывающих и обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости арктических регионов

	2013		2015		2016		2017	
	Доб.	Обраб.	Доб.	Обраб.	Доб.	Обраб.	Доб.	Обраб.
Ненецкий АО	75,3	0,3	69,9	0,3	74,5	0,3	76,2	0,2
Мурманская область	18,1	10,8	14,4	11,1	16,4	9,2	13,4	9,7
Ямало-Ненецкий АО	52,3	1,4	55,7	2,0	54,5	1,8	61,1	1,6
Чукотский АО	33,2	0,2	48,4	0,7	50,1	0,4	43,5	0,5

Горно-обогатительный комплекс и производство должны основываться на высокотехнологических процессах, стимулирующих реализацию отраслевых инноваций и способствующих формированию соответствующих зон опережающего развития. Развитие Арктики в полной мере соответствует стратегической задаче перевода российской экономики на научно-технологический путь развития. Требуется существенно повысить эффективность управления региональным инновационным развитием и взаимоувязанные решения, направленных на достижение максимально возможного эффекта в социально-экономической и экологической сферах [5].

В этом плане следует отметить, что по индексу промышленного производства регионы Арктики значительно опережают показатели Российской Федерации (рисунок 1).

Рисунок 1 – Индексы промышленного производства в арктических регионах, в % к 2005 году

При этом, к сожалению, рост промышленного производства происходит в основном за счет увеличения объема, а не за счет технологической трансформации [6]. Арктические корпорации, связанные, прежде всего, с добычей и переработкой минеральных ресурсов, являются по-существу потребителями инновационных технологий. Арктические регионы способны создавать полигон для апробирования новых отечественных технологий в области освоения природных ресурсов. Кроме того, в Арктике можно опробовать новые технологии, связанные с созданием инновационных материалов и топлива для использования в условиях низких температур; использованием биотехнологий, созданием «арктической» техники, современного геологоразведочного оборудования и др. [7-9]. Технологическая трансформация Арктики позволит снизить зависимость от импортных технологий, особенно в тех областях, где мы существенно отстаем от приарктических стран, например, для освоения арктического шельфа [10].

В качестве первостепенной задачи следует существенно снизить износ основных фондов на арктических предприятиях (таблица 5).

Таблица 5

Степень износа основных фондов в арктических регионах, % [2]

	2013	2014	2015	2016	2017
Ненецкий АО	38,8	42,1	44,3	43,3	45,6
Мурманская область	39,5	38,9	41,8	43,0	43,1
Ямало-Ненецкий АО	57,4	58,5	59,6	58,8	56,8
Чукотский АО	43,0	46,3	45,3	51,1	46,9
Российская Федерация	46,3	47,9	48,8	50,2	50,9

Имеющаяся фактическая степень износа не позволяет обеспечить инновационное развитие промышленности Арктики.

Характерно, что доля полностью изношенных основных фондов за последние годы только растет (таблица 6).

Таблица 6

Удельный вес полностью изношенных основных фондов в арктических регионах, проценты

	2013	2014	2015	2016	2017
Ненецкий АО	4,8	6,8	7,3	7,0	8,6
Мурманская область	13,2	13,2	15,6	16,1	16,6
Ямало-Ненецкий АО	18,1	19,1	20,5	20,3	21,7
Чукотский АО	5,9	7,8	8,4	7,6	9,5
Российская Федерация	14,6	14,9	15,8	16,9	17,9

Исследования показали, что основными факторами, влияющими на социально-экономическое развитие Арктики, являются [11-13]:

- повышенные затраты на производственную деятельность и жизнеобеспечение населения;
- не эффективное промышленно-хозяйственное освоение территорий;
- высокая ресурсоемкость, а также зависимость хозяйственной деятельности и обеспечения населения от поставок товаров первой необходимости по сравнению с «несеверными» регионами;
- низкая устойчивость экологических систем и их зависимость от незначительных антропогенных воздействий;
- отсутствие комплексной системы освоения и переработки минеральных ресурсов.

Технологическая и промышленная модернизация производительных сил включает повышение уровня технологического развития национальной экономики: развитие отраслей «новой экономики», обновление основных фондов в реальном секторе, снижение энерго- и материалоемкости ВРП, повышение производительности труда, оживление инвестиционной активности хозяйствующих субъектов [14].

Промышленная политика должна приоритетно основываться на ресурсно-инновационном подходе, предполагающем совмещение сырьевого и высокотехнологичного развития, что особенно важно при освоении шельфовых месторождений. Направления структурных сдвигов в промышленности должны быть направлены на выпуск высокотехнологичных продукции с высокой добавленной стоимостью [15].

С целью изучения возможностей технологической трансформации как основы социально-экономического развития Арктики исследованы взаимосвязи коэффициентов эффективности инновационного и инвестиционного процессов на основании использовании методики Е.В. Ивановой [16].

Для характеристики эффективности функционирования традиционного (минерально-сырьевого) сектора экономики применен коэффициент эффективности инвестиционного процесса ($К_{эфинвп}$), а для характеристики эффективности функционирования инновационного сектора - коэффициент эффективности инновационного процесса ($К_{эфиннп}$):

$$К_{эфинвп} = \frac{ВОФ}{ИвОК} \quad (1),$$

где $К_{эфинвп}$ - коэффициент эффективности инвестиционного процесса, ВОФ – ввод в действие основных фондов, ИвОК – инвестиции в основной капитал.

$$К_{эфиннп} = \frac{Инн.ТРУ}{ЗТИ} \quad (2),$$

где $К_{эфиннп}$ - коэффициент эффективности инновационного процесса, ИннТРУ – объем инновационных товаров, выполненных работ, услуг, ЗТИ – затраты на технологические инновации.

В соответствии с методикой [16] рассчитано соотношение между коэффициентами эффективности инновационного процесса и эффективности инвестиционного процесса (рисунок 2).

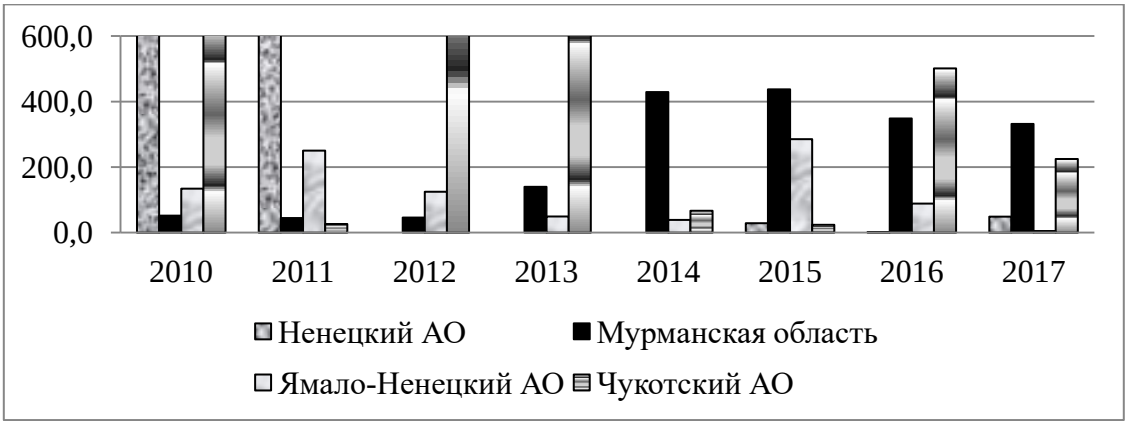

Рисунок 2 - Соотношение между коэффициентами эффективности инновационного процесса и эффективности инвестиционного процесса в арктических регионах, %

Исследования показали неэффективность вложений в инновационное развитие по сравнению с освоением и переработкой полезных ископаемых. Эта проблема особо важна при формировании стратегии инновационного развития. В современной глобализирующейся экономике требуются научно-обоснованные направления вложения финансовых ресурсов для технологической трансформации и соответственно социально-экономического развития Арктики. Без государственной поддержки и инвестиций предприятиям, использующим только собственные финансовые средства, невозможно планировать технологическое развитие. Кроме того, требуется существенное изменение объема затрат на исследования и разработки.

Анализ структуры затрат на технологические инновации показал, что большую долю занимают расходы на приобретение машин и оборудования (таблица 7).

Таблица 7

Затраты на технологические инновации по видам инновационной деятельности в арктических регионах

	исследования и разработки	приобретение машин и оборудования	приобретение программных средств	инжиниринг	прочие затраты
Ненецкий АО	0,0	100,0	-	-	0,0
Мурманская область	31,4	36,6	8,0	22,8	1,2

Ямало-Ненецкий АО	21,3	29,0	48,0	1,2	0,5
Чукотский АО	2,2	19,0	1,1	61,0	16,7

Затраты на научные исследования и разработки, которые обеспечивают технологическое развитие и инновационность промышленности характерны только для Мурманской области и Ямало-Ненецкого автономного округа.

Показано, что в арктических регионах не может быть устойчивой технологической трансформации без дополнительных инвестиций. Проведенные авторами исследования потенциальных возможностей реализации стратегии инновационного развития 22 основных северных промышленных предприятий за 2013-2018 г.г. показали, что ни одно из предприятий не имеет ресурсов стратегического планирования [17-20].

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 04.02.2019)
3. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Система подготовки и переподготовки управленческих кадров для комплексного развития Арктической зоны Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 6. – № 4-1 (24). – С. 35-42
4. Цукерман В.А., Козлов А.А. Согласование государственной и корпоративной инновационной политики в сфере промышленного аутсорсинга российской Арктики // Экономика в промышленности. 2015. № 3. С. 26-29
5. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационный потенциал регионов российского Севера (на примере Мурманской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 15 (150). – С. 19-27
6. Цукерман В.А. Состояние, проблемы и перспективы инновационного развития минерально-сырьевого комплекса Севера и Арктики России // Записки Горного института. – 2011. – Т. 191. – С. 212-217
7. Цукерман В.А. О стратегии инновационного развития регионов Севера, связанных с освоением морских ресурсов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2011. – № 2 (28). – С. 69-72
8. Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2. – С. 27-42
9. Komkov N.I., Selin V.S., Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Problems and perspectives of innovative development of the industrial system in Russian Arctic regions // Studies on Russian Economic Development. – 2017. – Vol. 28. – No. 1. – Pp. 31-38 DOI 10.1134/S1075700717010051
10. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Влияние санкций на комплексное освоение месторождений Арктического шельфа // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 158-161
11. Березиков С.А., Цукерман В.А. Технологическая структура экономики и ее влияние на конкурентоспособность северных регионов России минерально-сырьевой направленности // Горный журнал. – 2012. – № 9. – С. 63-66
12. Селин В.С., Селин И.В., Цукерман В.А. Согласование стратегического и операционного управления горнодобывающими корпорациями Арктики на основе бюджетирования // Экономика в промышленности. – 2014. – № 4. – С. 60-67

13. Цукерман В.А. Проблемы и перспективы инновационно-технологического развития экономики Севера // Экономика и управление. – 2007. – № 6. – С. 76-78
14. Курзина И.В. Институционально-технологическая трансформация российской экономики как основа модернизационной парадигмы // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 1-2 (23-24). – С. 128-133
15. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А.И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014. – 844 с
16. Иванова Е.В. Проблемы технологизации российской экономики // Экономика. Налоги. Право. – 2008. – № 1. – С. 27-39
17. Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S., Ivanova L.V. On Innovation Activities of Industrial Companies of the North and the Arctic under the Conditions of Resource Restrictions // Proceedings of the 2017 International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies" (September, 24-30, 2017). - St. Petersburg. Publ. Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, 2017. – Pp. 593-597. DOI: 10.1109/ITMQIS.2017.8085893
18. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Финансовое обеспечение промышленных предприятий как основа стратегии инновационного развития Севера и Арктики // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. – Изд. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Геологический Институт Кольского научного центра Российской академии наук (Апатиты). – 2017. – № 14. – С. 567-568
19. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Финансовое обеспечение модернизации экономики регионов Севера и Арктики // Вызовы и возможности финансового обеспечения стабильного экономического роста (ФИНАНСЫ-2017). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Севастополь, 13-16 сентября 2017 г.): Сборник научных трудов. Севастополь: «РИБЕСТ», 2017. – С. 207-214
20. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Оценка финансово-экономической и инновационной деятельности промышленных предприятий Арктики минерально-сырьевой направленности // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 4. С. 71-86

Чэнь Сяо
аспирант кафедры Экономики и Бизнеса
Московский Государственный Технический Университет им. Баумана
Китай, провинция Хэнань
chen.syao@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ НА СТРУКТУРУ И ПОКАЗАТЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН, КИТАЙ

Аннотация. «Четвертая промышленная революция» в Китае позиционируется как массовое внедрение роботизации и цифровых технологий управления, что снизит зависимость промышленности от стоимости рабочей силы.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, роботизация, автоматизация производства

В 2018 году Всемирный экономический форум открыл в Китае «Центр Четвертой промышленной революции», который располагается в столице страны – Пекине. Это особенно важное событие, учитывая, как стремительно развиваются китайские технологические гиганты и насколько остается привлекательным внутренний рынок для иностранных инвестиций.

Даже тот факт, что Третья Промышленная революция распространились еще не по всему миру сегодня назрела новая «революционная ситуация». Основой Четвертой Промышленной революции является усиленная интеграция киберфизических систем и «интернета вещей» в производственные процессы. Это может подставить под вопрос актуальность массы профессий, также вызовет кардинальные изменения в характере и содержании труда экономически активного населения. Речь идет о принципиально иной работе, с новыми требованиями к рабочей силе. Новые технологии открыли виртуальные пространства для трудовой деятельности, сформировали интернет-экономику (e-economy) и электронный бизнес (e-business, e-commerce). Информационно-коммуникационные технологии не только изменили структуру занятости, соотношение рабочего и свободного времени, но и открыли новые перспективы для самозанятости, в особенности для так называемых фрилансеров – специалистов, выходящих на рынок труда в качестве самостоятельных поставщиков услуг. Интересно, что, по данным Государственного статистического управления страны, в 2018 году ВВП Китая впервые превысил отметку в 90 трлн юаней. То есть объем рынка электронной розничной торговли составляет сейчас 10% от ВВП страны [1].

Внедрение технологий все более повышает производительность труда, но и снижает спрос на «синих воротничков», рабочих, непосредственно занятых в производстве. С целью решения проблемы трудоустройства в провинциях южного Китая, где сосредоточены производственные мощности страны, создана целая программа, предполагающая переориентацию либо повышение квалификации рабочего персонала в предприятиях, внедряющих автоматизированные системы.

Одним из примеров начала реализации всеобщей роботизации в Китае является южно-китайское предприятие Everwin Precision Technology, на котором еще в 2017 году было задействовано 960 рабочих, а сегодня лишь 50 операторов на 15 автоматизированных конвейеров. Сокращенный в 20 раз оперативный штат обслуживает в 80 рабочих рук роботов [3].

Но это только начало – компания, расположенная в промышленном сегменте Дунгуань, провинции Гуандун, планирует нарастить армию роботов до 200 рук, чтобы автоматизировать производство на 80% к 2020 году.

Это не единственный пример в данной провинции и в Китае в целом: согласно данным Международной федерации робототехники, Китай превратился в крупнейшего импортера роботов. Роботизация промышленности - один из базовых элементов модернизации китайского производства в рамках плана правительства "Made in China 2025".

Южно-китайский Дунгуань станет площадкой для дальнейшей роботизации всей страны. С 1980-х годов Дунгуань, расположенный между Гуанчжоу, Шэньчжэнем и Гонконгом, играл роль важнейшей производственной площадки для легкой промышленности в рамках политики реформ и открытости в Китае. Кризис 2008 года нанес серьезный удар по производителям района, а ориентация на развитие внутреннего рынка привела к регулярному недостатку рабочий силы размером в 200 000 рабочих, вызванной также и проблемой старения работоспособного населения. Согласно последним данным работоспособное население в возрасте с 16 до 59 лет сократилось в Китае на 5 млн человек в 2018 году и достигло 903 млн [4]. Эта тенденция продолжится и в дальнейшем. В этих условиях власти района приняли решение начать реализацию плана по автоматизации производства.

«Новые руки» сократили количество бракованной продукции с 25 до 5% и удвоили производительность. По состоянию на конец 2018 года больше тысячи дунгуаньских предприятия подали заявку на государственные субсидии на автоматизацию производств, на что запланировано выделить более 10 млрд юаней. Автоматизация повышает продуктивность в среднем на 65% и сокращает стоимость производства на 10% по данным Министерства промышленности и информатизации Китая. Роботизация позволила заменить 90 тысяч рабочих мест, при этом, по понятным причинам снизив травмоопасность на производстве.

Развитие автоматизации стимулирует рост робототехнической отрасли: в прошлом году в Дунгуане уже 390 компаний производили роботов, объем их производства достиг 27 млрд юаней [1]. Согласно заявленным в январе целям Министерства науки и технологий количество таких предприятий вырастет в четыре раза к 2020 году по сравнению с 2017 годом. Целью данной программы и политики является достижение к 2020 году отметки в 80% автоматизации всех производств в Дуньгуане.

Автоматизация не приводит к массовой безработице: согласно исследованию - только 20% рабочих потеряло работу из-за введение автоматизированных производств, остальных удалось трудоустроить в секторе услуг или на тех же предприятиях, которые из-за автоматизации получили дополнительную прибыль и возможности расширить производство. Показатель соотношения предложения труда и спроса на него в Дунгуане остается на прежнем значении 1,2, а число занятых рабочих увеличилось на 2,3% по сравнению с 2017 годом [2].

Таким образом, переход к Третьей Промышленной Революции уже вызывал фундаментальные изменения в характере и содержательности труда. «Индустрия 4.0» продолжит и преобразит данный процесс: вызовет развитие нетрадиционных форм занятости, усилит гибкость труда, приведет к появлению новых профессий. При этом процесс перехода требует большой работы по подготовке и переобучению тех профессий, которые могут оказаться невостребованными. Данные тенденции в изменении производственных и экономических отношений требуют дальнейшего углубленного наблюдения и исследования.

Список использованных источников:

1. Министерство финансов Китая // Финансовый сектор [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mof.gov.cn/index.htm/ (дата обращения 10.09.2019).
2. Международная торговля // Всемирный банк [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldbank.org/ (дата обращения 10.09.2019).
3. Sasatra Sudsawasd Trade Integration in East Asia: An Empirical Assessment. Modern Economy, 2016, (04).
4. Отраслевая торговля // Всемирная торговая организация [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/ (дата обращения 12.09.2019).

Шедько Юрий Николаевич
доктор экономических наук, доцент
профессор кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет
г. Москва
Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Академия подготовки главных специалистов», консультант
ynshedko@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ, ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, БИЗНЕС-СТРУКТУР В ХОДЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье определены проблемы, возникающие в ходе четвертой промышленной революции, которые должны быть разрешены органами власти, организациями гражданского общества, работающими с людьми и сообществами, бизнес-структурами. Установлены задачи этих акторов в аспекте их трансформации, предусматривающей не только внедрение инновационных цифровых технологий, но и фундаментальный переход к новым ролям, структурам и системам оказания общественных услуг при движении по траектории устойчивого развития.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, органы власти, гражданское общество, проблемы и риски цифровизации

Четвертая промышленная революция, как значительный внешний фактор устойчивого развития территории, отражает наши желания и решения, ведет к появлению умных городов [1, 5], которые сокращают бедность и повышают качество жизни, используя более надежные и безопасные источники энергии, обеспечивая защиту окружающей среды, большую инклюзивность государственного процесса, социальную сплоченность и сотрудничество. Четвертая промышленная революция на основе подходов Индустрии 4.0 все более охватывает промышленность развитых стран мира, ключевым которой становится внедрение киберфизических систем [4].

Технологии нашего пост-цифрового мира влияют на все аспекты нашей жизни, радикально изменяя нашу способность создавать, получать и использовать информацию; относиться друг к другу и к вопросам, которые важны для нас; создавать ценные ресурсы и новые институты [3]. Эти изменения порождают новые потребности и социальные проблемы, которые должны быть оценены и решены органами власти, бизнес-структурами и организациями гражданского общества, работающими с людьми и сообществами. Некоторые из этих проблем являются как новыми, так и чрезвычайно сложными, что означает отсутствие или недостаточную развитость адекватных институтов, механизмов и опыта для их смягчения. Это, в частности, такие проблемы как дискриминационные результаты в алгоритмическом принятии решений; индивидуальные и групповые нарушения конфиденциальности в результате проектов обмена данными и карт; высокая волатильность, связанная с крипто-филантропией; недостаток активности со стороны работников, побуждающих их отказаться от использования их данных; предвзятость и искажение фактов в изложении историй виртуальной реальности.

Для организаций гражданского общества этот новый контекст более чем когда-либо требует своевременно отражать и реагировать на новые потребности и проблемы.

Для бизнес-структур скорости научно-технического прогресса и изменений в обществе в целом требуют по новому взглянуть на общую картину мира, коренным образом переосмыслить свои роли и задачи, приобрести новые возможности и навыки, а также перейти к новым организационным, партнерским и финансовым моделям, которые позволят стать более уполномоченными, проактивными и информированными акторами общественного блага.

В связи с широким использованием искусственного интеллекта и других инновационных информационно-компьютерных технологий и органы власти государственной власти и местного самоуправления также приспосабливаются к грядущим изменениям в обществе в быстро меняющемся мире [2].

В условиях четвертой промышленной революции органы власти должны измениться и стать более ориентированными на клиента, например, услуги государственного сектора должны разрабатываться с учетом потребностей гражданина как клиента. В то же время, когда руководители органов власти пытаются преобразовать их, трансформируясь из внутренней направленности в ориентированную на клиента культуру и разрабатывая новые сервисы и показатели эффективности, они сталкиваются с дополнительным давлением, чтобы обеспечить инновационный доступ к правительству для граждан, которые используют широкий спектр цифровых инструментов (социальные и широкополосные сети, беспроводные мобильные устройства связи). По мере того, как отдельные лица, семьи и компании становятся все более зависимыми от сетевых услуг и почти непрерывной онлайн-связи, их ожидания в отношении электронного правительства также возрастают. В дополнение к этим тенденциям органы власти вынуждены сокращать бюджеты, оптимизировать операции и увеличивать долю платных услуг, одновременно создавая конкурентоспособную, основанную на знаниях, устойчивую экономику. К сожалению, давление, направленное на сокращение государственных расходов, ставит под угрозу

отдельные сегменты общества, в частности группы, находящиеся в неблагоприятном положении (такие как малообеспеченные, безработные, меньшинства, инвалиды и пожилые граждане), которые в большей степени зависят от государственных услуг и поддержки. Таким образом, вопрос для специалистов по планированию государственного сектора заключается в том, чтобы определить, как электронное правительство, социальные сети и другие инновации позволят улучшить (и снизить стоимость) доступ к государственным услугам [7].

Рассмотрим зарубежный опыт изменений в органах власти, связанных с четвертой промышленной революцией.

Анализ, проведенный исследовательским центром «McKinsey Center for Government» показал, насколько трудно осуществить такие преобразования правильно. Согласно опросу почти 3000 государственных служащих в 18 странах, которые составили часть доказательной базы исследования, около 80 процентов усилий правительства по преобразованию не отвечают их целям. При этом преобразования, более чем в три раза успешные, чем остальные, основаны на стратегии элементами которой являются: преданное лидерство, четкие цели и приоритеты, соблюдение сроков полномочий власти политических деятелей, координация работы органов власти, убедительное общение и способность к изменениям. Вместе с тем, этот комплекс редко применяется целостно – в связи с трудностями реализации в контексте политических циклов, сложных систем принятия решений и многочисленных заинтересованных сторон, составляющих государственный сектор [9].

В «Обзоре нормативной политики Организации экономического сотрудничества и развития за 2018 год» отмечалось что система регулирования Великобритании не имеет себе равных в защите граждан и создании условий для процветания бизнеса. Глобальный научный опыт, университеты мирового класса и открытый, конкурентный рынок привлекает фирмы для инноваций и инвестиций в Великобританию. Подчеркивается, что поскольку четвертая промышленная революция меняет наш образ жизни и работу, жизненно важно, чтобы система государственного регулирования не отставала [8].

Великобритания характеризуется стабильным, пропорциональным подходом к регулированию инновационной экономики. В этой стране создана эффективная система поддержки и стимулирования создания новых продуктов, услуг и бизнес-моделей, предоставляющих больше пространства для экспериментов, осуществляется широкое привлечение общественности к регулированию инноваций.

Значительные усилия по цифровой трансформации с акцентом на руководящую роль его центральных правительственных учреждений предпринимает правительство Таиланда. С 1990-х годов Таиланд развивался в различных рамках политики электронного правительства, и существующее правительство внедряет версию «4.0» стратегий цифровой трансформации, нацеленную на повышение конкурентоспособности бизнеса, благосостояния граждан и эффективности государственного сектора. Органы центрального правительства реорганизуются для решения вопросов «разрозненности» общественных организаций, а также необходимости иерархического руководства и координации.

Усилия Таиланда в области электронного правительства 4.0 отражают три важных контекста. Во-первых, Таиланд имеет сильную централизованную традицию, которая начинается с правительственного центра в Бангкоке и распространяется на провинции и местные органы власти. Централизация осуществляется в соответствии с принципами более эффективного руководства и координации государственного сектора. Вместе с тем, местные органы власти продолжают сталкиваться с проблемами, связанными с нехваткой кадрового потенциала, слабой вспомогательной работой, нехваткой ресурсов и отсутствием прозрачности.

2. Нынешнее правительство централизованно разработало 20-летнюю национальную стратегию, которая является основой для будущих правительств и государственной политики.

В-третьих, ориентир на социальную интеграцию и благополучие (например, в текущих

планах цифрового правительства) основан на сильной буддийской культуре Таиланда. Таиланд часто называют «страной буддизма», и национальная политика четко сформулирована в буддийском контексте. Хотя государственная политика не всегда четко отражает включение буддийских ценностей, большинство тайских политиков твердо придерживаются буддийской культурной традиции. Социальное благополучие и гражданский центризм в электронном правительстве 4.0 основаны не только на западном опыте, но также на тайских буддийских ценностях не причинять страдания другим и на концепции, что счастье возникает изнутри, а не извне. На этом основывается акцент на цифровых технологиях, дающих людям возможность повысить свое «гражданское благосостояние».

В целях поддержки конкретных улучшений Агентство электронного правительства поддерживает разработку систем информационных технологий, которые улучшают эффективный доступ и интеграцию данных между государственными учреждениями. Это включает в себя интеграцию данных и приложения в поддержку основных проблем, таких как решение проблем торговли людьми, незаконного рыболовства, доступа к здравоохранению и образованию. Эти усилия включают в себя многочисленные подзадачи, такие как разработка централизованной системы с протоколами аутентификации и проверки для подключенных агентств, интеграция операций и бизнес-данных отдельных граждан и государственных учреждений, предоставление «открытых для граждан» платформ открытых данных для обеспечения эффективного доступа к информации. и через системы обратной связи активно удовлетворять потребности граждан.

Агентство электронного правительства также разрабатывает учебные программы для повышения цифровой грамотности государственных служащих. Это позволит государственным служащим решать более сложные проблемы, такие как торговля людьми, используя большие данные и прогнозную аналитику. Кроме того, поскольку существующая электронная инфраструктура в Таиланде не охватывает все государственные услуги, Агентство электронного правительства стремится улучшить охват технологической инфраструктуры с целью повышения качества государственных услуг и повышения удовлетворенности граждан государственными программами Sagarik, Danuvasa, Chansukree, Panandab, Cho, Wonhyukc, Berman, Evan. E-government 4.0 in Thailand: The role of central agencies. Information Polity, vol. 23, no. 3, pp. 343-353, 2018.

Отметим новые вызовы, связанные с четвертой промышленной революций:

1. Постоянные риски для цифровых прав через явную взаимосвязь новых технологий. Это такие технологии Четвертой промышленной революции, как «Интернет вещей», 3D-печать и генетическое редактирование, основано на достижениях в области цифровых технологий и искусственного интеллекта.

2. Мощные агитационные инструменты в экономике внимания. Цифровая информационная экосистема изобилует дезинформацией, отвлечением внимания и искажением информации, от фильтров, которые определяют наш алгоритмически настроенный опыт работы с социальными сетями, до онлайновых роботов, искажающих общественное мнение в онлайн-системе правительственных комментариев.

3. Навигация в отношениях с новыми цифровыми социальными движениями. Все больше и больше людей участвуют в местной, национальной и глобальной деятельности через платформы социальных сетей, обозначая социальные проблемы и пробелы в государственном и муниципальном управлении. Выполняя политическую и социальную миссию, эти децентрализованные цифровые социальные движения могут собирать большее число последователей, чем консервативные организации гражданского общества, не использующие социальные сети и технологии будущего для глобальных дебатов и повышения активности.

4. Угрозы прозрачности и подотчетности. Псевдореалистичные новости высвечивают недостаток механизмов прозрачности, подотчетности, алгоритмической ответственности, определения вреда, связанного с алгоритмами, проверок для предотвращения дальнейшего

ущерба и обратной связи.

5. Новый контекст для вопросов этического аспекта использования инноваций. Необходимы исследования предотвращения новой или дальнейшей маргинализации в результате применения этих новых технологий, и обсуждения со всеми заинтересованными сторонами, как это следует делать ответственно.

Отметим, что происходящие трансформации выходят за рамки технических аспектов внедрения информационно-компьютерных технологий и других инновационных инструментов. Это не только инженерная, а и социальная проблема. Это более глубокий, более фундаментальный переход к новым ролям, новым структурам и новым системам доставки общественного блага.

Большие задачи стоят перед руководителями бизнес-структур в сфере управления персоналом:

1. Повышение уровня доверия в организации при управлении культурными изменениями. Укрепление доверия имеет основополагающее значение для успешного лидерства, а обучение является необходимым условием для завоевания этого доверия.
2. Осознание цели организации сотрудниками как свой собственной. Наличие сильного чувства цели во всем, что мы делаем, дает нам более четкое руководство и мотивирует нас к достижению большего. В инновационных корпорациях сотрудники-инноваторы видят свою роль в компании как представление своих ценностей и идентичности.
3. Необходимо развивать лидеров, обладающих навыками управления организациями через инновационные изменения. И руководство, и персонал должны принять изменения и осознать, что то, чем организация занимается сегодня, может существенно измениться в не столь отдаленном будущем. Системы образования и обучения, в том числе внутриорганизационные должны адаптироваться, чтобы лучше подготовить людей к гибкости и навыкам критического мышления, которые им понадобятся в работе.
4. Очень важно для лидеров обратить пристальное внимание на уникальные потребности инноваторов, имеющих потенциал для продвижения к позитивным изменениям, и определить соответствующие решения для удовлетворения этих потребностей.
5. Использование технологий для дополнения взаимодействия сотрудников. Несмотря на то, что информационно-компьютерные технологии облегчают выполнение большинства задач на работе, они никогда не смогут полностью заменить общение между людьми. Личное взаимодействие позволяет работникам быть полностью вовлеченными в рабочий процесс, поскольку создает соединение, которое невозможно установить с помощью экранов и устройств, каким бы эффективным оно ни было. руководители, которые проводят время за работой с сотрудниками, также считаются более аутентичными и динамичными, и это помогает объединить людей вокруг общего видения.

Причем при построении модели лидерства необходимо учитывать специфику различных видов экономической деятельности.

Особо выделим новые задачи организаций гражданского общества, которые участвуют в процессе осуществления перемен.

1) Готовность играть новые и разные роли. Ключевой функцией процветающего сектора гражданского общества является его способность содействовать подотчетности, справедливости, доверию и прозрачности в обществе. Эта роль важнее, чем когда-либо, в нынешних условиях, когда технологические изменения - если не будут должным образом регулироваться – рискуют создать новое неравенство и укрепить существующее. Положительное влияние участия гражданского общества в четвертой промышленной революции проявляется в помощи социальным группам и индивидам, которые больше всего

страдают от негативных последствий, а также в превентивном управлении рисками..

2) Готовность рассмотреть и разрешить ряд проблем, чтобы выполнять эти роли ответственно: мотивация организаций гражданского общества к использованию технологий, проектирование системы, организации и культуры для инноваций, возможности остаться независимыми, при этом полагаясь на алгоритмические инструменты или корпоративные цифровые платформы для работы, обучение лучшим практикам, выделение ограниченных ресурсов на технологии в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Способность организации гражданского общества решать эти проблемы зависит от того, насколько успешно и ответственно она ориентируется в технологических изменениях.

3) Готовность сотрудничать с другими заинтересованными сторонами в формировании будущего. Возможно, усилится социальная напряженность в результате социально-экономических изменений, вызванных четвертой промышленной революцией, трансформирующих рынок труда так, что он делится на сегменты «с низким уровнем квалификации / низкой заработной платой» и «высокой квалификации / высокой заработной платы». При этом характер технологических изменений в сочетании с другими движущими силами четвертой промышленной революции обуславливает необходимость взаимодействия всех ее акторов в рамках их партнерских, операционных и финансовых моделей, требует поддержки и выгод от действий многих заинтересованных сторон, чтобы стимулировать радикальные изменения.

Опередить грядущие проблемы четвертой промышленной революции позволит инвестирование в сектора экономики, связанные с формированием, использованием, развитием и сохранением человеческого потенциала, чтобы для повышения гибкости и адаптивности к новым изменениям в экосистемах [6]. Например, бизнесу необходимо будет инвестировать в свои организационные модели, чтобы адаптироваться к новой рабочей силе, органам власти – формировать условия для создания адекватных рабочих мест в новом мире труда. Некоммерческим организациям и организациям, оказывающим услуги, необходимо понимать влияние и значение своих цифровых ресурсов на безопасное, этичное и эффективное их использование. Опередить четвертую промышленную революцию также означает углубление предвидения и критического понимания влияния оцифровки и появляющихся технологий посредством обмена знаниями.

Лидерство в эти сложные времена требует полной смены наших ментальных моделей, поэтапного изменения совместной работы и способности коллективно предвидеть будущее, которое мы хотим создать.

Некоммерческие организации, правительство, промышленность: все они несут общую ответственность за создание вспомогательных структур, платформ сотрудничества и создание условий, способствующих ускорению готовности общества и экономики к четвертой промышленной революции. В конечном счете, это игра системных изменений, в которой все участники должны играть вместе. И главную роль здесь выполняют органы власти, которые должны адекватно планировать и регулировать новые возможности для обеспечения безопасности.

Список литературы:

1. Барменкова Н.А. Наукограды как инновационный ресурс развития регионов / Н.А. Барменкова, А.С. Сибиряев // М.: Финансовый университет при Правительстве Российской федерации, 2019. – 215 с.
2. Методы и инструменты материального и нематериального стимулирования участников проектной деятельности в государственных органах исполнительной власти / О.В. Панина, Л.В. Шубцова, Н.Л. Красюкова; под редакцией Прокофьева С.Е. и Паниной О.В. // М.: Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Центркаталог» 2019. – 192 с.
3. Попадюк Н.К. О мерах по институционализации стратегического планирования в России / Н.К. Попадюк // В сборнике: Управление реформированием социально-

экономического развития предприятий, отраслей, регионов сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции студентов, магистров, аспирантов, преподавателей и практиков. 2016. С. 183-185.
4. Толкачев С.А. Тренды цифровизации обрабатывающих отраслей промышленности Германии и России / Толкачев С.А., Морковкин Д.Е. // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. – Т. 218. № 4. – С. 260-272.
5. Шедько Ю.Н. Влияние цифровой экономики на развитие государства, бизнеса и общества: проблемы и перспективы / Ю.Н. Шедько, М.Н. Власенко, Н.В. Унижаев // Финансовая экономика. – 2018. – № 7 (ч.20). – С. 2475-2478.
6. Шедько Ю.Н. Региональный человеческий потенциал России в стартапах цифровой экономики / Ю.Н. Шедько, М.Н. Власенко, Л.М. Кунбутаев // Человеческий капитал в формате цифровой экономики: Междунар. науч. конф., посвященная 90-летию С.П. Капицы, Москва, 16 февраля 2018 г.: сб. докладов. – М.: Редакционно-издательский дом РосНОУ. – 2018. – С. 215–221
7. Digital Democracy: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications (3 Volumes) Information Resources Management Association (USA), Release Date: June, 2012. P. 2029
8. OECD Regulatory Policy Outlook 2018 // https://www.oecd.org/governance/oecd-regulatory-policy-outlook-2018-9789264303072-en.htm (дата обращения: 14.10.2019)
9. Tera Allas, Martin Checinski, Roland Dillon, and Richard Dobbs. Elements of a successful government transformation. https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/elements-of-a-successful-government-transformation (дата обращения: 14.10.2019)

Ягуткин Сергей Михайлович
доктор экономических наук, доцент
Бреславец Эсмиральда Эльмановна
магистрант
Ягуткина Екатерина Сергеевна
магистрант
Белгородский государственный аграрный университет
Россия, г. Белгород
yagutkin@yandex.ru, umat_05@mail.ru

ТЕОРИЯ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА В КОНЦЕПЦИИ НЕЙРОВОЛНОВОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА МЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ

Исследования выполнены в рамках НИР учебно-научной лаборатории региональной экономики по кооперации и интеграции АПК, развитию сельских территорий Белгородского ГАУ им. В.Я.Горина

Аннотация. Волновая теория Н.Д.Кондратьева в цифровой экономике искусственного интеллекта постиндустриального общества предполагает комплексное развитие сельских территорий с учетом того, что кроме материальных продуктов в виде продуктов питания и сельскохозяйственного сырья производятся и нематериальные – знания и съэкономленное время. Отсюда кроме волн материального производства, формируются волны нематериального производства, которые материализуются в виде интеллектуальной ренты, под которой понимается дополнительная прибыль, получаемая за счёт обладания и материализации эксклюзивных знаний.

Волны материального и нематериального производства тесно взаимосвязаны, поскольку в их основе лежат общие этапы циклического развития. Гипотеза нейроволнового развития общества предполагает, что цифровые технологи искусственного интеллекта качественно развиваются от законов воспроизводственного процесса материального производства, в законы нематериального производства, а конкуренция между людьми, управляющими хозяйствующими субъектами рынка, трансформируется в конкуренцию искусственных интеллектов, управляющих уже не только производственными процессами, но и аппаратом управления. Из субъекта управления, аппарат управления превращается в объект управления.

Ключевые слова: инновационная интеграция, интеллектуальная кооперация, нейроволновое развитие, постиндустриальное общество, сельские территории, цифровая экономика

С позиций предмета исследования, нейроволновая теория деловых циклов, на основе теории Н.Д.Кондратьева предполагает, что для постиндустриального общества, в котором основным товаром являются знания, также характерна волновая динамика. Только в ней границы циклов интеллектуального развития определяются временными границами научно-технических революций или укладов. Каждый сформированный научно-технической революцией уклад представляет собой, глобальную или длинную нейрономическую волну. являющейся симбиозом знаний и производственных ресурсов общества. Соответственно, средние нейрономические волны - это системы организации воспроизводственного процесса в обществе. Продолжительность средней нейроволны определяется жизненными циклами организаций, в данном случае институтов управления обществом. Короткие волны – это технологии организации производственных процессов материальных и нематериальных благ. Все нейроволны сложно и противоречиво взаимосвязаны и взаимозависимы, поскольку их развитие определяют объективные интересы различных групп социально-активного населения.

Для понимания гипотезы применения теории Н.Д.Кондратьева в нейроволновом развитии цифровой экономики искусственного интеллекта постиндустриального общества меняющейся России, с позиций предмета исследования представляется целесообразным раскрыть смысловое содержание основных категорий. Категория «группа социально-активного населения» - это устойчивая совокупность людей, объединённая общностью интересов по созданию и распределению материальных и нематериальных благ за счёт друг друга.

Нейрономика – это наука о материальных и нематериальных интересах различных форм жизни, с разным уровнем интеллекта, разными условиями существования, включая различные, трудноизмеримые поля.

Нейроволна – это поле интересов, создаваемое нейронами различных форм жизни, борющихся между собой за выживание и развитие, путем изменения или приспособления к меняющимся условиям существования. Понятно, что нейронные поля животного и неорганичекого мира в работах экономического профиля, пока ещё не рассматриваются.

Нейроэкономика - это наука о воспроизводственном процессе материальных и нематеральных благ, на основе преодоления противоречивых интересов различных групп социально-активного населения.

Нейроэкономика, как наука, является составной частью нейрономики, поскольку изучает только факторы интеллектуального развития человеческого общества, условия процесса материализации нематериальных благ [1]. Важнейшим условием формирования и развития нейрономических волн, определяющих направления и возможности использования новых научно-технических революций являются объективные процессы интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции.

Категория интеллектуальной кооперации раскрывает процесс объединения знаний из различных отраслей науки. Категория инновационной интеграции предполагает

специализацию хозяйствующих субъектов рынка на отдельных этапах процесса создания и использования интеллектуальных товаров и услуг.

С этих позиций, гипотеза теории Н.Д. Кондратьева в нейроволновом развитии цифровой экономики искусственного интеллекта постиндустриального общества, предполагает выделение следующих взаимосвязанных длинных волн.

Первая нейроволна. В основе её формирования лежит интуитивное понимание необходимости создания принциально новых товаров и услуг на основе непрерывно развивающихся и обновляемых знаний, являющихся нематериалиными ресурсами, позволяюшими приобрести значительные материальные выгоды.

Условно образование первой нейроволны можно отнести к середине 18 века, когда было создано сельскохозяйственное общество, в составе которого работали агрономы. Позже при Сенате в 1797 г. была создана правительственная Экспедиция, а при ней – «Практическая школа земледелия». Её выпускники отправлялись в деревни, где им выделялась земля для обучения местных крестьян передовым навыкам земледелия. После отмены крепостного права уездные земства стали создавать системы консультирования из участковых и уездных агрономов. Процессы интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции в сельском хозяйстве приняли отчётливый характер. Интеллектуальная кооперация, в упрощённом понимании, сводилась к объединению обучающихся крестьян в группы, что снижало затраты на обучение в расчёте на 1 чел.

Процесс инновационной интеграции заключался в выделении специализированных процессов.

Во-первых, приобретении специализированных знаний учёными-агрономами.

Во-вторых, обучении крестьян основам науки земледелия.

В-третьих, практическом применении полученных крестьянами знаний, с целью извлечения материальных выгод.

Характерной чертой данного этапа является то, что процесс общественного воспроизводства особого нематериального товара – знаний, с последующей материализацией в виде добавочного урожая мало регулировался государством, а его участниками являлись исключительно физические лица. Поэтому первую нейроволну представляется целесообразным охарактеризовать, как процесс интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции между физическими людьми.

Думается, что в границах предлагаемой первой длинной нейроволны следует выделять кроткие волны, связанные с конкуренцией и конкурентной борьбой участников воспроизводственного производственного процесса нематериального производства – знаний в стремлении их приобретении, применении и материализации для получения выгод. Интеллектуальная конкуренция на этом этапе носила наиболее простой характер – на уровне физических лиц, стремящихся на основе приобретённых знаний получить прибавку урожая, а вместе с ней и прибыль. На этом этапе, на подсознательном уровне были заложены ориентиры дальнейшего развития аграрной цивилизации человечества от экстенсивного и тупикового пути развития, связанного с «проеданием» ресурсов и деградации почв к будущей системе интеллектуального земледелия, направленной на повышение качества и плодородия земли. Здесь же обществу пришло осмысление необходимости инновационной интеграции. Возникла необходимость разделения процесса воспроизводства интеллектуальных товаров и услуг на 2 этапа: первый - получения, второй – применения знаний.

Вторая нейроволна, связана с созданием первых институтов вертикальной интеллектуальной кооперации отраслей растениеводства и организация специализированных образовательных учреждений интегрирующих научные и учебные процессы.

3 декабря 1865 года по Высочайшему повелению Императора Александра II была создана Петровская земледельческая и лесная академия. Момент открытия первого высшего сельскохозяйственного учебного заведения является точкой этапа становления системы государственного российского аграрного образования и систематизированных

фундаментальных НИР. Позднее учебные заведения аграрного образования были открыты во всех природно-климатических зонах товарного земледелия.

Учёные агрономы – выпускники аграрных учебных заведений создали инновационную базу для развития зональных систем земледелия о всех регионах России. Данную длинную волну, представляется целесообразным охарактеризовать, как процесс становления общественных институтов интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции. В отличие от первой волны, во второй для получения знаний объединяются усилия не только физических лиц, но и юридических в виде образовательных организаций. То же самое произошло и в процессе инновационной интеграции. Сформировались специализированные образовательные и научные организации, имеющие статус юридического лица. От уровня физических лиц процесс создания, распространения и обмена интеллектуальных товаров и услуг перешел на качественно более сложный уровень между хозяйствующими субъектами – юридическими лицами и от уровня интуитивной организации физических лиц к уровню системной координации общественными институтами, действующими уже на законодательном уровне.

В границах длинной нейроволны, средние и короткие волны связаны с дальнейшим развитием интеллектуальной конкуренции. Она на этом этапе усложнилась и перешла на новый, качественно более сложный уровень, связанный с конкурентной борьбой не только между физическими, но и юридическими лицами. Конкурентная борьба охватила всех участников общественного процесса интеллектуального воспроизводства на этапах создания, обучения и распространения знаний и заключительного этапа их практического применения. Данную длинную нейроволну представляется целесообразным охарактеризовать, как становления сельскохозяйственной науки, как ведущего фактора развития национального сельского хозяйства и всего российского общества.

Третья нейроволна связана с развитием процессов межотраслевой интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции. Формирование и развитие научно-производственных объединений (НПО) в сельском хозяйстве. 25 июня 1929 года выходит Постановление Совета народных комиссаров СССР «Об организации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина», что считается днём образования ВАСХНИЛ. Образование ВАСХНИЛ, министерства сельского хозяйства, министерства образования позволило связать в единый производственно-научно-ученый комплекс всех функционально-взаимосвязанных организаций аграрно-промышленного сектора национальной экономики, что позволило решать стоящие перед обществом задачи многие годы спустя.

Организационно-экономическая связь производства, науки и образования создали потенциал не только для экстенсивных, но и интенсивных систем земледелия, а учебно-опытные хозяйства стали прообразом биологических и интеллектуальных зональных систем земледелия будущей России. В это время был заложен фундамент формирования интеллектуальных систем земледелия.

Данную длинную нейроволну, представляется целесообразным охарактеризовать, как процесс объективного развития от форм вертикальной, внутриотраслевой интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции к более сложным горизонтальным, межотраслевым формам. Интеллектуальная конкуренция на этом этапе также усложнилась, проявившись в новых формах конкуренции между научно-производственными объединениями участников воспроизводственного процесса. В границах нейроволны сформировался фактор превращения сельскохозяйственной науки, в самостоятельной интеллектуальный ресурс, необходимый для пространственного освоения новых территорий, обеспечивающий существование всего советского (российского) государства.

Четвертая нейроволна связана с развитием зональных процессов интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции. В границах волны прошли организационные процессы образования зональных отделений ВАСХНИЛ. Были сформированы: Сибирское отделение в городе Новосибирске, Южное — в Киеве, в Алма-Ате - Восточное отделение

ВАСХНИЛ [7], объединившее 14 научно-исследовательских учреждений, опытные станции и экспериментальные хозяйства. Так же в границах волны были созданы Среднеазиатское отделение в г.Ташкенте. Закавказское (Тбилиси) и Западное отделение (Минск), а также отделение Нечернозёмной зоны РСФСР (Ленинград). Помимо зональных отделений, на начало 1970-х годов, академия имела восемь региональных и десять отраслевых отделений. Кроме того, при Всесоюзной сельскохозяйственной академии действовало 31 научно-исследовательское учреждение. В итоге в Советском Союзе сформировалось и успешно развивалась система зональных производственно-научно-учебных комплексов, которые вопреки установившимся через СМИ, политически навязанному мнению в плоть до начала перестройки и последующему политическому развалу СССР, обеспечивали устойчивое развитие сельского хозяйства, за счёт увеличения площадей орошаемого земледелия, роста урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных, механизации трудоёмких процессов. Помимо материально-технического обеспечения ключевая роль здесь так же принадлежит системе подготовки и переподготовки научно-производственных кадров для АПК.

Данную длинную нейроволну, условно можно охарактеризовать, как процесс организационного превращения аграрной науки в самостоятельную отрасль национальной экономики, главный ресурс развития общества. Процесс интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции трансформировался в качественно более высокий уровень – между научными школами, объединяющими не только материальные ресурсы физических и юридических лиц, но и системы знаний, т.е. конкуренцию между человеческими интеллектами. Впервые конкурентная борьба вышла из области материального производства, в область нематериального производства.

Пятая, современная нейроволна, связана с становлением системы российского постиндустриального общества, интеллектуальной системы ведения хозяйства. В 1992 году действовавшая система зональных научно-производственно-образовательных комплексов прекратила своё существование, в связи с распадом СССР и образованием независимой России. Это негативно сказалось не только на отечественной науке, но и всем российском обществе. Отличительной чертой современного этапа является приватизация земли и, отчасти, собственности бывших научно-производственно-образовательных комплексов зональных систем земледелия, формированием рынка интеллектуальных товаров и услуг, созданием частных научных, образовательных, консалтинговых организаций являющихся независимыми хозяйствующими субъектами рынка интеллектуальных товаров и услуг. По ходу мысли, следует заметить, что частные научные организации, в погоне за прибылью заказчика, не всегда публикуют объективную информацию, формируя рынок ассиметричной информации.

Шестая, формирующаяся глобальная нейроволна основана на объективных процессах международной интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции. Понятно, что стратегическое направление развития интеллектуальной системы ведения хозяйства составят цифровые технологии искусственного интеллекта, позволяющие управлять производственными процессами в растениеводстве, животноводстве и перерабатывающих производствах без участия человека. Основу интеллектуальных систем земледелия составляют самообучающиеся программы, электронные карты полей, ферм, животных, бортовые компьютеры сельскохозяйственных машин, оборудования, электронные чипы животных, системы распознавания образов, системы широкополосной связи internet.

В нейроэкономике будущего, постиндустриального общества, процессы интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции, с большой долей вероятности, будут разделяться на следующие основные группы, формирующие средние и короткие нейроволны.

1. По принципу технологий блокчейна (взаимосвязи блоков информации). В этой, группе, однозначно, будут качественно развиваться действующие цифровые технологии управления технологическими процессами, с использованием автоматизированных систем

интеллектуального управления (интеллект-АСУ) первого, подконтрольного человеку, уровня. Роль искусственного интеллекта сводится к поиску, систематизации и разработки рекомендаций человеку, в данном случае оператору технологических процессов и т.д. вверх по иерархии действующей системы управления. В действующих технологиях блокчейна интеллект-АСУ процесс принятия и реализации управленческих решений осуществляется непосредственно человеком, т.е., человек, пока ещё, управляет технологическими процессами. Границы коротких нейроволн здесь определяются границами жизненных циклов сельскохозяйственных машин и оборудования при помощи, которых данные технологические операции выполняются. Классическим примером повсеместного использования интеллект-АСУ первого уровня является период последних 5 лет, связанный с повсеместным использованием бортовых компьютеров тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин в технологиях точечного земледелия интеллектуального ведения хозяйства. Сегодня речь идёт уже не только контроле за действиями механизаторов, водителей автомобилей и т.д. а о замене всего парка тракторов, комбайнов, автомобилей и т.д. на беспилотные, умирании и исчезновении целого ряда традиционных сельскохозяйственных профессий.

2. По принципу контроля за технологической деятельностью человека. Здесь используются интеллект-АСУ второго уровня, которые контролируют деятельность человека, участвующего в технологических процессах, например, механизаторов, операторов процессов переработки сельскохозяйственного сырья. В случае нарушения технологических процессов интеллект-АСУ не только предоставляют информацию человеку, но и мгновенно блокируют его действия, что бы не нанести вред, создаваемому аграрному продукту. По принципу взаимосвязанных ячеек человеческого мозга, интеллект-АСУ второго уровня создаются блоки информации параметров и взаимосвязи всех технологических процессов, соблюдение которых позволяет получить конечный продукт питания с требуемыми свойствами. В отличие интеллект-АСУ первого уровня, контролирующего деятельность человека, выполняющего отдельные технологические операции, интеллект-АСУ второго уровня контролируют действия человека с позиций организации производственного процесса. Поэтому, здесь границы коротких и средних нейроволн определяются границами жизненных циклов, используемых технологий.

Классическим примером использования интеллект-АСУ второго уровня в коротких и средних нейроволнах Н.Д Кондратьева являются жизненные циклы организации технологических процессов по переработке молокосырья на современных комбинатов. В границах волн, выбытию и замене подлежат уже руководители производственных участков, бригадиры животноводческих, полеводческих бригад и другие управленцы среднего уровня.

3. По принципу функционального контроля за организационной деятельностью человека. Здесь используются интеллект-АСУ третьего уровня, которые контролируют результативность управленческих решений, принимаемых непосредственно человеком. С позиций нейросетевого управления искусственного интеллекта, любое решение принимаемое человеком управленческое решение изначально является неэффективным, поскольку в момент его принятия и реализации в мире создаются биотехнологии, о которых аппарату управления, состоящему из людей ничего неизвестно. Но если использовать результаты неизвестных аппарату управления инновации результатов НИР, то можно получить дополнительную инновационную прибыль или интеллектуальную ренту. Следовательно, управленческое решение, которое не позволяет извлечь интеллектуальную ренту, является ошибочным, а «упущенная» в результате сравнительного анализа прибыль – управленческую ошибку. Отсюда интеллект-АСУ третьего уровня, предполагает построение аналитических моделей, направленных на поиск неиспользуемых резервов, разработку и обоснование условий, механизмов их вовлечения в производство. Границы коротких и средних нейроволн, здесь определяются временем, необходимым для устранения управленческих ошибок.

4. По принципу самообучения и саморазвития искусственного интеллекта. Данный принцип лежит в основе интеллект-АСУ четвертого уровня. Здесь используется схема, что если сельскохозяйственные предприятия находятся в примерно равных условиях, но при производстве сельскохозяйственной продукции он получают различные результаты, то «худшие» хозяйства, должны использовать опыт лучших. Если поступают информация о том, что по результатам НИР инновационные управленческие решения позволяют получить лучший результат, то все сельскохозяйственные предприятия должны использовать лучшие инновационные технологии по результатам НИР. Короткая нейроволна, здесь определяется границами времени жизненного цикла инноваций.

5. По принципу совершенствования производственных отношений. Изменения производственных отношений по мере развития научно-технического прогресса в границах научных революций, формирующих глобальные нейроволны, изначально относятся к средним волнам. Здесь используются интеллект-АСУ пятого уровня, предполагающие построение игровых моделей хозяйственных отношений. По логике вещей, искусственный интеллект в основу критерия поведения человека и действий аппарата управления сельскохозяйственных предприятий вносит следующую гипотезу. Основу действий хозяйствующих субъектов рынка: физических и юридических лиц, составляет стремление получить максимум материальных и нематериальных благ на единицу своих материальных и нематериальных ресурсов. Отсюда в ходе конкурентной борьбы хозяйствующих субъектов, всегда найдутся желающие изменить сложившиеся условия производства и обмена сельскохозяйственных продуктов в свою пользу. По мере становления и развития новых, возникающих под воздействием объективных процессов развития общества явлений, формируются новые группы социально-активного населения, объединёнными общими интересами. Они вступают в конфликт с действующими институтами общественной власти и объективно требуют изменения системы управления обществом с учетом соблюдения и их интересов. Поэтому, по мере развития научно-технического прогресса социально-экономические противоречия между различными группами активного населения и хозяйствующих субъектов рынка носят неизбежный, закономерный характер. Разрешение противоречий осуществляется путем проведения реформ процесса производства и обмена сельскохозяйственной продукции. Причём, экономическая история человечества свидетельствует, что реформы всегда осуществляются с целью личного обогащения реформаторов. Поэтому, интеллект-АСУ пятого уровня, любую хозяйственную деятельность, в том числе и благотворительную, рассматривают с позиций извлечения сопряжённых (взаимосвязанных) благ. Средние и короткие нейроволны, здесь составляют реализованные проекты, направленные на решение хозяйственных вопросов, а так же жизненные циклы реформируемых институтов. Для того, что бы действия интеллект-АСУ пятого уровня не нанесли вред национальной экономики, банкротами в ходе аграрных реформ становятся не земля, материальные ресурсы, а менеджеры принимающие решения по их использованию. В ходе реформ процесс перераспределения ресурсов от неэффективных собственников эффективным должен обеспечить динамичное и устойчивое развитие национального АПК.

6. По принципу психологического поведения строится процесс нейрономического моделирования интеллект-АСУ шестого уровня. Здесь строятся и аналитически прогнозируются действия высшего аппарата управления хозяйствующих систем. Искусственный интеллект в поведенческих моделях человека исходит из принципа меркантелизма, предполагающего, что любой менеджер, в первую очередь, принимает и реализует управленческие решения, приносящие ему наибольшую выгоду. В конфликте интересов между личными интересами главного менеджера и интересами хозяйствующих систем аграрного рынка, личные интересы всегда занимают доминирующее положение. Отсюда возникает закономерность логики алогичного поведения. Это ситуация, при которой в угоду собственных амбиций и интересов, аппарат управления сельскохозяйственных предприятий принимает решения которые ведут к банкротству предприятия или наносят

вред национальным интересам страны. но позволяют принимающему алогичные решения менеджеру получить личную выгоду. Личная выгода в этих моделях всегда приоритетна относительно корпоративной или общественной. Постановка задач моделирования. искусственным интеллектом строится по схеме: действия – материальные выгоды. В теории и практики поведенческих моделей интеллект АСУ шестого уровня рассматриваются так же и модели алогичного поведения менеджеров, которые корпоративные интересы или интересы общества ставят выше личных. В психологических моделях рассматриваются закономерности не материального (ресурсного) поведения, а инстинктного, прежде всего основных природных инстинктов. Поскольку, для высшего аппарата управления, характерна потребность в самовыражении и признании общества, то в поведенческих моделях строится зависимость: действия – результат признание в обществе или самоудовлетворение. Самое сложное здесь определить личностные градации самовыражения и самоуважения менеджера, а так же субъективного понимания общественного признания. Для этого необходима личная информация по действиям менеджера в различных ситуациях, с момента рождения, до периодов становления и старения личности. Короткие нейроволны личности, здесь связаны с жизненным чиклом отдельного менеджера. Средние нейроволны ограничены жизненным циклом основных групп социально-активного населения, участвующего в процессе общественного воспроизводства.

7. По принципу совершенствования человека строятся нейробиологические интеллект-АСУ седьмого уровня, направленные на развитие самого человека, его биологических и интеллектуальных способностей. Всё большее количество людей с чипами интеллект-АСУ заселяет нашу страну и планету. В ближайшие 50 лет, современный человек трансформируется в киборга с неограниченными физическими и интеллектуальными способностями. Но, это уже не предмет настоящего исследования.

Экономика АПК современного общества представляет собой сложную динамично развивающуюся социально-экономическую систему, в которой множество физических, юридических лиц, хозяйствующих субъектов рынка решают свои локальные задачи в рамках глобальных тенденций пятой современной нейроволны и процессов формирования будущей шестой. Поэтому, в реальности, существуют и развиваются одновременно интеллект-АСУ всех уровней. При этом их одновременное применение множеством заинтересованных организаций и физических лиц вызывает значительный синергетический эффект, с трудно определяемыми количественными оценками.

Сложность и противоречивость развития российского общества, формирование и трансформации различных групп социально-активного населения, различия сельских территорий находящихся в неоднородных природно-климатических, социально-экономических, этно-демографических и иных условиях, с позиций современной методологической концепции теории Н.Д. Кондратьева, предполагает переосмысление концепции критериев эффективности управления сельскими территориями в условиях применения цифровых технологий искусственного интеллекта [2].

С позиций предмета исследования, категория «концепция» в переводе с латинского (conceptio) – имеет тройственное значение. Во-первых, генеральный замысел, определяющий стратегию развития сельских территорий при проведении реформ их управления. Во-вторых, система взглядов на социально-экономические процессы определяющие их развитие. В-третьих, механизмы, методы и условия, использующиеся общественными институтами управления для достижения поставленных целей и задач. Отсюда, смысловое содержание рассматриваемой категории «эффективность развития сельских территорий» заключается в логическом обосновании системы показателей, отражающих качественные изменения в достижении поставленных целей и задач. Количественные показатели, характеризуют изменения наличия, состава и структуры населения. Качественные показателя, характеризуют уровень жизни сельского населения, определяющихся продолжительностью жизни и количеством потребляемых благ.

В нейроэкономике постиндустриального общества, целью цифровых технологий искусственного интеллекта, является получение прибыли на основе повышения уровня жизни сельского населения. Отсюда, эффективность институтов государственного, муниципального и общественного управления рассматривается через призму социального развития сельских территорий.

Категория «социальная эффективность управления сельскими территориями» является многокомпонентным показателем, каждый из которых, в различной степени формирует границы коротких нейроволн, отражающих изменения качества жизни населения, переход из одной группы производства и потребления, в другую. Стратификационные группы, отличаются друг от друга более эффективным использованием материальных и нематериальных ресурсов и более высоким уровнем душевого потребления материальных и нематериальных благ. Соответственно, показатели эффективности средних нейроволн отражают качественные изменения институтов государственного, муниципального и общественного управления.

С учетом взаимосвязи и взаимозависимости всех факторов развития, представляется целесообразным выделить следующие группы показателей развития сельских территорий.

Во-первых, показатели политической стабильности развития сельских территорий. Без решения этой первоочередной задачи, ни о каком развитии говорить вообще не приходится. К количественным показателям эффективности трансформационных процессов средних волн следует отнести следующие. Во-первых, миграционное сальдо, характеризующее приток иди отток численности населения. Система управления, при которой наблюдается снижение численности населения, изначально не может быть эффективной и не может долго существовать. Поэтому всегда означает временную границу средней, а при фатальном исходе глобальной нейроволны. Депопуляционные страны и народы, однозначно, обречены на вымирание, превращаясь в навоз, благодатную почву для других более жизнеспособных стран и народов. Представляется, что к показателям социальной стабильности сельских территорий следует отнести следующие: а) отсутствие потерь рабочего времени от забастовок; б) отсутствие криминальных потерь материальных ресурсов населения; в) приток внешних инвестиций; г) сохранение показателей доверия и конструктивного сотрудничества населения с региональной властью на высоком уровне; д) желание связать свою судьбу с судьбой региона рождения и проживания. Границы коротких нейроволн социальной стабильности определяются их изменения – от улучшения до ухудшения и, наоборот. Нейроволна, социальной стабильности развития сельских территорий должна носить, как минимум, среднесрочный характер, и, наоборот, нейроволна социальной нестабильности краткосрочный характер. Логика проста. Волна социальной нестабильности требует незамедлительного вмешательства, иначе произойдет насильственное свержение действующих институтов власти. Если нейроволна социальной нестабильности носит долгосрочный характер, то государство с социально-нестабильными сельскими территориями неизбежно разрушается, теряя над ними контроль и погружаясь в пучину различного рода конфликтов. При внешней видимости социальной стабильности, для современной России характерна скрытая угроза формирования новой нейроволны социальной нестабильности. На неё указывают следующие индикаторы, опубликованные в открытой печати: а) снижение индекса доверия к Президенту среди населения страны; б) снижение индекса доверия к Правительству страны; в) рост недовольства россиян ходом проводимых реформ; г) падение реальных доходов населения; д) экономический голодание населения. С позиций предмета исследования, категория «экономическое голодание населения» - это система производственных отношений общества, при которой основная часть населения не в состоянии потреблять продукты питания по медицинским нормам рационального питания, не может позволить себе осуществлять накопления в своё будущее развитие, завести ребёнка, вынуждено изнурительно трудится в домашнем хозяйстве, а потери официальной работы, ведёт к лишению жилья и социальной деградации [3].

Во-вторых, показатели пространственной плотности сельского населения, а для России, освоения новых территорий и образования новых сельских поселений, поскольку процессы деурбанизации в цифровой экономике постиндустриального общества носят закономерный и объективный характер: а) цифровые технологии искусственного интеллекта позволяют сократить количество работников и, следовательно, способствуют развитию мельчайших и малых форм хозяйствования, составляющих основу экономики сельских территорий; б) антропогенное загрязнение городов и сокращение срока жизни городского населения, толкают различные группы социально-активного населения из городов в сёла; в) изменения цифровой логистики, переход от схемы: сельский производитель – оптовая база (перерабатывающий комбинат) – магазин – покупатель, к схеме: сельский производитель – покупатель; г) технологии интеллектуального земледелия позволяют снизить климатическую зависимость и переместить аграрное производство на север, освоить опустынивающие_и незаселённые земли. Границы коротких и средних нейроволн, здесь рассматриваются через призму реформирования институтов территориального управления и административных изменений, а так же значениями сопоставляемых с общемировыми тенденциями экономических показателей. Отрицательные значения указывают на завершающую фазу цикла, положительные – начальную [4].

В-третьих, показатели продовольственной безопасности государства. В современной экономике любого постиндустриального общества не менее 75% национального валового продукта в той или иной степени связанно с различными сферами АПК, а мультипликационный эффект развития сопряжённых секторов превышает, как минимум, десятикратное значение. Понятно, что в современной России, как стране пережившей процесс искусственной деиндустриализации значение мультипликатора должно быть значительно выше. Для классификации стран по уровню обеспечения продовольственной безопасности, представляется целесообразным использовать следующую классификацию.

Первую группу, составляют страны не способные обеспечить потребности населения в продуктах питания собственного производства, в соответствии с физиологическими нормами в пересчёте на калории или хлебные единицы. Это страны, производящее менее 500 кг. сопоставимого зерна на душу населения в год. Страны этой группы не имеют стразовых, переходящих фондов продовольствия, население находится под давлением непрерывной угрозы голода. Это беднейшие, социально-нестабильные страны с постоянной угрозой политических взрывов и катастроф, способных разрушить действующую систему мирохозяйствования. Это страны коротковолнового развития. Границы нейроволн определяются временем очередных политических кризисов и сменой правительств.

Вторую группу, составляют страны, производящие продукты питания и сельскохозяйственное сырьё в объёмах, позволяющих удовлетворить физиологические потребности населения и внутренний спрос пищевой промышленности. Ежегодно пополняемые объёмы страховых фондов продовольствия, позволяют покрыть годовые потребности стран в продуктах питания и сельскохозяйственном сырье. Душевое производство условного зерна здесь составляет, примерно, 1 тонну. Это страны социальной и политической стабильности. Их развитие определяется средними и длинными нейроволнами научно-технического прогресса или революций.

Третью группу, составляют страны, способные не только удовлетворить потребности населения по медицинским нормами рационального питания, но и экспортировать продукты питания, сельскохозяйственное сырьё и, главное, технологии аграрного производства. Эта группа аграрно-развитых, постиндустриальных стран, определяющих тенденции развития мирового хозяйства. Стабильность и динамичность развития здесь формируется длинными нейроволнами научно-технических революций. Душевое производство условного зерна в странах данной группы превышает 1500 кг. и продолжает увеличиваться за счёт ускоренного, в сравнении с Россией, достижений научно-технического прогресса, а так же циклических научных революций, вызываемый фундаментальными исследованиями системы интеллектуального земледелия.

В-четвертых, показатели средневолновых трансформационных процессов стратификации основных групп социально-активного населения, вызванных технологиями научно-технического прогресса. Сюда относятся следующие:

а) показатели производства валовой и товарной продукции в сопоставимых ценах на 1 га земельных угодий и 1 условного работника, на единицу сопоставимых земельных и управленческих ресурсов;

б) показатели ресурсообеспеченности в расчёте на 1 га структурных земельных угодий и единицу учитываемых затрат по их наличию и составу. К качественным показателям здесь относятся динамические показатели сопоставления роста ресурсоотдачи относительно базового уровня начала новой зарождающейся нейроволны или предшествующей, уже заканчивающейся с учётом рискованного характера земледелия и стохастичности проявления природно-экономических факторов.

Принципиальным моментам методологической концепции алгоритмов расчёта показателей развития нейроволн трансформации стратификационных процессов современной России, является положение о том, что обеспеченность продуктами питания населения должна быть не ниже физиологических норм потребления. Страховые переходящие запасы продовольствия при этом, должны покрыть потребности продовольствия, как минимум, до урожая следующего года или времени закупки продовольствия на мировых аграрных рынках.

В настоящее время в прогнозно-аналитических расчётах ориентировочным сроком является примерно 75-90 дней в зависимости от конъюнктуры рынка и возможности применения антироссийских экономических санкций. В агрегированных расчётах потребности производства сельскохозяйственной продукции следует исходить из душевой потребности населения в в соответствии с медицинскими нормами рационального питания. Здесь же следует учесть потребности промышленности в сельскохозяйственном сырье исходя из необходимости пополнения страховых переходящих фондов продовольствия, объёмов импортозамещения в рамках санкционного режима и экспортных возможностей России в рамках диверсификации баланса международной торговли при различных сценариях торговых войн. Отсюда валовое производство сельскохозяйственной продукции в пересчёте на условное зерно в России должно составлять не менее 1200 кг на душу населения.

По мере углубления мирового продовольственного дисбаланса, потенциального изменения климата, прогнозно-аналитические показатели условного аграрного производства будут возрастать, что не снимет актуальность рассматриваемой методологической концепции нейроволнового развития трансформации стратификационных процессов при оценке эффективности системы государственного и муниципального управления сельскими территориями. в обозримом будущем.

В экономической социологии, короткие и средние нейроволны формирования стратов, рассматриваются с позиций основных положений теории Н.Д Кондатьева, методологии многофакторного прогнозирования сохранения устойчивости динамики развития интересов и ожиданий основных групп социально-активного населения проживающего на сельских территорий. Стандартные пакеты прикладных программ многокомпонентного анализа позволяют выявить причины изменения интересов, отношений с институтами государственного и общественного управления. База сравнительного анализа определения границ нейроволн носит двойственный характер, в зависимости от использования показателей внутритерриториального или внешнего развития. Показатели внутритерриториального развития рассчитываются сопоставлением динамики изменений развития экономических и социальных параметров уровня населения сельских территорий относительно различных периодов времени, формирующих границы нейроволн. Постановка задач нейроигровых моделей ставится на аналитическое обоснование качественных изменений сельских территорий при сохранении различных сценариев развития и изменения механизма хозяйствования. Показатели внешнего развития рассчитываются

относительно аграрно-развитых стран мира. Постановка задач нейроигрового моделирования осуществляется на аналитическое обоснование развитие процессов международной кооперации, интеграцию сложившихся и, главное, будущих мирохозяйственных связей.

В-третьих, показатели изменения качества жизни населения. Реальность такова, что в обществе нельзя ставить изолированные, в рамках научных лабораторий опыты, поэтому всегда во время социально-экономических экспериментов роль своеобразных подопытных кроликов уготовлена каждому жителю. Если эксперимент имеет положительный результат, то население относительно базового уровня и среднерегионального или мирового уровня возрастает. Сельские жители в возрастающих пропорциях потребляют большее количество сопоставимых благ на душу населения. Наоборот, управленческие ошибки ведут к усилению складывающихся диспропорций в уровне жизни между городом и деревней, а так же межрегиональным и мировым социально-экономическим диспропорциям. Основной методической проблемой аналитического нейроволнового прогнозирования здесь является обоснование алгоритмов сопоставления разнообразных по качеству и количеству потребляемых товаров и услуг, а так же сопоставления затрат физического и умственного труда. По мере развития научно-технического прогресса проблема сопоставления полезного эффекта потребляемых благ, затрат умственного и физического труда в различных группах социально-активного населения, носит непрерывный и постоянно усложняющейся характер. Отсюда и границы волнового развития могут быть определены через призму качественно различных уровней жизни.

К количественным показателям границ коротких нейроволн следует отнести объемы потребляемых условных материальных и нематериальных благ сельских жителей в расчёте на единицу сопоставимого рабочего времени, денежную единицу (сопоставимый рубль, общепринятую валюту) оплаты труда.

К качественным показателям, соответственно, относятся структура потребляемых благ и прежде всего удельный вес инновационных и приоритетных, пользующихся повышенным спросом, товаров и услуг сопоставимого качества.

В-четвёртых, показатели оценки эффективности системы управления, с позиций возможности позитивного самовыражения и развития системы востребованных обществом духовных ценностей постиндустриального общества.. Характерными чертами постиндустриального общества являются показатели свободного времени сельского населения, используемые для саморазвития и самовыражения. Парадигма системы государственного и муниципального управления сельским населением постиндустриального общества базируется на повсеместном использования цифровых технологий нейросетевого искусственного интеллекта, Его технологии уже сейчас позволяют от традиционного животноводства и земледелия перейти к интеллектуальным, позволяющим выполнять технологические процессы без участия человека. В постиндустриальном обществе конкуренция между людьми, управляющими хозяйственными субъектами рынка, объективно трансформировалась в конкуренцию между цифровыми технологиями интеллект-АСУ управляющими сознанием и поведением людей высшего аппарата управления. Циклический характер эффективности организационных систем управления хозяйствующими субъектами аграрного рынка и сельских территорий изначально предполагает использования коротких нейроволн, границы которых определяются моральным старением технологического обеспечения их развития, а так же временными лагами цифрового обеспечения перехода из одного качественного состояния в другое [5].

К количественным показателям здесь следует отнести количество культурных и интеллектуальных общественных организаций функционирующих на территории сельских поселений, численность проживающих и работающих исследователей, количество создаваемых интеллектуальных товаров и услуг, объёмы создаваемой и реализуемой сторонним организациям интеллектуальной продукции в сопоставимом выражении.

К качественным показателям, относятся показатели, характеризующие степень завершенности циклов общественного воспроизводства агропромышленных производств,

значение которых должно быть не ниже единицы, а так же соотношение валового национального и валового внутреннего производства. В экономике постиндустриального общества оно всегда в пользу первого и означает, что франчайзинг, продажа, размещение российских технологий за рубежом на совместных с иностранными партнерами предприятиях позволяет получить интеллектуальную ренту, вместо сырьевой ренты. Сырьевая и земельная рента – это низкие конкурентные преимущества, поскольку не связаны с интеллектуальной деятельностью человека, а полученная прибыль изымается посредством налогов в пользу государства. В отличие от сырьевой, интеллектуальная рента является продуктом инновационной деятельности человека и не изымается в доход государства, поэтому её следует отнести к высоким конкурентным преимуществам. Поэтому показатели высоких конкурентных преимуществ являются определяющими. Пожалуй, ключевыми здесь являются показатели, отражающие удельный вес интеллектуальной ренты в структуре территориального ВВП и в душевых доходах сельского населения.

В-пятых, показатели социальной эффективности межрегиональной и международной кооперации и агропромышленной интеграции. Здесь управленческая рента цифровых технологий образуется за счёт двойственного синергетического эффекта. Во-первых, за счёт объединения финансового, интеллектуального, материально-технического, трудового и организационного капитала при реализации совместных проектов. Во-вторых, за счёт специализации сельских территорий на производстве наиболее эффективных для зональных систем ведения хозяйства видах продукции с наименьшими производственными затратами и максимальным выходом продукции [6].

Количественные показатели отражают полученную в рамках административных границ массу прибыли организационно-управленческой ренты, полученную за счёт участия в процессах кооперации и агропромышленной интеграции сельских территорий, выраженную в сопоставимых денежных единицах.

Качественные показатели, характеризуют норму прибыли и относительную доходность различных вариантов разработки и реализации управленческих решений, связанных с созданием и реализацией интеллектуальных товаров и услуг; агротехнологий, качественно новых семян, пород животных и т.д.

Теория Н.Д. Кондратьева в концепции нейроволнового развития сельских территорий предполагает, что экономика сельских территорий напоминает в своём роде слоёный пирог, поскольку здесь непрерывно образуются противоречия между различными группами социально-активного населения, разрешение которых способствует их динамичному развитию. Наоборот, игнорирование противоречий, недооценка их последствий, всегда ведут к социально-экономической катастрофе, насильственному свержению не только системы институционального управления, но и физическому, экономическому уничтожению проживающего на их территории населения. Отсюда, по логике вещей, в аналитических прогнозах развития сельских территорий помимо традиционных формализованных методов прогнозирования должны использоваться поведенческие модели игрового нейрономического моделирования современного форсайта [7].

Категория «игровые модели поведенческих изменений основных групп социально-активного населения» – это действующая и непрерывно развивающаяся система цифровых технологий искусственного интеллекта, позволяющая с использованием методов современного форсайта, создавать и обосновывать аналитические сценарии прогнозов развития сельских территорий в условиях неопределённости торговых войн и последствий конкурентной борьбы глобальных систем искусственного интеллекта. Понятно. что в основе современного форсайта изначально заложены короткие нейроволны, границы которых определяются периодом реализации различных сценариев меркантильного поведения основных групп социально-активного населения временем использования полезного эффекта или устранения негативных последствий [8].

Заключение. Развитие цифровых технологий и трансформация меняющейся России из индустриального в постиндустриальное общество, предполагает, что теория Н.Д.

Кондратьева не потеряет своего актуального значения, поскольку процесс создания, распространения и товарного обмена нематериальных благ – знаний на материальные товары и услуги, невозможен без учёта нейроволнового развития сельских территорий, объективных процессов интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции.

Список литературы:

1. Koshovets O.B., Varkhotov T.A. Neuroeconomics: new heart for economics or new face of economic imperialism? / Journal of Institutional Studies. 2019. т. 11. № 1. с. 6-19.
2. Доржиева С.Ч. Нейроэкономика и нейромаркетинг как инструменты деятельности современного предприятия / Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 3. С. 30.
3. Капинос Р.В., Акупиян О.С. Кибуцы как образцы аграрных хозяйств конфессионального типа с точки зрения теории сверхдлинных волн /Экономика и предпринимательство. 2018. № 4 (93). С. 997-1002.
4. Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017. – 384с.
5. Пескова А.В., Ковалевская М.С. Нейроэкономика и поведенческая экономика: источники синтеза / Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10. № 3. С. 18-25.
6. Шишкин В.В., Маленков Ю.А., Кузнецов Ю.В., Шишкин В.И., Картунен А.А., Кудрявцева Г.В. Нейроэкономика - психоэмоциональная основа принятия экономических решений / Шишкин В.В., Маленков Ю.А., Кузнецов Ю.В., Шишкин В.И., Картунен А.А., Кудрявцева Г.В /Международный научный журнал. 2017. № 5. С. 7-1
7. Шишкин В.В., Маленков Ю.А., Кузнецов Ю.В., Шишкин В.И., Картунен А.А., Кудрявцева Г.В. Нанобиоэкономика в управлении внутренними резервами регионов России / Международный технико-экономический журнал. 2017. № 5. С. 58-67.
8. Шмавонян Л.Э., Квашенко Е.Ю. Нейромаркетинг. Патологии потребительского поведения / Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2018. № 24. С. 151-153.

Ярашева Азиза Викторовна
доктор экономических наук, профессор
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
г. Москва
baktriana@rambler.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СТОЛИЧНОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Аннотация. Статья представляет собой ряд результатов осуществляемого в 2019 г. в Москве научного проекта, посвященного исследованию кадрового потенциала государственных медицинских учреждений, подведомственных столичному Департаменту здравоохранения. Анализ данных и полученные выводы основаны на применении статистических и социологических (качественных и количественных) методов. Представлены факторы и условия, влияющие на доступность повышения образовательного уровня (квалификации) и переподготовки врачей и среднего медицинского персонала, как одного из важных направлений кадровой политики в здравоохранении. Мнение сотрудников поликлиник и стационаров относительно факторов, осложняющих получение новых

компетенций, и наиболее востребованных медицинским работниками сфер дополнительных знаний, рассматривались по трем группам респондентов в зависимости от стажа работы.

Выводы, к которым пришли авторы на промежуточном этапе исследования, помогут сформулировать рекомендации, направленные на развитие медицинских кадров, занятых в системе здравоохранения Москвы, на создание условий для раскрытия их трудового потенциала с целью повышения качества оказываемой населению медицинской помощи.

Ключевые слова: здравоохранение, кадровая политика, повышение квалификации, врачи и медсестры, Москва.

Государственная политика в области здравоохранения направлена на создание условий для системы здравоохранения, позволяющих осуществлять профилактику заболеваний, обеспечивать оказание качественной медицинской помощи, проводить научные исследования в области здравоохранения и подготовку медицинских и фармацевтических работников, поддерживать и развивать материально-техническую базу системы здравоохранения.

Среди принципов, на которых строится государственная политика в области медицины – поддержка научных исследований в области разработки новых методов профилактики заболеваний, диагностики и лечения, а также в сфере решения проблем эффективного управления здравоохранением. Результативный менеджмент в медицинских организациях напрямую связан с качеством трудового потенциала врачей и среднего медперсонала.

В 2019 г. ученые НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН осуществляют совместный научный проект «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения». Конечной целью разработки и внедрения результатов проекта является повышение качества кадрового потенциала системы здравоохранения города Москвы в условиях реализации столичного стандарта оказания медицинской помощи [1]. Для достижения цели была разработана методология исследования, включающая в себя: методы сравнительного анализа нормативной базы, методы статистического анализа; подходы к прогнозированию потребностей столичной системы здравоохранения в медицинских специалистах разного профиля в кратко- и среднесрочной перспективе, социологические методы качественного (глубинные структурированные интервью) и количественного (анкетирование) исследования [2].

В данной статье в качестве одной из важных составляющих государственной кадровой политики рассмотрены факторы, влияющие на доступность для работающего в Москве медицинского персонала системы повышения квалификации, отвечающей современным требованиям.

Нормативно-правовое регулирование в данном вопросе осуществляется с помощью следующих законодательных актов:

- - Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (статья 76 «Дополнительное профессиональное образование» и статья 82 «Особенности реализации профессиональных образовательных программ медицинского образования и фармацевтического образования»;
- - Приказ Минздрава России от 3 августа 2012 г. № 66н «Об утверждении Порядка и сроков совершенствования медицинскими работниками и фармацевтическими работниками профессиональных знаний и навыков путем обучения по дополнительным профессиональным образовательным программам в образовательных и научных организациях»;
- - Приказ Минздрава России от 3 сентября 2013 г. N 620н г. Москва «Об утверждении Порядка организации и проведения практической подготовки обучающихся по профессиональным образовательным программам медицинского образования, фармацевтического образования».

В соответствии с Законом № 323-ФЗ от 21.11.2011 г. медицинская организация обязана обеспечивать профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации медицинских работников в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации (п.8 ч.1 ст. 79 Закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 г.). Право медицинских работников на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации за счет средств работодателя предусмотрено Трудовым кодексов и ст. 72 Федерального закона от 21.11.2011 г. N 323-ФЗ.

Кроме нормативного обеспечения необходимы условия, способствующие увеличению доступности (во всех отношениях) для медицинских работников системы повышения квалификации. Изучение этих условий в конкретных учреждениях здравоохранения Москвы было одной из задач научного проекта.

Социологическое (количественное) исследование осуществлено в шести столичных медицинских учреждениях (стационары и поликлиники) на основе анкетирования (551 анкета). А в качественном исследовании (интервью) приняли участие 15 экспертов – руководители медицинских организаций, представители образовательных учреждений, осуществляющих профессиональную подготовку врачей и медсестер.

В понятие доступности дополнительного медицинского образования входят две составляющие: 1) материальные возможности (организации и личные); 2) условия получения необходимых дополнительных знаний, соответствующих современным требованиям, в наиболее рациональной форме и в удобное время.

По принципу бесплатности дополнительного повышения профессионального уровня (особенно, это касается обязательной сертификации раз в 5 лет) эксперты были единодушны в своих высказываниях: данный принцип в столичных медучреждениях соблюдается.

Однако, когда речь заходит об исследовании второй составляющей вопроса доступности – условий получения дополнительных знаний, в ответах медицинского персонала (в зависимости от стажа работы) в стационарах и поликлиниках выявились определенные (в силу разных причин) трудности.

Опрос врачей и медицинских сестер дал следующие результаты (Табл. 1 и Табл. 2).

Таблица 1.

Распределение респондентов-врачей при ответе на вопрос
«Насколько доступно для Вас получение необходимой дополнительной подготовки?»

	группа	доступно	недоступно	не видите необходимости в дополнительной подготовке	затрудняетесь ответить
Врачи из стационаров	I	50,0	50,0	0,0	0,0
	II	85,4	8,3	0,0	6,3
	III	67,9	10,7	3,6	17,8
Врачи из поликлиник	I	57,7	23,0	0,0	19,3
	II	58,9	21,5	0,0	19,6
	III	73,3	10,0	0,0	16,7

I – стаж работы от 0 до 5 лет
II – стаж работы от 6 до 20 лет
III– стаж работы от 21 года и больше[23].

[23] Здесь и далее во всех таблицах и рисунках: I группа – специалисты со стажем работы от 0 до 5 лет; II группа – со стажем работы от 6 до 20 лет; III группа – со стажем работы от 21 года и больше.

Наиболее остро проблемы с получением дополнительной подготовки ощущают молодые врачи из больниц (50% респондентов со стажем до 5 лет), а вот специалисты из 2-й группы (стаж от 6 до 20 лет), наоборот, не видят трудностей в получении необходимой подготовки, только 8,3% респондентов выбрали ответ «недоступно». В данном случае, если речь идет о повышении категории врача, то ситуация вполне объяснима: подавать документы на категорию имеют право специалисты лишь после обретения необходимого согласно требованиям стажа работы. Иные причины выявлены при анализе ответов на вопросы о конкретных трудностях.

С «переходом» в третью группу (стаж работы более 21 года), у врачей немного возрастает число респондентов, указывающих на недоступность подготовки (10,7%), также появляются те, кто не видит необходимости в ее получении (3,6%), а 17,8% врачей из этой группы затруднились ответить на этот вопрос.

Если сравнивать стационары и поликлиники, то в последних почти четверть молодых врачей указали на проблемы получения дополнительной подготовки и 19,3% не смогли ответить, примерно также распределились ответы врачей 2-й группы - 21,5% респондентов отметили «недоступно» и 19,6% затруднились ответить на вопрос.

В отличие от врачей, независимо от стажа, считающих дополнительную подготовку обязательной, среди медсестер (во всех трех группах) от 2,7% до 9,0% опрошенных не видят необходимости в увеличении знаний (Табл. 2).

Доля медсестер первой группы в стационарах, указавших на трудности в получении дополнительной подготовки, лишь немногим превысила 11%. Недоступность обучения представители среднего медперсонала отмечали гораздо реже, чем врачи, а затруднившихся ответить на этот вопрос – гораздо больше, чем среди врачей. Особенно удивила доля медсестер первой группы в поликлиниках, затруднившихся дать ответ (46,2%).

Таблица 2.

Распределение респондентов-медсестер при ответе на вопрос
«Насколько доступно для Вас получение необходимой дополнительной подготовки?»

	группа	доступно	недоступно	не видите необходимости в дополнительной подготовке	затрудняетесь ответить
Медсестры из стационаров	I	59,2	11,1	3,8	25,9
	II	68,2	9,4	4,8	17,6
	III	74,6	6,7	2,7	16,0
Медсестры из поликлиник	I	38,4	7,7	7,7	46,2
	II	62,3	11,3	3,8	22,6
	III	58,5	8,0	9,0	24,5

Молодые специалисты-врачи из больниц ощущают проблемы с получением дополнительной подготовки, чаще всего они их связывают с нехваткой свободного времени (45,8%) и личных средств для оплаты обучения (29,2%) (Рис. 1.) Еще 12,5% указывают на отсутствие образовательных учреждений или программ нужного им профиля, остальные варианты ответов респонденты отмечали намного реже.

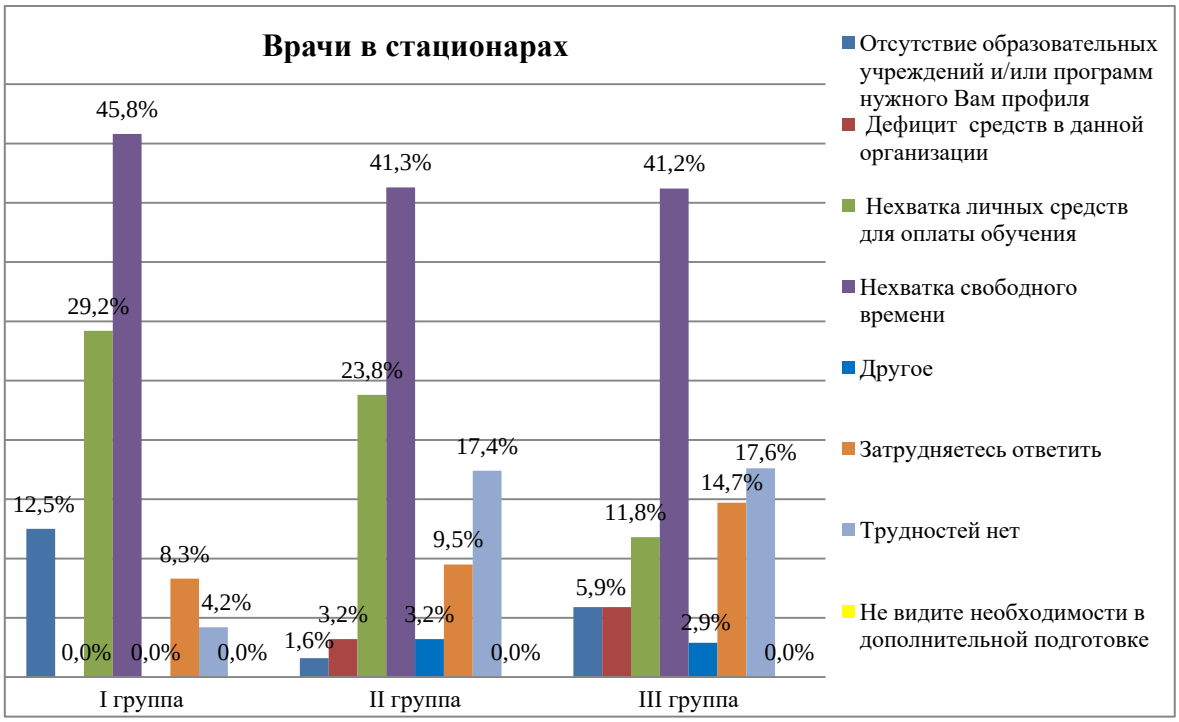

Рис. 1. Распределение респондентов-врачей в стационарах при ответе на вопрос «Если у Вас есть трудности в получении дополнительной подготовки, то с чем это связано?»

С увеличением опыта возрастает число тех, кто не видит трудностей в получении дополнительной подготовки (17,4% респондентов 2-й группы и 17,6% респондентов 3-й группы), кроме того, эти респонденты реже указывают в качестве причины, затрудняющей получение необходимой подготовки, нехватку личных средств (23,8% респондентов 2-й группы и 11,8% респондентов 3-й группы). А вот отсутствие свободного времени у врачей 2-й и 3-й групп является основной причиной возникновения трудностей в получении дополнительной подготовки (41,3% и 41,2% соответственно) (Рис. 1.).

Нехватка свободного времени (45,7%) и личных средств для оплаты 25,7%) обучения (Рис. 2.) также стали основным препятствием в получении необходимой дополнительной подготовки и у молодых врачей из поликлиник.

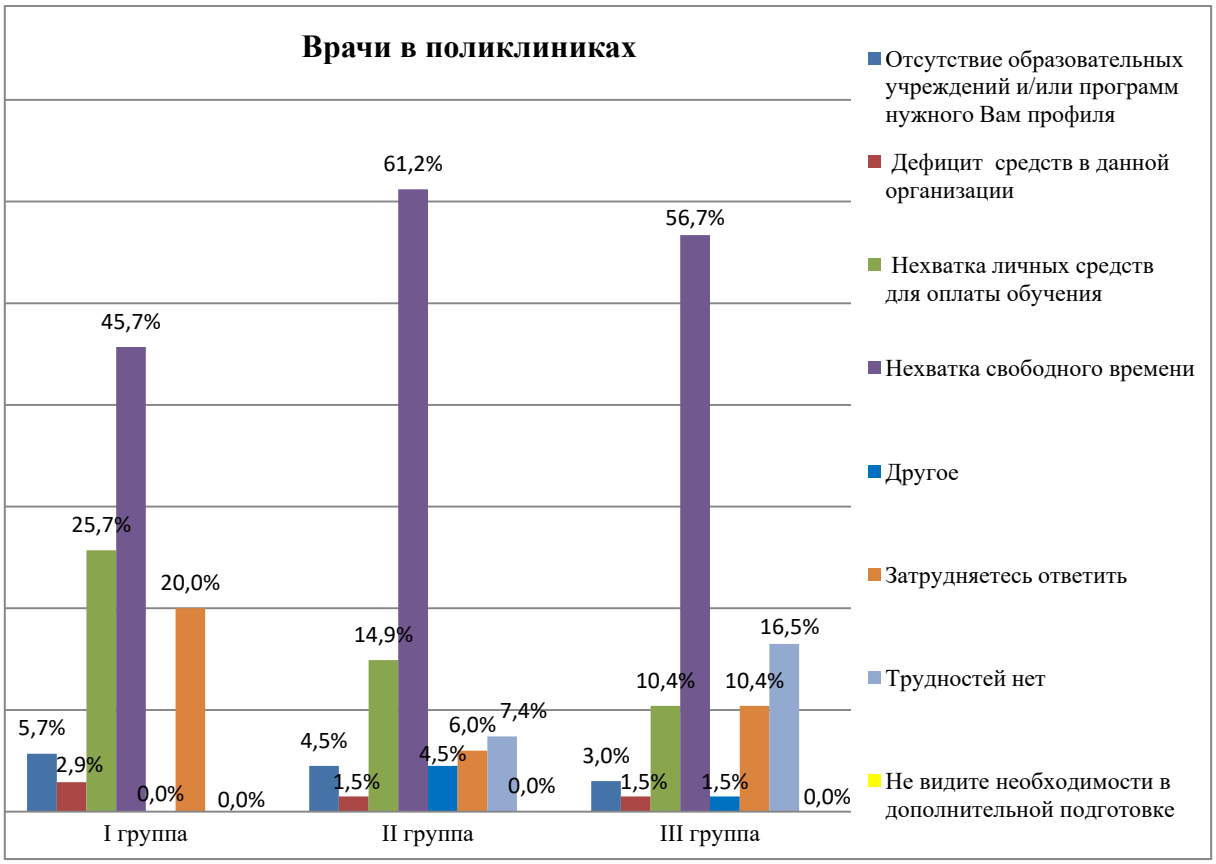

Рис. 2. Распределение респондентов-врачей в поликлиниках при ответе на вопрос «Если у Вас есть трудности в получении дополнительной подготовки, то с чем это связано?»

С увеличением стажа нехватка свободного времени стала основной причиной, затрудняющей получение дополнительной подготовки: 61,2% врачей 2-й группы и 56,7% врачей 3-й группы [3].

Мнение медсестер о трудностях в получении дополнительной подготовки в стационарах (Рис. 3.) и поликлиниках (Рис. 4.) отличались друг от друга. Так ответы молодых медсестер из больниц распределились почти равномерно между нехваткой свободного времени (24,1%) и нехваткой личных средств (20,7%), при этом 10,4% респондентов не видят необходимости в получении дополнительной подготовки, а 20,7% медсестер отметили, что никаких трудностей не испытывают.

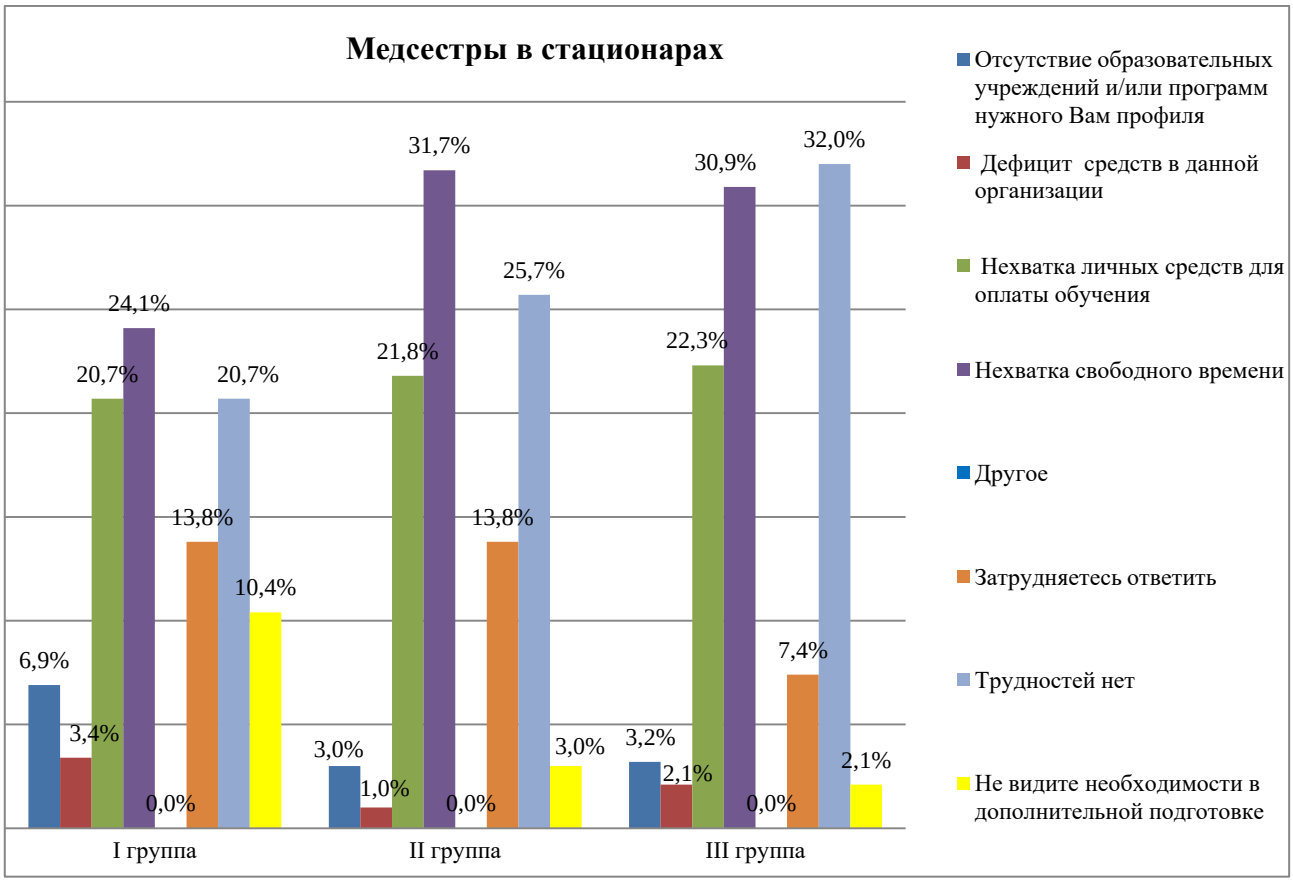

Рис. 3. Распределение респондентов-медсестер в стационарах при ответе на вопрос «Если у Вас есть трудности в получении дополнительной подготовки, то с чем это связано?»

С приобретением стажа уже больше трети респондентов 2-й и 3-й группы не видят трудности в получении дополнительной подготовки, но процент тех, кто ощущает нехватку времени и средств остается достаточно высоким (31,7% и 21,8% респондентов 2-й группы) и (30,9 и 22,3% респондентов 3-й группы).

В отличие от стационаров, медсестры из поликлиник гораздо реже отмечали трудности для дополнительной подготовки, в основном респонденты всех трех групп связывали это с нехваткой времени и личных средств, а 16,6% медсестер 1-й группы и 10,0% медсестер 3-й группы обозначили, что просто не видят в этом необходимости.

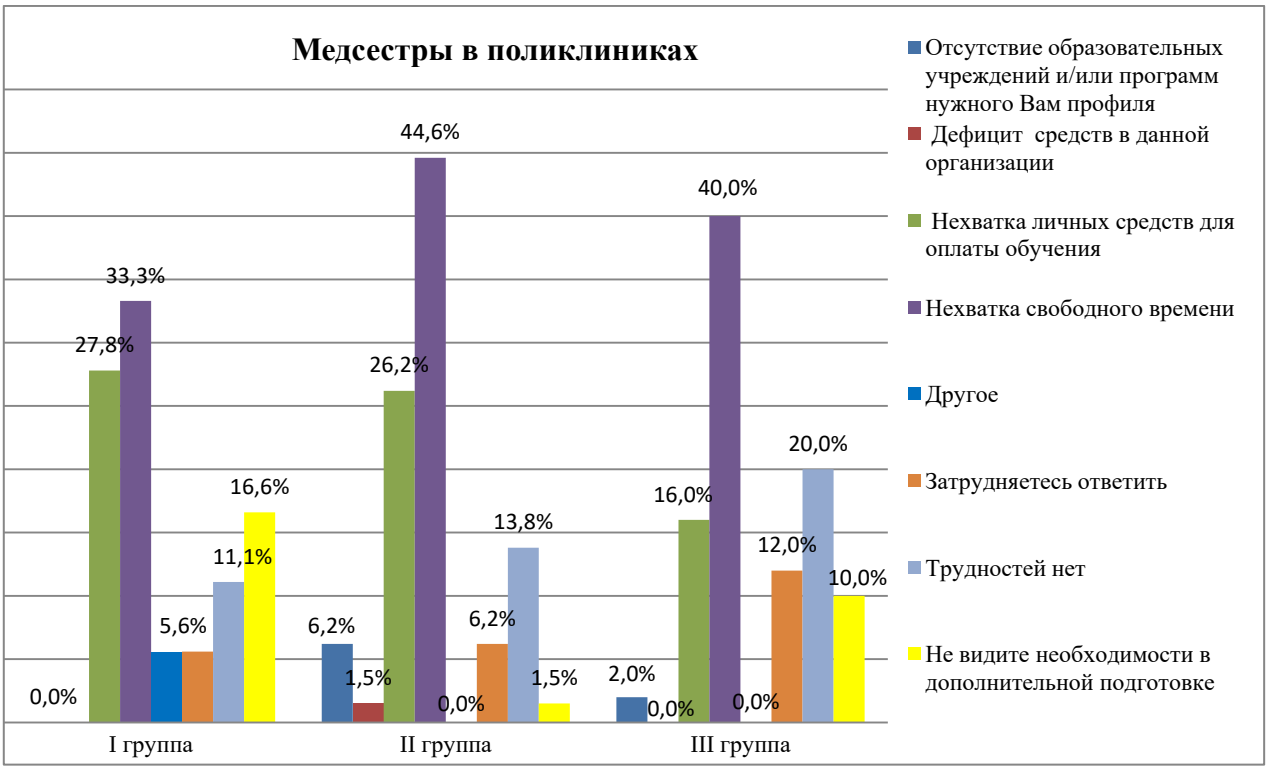

Рис. 4. Распределение респондентов-медсестер в поликлиниках при ответе на вопрос «Если у Вас есть трудности в получении дополнительной подготовки, то с чем это связано?»

Анализ результатов, полученных во время бесед с экспертами по вопросу о том, в какой сфере конкретному медработнику нужна переподготовка, выявил следующую особенность: для врачей крайне важны дополнительные (вспомогательные) знания, как инструменты для более эффективного лечения пациентов:

«Гастроэнтеролог обязательно должен обладать знаниями ультразвуковой диагностики, эндокринолог - уметь проверить щитовидку, невролог – прочесть энцефалограмму, в лучшем случае сделать миографию. Кардиолог без знаний ЭКГ – это вообще профнепригодность. То есть, надо уходить от «изолированных» специальностей, медицинского специализированного контура».

«У специалистов должно быть два сертификата, два образования, причем, это должно быть на уровне ординатуры. Т. е., они должны пройти профессиональную подготовку, интернатуру или лучше ординатуру, и по окончании сразу получить сертификат, а не потом доучиваться. Это касается не только функциональной диагностики, у нас «в детстве» есть хирург и детский уролог – разделять их бессмысленно, это должен быть специалист с двумя сертификатами. Это не только для врача хорошо, но и для пациента, не придется к одному врачу идти, потом записываться к другому».

По вопросу выбора конкретной сферы необходимых дополнительных знаний выяснилось: врачи в стационарах (Рис. 5.) и в поликлиниках (Рис.6.) в зависимости от принадлежности к одной из трех групп по стажу работы высказывают разные предпочтения. Так, врачи в стационарах со стажем работы до 5 лет больше всего нуждаются в освоении более широкого круга медицинских вопросов, в изучении иностранных языков и углублении знаний по своей конкретной специальности.

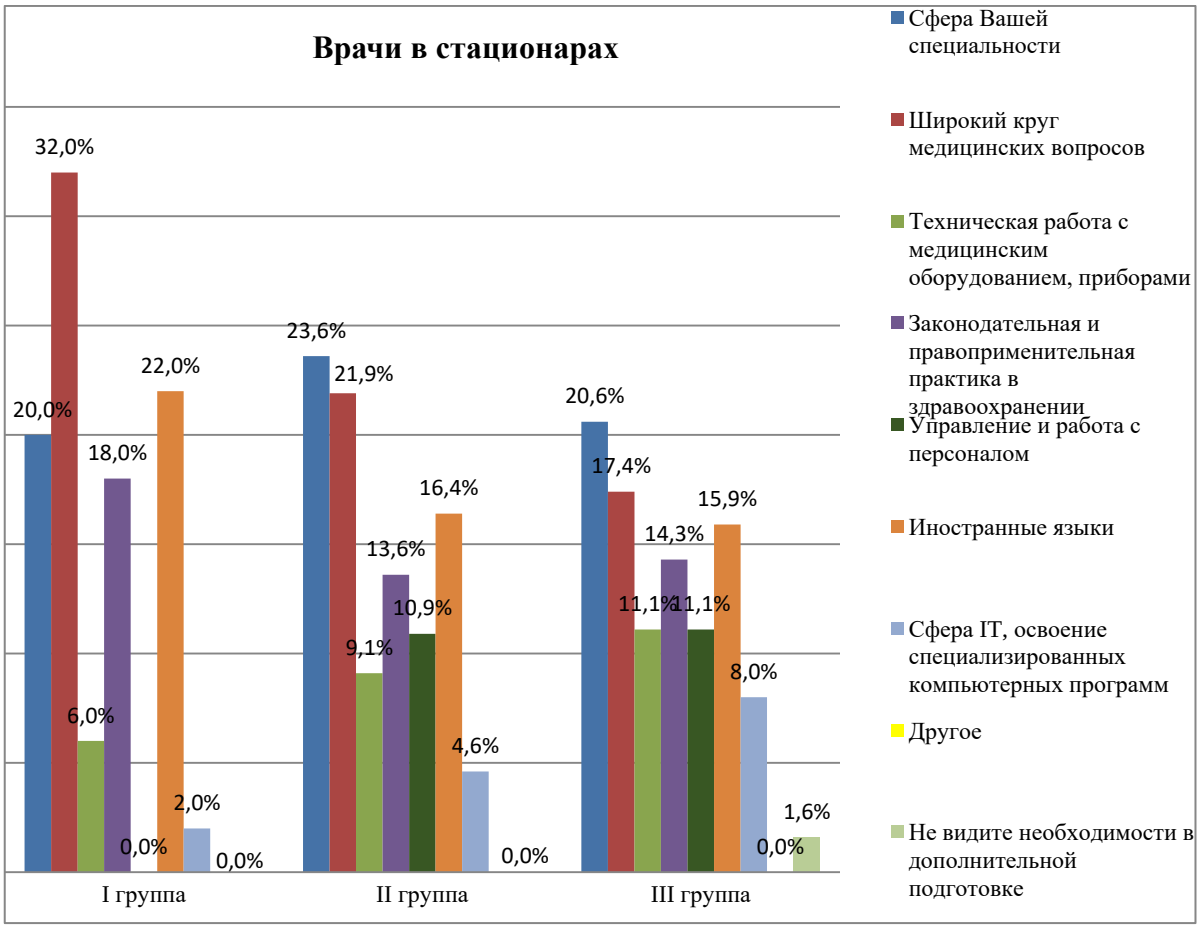

Рис. 5. Распределение респондентов-врачей в стационарах при ответе на вопрос «В какой сфере знаний Вы сейчас испытываете необходимость дополнительной подготовки?»

В то же время ответ «техническая работа с медицинским оборудованием, приборами» и «сфера IT, освоение специализированных компьютерных программ» у этой группы респондентов встречается гораздо реже, чем у представителей 2-й и 3-й группы врачей.

Имеющие стаж работы от 6 до 20 лет врачи в стационарах чаще отмечали необходимость в дополнительной подготовке по своей и смежным специальностям, а также по иностранным языкам, несколько реже указывали на углубление знаний в законодательной и правоприменительной практике в здравоохранении.

Схожая тенденция наблюдается и у врачей, имеющих стаж работы от 21 года и выше – большинство ответов респондентов распределились между углублением знаний по своей и смежным специальностям, по законодательной и правоприменительной практике в здравоохранении и изучении иностранных языков. Если сравнивать долю тех, для кого важна дополнительная подготовка по «управлению и работе с персоналом», то можно увидеть, что в 1-й группе их вообще нет, во второй – 10,9%, а в третьей – 11,1%.

Обратная тенденция прослеживается у врачей из поликлиник (Рис.6).

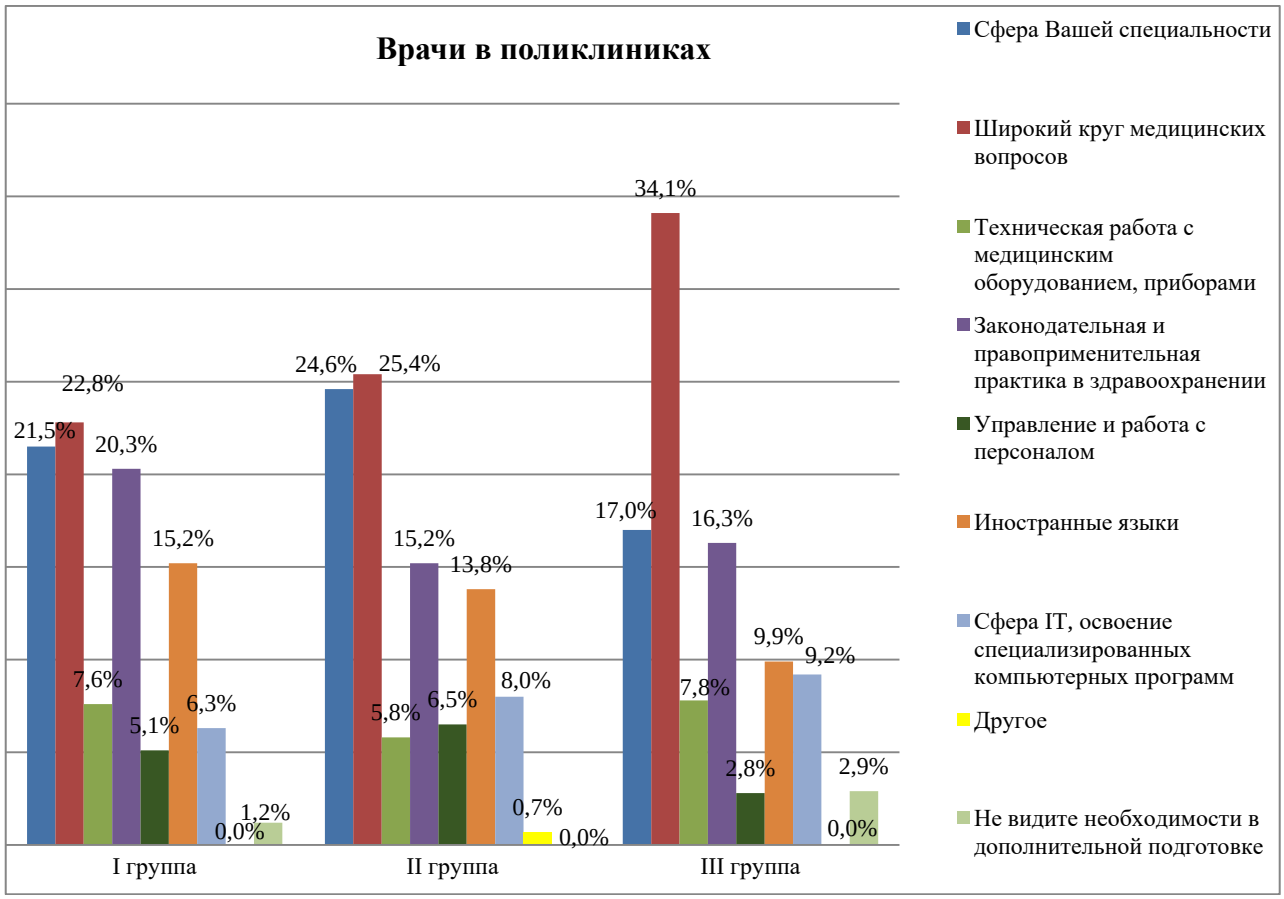

Рис. 6. Распределение респондентов-врачей в поликлиниках при ответе на вопрос «В какой сфере знаний Вы сейчас испытываете необходимость дополнительной подготовки?»

Если у врачей из больниц с увеличением стажа работы потребность в изучении более широкого круга медицинских вопросов снижается, то у врачей из поликлиник она, наоборот, увеличивается. Стоит подчеркнуть, что именно этот вариант ответа отмечали чаще всего представители всех трех групп респондентов.

Следующий по частоте ответ у врачей из поликлиник - желание углубить знания по своей специальности и законодательной практике в здравоохранении. На необходимость в изучении иностранных языков в поликлиниках респонденты указывали заметно реже, чем в больницах. Необходимость в обучении управлению и работе с персоналом наименьшая в 3-й группе (2,8%)

Что касается ответов медицинских сестер в стационарах (Рис. 7) и поликлиниках (Рис. 8.), то и здесь, ожидаемо, заметны различия.

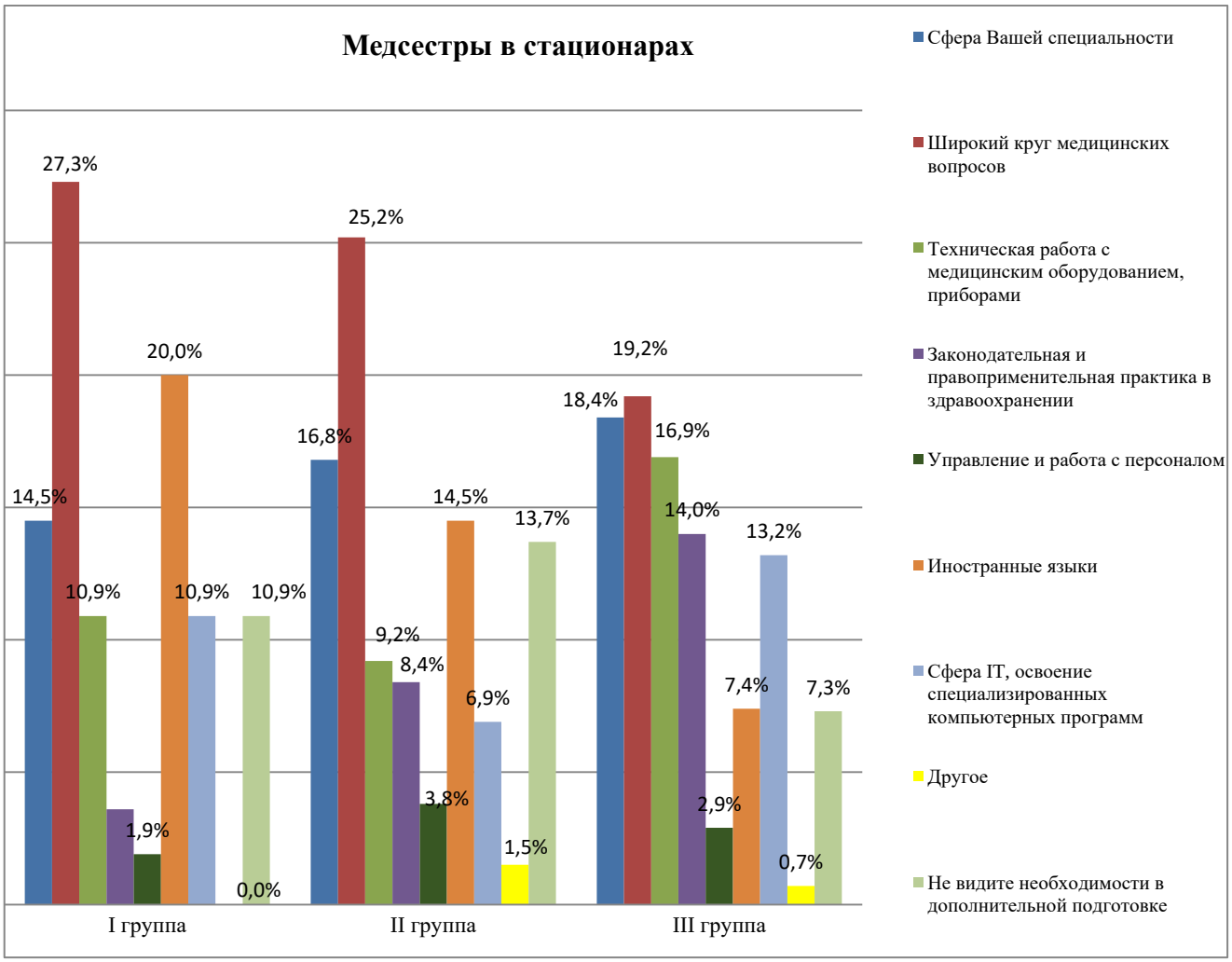

Рис. 7. Распределение респондентов-медсестер в стационарах при ответе на вопрос «В какой сфере знаний Вы сейчас испытываете необходимость дополнительной подготовки?»

Медсестры в стационарах, имеющие наименьший стаж работы (1-я группа), больше всего предпочитают дополнительную подготовку по широкому кругу медицинских вопросов и изучению иностранных языков, с приобретением стажа и опыта работы данная необходимость снижается, а вот желание углубить знания по своей специальности, наоборот, увеличивается.

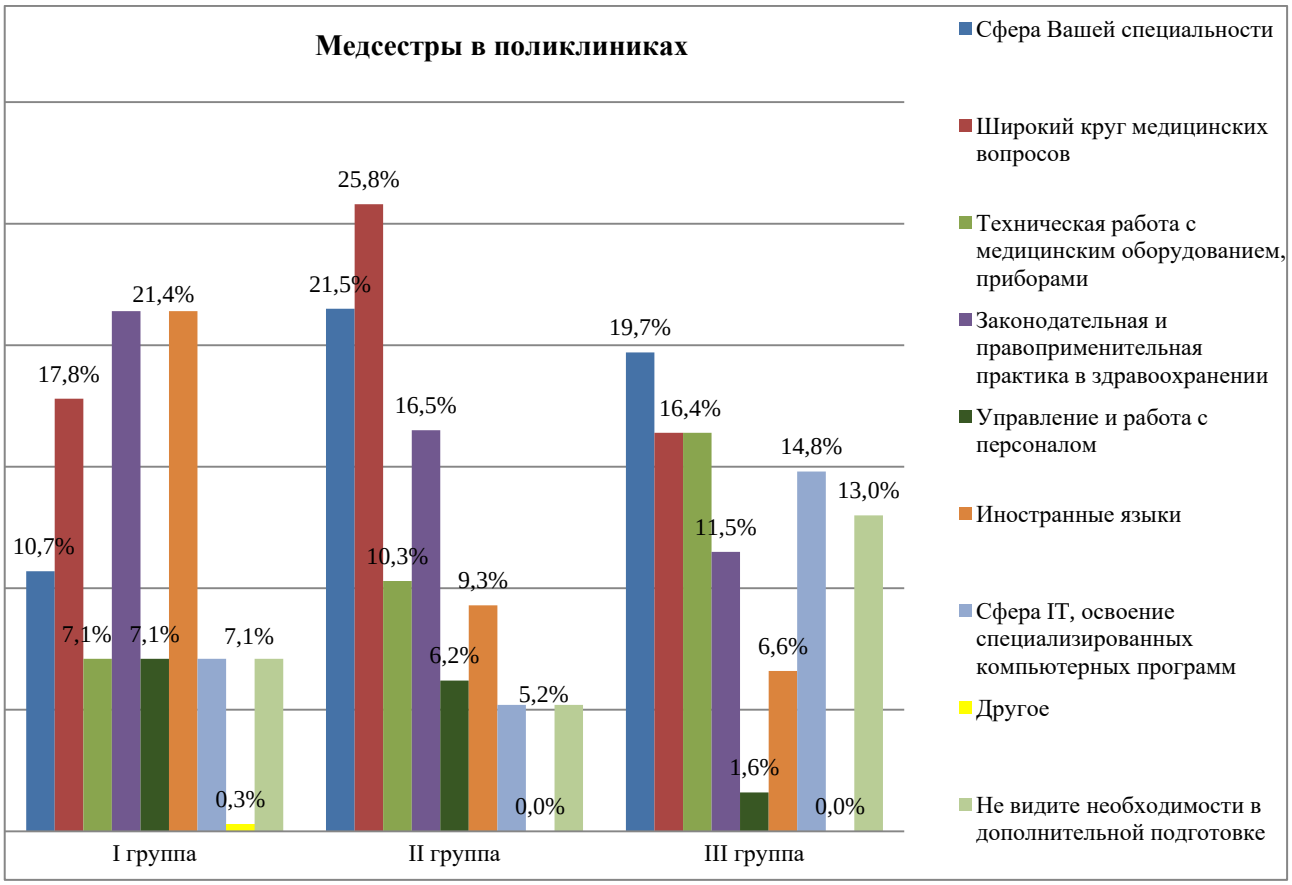

Рис. 8. Распределение респондентов-медсестер в поликлиниках при ответе на вопрос «В какой сфере знаний Вы сейчас испытываете необходимость дополнительной подготовки?»

Медсестры в поликлиниках, имеющие наименьший стаж работы, указывают на необходимость в изучении иностранных языков, законодательной и правоприменительной практике в здравоохранении, а также широкого круга медицинских вопросов. По мере приобретения стажа увеличивается желание респондентов углубить знания по своей специальности (Рис.8). У поликлинических медсестер из 3-й группы в два раза выше необходимость в освоении специализированных компьютерных программ, в то время как в стационарах такой разницы не наблюдается.

Таким образом, на основании полученных в ходе опроса данных, можно сделать вывод о том, что в Москве в медицинских учреждениях, подведомственных городскому Департаменту здравоохранения, в целом государственная политика в отношении увеличения образовательного потенциала кадров достигает своих целей. Но имеются и отдельные трудности: так, важным препятствием для получения дополнительной профессиональной подготовки выявилась нехватка времени, что является результатом интенсивной загруженности медперсонала.

Для обретения новых компетенций чаще всего респонденты (особенно первой группы) испытывают необходимость в знании иностранных языков, а также законодательной и правоприменительной практики в здравоохранении.

Дальнейшие исследования вопросов государственной кадровой политики и кадрового потенциала медицинских работников столицы позволят выработать решения, направленные на создание условий, способствующих повышению качества работы учреждений здравоохранения.

Список литературы:

1. Александрова О.А., Комолова О.А. Формирование кадрового резерва руководителей столичных медучреждений в условиях реформы здравоохранения. Часть 1.

Кадровый состав руководства медучреждений и проблемы его формирования в преддверии реформы здравоохранения // Труд и социальные отношения. 2019. Т. XXX. № 2 (152). С. 5-18.
2. Виноградова К.В. Актуальные вопросы изучения кадрового потенциала здравоохранения // Вестник научных конференций. 2019. № 5-2 (45). С. 24-25.
3. Ярашева А.В. Исследование кадрового потенциала московского здравоохранения // Московская медицина. 2019. № 3 (31). С. 6-11.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Александрова Ольга Аркадьевна
доктор экономических наук
заместитель директора по научной работе
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
аналитик, НИИ Организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения Москвы
Россия, Москва
a762rab@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Одной из серьезных проблем российского здравоохранения является дефицит медицинских кадров, особенно, в первичном звене. Там же, где вопрос укомплектования штатов удается так или иначе решить, например, в столичном здравоохранении, сохраняется проблема чрезмерной рабочей нагрузки медперсонала, при которой даже ставшая более высокой заработная плата воспринимается как не соответствующая трудозатратам.

Так, согласно данным массового опроса (2019 г.) столичных медицинских работников, работающих в подведомственных городу поликлиниках и стационарах, в больницах недовольны заработной платой каждый третий врач и почти 40% среднего медперсонала; в поликлиниках - 12,0% врачей и 18,4% медсестер. При этом более трети работающих в стационарах врачей и 38,2% медсестер уверены в том, что оплата труда меньше их трудового вклада; в поликлиниках так считает каждый пятый врач и каждая четвертая медсестра. О том, что они серьезно загружены и очень устают, сообщили 63,7% врачей и 75,5% медсестер, работающих в городских больницах, и 71,2% врачей и 72.4% медсестер в поликлиниках. Считают, что они нормально загружены и работают в меру своих сил, лишь треть врачей и четверть медсестер – как в стационарах, так и в первичном звене. Молодые врачи, работающие в стационарах, особенно ощущают нагрузку, связанную с «бумажной работой», их более опытные коллеги связывают рост нагрузки с необходимостью выполнения функций недостающего или отсутствующего медперсонала. В поликлиниках работать не только за себя, но и «за другого парня», приходится врачам и медсестрам всех возрастов (об этом сообщили каждый четвертый врач и медсестра), к этому добавляется непомерный объем работы с медицинской документацией.

Несмотря на высокую нагрузку на основной работе, заметная часть московских медиков еще и подрабатывает. Чаще это делают врачи, работающие в городских стационарах, при этом более трети объясняют работу по совместительству причинами материального характера.

Важно заметить, что рост нагрузки, которая сегодня ложится на медперсонал, подтверждают и опрошенные нами руководители московских медицинских организаций, утверждающие, что сегодняшние трудозатраты медиков – «совсем не те, что 10 лет назад», и в ряде случаев именно это заставляет медиков переходить из государственных лечебных

учреждении в частные. В свою очередь, эксперты, представляющие медицинские вузы, высказывают серьезные сомнения в возможности адекватно оценить состояние пациентов, поставить верный диагноз и назначить лечение в тот временной интервал, который теперь отведен врачам, ведущим амбулаторный прием.

В одном ряду с проведенной «оптимизацией» и внедрение в России института врача общей практики (т.н. семейного врача). Неангажированные специалисты-медики объясняют настойчивое желание структур управления заместить этим институтом прежнюю, доказавшую свою эффективность, систему оказания медицинской помощи (прежде всего, педиатрическое звено) соображениями экономии бюджетных средств. Не соглашаясь с целесообразностью его внедрения с медицинской точки зрения, они обращают внимание на то, что его спешное внедрение не было обеспечено необходимыми изменениями в образовательной программе. В результате, семейные врачи, получившие терапевтическую подготовку, имеют существенные лакуны в части педиатрических знаний.

Ощущаемая медперсоналом нагрузка, в существенной степени обусловленная необходимостью работать за «других», более чем на 1 ставку и т.д., - следствие реализованной в последние годы т.н. «оптимизации» сети медицинских организаций и их штатов. Ее причины, как и причины внедрения, несмотря на имевшие место протесты медицинского сообщества, института врача общей практики (семейного врача), - прежде всего, в том целеполагании, которое господствует в системе государственного управления. При всех «социально ответственных» декларациях, реальный курс направлен на минимизацию государственного участия в социальной сфере, переход к диктуемому неолиберальной парадигмой т.н. «компактному», «сервисному» государству. В рамках этого курса Россия продолжает тратить на здравоохранение заметно меньше стран ОЭСР, например - в 1,5 раза меньше, чем страны Восточной Европы, имеющие сопоставимый с Россией объем ВВП. В результате, россияне оплачивают из своих карманов 36% от всех расходов на здравоохранение (притом, что ВОЗ считает критической с точки зрения доступности медицинской помощи отметку в 20%), а на фоне снижения реальных доходов - просто отказываются от медицинских услуг: как показало недавнее исследование НАФИ, медицинская помощь – одна из трех статей бюджета, на которой чаще всего экономят россияне. При этом российский бюджет на 2019 год был сверстан с профицитом почти в 2 трлн.руб., и на ближайшее трехлетие бюджет планируется также с ежегодным триллионным профицитом. Для сравнения: на все 6 лет реализации национального проекта «Здоровье» планируется выделить в сумме 1,34 трлн.руб.

Очевидно, что избыточная нагрузка является серьезным фактором риска ускоренного профессионального выгорания медиков, а это, в свою очередь, не может не сказываться негативно на пациентах. Кстати, это подтверждает и опыт стран, чей подход к реформированию здравоохранения Россия перенимает, например, Великобритании, в которой при М.Тэтчер была кардинально изменена система управления здравоохранением - с «медицинской» на «менеджерскую», ориентированную не столько на человека, сколько на экономические показатели.

Булетова Наталья Евгеньевна
доктор экономических наук, доцент
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС
г. Волгоград
buletovanata@gmail.com

РОЛЬ SHARING ECONOMY В ПРЕОДОЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСОВ РАЗВИТИЯ СТРАН МИРА

Исследование выполнено в рамках выполнения гранта 02-2018 ВИУ «Внедрение междисциплинарного подхода к исследованию социально-экономических систем для долгосрочного устойчивого развития территорий»

Тенденция развития мировой экономики и переход от традиционной модели рыночного равновесия к синергетическим попыткам совмещать разные подходы, модели, закономерности, актуальные к применению в современных сложных экономических (или социо-эколого-экономических системах) свидетельствует об индивидуальности инструментов и способов решения проблем экономического развития разных систем, с одной стороны, и о доступности и необходимости учитывать и использовать новых технологий, векторов экономического развития, с другой, что нагляднее всего просматривается на примере Индустрии 4.0 или Smart city 3.0 и т.п.

Все это заставляет искать оптимальные условия и результаты реализации таких новых секторов национальной и региональной экономических систем, как сектора sharing economy или вклад технологий Smart city или Интернета вещей в развитие экономических отношений и формирование новых хозяйствующих субъектов, эти технологии создающих, использующих, контролирующих и обновляющих.

Так как современный период цифровизации экономики относят к основам четвертой промышленной революции (так называемая «Индустрия 4.0»), актуально сопоставление ее проявлений и значений для экономики, государства и социума в сравнении с предыдущими стадиями эволюции научно-технического прогресса (табл.1).

Таблица 1

Эволюция НИОКР в сферах жизнедеятельности социума

Сферы внедрения	**Первая промышленная революция**	**Автоматизация (вторая технологическая промышленная революция)**	**Информатизация (третья промышленная революция)**	**Цифровизация (четвертая промышленная революция)**
	Индустрия 1.0	*Индустрия 2.0*	*Индустрия 3.0*	*Индустрия 4.0*
Экономика	Формирование промышленного сектора экономики, переход от ручного труда к машинному	Конвейерная линия производства Рост крупного машинного производства	Внедрение программного обеспечения в автоматизированные и ручные процессы	Разработка и внедрение цифровых технологий, повышающих разнообразие и эффективность бизнес-процессов
Государственные и муниципальные услуги	Усложнение функций и ассортимента услуг	Актуальность проблемы безработицы и сбыта растущего массового производства	Активное внедрение информационные технологий в систему ГМУ Внедрение модели управления по результатам для максимальной экономической эффективности	Внедрение искусственного интеллекта и других цифровых технологий в деятельность органов власти (пример европейской хартии об использовании ИИ в судебном процессе)
Бытовая сфера жизнедеятельности	Резкий рост производительности труда Высокие темпы урбанизации	Рост уровня жизни Изменения в составе и уровне квалификации рабочей силы	Формирование инфраструктуры распространения информационных технологий в традиционные сферы общения и потребления	Активное формирование цифровых компетенций и модели грамотного поведения в условиях цифровизации
Изменения в структуре ВДС	Индустриальный сектор начинает составлять конкуренцию аграрному сектору	Признак экономически развитого государства – превышение индустриального сектора над аграрным	Сектор услуг начинает превалировать над индустриальным сектором экономики	В секторе нематериальных услуг активно растут объемы цифровой экономики

Источник: составлено автором

В структуре национальной экономической системы постоянно растут доли инновационных продуктов цифровой экономики или Smart city при наращивании темпов развития и распространения по регионам страны видов и секторов sharing economy. Специалисты рассматривают виды экономической деятельности в рамках sharing economy как критерии уровня развития цифровой экономики или Smart city (пример аналитического доклада Центра стратегических разработок «Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах»), что подтверждает актуальность включения секторов sharing economy в структуру современных экономических систем и обновления системы показателей Росстата для учета и мониторинга их развития и доли в национальной или региональной экономике.

Авторский подход к проведению исследования динамики межотраслевой структуры национальной экономики базируется на следующих условиях и порядке:

1) применяется классификация отраслевой структуры валовой добавленной стоимости (ВДС), традиционная для макростатистики, национальных счетов, и включающая деление ВДС на Agriculture, hunting, forestry, fishing (ISIC A-B), Mining, Manufacturing, Utilities (ISIC C-E), Construction (ISIC F) и сектор услуг, включающий Wholesale, retail trade, restaurants and hotels (ISIC G-H), Transport, storage and communication (ISIC I) and Other Activities (ISIC J-P) (по данным ООН);

- агрегирование представленных в ВДС элементов проводится по следующей схеме:
  - аграрный сектор (D_A) включает ISIC A-B;
  - промышленный сектор (D_I) включает ISIC C-E;
  - сервисный сектор (D_S) состоит из разделов, которые идут подряд в структуре ВДС: ISIC G-H, ISIC I and ISIC J-P.

Необходимо уточнить, что раздел F «Строительство» не включается ни в один из этих секторов, но участвует в формировании дополнительного показателя нашего анализа – D_G, аккумулирующего в себе все товары, производимые в рамках национальной или региональной экономики.

2) исследование межотраслевой структуры с помощью индексов координации позволяет использовать для описания этих систем две структурные характеристики:

$$t_\alpha = D_I/D_A$$
$$t_\beta = D_S/D_I$$

где t_α - степень индустриализации, показывает, сколько на одну денежную единицу ВДС, созданной в сельскохозяйственных отраслях, приходится таковых единиц, созданных в промышленности;

t_β – степень сервизации, показывает, сколько на одну денежную единицу ВДС, созданной в промышленности, приходится таковых единиц, созданных в секторе услуг.

3) по полученной базе вычисленных значений t_α и t_β за период времени, позволяющий строить тренды и давать оценки тенденциям, для анализируемой национальной экономической системы или группы систем строится эволюционное графическое поле, на котором эмпирическим путем и в сравнении оценивается выявленный вектор эволюции за анализируемый период и даются экспертные оценки качества произошедших структурных изменений в экономике государства или его отдельных территорий.

Определив состав секторов sharing economy, к которым уже традиционно относят аренду помещений и вещей, применение совместного потребления в транспортных услугах и т.п., а также основываясь на теории трехсекторной экономики Кларка-Фишера, автор обосновал логику эволюции отдельных секторов sharing economy в последовательности их появления, развития и доминирования в ВДС sharing economy.

Авторский подход к структурному анализу экономики (на примере sharing economy) позволяет определить вектор эволюции национальных и региональных экономических

систем на волнах Индустрия 4.0, Smart city 3.0. с учетом уровня индустриализации и сервизации экономик по структуре валовой добавленной стоимости и определить условия и пути преодоления экономического и экологического кризисов в масштабах мировой и национальных экономик.

Гадий Людмила Геннадьевна
студент магистратуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва
lggadiy@edu.hse.ru

Джаохадзе Елена Джурховна
младший научный сотрудник
Институт прикладных экономических исследований РАНХ ГС
г. Москва
lena_2009@inbox.ru

Киюцевская Анна Мироновна
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС
г. Москва
kiu2003@mail.ru

Чембулатова Мария Евгеньевна
младший научный сотрудник
Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара
г. Москва
shermarya@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ ЦЕНОВОЙ И ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Один из уроков мирового кризиса 2008-2009 гг. заключается в недостаточности обеспечения ценовой стабильности монетарными властями для поддержания финансовой стабильности. В результате данных событий эта цель была выделена в самостоятельное направление экономической политики, полномочия по реализации которого в большинстве стран были возложены на монетарные власти. Перед Банком России цель по обеспечению финансовой стабильности была поставлена в 2013 г., при этом в конце 2014 г. Банк России приступил к таргетированию инфляции, обозначив поддержание ценовой стабильности в качестве основной цели денежно-кредитной политики.

Ни в теоретической, ни в эмпирической литературе консенсус о соотношении целей по обеспечению ценовой и финансовой стабильности по-прежнему не достигнут. В докризисный период, например, в работе «Monetary policy and asset price volatility» Бернанке и Гертлер, отмечая недостаточность инструментов денежно-кредитной политики для сдерживания последствий колебаний цен активов, утверждали, что монетарным властям следует реагировать на их избыточный рост только в том случае, если он создает риски для поддержания ценовой стабильности. Однако в посткризисный период широкое распространение получили работы, обосновывающие необходимость включения индикатора, характеризующего состояние финансовой системы, в правило денежно-кредитной политики, что позволит обеспечить ее чувствительность к формированию финансовых рисков. Так, Вудфорд утверждает о возможности рассмотрения цели по обеспечению финансовой

стабильности в качестве равнозначной с целью по достижению ценовой стабильности в рамках режима гибкого инфляционного таргетирования. Кокрис и Нуку, в свою очередь, показали, что действия монетарных властей стран, придерживающихся инфляционного таргетирования и плавающего валютного курса, оказывают значимое влияние на финансовую стабильность.

Существуют и противники включения финансовой стабильности в перечень целей монетарных властей. Например, Свенсон утверждает, что монетарная политика не может обеспечивать стабильность финансовой системы, в особенности когда она эффективна в поддержании стабильно низкой инфляции, и может при этом породить бум на финансовом рынке. Более того, процентная политика в таргетирующих инфляцию странах является инструментом широкого спектра действия и, затрагивает деятельность всех сегментов финансовой системы. В то же время финансовые риски могут, напротив, иметь локальную природу. Чеса-Бианки и Ребуччи отмечают, что цели по достижению ценовой и финансовой стабильности, в особенности в условиях негативных шоков, могут требовать разнонаправленного изменения одного и того же инструмента, что согласуется с правилом Тинбергена и приводит к необходимости наличия самостоятельных инструментов для достижения каждой из целей. Подтверждением этого могут служить результаты исследования Блота и соавторов, обнаруживших отрицательную корреляцию индексов потребительских цен и финансового стресса, выступающих в качестве прокси для ценовой и финансовой стабильности, в период 1993-2012 гг. в США и с 1999 г. – в еврозоне.

Применяя подход Блота и соавторов, основанный на применении модели DCC-GARCH, мы оценили соотношение между ценовой и финансовой стабильностью для России в период с февраля 2006 г. по июль 2019 г., используя индекс потребительских цен и индекс финансовой стабильности, рассчитываемый АКРА, в качестве прокси, а также ставки РЕПО как инструмента процентной политики. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии устойчивой положительной взаимосвязи между ценовой и финансовой стабильностью: оценки корреляции на всем периоде, во-первых, весьма волатильны, и, во-вторых принимают отрицательные значения в большинстве спецификаций, учитывающих динамику денежной массы (М2) или денежной базы, банковского кредитования нефинансовых корпораций и населения, а также состояния денежного и фондового рынков, измеренные процентной ставкой MIACR и индексом ММВБ соответственно. Отрицательные значения корреляции между рассматриваемыми показателями приходятся на отдельные месяцы мирового кризиса 2008-2009 гг., а также 2011, 2013, 2015 и 2016 годов. Это подтверждает необходимость разнонаправленного изменения инструментов денежно-кредитной политики для поддержания ценовой и финансовой стабильности. Более того, в отдельных спецификациях, учитывающих состояние денежного и фондового рынков, а также динамику кредитования, отрицательная корреляция выявлена и в феврале 2013 г., когда ускорение темпов роста потребительских цен и увеличение индекса финансового стресса сопровождались повышением ставок денежного рынка, но ростом кредитной активности и снижением фондового индекса. В процессе определения детерминант соотношения целей по достижению ценовой и финансовой стабильности было выявлено, что значимое влияние на него оказывает не только факт нахождения в кризисном периоде, но и текущий уровень ценовой и финансовой стабильности. При этом для России выводы Блота и соавторов, обнаруживших также значимое влияние динамики промышленного производства, используемой в качестве прокси делового цикла на соотношение индикаторов, не подтвердились.

Таким образом, основываясь на полученных результатах, свидетельствующих о преимущественно положительной зависимости между ценовой и финансовой стабильностью, характеризуемой соответственно динамикой потребительских цен и индексом финансового стресса АКРА, в целях поддержания финансовой стабильности в России могут быть использованы и механизмы процентной политики. Исключением являются периоды кризисов, когда выявленная отрицательная зависимость между целями

указывает на необходимость применения самостоятельных инструментов для достижения каждой из них.

Головин Максим Сергеевич
аспирант
МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
maks_golovin@inbox.ru
Кудрявцева Ольга Владимировна
профессор, доктор экономических наук, доцент
МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
olgakud@mail.ru

ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА И ТРАНСПОРТНОЕ БИОТОПЛИВО

"Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 18-010-00974 А "Разработка модели управления ресурсным потенциалом территорий".

Все большее количество государств осознает необходимость развития циркулярной экономики (циклической экономики, экономики замкнутого цикла). Отдельные аспекты современной стадии развития отрасли транспортного биотоплива напрямую связаны с практической реализацией этой концепции. Обратимся к анализу опыта Европейского Союза.

В ЕС успешно коммерциализированы технологии производства биодизельного топлива из отходов.

В рамках директивы RED I, принятой в 2003 году, были установлены долгосрочные целевые показатели потребления биотоплива транспортным сектором (к 2010 году его доля в совокупном потреблении топлива транспортным сектором должна была составить 5,75%). Данное требование, усиленное национальными отраслевыми программами в странах ЕС, включающими в себя стимулирующие системы налогообложения, финансирование создания производственных мощностей, инвестиционные гарантии и прочие инструменты, позволило в короткие сроки сформировать полноценную инфраструктуру производства, дистрибуции и потребления биоэтанола и биодизеля. При этом, несмотря на инструменты тарифной защиты внутреннего рынка от импорта, ЕС стал крупным потребителем пальмового масла и биодизеля, произведенных в странах Юго-Восточной Азии. При объеме производства в 8,8 млрд. литров ЕС в 2008 г. импортировал 530 тыс. тонн пальмового масла и 2 млрд. готового биодизельного топлива.

Рост потребления биодизельного топлива первого поколения, производство и потребление которого сопровождается негативными трансграничными эффектами изменения структуры землепользования (конверсией естественных экосистем в сельскохозяйственную пашню для производства сельскохозяйственного сырья) привело к изменениям в проводимой в ЕС политике по развитию производства и потребления биотоплива. В рамках директивы RED II, принятой в 2009 году, помимо увеличения целевых показателей потребления биотоплива транспортным сектором, были установлены критерии устойчивости потребляемого биотоплива: показатели сокращения эмиссии для биотоплива с 1 января 2018 года должны быть не ниже 60%, а производство сырья для биотопливной отрасли не должно сопровождаться превращением лесов, водно-болотных угодий, территорий с высоким биоразнообразием в сельскохозяйственные угодья. Соответствие критериям устойчивости подтверждается в рамках проводимой сертификации (voluntary scheme), при этом биотопливо, не соответствующее данным критериям, не подпадает под действие механизмов

поддержки, что делает его полностью неконкурентоспособным. Результатом применения данных инструментов (представляющих собой технический барьер в торговле) удалось снизить объемы импорта уже готового биодизельного топлива и ограничить темпы роста импорта отдельных видов сырья для его производства. В 2017 году импорт биодизеля в ЕС составил 1,3 млрд. литров, а импорт пальмового масла для производства биодизельного топлива составил 2,4 млн. тонн. При этом объем производства биодизеля, по сравнению с 2008 годом, практически удвоился.

Следует обратить внимание, что действующая редакция директивы RED II, принятая в 2018 году, предполагает в 2030 году постепенный запрет потребления биодизельного топлива, произведенного из сельскохозяйственных культур, культивация которых сопровождается негативными эффектами в структуре землепользования. Данное требование ограничивает использование в производстве транспортного биотоплива сельскохозяйственного сырья, выращенного на землях, ранее занятых естественными экосистемами, и в первую очередь – тропическими лесами. При этом доля транспортного биотоплива первого поколения в совокупном энергопотреблении транспортного сектора не должна превышать 7%, а доля транспортного биотоплива второго и третьего поколения в совокупном энергопотреблении транспортного сектора должна составить 3,5% к 2030 году.

Указанные элементы стратегической политики долгосрочного развития отрасли принесли примечательные результаты. В 2017 году из 14,9 млрд. литров произведенного биодизеля доля биодизеля HVO составила 2,6 млрд. литров. Спецификой данного энергоносителя является то, что в ЕС его практически полностью производят из жировых отходов пищевой и перерабатывающей промышленности. Опыт ЕС демонстрирует и успешную коммерциализацию производства биодизеля FAME из отходов пищевой и перерабатывающей промышленности. В 2017 биодизельная отрасль в ЕС потребила 2,8 млн. тонн использованного растительного масла, представляющего собой отходы пищевой промышленности, 770 тыс. тонн жиров животного происхождения, 558 тыс.тонн талового масла, эфирных масел и прочей жировой биомассы.

Использование жировых отходов пищевой и перерабатывающей промышленности для производства транспортного биотоплива в ЕС не только способствует успешной реализации стратегии диверсификации энергопоставок и поиска локальных источников энергоресурсов, но и позволяет извлекать экономическую выгоду от нового способа утилизации отходов, не обладающих ранее никакой экономической ценностью. Происходит «замыкание» процесса производства, при котором осуществляется максимальное использование веществ и энергии. Более того, благодаря этому достигаются положительные экономические эффекты в виде снижения уровня выбросов парниковых газов (жировые отходы характеризуются углеродной нейтральностью), снижения загрязнения окружающей среды и водных ресурсов в частности.

При определенных условиях (соответствующей государственной политике) некоторые из приведенных схем могли бы с пользой быть применены в нашей стране, одновременно содействуя сокращению отходов промышленности и предотвращению выбросов парниковых газов.

Гришина Ирина Владимировна
доктор экономических наук
Всероссийская академия внешней торговли
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
г. Москва
grishinaiv@mail.ru

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Масштабность стратегических задач по осуществлению технологического прорыва и выводу социально-экономического развития России на новый качественный уровень предполагает необходимость мощного притока инвестиций. Ответить на вопрос о том, будет ли сформировано достаточное инвестиционное обеспечение развития всех без исключения регионов страны призван прогноз инвестиций в их основной капитал.

В настоящее время подготовка среднесрочного прогноза социально-экономического развития страны на федеральном уровне (в том числе, на период до 2024 года) не предусматривает разработку территориального разреза – ни в разрезе федеральных округов (или макрорегионов), ни, тем более, в разрезе регионов.

Между тем, как показывает анализ, обобщение выполненных в разных регионах автономных прогнозов в единый сводный прогноз не обеспечивает соответствие показателям, заложенным в общероссийском прогнозе, ввиду чего региональные прогнозы, не нацеливают на совместное достижение регионами общероссийских показателей и не могут рассматриваться в качестве инструментария реализации прогноза по России.

Предлагаемый подход к прогнозированию инвестиционного обеспечения в территориальном разрезе должен способствовать преодолению указанного ограничения: базируясь на сравнительной оценке инвестиционной привлекательности разных регионов для частных инвесторов и одновременно на учете количественных параметров инвестиционных планов государства в отношении реализации крупных инвестиционных проектов в региональном разрезе, он позволяет увязать достижение национальных целей развития с региональными возможностями по привлечению инвестиций.

Если рассматривать инвестиционную привлекательность того или иного региона с точки зрения частного инвестора, то очевидно, что в каждом регионе существуют наиболее интересные объекты для инвестиционных вложений, потенциально способные показать высокую доходность, но также важна и оценка риска, включая вероятность недополучения инвестором ожидаемых доходов. Поскольку все инвестиционные проекты так или иначе могут быть ассоциированы с конкретным регионом, то при оценке соотношения потенциальной доходности и рискованности вложений, инвестор ориентируется на региональные характеристики, свойственные всем без исключения проектам в том или ином регионе, отражающие специфику региона, а не специфику каждого из проектов.

Указанное соображение о наличии неспецифического риска реализации всех инвестиционных проектов в конкретном регионе положено в основу оценки сравнительной инвестиционной привлекательности регионов России для частных инвесторов, которая определяется широким набором факторов, обусловливающих в совокупности инвестиционную активность.

Для моделирования поведения частных инвесторов среди огромного множества региональных факторов, обусловливающих инвестиционную привлекательность регионов, нами выявлены наиболее репрезентативные, которые тесно связаны с формированием активности частных инвесторов в регионах (по данным корреляционно-регрессионного анализа): сформирован набор из 20 факторов инвестиционной привлекательности регионов, совокупным влиянием которых можно объяснить до 70% вариаций результативного признака - инвестиционной активности частных инвесторов в регионах.

Использование прогнозных оценок для аналогичного набора региональных характеристик на перспективу, прогнозирование части из которых осуществляется органами исполнительной власти регионов при подготовке среднесрочных прогнозов социально-экономического развития (в том числе, прогнозируются объемы производства по разным видам деятельности, оборот розничной торговли, объем платных услуг населению, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, уровень безработицы в регионе и др.), а другая часть которых может быть спрогнозирована на основе сложившихся в ретроспективе тенденций их изменения в регионах, позволяет перейти к прогнозированию инвестиционной активности в регионах на среднесрочный период. Получаемые с использованием найденных параметров функции, связывающей инвестиционную

привлекательность и инвестиционную активность в ретроспективе, прогнозные оценки инвестиционной привлекательности используются для прогнозирования инвестиционной активности частных инвесторов в регионах на перспективу. Полученные региональные коэффициенты, значения которых варьируют относительно среднероссийской единицы, отражают степень превышения/или, наоборот, недостижения регионом среднероссийского темпа роста частных инвестиций в основной капитал, в связи с чем используются в качестве своеобразных коэффициентов пропорциональности при прогнозировании распределения общего объема частных инвестиций в основной капитал между регионами.

С учетом вышеизложенного разработаны варианты прогноза инвестиций в основной капитал в территориальном разрезе, обеспечивающие выход на прогнозные параметры среднесрочного прогноза Минэкономразвития России в целом по стране. Вместе с тем, следует отметить явное ограничение разработки сбалансированного сводного прогноза инвестиций в основной капитал в территориальном разрезе, которое не преодолевается предлагаемой методологией: для превращения прогноза в эффективный инструмент государственного регулирования пространственного развития необходимо в рамках итеративной процедуры предусмотреть согласование прогноза, выполненного на федеральном уровне в разрезе федеральных округов (либо макрорегионов) и субъектов Российской Федерации, со всей совокупностью автономных региональных прогнозов, выполненных в регионах, для чего в рамках процедуры подготовки среднесрочного прогноза в целом по стране следует сделать обязательной разработку территориального разреза прогноза на федеральном уровне, начиная со стадии проработки сценарных условий.

Доброхлеб Валентина Григорьевна
доктор экономических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Институт социально-политических исследований РАН
г. Москва
vdobrokhleb@mail.ru

Яковец Татьяна Юрьевна
кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
Международный институт П. Сорокина – Н. Кондратьева
г. Москва
tzag@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ

При финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-010-00136

В 2017 г. Россия вступила во второй этап депопуляции. Это обусловлено вступлением в репродуктивный возраст малочисленных когорт женщин, рожденных в 1990-х гг. Ситуация не нова для страны. На 500-летнем историческом периоде резкое падение численности населения наблюдалось в «смутное время» в начале 17 века, после революции 1917 г. и войны 1941-1945 гг., а также в период трансформаций 90-х годов, в конце 20 века. «Демографическое эхо», которым является нынешняя депопуляция, усилено негативным влиянием на естественное воспроизводство населения трансформационных реформ 1990-х гг.

В предыдущие исторические периоды удавалось преодолеть негативные тенденции сокращения численности населения страны, что определенным образом связано с расширенным типом воспроизводства населения. В настоящее время тип демографического воспроизводства коренным образом изменился. В результате снижения смертности и рождаемости, смены возрастной структуры ускоренный рост населения страны крайне затруднен. В новых демографических условиях требуются новые методы государственного регулирования социо-демографических процессов, ряд исследователей считают, что на демографические процессы невозможно воздействовать. Вместе с тем создание условий, благоприятных для снижения убыли населения, может оказывать косвенное воздействие как на рост рождаемости, так, в большей степени на снижение смертности.

В условиях депопуляции в РФ разработаны и начали реализовываться 12 Национальных проектов, первый из которых – Национальный проект «Демография». Данные Национальные проекты рассчитаны на 2018-2024 гг., но период депопуляции превышает эти временные рамки. В связи с этим предлагаем к 2025 г. разработать и принять Социальную доктрину РФ, подобно тому, как для поддержания военной безопасности страны разрабатывается и утверждается Военная доктрина РФ. Н.М. Римашевская в своей монографии «Человек и реформы: секреты выживания» еще в 2003 г. предлагала разработать и принять Социальную доктрину.

При разработке Социальной доктрины РФ необходимо использовать научные наработки ряда направлений, занимающихся проблемами народонаселения. Мы предлагаем применить для подготовки Социальной доктрины концепцию–теорию «хозяйства народонаселения», основанную на «философии хозяйства» С.Н. Булгакова и «теории хозяйства» Ю.М. Осипова. Оба подхода в разное время предложены сотрудниками в МГУ им. М.В. Ломоносова.

Под дефиницией «хозяйство народонаселения» понимается деятельность человечества по организации воспроизводства народонаселения. Подойти к воспроизводству народонаселения с позиций хозяйства профессор Ю.М. Осипов предложил на Дне науки в МГУ им. М.В. Ломоносова в 2012 г. и его идея оказалась плодотворной. В условиях депопуляции воспроизводство такого блага как «человек» требует специальной организации трудовых усилий. Сложные геополитические условия России – огромная территория при сокращающейся численности населения – делают численность населения страны стратегическим ресурсом, на воспроизводство которого потребуются все возрастающие финансовые ресурсы. Данные ресурсы могут быть получены в основном за счет достижений НТР-21 при переходе экономики страны к VI технологическому укладу. Реализация Национальных проектов может позволить рассмотрение в одном пакете решение социо-демографических и научно-технических проблем, стоящих перед страной.

Вероятно, после завершения Национальных проектов, в силу большой инерционности демографических процессов тенденции депопуляции не будут преодолены. До 2025 г. еще есть время для разработки и принятия Социальной доктрины РФ. За основу структуры Доктрины можно принять предложенные Н.М. Римашевской наработки. В том числе и ее идею о том, что «область социальной доктрины может быть условно представлена четырьмя сегментами. Первый сегмент охватывает объект социальной политики, т.е. население, представленное во всем многообразии; второй сегмент рассматривает население в качестве субъекта социальной деятельности в основных сферах жизни общества; третий сегмент – социальная инфраструктура, т.е. отрасли, производящие социальные услуги и формирующие социальную экологию; четвертый сегмент носит в значительной мере интегративный характер, представляя качество самой социальной жизни, или качество воспроизводства населения». Разработка такой доктрины потребует междисциплинарных исследований и усилий ученых разных научных школ. Необходимо уже сейчас начинать эту работу. К 2025 г. можно будет обобщить опыт реализации Национальных проектов в социальной сфере и сделать соответствующие выводы.

Разработка Социальной доктрины РФ позволит прогнозировать динамику сохранения социальной безопасности России с учетом демографических рисков и не допустить «сваливание» страны в социальные катастрофы, подобные событиям 1917 и 1991 г. Кроме того, Доктрина позволит на деле продемонстрировать, что РФ – социальное государство.

Евстафьева Юлия Валерьевна
младший научный сотрудник
Финансовый университет при Правительстве РФ
г. Москва
yevstafyeva@spa.msu.ru

МНОГОСТОРОННИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Работа выполнена в рамках государственного задания Финансового университета при Правительстве РФ по фундаментальной научно-исследовательской работе «Циклические закономерности мирохозяйственных укладов»

В настоящее время в России продолжается формирование системы стратегического планирования, предусмотренной принятым в 2014 году Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации». При этом реализация принятых документов как один из важнейших элементов формируемой системы не регламентируется на законодательном уровне, что представляется критическим упущением, выхолащивающим смысл применения стратегического планирования в государственном управлении.

В условиях преимущественно частной собственности на действующие в России предприятия особое внимание следует уделить разработке и внедрению инструментов реализации принятых плановых документов, которые бы предусматривали широкое вовлечение бизнеса в данную деятельность. Среди прочего целесообразным представляется использовать в качестве одного из таких инструментов контрактную форму совместной инвестиционной деятельности, предусматривающую взаимные обязательства государства и предприятий при осуществлении согласованных инвестиционных проектов, необходимых для реализации стратегических планов.

Предлагаемые автором многосторонние специальные соглашения обладают определенной универсальностью и необходимой гибкостью. Такие контракты могут быть применены в различных сферах и на разных уровнях государственного управления как генеральный инструмент вовлечения в реализацию плановых документов корпоративного сектора экономики. В случае необходимости — совместно с государственными институтами развития, кредитными организациями и государственными научными учреждениями. Гибкость инструмента заключается в возможности включения в него любых преференций (от налоговых льгот до стабилизационных оговорок), в зависимости от масштабности, уровня сложности и прочих условий реализации проекта.

Возможность вхождения в число участников банков и институтов развития, в том числе кредитных, позволяет обеспечить финансирование запланированных инвестиционных проектов в рамках одного комплексного соглашения. Безусловным преимуществом инструмента является его автономность от бюджетного финансирования. Хоть через специальные соглашения и может быть предоставлена субсидия как одна из потенциальных преференций для инвестора, однако в целом данный инструмент стимулирования инвестиционной активности не имеет присущих бюджетному финансированию ограничений, что повышает его устойчивость к колебаниям макроэкономической ситуации.

Взаимная ответственность всех сторон — подписантов соглашения будет служить гарантией реализации проектов, минимизировать риски срыва сроков из-за

рассогласованности действий участников проекта или намеренного уклонения от исполнения обязательств, а значит, будет способствовать исполнению плановых документов и достижению целей развития социально-экономической системы.

Применение многосторонних специальных соглашений поможет конструктивно (путем стимулирования инвестиционной активности) преодолеть такое явление российской экономики как структурный профицит ликвидности, образующийся вследствие невостребованности свободных банковских средств реальным сектором экономики. Причинами такой невостребованности могут служить как крайне высокие процентные ставки банков, при которых осуществление инвестпроектов не является рентабельным, так и отсутствие качественных проектов, для реализации которых банки могли бы предоставлять заёмное финансирование. Как указано выше, через многосторонние специальные соглашения возможно предоставление льгот и преференций федерального и субфедеральных уровней, что должно привести к появлению коммерческой целесообразности осуществления инвестиций даже при высокой стоимости кредитного ресурса. Представляется, что в случае активного использования инструмент также будет способствовать росту количества проектов, привлекательных для кредиторов.

Применение многосторонних специальных соглашений в государственном управлении социально-экономическим развитием потребует определенного административного сопровождения. Практически оно может быть реализовано как через уточнение и расширение полномочий органов государственной власти, так и посредством учреждения отдельного централизованного органа, уполномоченного заключать такие контракты на государственном уровне. В случае наделения федеральных министерств полномочиями по заключению многосторонних специальных соглашений от имени Российской Федерации (по аналогии с современными специнвестконтрактами) целесообразным представляется проведение экспертной оценки соглашений, предлагаемых к заключению. В частности оценка соотношения предоставляемых преференций и экономического эффекта от реализации инвестиционного проекта может проводиться специальной комиссией, которая с целью недопущения конфликта интересов должна быть выведена за рамки исполнительной власти (например, подчинена Президенту России). Обеспечение прозрачности инструмента особенно важно ввиду заявочной процедуры заключения соглашений. При этом государство может и должно индикативно направлять инвестиционные интересы посредством высококачественной подготовки и доведения до широкого круга заинтересованных лиц государственных стратегий и других документов системы стратегического планирования.

Введение в правое поле России описанного интегрального инструмента сможет существенно повысить эффективность управления на основе стратегического планирования, так как создаст возможности для практического выполнения ответственными лицами и ведомствами принимаемых планов с привлечением коммерческого сектора как ключевого субъекта рыночной экономической системы.

Захаров Александр Николаевич
доктор экономических наук, профессор
Всероссийская академия внешней торговли
г.Москва
alexandre_zaharov@yahoo.com
Игнатьев Александр Александрович
кандидат экономических наук, доцент
Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова
г.Москва
ignatev.aa@rea.ru

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА НА СЕВЕРЕ РОССИИ И В АРКТИКЕ

Туризм является одним из ведущих игроков в международной торговле и представляет один из основных ресурсов дохода страны. Он является генератором рабочих мест и важным источником для жизнеобеспечения регионов, особенно для развития туризма на севере России и в Арктике. Это хорошо видно из проводимой новой экономической политики Китая и США в этом регионе. На международном туристском рынке активно развиваются транснациональные компании. Необходимо отметить, что развитие туризма на севере России и в Арктике несёт всё возрастающую конкуренцию на туристском рынке и влечёт необходимость развивать инновационный путь развития туризма. Целесообразно, на наш взгляд, принять инновационный путь развития на севере России и в Арктике с использованием опыта Норвегии и Финляндии. На примере использования туристско-рекреационных ресурсов стран Северной Европы можно выявить перспективы развития туризма в сходных по природно-климатическим условиям регионах России, какими являются север России и Арктика.

В октябре 2019г. в Санкт-Петербурге проходила VIII Международная встреча представителей государств-членов Арктического совета, стран-наблюдателей Арктического совета и зарубежной научной общественности. Для участия во встрече помимо России прибыли представители 15 стран: Дании, Исландии, Канады, Норвегии, США, Финляндии, Швеции, Китая, Индии, Италии, Германии, Республики Корея, Сингапура, Франции и Японии. Обсуждались вопросы международного сотрудничества в области обеспечения стратегической стабильности арктического региона, проблемы развития транспортной инфраструктуры, вопросы устойчивого развития Арктики, включая социальный, культурный и экологический аспекты.

Российские туристские компании всё чаще предлагают северные маршруты. На базе мощного ледокольного флота России важно, на наш взгляд, развивать круизы к Северному полюсу. Север России и Арктика – изюминки нашей страны, которые привлекают российских и иностранных туристов. В качестве положительного примера развития туризма в высокоширотном арктическом регионе можно привести архипелаг Шпицберген. Ежегодно норвежские гостиницы архипелага регистрируют почти 100 тыс. ночёвок. Из общего числа посетивших Шпицберген туристов 75% - норвежцы. Российскую часть архипелага посещает не более 3 тыс. туристов в год. Из-за отсутствия инфраструктуры и каких-либо серьезных туристских услуг на российской части архипелага турпоездки представляют собой только короткие экскурсии, но и они демонстрируют интерес иностранных туристов к российской специфике.

Рост активности КНР в Арктике начался, когда Пекин получил статус наблюдателя в Арктическом совете (АС), которому в сентябре 2016г. исполнилось 20 лет. Главным направление деятельности АС является обеспечение устойчивого развития региона – сохранение уникальных и крайне уязвимых экологических систем, испытывающих нарастающий стресс под воздействием быстро меняющегося арктического климата. Интерес Китая к этой части Земного шара объясняется не только популяризации полярного туризма, но, главным образом, получением возможного доступа к природным богатствам Арктики, что продиктовано определенным дефицитом топливно-энергетических ресурсов, необходимых для развития китайской экономики. Под льдами Арктики скрыто около 30% всех неосвоенных газовых и 13% нефтяных месторождений. Однако, постепенное сокращение ледяного покрова, может изменить ситуацию, в том числе и развитие туризма на севере России и в Арктике.

В Арктике находятся внушительные биологические ресурсы: уникальная природа, включающая более 20 тыс. видов растений, животных, грибов и микроорганизмов. Отдельные практические шаги на государственном уровне уже сделаны. Были приняты Основы государственной политики РФ в Арктике (2008), Стратегия развития арктической зоны РФ (2013), госпрограмма развития Арктики (2014), Стратегия развития туризма до 2035 года (2019). Более того, прогнозируемое глобальное потепление в перспективе, предполагает выгоду от использования как Северо-Западного прохода от берегов Северной Америки через

Канадский Арктический архипелаг, так и Северного морского пути (СМП), проходящего вдоль береговой линии РФ. Планы России соединить СМП с китайским морским маршрутом в рамках международной инициативы КНР «Один пояс-один путь» были озвучены в апреле 2019г. на V-ом международном арктическом форуме в Санкт-Петербурге. Важно использовать инвестиции Китая и в направлении развития туризма на севере России и в Арктике.

Нельзя не отметить, что США намерены восстановить американское лидерство в Арктике и готовы бросить вызов растущему российскому влиянию в регионе, а также выступить против незаконного притязания Китая на «околоарктический» статус. В интересах повышения престижа США среди арктических держав представляется оправданным инициатива возглавить усилия по созданию международной организации, подобной Европейскому центру среднесрочных прогнозов погоды, которая занималась бы изучением погодных процессов в Арктике, экологической обстановки и ее влияния на другие регионы планеты. Важно и здесь использовать американские инвестиции на развитие инфраструктуры туризма на севере России и в Арктике.

Таким образом, туризм на севере России и в Арктике оказывает позитивное влияние на все сферы социальной жизни и международные отношения на разных уровнях. Туризм на севере России и в Арктике является благодатной почвой для международного сотрудничества, которое открывает перед РФ перспективы улучшения сотрудничества и взаимопонимания между странами. Международный вектор развития туризма на севере России и в Арктике авторами рассматривается в условиях новой экономической политики для России и мира.

Кириченко Ирина Алексеевна
кандидат экономических наук, доцент
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
г. Москва
94522@bk.ru

Маршова Татьяна Николаевна
кандидат экономических наук, доцент
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
г. Москва

Смирнов Александр Владимирович
кандидат экономических наук
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
г. Москва

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕ- И ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Важным элементом системы стратегического планирования как формы управления социально-экономическими процессами является прогноз на средне- и долгосрочную перспективу. Экономический прогноз является системой научно-обоснованных представлений о последовательном изменении в перспективном периоде состояния экономики (траектории развития) под влиянием управляемых и неуправляемых факторов. Среднесрочный прогноз разрабатывается на период до 6 лет, долгосрочный – на период до 30 лет. Содержащиеся в прогнозе показатели должны являться достоверными и надежными характеристиками достижения национальных целей социально-экономического развития.

Одной из основных функций системы государственного стратегического планирования является определение внутренних и внешних условий и тенденций, а также выявление возможностей и ограничений социально-экономического развития, в частности, достижения национальных целей. Реализация этих функций невозможна без качественного прогноза, на базе которого должны быть сформулированы выводы и рекомендации для формирования стратегии развития страны, отдельных сфер и отраслей экономики, направленные на достижение национальных целей. Качественный прогноз дает возможность выявлять "узкие" места, проблемные зоны, что позволяет повысить устойчивость и управляемость экономической системы при достижении целей развития. При этом разработка прогноза должна учитывать направления решения групп задач, формирование комплексов мероприятий, обеспечивающих достижение национальных целей.

В соответствии с действующим законодательством, прогноз социально-экономического развития разрабатывает Минэкономразвития России. Стратегические цели в области экономической политики РФ изложены в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. Для контроля хода реализации национальных целей разработаны показатели, характеризующие их достижение на период до 2024 года.

Важным элементом эффективного стратегического планирования является обеспечение методического единства и гармонизации стратегических документов, определяющих национальные цели развития, и прогнозов социально-экономического развития. В таблице 1 представлены показатели, характеризующие достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года, в таблице 2 – показатели базового варианта среднесрочного прогноза (от 30.09.2019 года), а также долгосрочного прогноза (от 28.11.2018 года) развития Российской Федерации.

Как показывает анализ данных этих таблиц, заданные в Указе Президента целевые ориентиры в целом соответствуют прогнозируемым параметрам развития экономики до 2024 года. Так, важнейший показатель экономического развития – темп прироста ВВП России должен достигнуть в ближайшие пять лет уровня в 3,3%. Однако с точки зрения инвестиционной наполненности планов социально-экономического развития мы видим отличия. Если в национальной цели доля инвестиций в основной капитал к 2024 году должна составить 25% к объему ВВП, то в среднесрочном прогнозе эта величина достигает только 20,7%. Между тем, именно инвестиции в основной капитал формируют будущие периоды экономического роста и во многом именно от них зависит динамика развития страны как в средне-, так и долгосрочной перспективе.

Таблица 1

Показатели достижения национальных целей развития РФ

N	Национальные цели и показатели	2018 (оценка)	2020	2022	2024
НЦ1. «Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ» и «Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)»					
1	Естественный прирост численности населения, тыс. человек	-224,6	-127,4	-57,5	1
2	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	72,9	73,9	75,6	78
НЦ2. «Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции» и «Снижение в два раза уровня бедности в РФ»					
3	Реальные располагаемые денежные доходы населения, % г/г	0,1	1,5	2,3	2,4

4	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	12,9	11,1	9,3	6,6
НЦ3. «Улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно»					
5	Количество семей, улучшивших жилищные условия, млн. семей	3,5	3,5	4,5	5
НЦ4. «Ускорение технологического развития РФ, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа»					
6	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, %	16,5	19	29	50
НЦ5. «Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере»					
7	Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле в ВВП страны, %	1,9	2,5	3,6	5,1
НЦ6. «Вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности» и «Создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора»					
8	ВВП России (реальный рост), % г/г	2,3	2	3,2	3,3
9	Место России среди стран по ППС	6	6	6	5
10	Несырьевой неэнергетический экспорт, млрд долл. США	214	243	290	350

Таблица 2

Показатели средне- и долгосрочного прогноза развития РФ

	Наименование показателя	2018 (отчет)	2024	2036
1	ВВП России (реальный рост), % г/г	2,3	3,3	3,3
2	Инвестиции в основной капитал, в % к ВВП	16,9	20,7	24,2
3	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	12,9	6,6	
4	Темп прироста инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году	7,3	5,3	3,0
5	Годовой уровень инфляции, % г/г	4,3	4,0	4,0
6	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет*	72,8	75,0	77,1**
7	Естественный прирост населения, тыс. чел.*	-229,3	-352,4	-541,2**
8	Реальные располагаемые денежные доходы населения, % г/г	99,9	2,4	2,8

* в соответствии со средним вариантом демографического прогноза Росстата
** 2035 год

Ковальчук Юлия Александровна
доктор экономических наук, профессор
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
Институт проблем рынка РАН
г. Москва
fm-science @inbox.ru

Степнов Игорь Михайлович
доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве РФ
Институт проблем рынка РАН
г. Москва
stepnoff @inbox.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00437

Цифровая трансформация активно проявляется во многих сферах экономики и общественной жизни, кардинально изменяя многие принципы и модели функционирования экономических систем. К числу существенных изменений следует отнести и изменение поведения экономических агентов, формирующих цифровые платформы для осуществления рыночного взаимодействия.

Следует уточнить, что изначально активное развитие инфокоммуникационных технологий способствовало появлению концепции двусторонних рынков (двусторонних сетей), которая описывает возникновение эффектов взаимодействий между группами пользователей, относящимся к разным отраслевым рынкам. Такое взаимодействие, с одной стороны, обусловлено разными целями и задачами, которые участники решают в рамках функционирования на конкретном рынке, но, с другой стороны, именно взаимодействие на двустороннем рынке (как в сетевой конструкции) обосновано взаимозависимостью их целевой деятельности. На практике этот теоретический посыл объясняет появление и развитие платформенного принципа этих взаимодействий, когда в формате платформ (не только цифровых, но и более широкого класса – организационных) создается бизнес-модель для взаимодействия взаимозависимых участников, для которых итоговый результат недостижим без кооперации. Например, в процессах торговли цифровая платформа (маркет плейс) может стать элементом платформы более высокого уровня для обоснования взаимодействий между производителями, посредниками, продавцами и покупателями. Указанные процессы позволяют сделать вывод, что в цифровой среде необходимо дополнительно исследовать изменение поведения экономических агентов.

Традиционно, рациональное поведение экономических агентов рассматривается с позиции:

- индивида (потребителя) в направлении максимизации общей полезности.
- фирмы в направлении максимизации прибыли (когда выгоды превышают издержки деятельности), продаж и богатства собственников.

В условиях цифровой среды индивид получает больше возможностей в формировании альтернативных вариантов потребительского набора, который принесет максимальную общую полезность, причем критериями отбора все также остаются параметры товара и его ценовые характеристики. Тем не менее, следует обратить внимание на тот факт, что в цифровой среде возрастает роль «рекомендаций» других участников рынка, и современный

потребитель становится зависим, с одной стороны, от таких «рекомендаций», с другой стороны, от составления таких «рекомендаций», что становится частью его нового цифрового дохода (например, дополнительные баллы за отзывы в бонусных системах). При этом следует отметить, что общие ограничительные характеристики (доход потребителя) сохраняются при видоизменении источников и форм получаемого дохода (распространение таких способов организации трудовой деятельности в экономике как фриланс, шэринг, удаленная занятость), а также использования цифровых инструментов для выплаты вознаграждений (в том числе в формате криптовалют и др.).

Для фирм в цифровой среде сетевое взаимодействие ведет не к формированию убывающей предельной полезности (характерной для классической индустриальной экономики), а к распространению сетевых эффектов и, соответственно, возрастающей предельной полезности. Фирма успешна, когда количество ее клиентов (а в цифровой экономике они переходят в разряд пользователей цифровых платформ, создаваемых компанией) увеличивается. При этом увеличение пользователей обосновывается не только повышением спроса на товары/услуги, реализуемых на цифровой платформе, но и повышением ожиданий действительных и потенциальных пользователей от развития бизнес-модели. Как показывает практика, чем активнее расширяется цифровая платформа, тем выше готовность потенциальных пользователей подключиться к ее ресурсам, что повышает ее полезность. Также следует отметить, что функционирование платформы обеспечивает превалирование постоянных затрат в структуре издержек фирмы, поэтому основными задачами ее развития должны стать максимальное увеличение объемов продаж, а также снижение постоянных затрат за счет выбора оптимизационных решений по аутсорсингу отдельных решений.

Возможность организации взаимодействия в цифровой среде на основе поиска наименее затратных решений, прежде всего, для индивидов, привели к реализации моделей совместного потребления, что изменило их поведение в части перебора альтернативных комбинаций и выбора. По нашему мнению, механизм определения альтернативной стоимости решений должен учитывать и возможности, которая стала предоставлять цифровая экономика, включая не только затратно-доходную составляющую, но и временную (на поиск вариантов, выбор и формирование рекомендаций – последнее зачастую становится условием участия цифрового взаимодействия и ограничивает принятие решений).

Ограниченность принятия решений в поведении экономических агентов также как и в традиционной экономике обосновывается неполнотой и ассиметричностью информации, которые обостряются в условиях реализации решений в цифровой среде. Эти процессы сопровождаются также влиянием решений других лиц, заинтересованных и/или незаинтересованных в результатах функционирования фирмы или индивида (причем не только в сфере чисто экономических решений, например, инвестирования или покупок, но и, например, «лайков» в социальных сетях, «фейковых» новостей и т.п.). Такой взгляд позволяет нам определить такие проявления цифрового взаимодействия как разновидность ограниченности ресурсов при реализации бизнес-моделей поведения экономических агентов в цифровой среде, так как именно информационная составляющая, несмотря на фактическую доступность больших массивов данных, становятся фактором сдерживания при принятии решений в силу необходимости их обработки или выяснения достоверности или противоречивости.

Таким образом, изменение поведения экономических агентов в цифровой среде проявляется не только в новых способах взаимодействия, но и принципиально новыми моделями поведения, ранее недоступными в традиционной экономике.

Лапенкова Наталья Владимировна
преподаватель, младший научный сотрудник
Финансовый университет
г. Москва
ms.nvla@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАНЫ

Огромные пространства легко давались русскому народу,
но не легко давалась ему организация этих пространств
в величайшее в мире государство, поддержание и
охранение порядка в нем.
На это ушла большая часть сил русского народа.
Размеры русского государства ставили русскому народу
почти непосильные задачи, держали русский народ в
непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения
своего государства русский народ истощал свои силы[24].

Разработанная Минэкономразвития России Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия) направлена на реализацию основ государственной политики регионального развития и призвана выполнить основные положения стратегии социально-экономического развития и стратегии национальной безопасности РФ.

В Стратегии определены основные векторы, приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и меры по их достижению и решению. Стратегия представляет собой документ стратегического планирования, определяющий приоритет, цели и задачи комплексного регионального развития РФ, а также включающий предложения о совершенствовании системы расселения и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории страны. Стратегия направлена на поддержание устойчивости системы расселения на территории России и снятие инфраструктурных ограничений в социально-экономическом развитии территорий.

Разработка Стратегии была поручена Министерству экономического развития России совместно с другими министерствами, ведомствами, а также органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

Основным направлением пространственного развития большинства стран является полицентрическое развитие, направленное на увеличение числа центров экономического роста, обладающих конкурентоспособной экономикой, а также обеспечение высокой связанности таких центров между собой, с прилегающими территориями и точками выхода на международные рынки.

Именно поэтому ключевая цель Стратегии - ускорение развития экономики страны путем увеличения количества центров экономического роста. В Стратегии также стоит амбициозная задача по становлению таких центров точками притяжения на территориях страны. Подобные меры призваны помочь решить проблему с миграцией населения в крупные города и районные центры из сел и деревень, а также снизить региональные неравенства в доступности социальных услуг. Ограничения социально-экономического развития малых и средних городов становятся основной причиной оттока населения.

[24]Николай Бердяевъ «О власти пространств над русской душой». Судьба Россіи. Опыты по психологіи войны и національности. 1918, Москва.

В течение последних десятилетий в большинстве стран продолжается увеличение доли населения, проживающего в крупнейших и крупных городских агломерациях, роль которых в экономическом росте устойчиво возрастает.

Еще одна не менее амбициозная задача - усиление межрегионального взаимодействия взамен межрегиональной конкуренции, которую мы можем наблюдать сегодня.

Проблему обеспечения национальной безопасности предполагается решать путем социально-экономического развития геостратегических территорий страны, к которым отнесены Арктика, Дальний Восток, Северный Кавказ, Крым, Калининградская область, Республика Карелия. Кроме всего прочего данные макрорегионы обязали подготовить документы для реализации собственных стратегий пространственного развития, опираясь при этом на пункты, предложенные Стратегией. В приграничных территориях делается важный акцент на усиление трансграничных связей, направленное на уменьшение неравноценного взаимодействия (экспорт из российских приграничных регионов сырья и продукции с низкой добавленной стоимостью и импорт готовой продукции), а также развитие транспортной инфраструктуры.

Констатируется факт, что высокий транзитный потенциал Российской Федерации и стран Евразийского экономического союза остается все еще нереализованным.

Классическая проблема, которую поднимает Стратегия - сохранение низкой транспортной связанности и доступности территорий Российской Федерации. И, как следствие, делается вывод о том, что сложившиеся инфраструктурные ограничения социально-экономического развития связаны со значительным недофинансированием развития транспортной инфраструктуры. Недостаточная связанность крупнейших и крупных городских агломераций и административных центров субъектов РФ по-прежнему является значимым инфраструктурным ограничением социально-экономического развития многих субъектов Российской Федерации.

Следует отметить, что впервые в документах такого уровня отмечается повышение уязвимости природной среды в результате увеличения негативного антропогенного воздействия на окружающую среду в контексте социально-экономического развития территорий страны.

В качестве привлечения инвестиций для реализации пунктов Стратегии планируется использовать механизм государственно-частного партнерства. Однако, по мнению многих экспертов, это будет весьма затруднительно реализовать в связи с тем, что на данном этапе проект Стратегии не предусматривает долгосрочные предложения по вложению капитала, что может отпугнуть представителей бизнес-сообщества инвестировать.

В целом, можно отметить, что документ носит общий характер и должен быть серьезно доработан. Ситуация усугубляется еще и тем, что на протяжении последних 25 лет просто отсутствовали комплексные системные исследования по пространственному развитию, пробелы в статистике не позволяют выработать схему принятия решений. Кроме того, необходимо проработать подпрограммы по выполнению заданных Стратегией векторов.

Большинство экспертов сходится во мнении, что в настоящее время необходима работа по корректировке и доработке Проекта Стратегии с учетом высказанных замечаний и комментариев представителей бизнеса, ученых, органов власти, а также экспертов, которые имеют реальный опыт управления регионами и крупными предприятиями.

Предполагается, что принятые меры позволят обеспечить взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, госкорпораций, госкомпаний и акционерных обществ с госучастием при доработке и корректировке Стратегии пространственного развития России.

Лылова Оксана Владимировна
кандидат экономических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва
lylova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ РАБОЧИХ МЕСТ

Понятие « цифровизация» производственных процессов прочно вошло в нашу жизнь. Если 10-15 лет назад, сам процесс цифровизации рассматривался как сопутствующий, вспомогательный, опосредующий реальную экономическую деятельность, то в настоящее время он становится одной из главных производительных сил в обществе.

В правительственной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» названная экономика обозначается как “хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме”. В программе отмечается, что разнообразие технико-технологических новшеств, меняющих нашу жизнь, в последнее десятилетие увеличилось многократно, причем в самых различных областях человеческой жизнедеятельности - от производства и военного дела до медицины и образования, от средств коммуникации до средств передвижения. Такие явление, как искусственный интеллект, машинное обучение, чат-боты, технологии распределенного реестра, облачные технологии прочно вошли в нашу жизнь. В цифровой экономике акцент делается не столько на использование программного обеспечения, но, главным образом, на товарах, услугах и сервисах, реализуемых посредством электронного бизнеса, электронной коммерции,

Цифровая экономика подразумевает не просто использование Интернета как инструмента, повышающего эффективность прежних бизнес-процессов, но и формирование качественно новых принципов организации отдельного бизнеса, всей экономики, а затем и всего и общества. Данные трансформации не могли не коснуться социально-трудовой сферы и сферы организации рабочих мест. Чаще всего, под цифровым рабочим местом, понимается виртуальный эквивалент физического рабочего места, который начинает играть ключевую роль в бизнес-процессах и требует тщательного планирования и управления. До сих пор в научном сообществе и бизнес-среде идут дискуссии, направленные на определение функций и основных требований к виртуальному рабочему месту. В результате дискуссий было выделено три основных элемента, которые должно включать цифровое рабочее место:

- Ориентированность на человека;
- Наличие соответствующих технологий;
- Возможности самостоятельно проводить управление и проектирование.

Современное рабочее место предоставляет организациям следующие важные возможности:

- Активизация процесса поиска и обмена информацией и знаниями;
- Расширение возможностей совместной работы;
- Использование бизнес-приложений и сервисов самообслуживания;
- Коммуникации и вовлечение большего числа сотрудников;
- Мобильность - возможность работы в любое время и в любом месте.

Цифровое рабочее место дает возможность широко использовать все преимущества стратегического планирования и операционного управления, позволяет более активно вовлекать всех сотрудников в производственный процесс, опираясь на пользовательский опыт и надежные, гибкие технологии. При этом, можно варьировать компонентами мобильных приложений, корпоративных сетей, электронной почтой, веб-конференциями и другими технологиями.

Таким образом, ключевые характеристики цифрового рабочего места - это технологии и методы работы, которые позволяют сотрудникам объединяться, взаимодействовать и выполнять определенную работу, находясь в on-line пространстве.

Несмотря на насыщенность технологическими новинками, основной акцент делается на сотруднике, цифровое рабочее место делает его качественно другим, предъявляет новые требования, но и предоставляет новые возможности. Эффективное цифровое рабочее место отделяет работу от физического местоположения сотрудника на протяжении большей части времени. Подобное дистанцирование имеет важные влияние на процесс подбора трудового коллектива, предъявляет особые требования к сотрудникам и технической оснащенности центрального офиса. Цифровизация рабочих мест вносит значительные изменения в структуру рынка труда.

Вице-президент Microsoft в Западной Европе Клаус Хольц сформулировал это так: «Специалисты пришли к выводу, что к 2022 году 75 млн. рабочих мест перестанут существовать, но при этом инновационные разработки создадут 133 млн. новых. Итого в течение пяти ближайших лет из-за развития технологии появится 58 млн. дополнительных рабочих мест».

Глобальные изменения рынка труда вызваны, прежде всего, увеличением темпов внедрения роботизированных и автоматизированных систем.

Россия также включилась в процесс цифровой трансформация. Специалисты отмечают, что у нас в стране отношение к проблемам автоматизации труда отличается от общемирового. Эксперты выделяют три ключевых особенности:

- вместо обучения имеющихся сотрудников — предлагается найм новых с необходимым багажом знаний;
- более глубокое внедрение автоматизации;
- активное использование проектных и временных рабочих мест.

Постоянное повышение квалификации и помощь в освоении технологических новшеств упрощают жизнь компаний в условиях цифровизации. Обучение персонала - важная черта трансформации рабочих мест. Именно эта проблема требует наиболее тщательного изучения руководителями компаний и центров по повышению квалификаций сотрудников.

Маликова Ольга Игоревна
доктор экономических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
экономический факультет
г. Москва
MalikovaOl@gmail.com

Папенов Константин Владимирович
доктор экономических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
экономический факультет
г. Москва
papenov@econ.msu.ru

Сидоренко Владимир Николаевич
кандидат экономических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
экономический факультет
г. Москва
v_sidorenko@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКАХ СЫРЬЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Исследование осуществляется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Влияние новых технологий на глобальную конкуренцию на рынках сырьевых материалов», № 19-010-00782

Рынки сырьевых материалов считаются одними из наиболее консервативных и в меньшей степени подверженных изменениям, связанным с научно-техническим прогрессом. Однако текущее десятилетие, по сути, продемонстрировало обратную картину. Фактор научно-технического прогресса, инновации оказали огромное влияние именно на рынки сырья и, в значительной степени, затронули принципиально важный для России сегмент – рынок углеводородов.

Нефтегазовая отрасль последние десятилетия являлась бюджетообразующей для российской экономики. Одновременно, в современных условиях, конкурентоспособность той или иной страны на энергетическом рынке во все большей степени оказывается зависимой от обладания новыми технологиями. Компании, владеющие современными ключевыми технологиями, могут осуществлять геологоразведку, добычу, сервисные работы в любой точке мира. Обладая новыми технологиями, страна приобретает ключи не только от своей природной кладовой, но и от ресурсов других стран. Ограничения поставок технологического оборудования и доступа к новым технологиям для стран, не имеющих собственной развитой промышленности, научной базы, могут оказаться весьма болезненными. Классическим примером является экономика Ирана – страны, обладающей богатейшими запасами углеводородов, но уже несколько десятилетий ограниченной в доступе к новым технологиям и имеющей относительно низкие показатели экономического роста.

Ключевыми событиями, связанными с успехами внедрения новых технологий и изменившими условия конкуренции на энергетических рынках, являются:

- - курс европейских стран на формирование модели низкоуглеродной экономики, предполагающей минимизацию использования ископаемого топлива, резкое повышение энергоэффективности, сокращение выбросов парниковых газов. Впервые идея перехода к модели низкоуглеродной экономики была выдвинута в начале прошлого десятилетия, в 2003 г. в Великобритании. С 2010-2011 гг. в Германии стала реализовываться идея энергетического перехода, предполагающая развитие возобновляемой энергетики и отказ от атомной электрогенерации;
- - быстрое и успешное развитие возобновляемой энергетики в европейских странах. В первом полугодии 2019 г. более 45% электроэнергии в Германии было произведено из возобновляемых источников, прежде всего ветра и солнца;
- - последствия «сланцевой революции» в США и, в целом, резкое расширение добычи нефти и газа из неконвенциональных источников благодаря внедрению новых технологий (технологии горизонтального бурения, гидроразрыва пласта, компьютерное моделирование);
- - резкое снижение издержек при сжижении природного газа, сделавшее сжиженный природный газ (СПГ) конкурентоспособным с газом, поставляемым по магистральным трубопроводам, и одновременно заметно упростившие процессы транспортировки данного вида топлива. Именно развитие рынка СПГ ускорило процессы глобализации на мировом газовом рынке. Одновременно появление новых технологий и оборудования позволило сделать экономически рентабельным сжижение газа в малых объемах и способствовало стремительному развитию нового сегмента газового рынка – рынка малотоннажного СПГ.

В совокупности с трансформацией институциональной среды европейского энергетического рынка – принятием Энергетической хартии; первого, второго и третьего энергопакетов; созданием единого европейского энергетического рынка; введением экономических санкций в отношении России, предполагающих ограничение доступа к кредитованию и поставкам технологического оборудования для нефтегазового комплекса, заметно осложнились конкурентные позиции России на энергетических рынках.

Одновременно, новые технологии порождают рост спроса на некоторые виды сырьевых материалов. События начала текущего десятилетия наглядно показали критическую зависимость российской экономики от поставок из-за рубежа редких и редкоземельных металлов, необходимых для производства большинства видов современной высокотехнологичной продукции.

Новые условия конкуренции требуют учета изменений в экономической политике. Нефтегазовая отрасль в ближайшие десятилетия останется каркасом российской экономики, но, очевидно, в случае сохранения существующей динамики цен на углеводороды, не сможет играть роль драйвера экономического роста. Вместе с тем, переход российских нефтегазодобывающих компаний к работе на более сложных месторождениях, – месторождениях с высокой степенью выработанности или расположенных на крайнем севере, будет требовать увеличения объемов финансирования отрасли и расширения применения новых технологий, без применения которых эксплуатация сложных месторождений оказывается за чертой рентабельности.

В складывающейся ситуации представляются оправданными следующие шаги в макроэкономической политике. В качестве ключевых составляющих в данном случае нам представляется важным выделить два направления:

- *Реализация промышленной политики.* В текущих условиях реализация промышленной политики предполагает поддержку ключевых сегментов производства, связанных с развитием машиностроения, химической, некоторых сегментов пищевой и легкой промышленности. В качестве одного из эффективных институтов поддержки в последние годы зарекомендовал себя Фонд развития промышленности. Однако для успешного развития производств, важны не только льготные кредиты, благоприятный инвестиционный климат, но и развитая научная

база. Увеличение финансирования системы образования и сохранение научно-исследовательских учреждений в этой связи представляется исключительно важным;

- *Развитие региональных экономик и стимулирование промышленного роста на региональном уровне.* Как отмечалось выше, эффект быстрого экономического роста за счет развития нефтегазового сектора в текущих условиях представляется исчерпанным. Одновременно, невысокий уровень заработных плат, наличие земельных ресурсов, энергетических мощностей делают экономически перспективным развитие в регионах обрабатывающей промышленности. Создание в таких условиях комфортной среды для местного производства позволит сгладить остроту социальных проблем, развить местную инфраструктуру, улучшить качество жизни и, в конечном счете, расширить возможности для экономического роста.

Малкин Иосиф Гиллевич
Независимый исследователь
г. Москва
brilliant_99@mail.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО КЛИМАТУ

1. **И**зменение климата в настоящее время является экзистенциальной угрозой и самой большой проблемой, стоящей перед современным и будущими поколениями.

В этой связи необходимо принять быстрые, глубокие и всеобъемлющие прогрессивные изменения в трендах мировой экономической политики, обусловленные не только стремлением достижения цели значительного сокращения глобальных выбросов парниковых газов (ПГ) и стабилизации глобальных температур, но и построением более безопасного, здорового и процветающего будущего для всех стран и народов.

2. Глобальные выбросы ПГ, вызывая особую тревогу мирового сообщества, достигают рекордных уровней и не показывают, к сожалению, никаких ближайших признаков снижения и достижения пика своего значения. Последние четыре года были самыми жаркими за всю историю наблюдений, а зимние температуры в Арктике поднялись на 3°C с 1990 года. Уровень моря повышается, коралловые рифы умирают, и мы начинаем видеть признаки угрозы жизни на Земле в результате воздействия изменения климата на здоровье людей, высокого уровня загрязнения окружающей среды, расширение и увеличение интенсивности тепловых волн, повышение рисков продовольственной безопасности и т.д.
3. На Парижской конференции по климату (COP 21) в декабре 2015 года 195 стран приняли первое в истории универсальное, юридически оформленное глобальное соглашение по климату.

В соглашении изложен всеобщий план совместных международных согласованных действий на пути снижения влияния опасных тенденций изменения климата, предотвращения глобального потепления, превышающего 2°C и продолжения усилий по ограничению увеличения глобальной температуры до 1,5°C.

До Парижской конференции по климату и во время её проведения страны представили всеобъемлющие национальные планы действий в области климата (определяемые на национальном уровне вклады INDC). Но, к сожалению, даже в случае решения очень сложной задачи по реализации этих планов,– это не позволяет надеяться, что удастся удержать глобальное потепление ниже 2°C.

В этой связи соглашение по климату предусматривает применение определённых важных международных механизмов для достижения поставленных климатических целей.

4. Для смягчения последствий изменения климата и существенного сокращение выбросов парниковых газов (ПГ) правительства стран участников Парижской конференции по климату согласились:
   - Придерживаться долгосрочной цели поддержания роста глобальной средней температуры значительно ниже 2°C превышения доиндустриальных уровней;
   - Стремиться ограничить увеличение глобальной температуры до 1,5°C, поскольку это значительно снизит риски и последствия изменения климата;
   - На необходимость добиваться скорейшего достижения пика глобальных выбросов ПГ, признавая, что для развивающихся стран это займет больше времени;
   - Проводить после достижения пика выбросов ПГ быстрые их сокращения в соответствии с имеющимися достижениями в области науки, техники и технологий.
5. Всеобъемлющие национальные планы действий в области климата (INDC) в РФ.

Долгосрочной целью ограничения антропогенных выбросов парниковых газов в Российской Федерации может быть показатель в 70–75 процентов выбросов1990 года к 2030 году, при условии максимально возможного учета поглощающей способности лесов.

- ❖ В настоящее время в Российской Федерации действуют имеющие обязательную юридическую силу акты, направленные на обеспечение к 2020 году сокращения объема выбросов парниковых газов до уровня не более 75 процентов объема указанных выбросов в 1990 году (Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2013г. и Распоряжение Правительства РФ от 2 апреля 2014г. N504-р). Данными актами предусмотрена, в том числе, организация прогнозирования выбросов парниковых газов в общеэкономическом масштабе и в отраслях экономики. В дальнейшем, с учетом положений Климатической доктрины и Энергетической стратегии Российской Федерации, будут разработаны и приняты законодательные и нормативные акты, обеспечивающие достижение заявленной величины INDC к 2030 году.
- ❖ В то же время сокращение выбросов к 2030 году до уровня 70-75% от выбросов 1990 года, при максимальном учете вклада лесов России, не создает препятствия для социально-экономического развития и согласуется с общими целями политики землепользования и устойчивого управления лесами, повышения энергоэффективности, снижения ресурсоемкости экономики и увеличения доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе Российской Федерации. Бореальные леса России, имеют глобальное значение для смягчения последствий изменения климата, защиты водных ресурсов, предотвращения эрозии почв и сохранения биоразнообразия на планете. На долю России приходится более 70% бореальных лесов и около 25% мировых лесных ресурсов. Важнейшим элементом российской политики по сокращению выбросов парниковых газов является деятельность по рациональному использованию, охране, уходу, защите и воспроизводству лесов –т.е. по управлению лесами. Сокращение выбросов парниковых газов к 2030 г. на 25–30% по сравнению с выбросами 1990 г. позволит Российской Федерации выйти на траекторию низкоуглеродного развития, совместимого с долгосрочной глобальной целью –не превышением 2-градусного уровня повышения температуры. Достижение этой цели может быть обеспечено совместными усилиями всех стран участников климатического соглашения.

6. Для достижения глобальных целей Парижского соглашения по климату правительствам стран необходимо предпринять совместные скоординированные действия в области экономики:
   - Добиваться значительного снижения глобальных выбросов парниковых газов;

- На высоком научном уровне объективно оценивать и предлагать решения по уменьшению вредных внешних воздействий выбросов ПГ во всех секторах своей экономики, включая сельское хозяйство и землепользование;
- Поэтапно и неуклонно сокращать неэффективные субсидии в ископаемые виды топлива;
- Переходить на использование новых возобновляемых источников энергии;
- Широко внедрять прогрессивные безотходные производства;
- Осуществлять сотрудничество по совместным научным исследованиям в области изменения климата, применению прогрессивных энергоэффективных технологий, увеличению доли государственно и частного адресного финансирования, направленного на борьбу с изменением климата в различные секторы экономики;
- Вести активную прогрессивную социальную политику, направленную: на удовлетворение социальных нужд населения, снижение бедности, преодоления несправедливого социального неравенства, улучшение системы здравоохранения и образования.

Маркелов Антон Юрьевич
доктор экономических наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Центра психолого-экономических исследований
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС
г. Саратов
markelov@ipei.ru

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: ЭКСПЕРЕМНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ «Психологические особенности экономической активности личности в условиях совершенной экономики» №18-013-00952\18

Изучение реальных экономических процессов и явлений ставит в повестку дня необходимость проведения экономических экспериментов, которые позволяют в специально организованной среде воспроизвести процесс или явление с целью их изучения в наиболее благоприятных условиях. На основе инструментария и методологии поведенческой и экспериментальной экономики, представленного в работах В. Смита, Г. Саймона, Д. Канемана, А. Тверски, Р. Талера, М. Алле, П. Словика, С. Лихтенштейн, на базе Центра психолого-экономических исследований (г. Саратов) была реализована серия психолого-экономических экспериментов по изучению экономической активности личности и выделению типов и видов экономического поведения. Одним из этапов исследования экономической активности личности выступил этап проведения экспериментальных сессий по исследованию выбираемых стратегий экономического поведения, склонности к риску и результативности экономической активности.

В основу исследования положена рабочая гипотеза о том, что склонность к риску положительно связана с результативностью экономической деятельности в сфере купли-продажи товаров и услуг (т.е. в традиционной предпринимательской деятельности).

Процедура исследования включала в себя проведение серии лабораторных психолого-экономических экспериментов по оценке склонности испытуемых к риску и результативности их экономической активности в условиях модели совершенной экономики.

Лабораторный эксперимент опирался на метод психолого-экономического моделирования, предложенный А.Н. Неверовым. В ходе эксперимента для оценки склонности испытуемых к риску нами использовалась методика реакции на движущийся объект (РДО) Д. Клебельсберга, в модификации ЦПЭИ. Результативность экономической активности оценивалась по итогам лабораторного экономического эксперимента на базе экономико-психологической модели «Совершенная экономика». Для испытуемых эксперимент выглядел как деловая игра, в которой участникам приходилось выполнять интеллектуальную работу, связанную с принятием экономических решений в условиях дефицита времени и избыточности информации. Под избыточной информацией в нашем исследовании понимался такой объем релевантной для принятия решения информации, который не может быть рационально усвоен и переработан в знания в отведенные для принятия решения временные отрезки.

Процедура эксперимента выглядела следующим образом. Испытуемые в течение 15 минут знакомились с правилами деловой игры (модели). Кроме того, все испытуемые до начала игры проходили тестирование на комплексе автоматизированной фиксации реакции на движущийся объект (РДО). При этом участникам эксперимента сообщалось, что достижение поставленной цели при прохождении тестирования фиксации реакции на движущийся объект поможет улучшить или ухудшить их первоначальные стартовые условия участия в игре, и сумма денег, которая у них находится на руках, может как увеличиться, так и уменьшиться в зависимости от результативности их действий в РДО. Перед началом игры испытуемым предлагалось заполнить анкету, для определения выбираемой испытуемыми стратегии экономического поведения (минимизации потерь, максимизации выигрыша, смешенной стратегия) предлагалось принять участие в эксперименте «Лотерея М. Алле» и заполнить карту самоотчета по предстоящей деятельности. Сам игровой процесс состоял из 10 последовательных взаимосвязанных актов принятия экономических решений продолжительностью 2-2,5 часа. После завершения игры и подведения итогов испытуемые вновь заполняли карту самоотчета по реализованной деятельности.

Было проведено четыре экспериментальных сессии, в которых приняли участие в общей сложности 79 испытуемых (из них 57 % женщин, 35,4 % мужчин, 7,6 % забыли указать свой пол). Средний возраст испытуемых составил 17,7±2,5 лет.

В целях обеспечения сопоставимости данных результаты экономической активности были переведены в номинативную шкалу от 1 до 5: где значение «1» присваивалось испытуемому с низким (отрицательным) результатом экономической активности, «5» – испытуемому, с самой высокой результативностью экономической активности.

На первом этапе анализа экспериментальных данных проводилось сопоставление склонности к риску по методике РДО и типа стратегии экономического поведения по методике М. Алле. В итоге были получены следующие результаты. Во всех трех группах по результатам РДО продемонстрировали, что большинство участников выбирают смешенную стратегию экономического поведения. В группе не склонных к риску 2,9% выбрало стратегию минимизации потерь, 77,1% смешенную стратегию, 20% стратегию максимизации выигрыша. В группе, продемонстрировавшей адекватную склонность к риску 5,3% выбрали стратегию минимизации потерь, 52,6% - смешенную стратегию и 42,1% стратегию максимизации выигрыша. В группе испытуемых продемонстрировавших высокую склонность к риску стратегию максимизации потерь выбрало 8%, смешенную стратегию 60%, стратегию максимизации выигрыша 32%. Во всех группах испытуемые выбрали смешенную стратегию экономического поведения по М.Алле.

По выбору экономической стратегии все участники эксперимента распределились следующим образом 5,1% выбрали стратегию минимизации потерь, 65,8% выбрали смешанную стратегию и 29,1% - стратегию максимизации выигрыша. В рамках стратегии минимизации 25% испытуемых продемонстрировали низкую склонность к риску по результатам РДО, 25% - адекватную склонность к риску и 50% продемонстрировали высокую склонность к риску. В рамках смешенной стратегии у 51,9% была зафиксирована

низкая склонность к риску, 19,2% - адекватную склонность к риску и 28,9% - высокую склонность к риску. В группе выбравших стратегию максимизации выигрыша 30,4% продемонстрировали низкую склонность к риску по результатам РДО, 34,8% - продемонстрировали адекватную склонность к риску и 34,8% - высокую склонность к риску. Подобная структура позволяет предположить, что существует тенденция к обратной зависимости между склонностью к риску и ориентацией стратегии экономического поведения, т.е. люди с низкой склонностью к риску склонны выбирать либо стратегию максимизации прибыли, либо смешанную стратегию (т.е. стратегию действия по ситуации). И наоборот, люди с высокой склонностью к риску в условиях фундаментальной неопределенности склонны стремится к минимизации потерь. Возможно, что именно поэтому результативность чаще выше у агентов с низкой склонностью к риску.

Проведенный анализ результатов позволил сделать предварительный вывод о том, что, самые положительные результаты экономической активности продемонстрировали участники эксперимента наименее склонные к риску. Это дает возможность выдвинуть гипотезу о том, что не склонность к риску, а умение переводить фундаментальную неопределенность в риск, т.е. переходить из неструктурированной ситуации в ситуацию с измеримыми вероятностями исходов решения является одним из важных качеств для успешной экономической активности. Данное предположение нуждается в последующей проверке и экспериментальном подтверждении. Для чего предполагается провести серию аналогичных по процедуре экспериментов, дизайн которых будет дополнен предъявлением участникам лотереи Эллсберга.

Нешитой Анатолий Семенович
кандидат экономических наук, профессор
Институт экономики РАН
г. Москва
a-nesh@yandex.ru

Иванов Михаил Юрьевич
кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики РАН
г. Москва
vektr77@rambler.ru

К КОНТУРАМ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Мировая экономика, особенно Российская, оказались на пороге неизбежных перемен. Дальнейшее ее развитие, движущей силой которого выступает всемерное внедрение в производство научно-технических достижений на основе научно-обоснованного управления, столкнулось с несоответствием производственных отношений и в целом мирохозяйственного устройства этому процессу.

Прежние формы и методы регулирования развития вступили в резкое противоречие с главным принципом капитализма – конкуренцией. Именно конкуренция стала служить олицетворением неравенства, именно она предполагает безудержное стремление к этому. Неуправляемый рынок по воле конкуренции – спекулятивно-стихийный по определению, изменил социально-политическое состояние капитализма. Происходит неудержимое расслоение общества. Это касается всех стран. В США, если в 1974 году 1 % наиболее обеспеченных американских семей распоряжался 9 % ВВП, то ныне по экспертным оценкам – 30 %. В России по данным аналитиков банка Credit Suisse, владельцами более трети всего богатства отечественных домохозяйств являются 110 человек (Российская газета, 2013, 11 октября). Проведенное этим же банком в прошлом году исследование о концентрации

богатств в странах мира , показало, что Россия занимает одно из первых мест в этом отношении. На долю 10 % богатой части населения в середине 2018 года приходилось 82 % всего личного богатства страны. Для сравнения: в США – 72 %; в Китае – 60 % (Независимая газета , 2018, 19 октября).

Без существенного изменения действующей системы управления экономическими процессами и характера экономических отношений невозможно обеспечить дальнейшее динамично-прогрессивное развитие экономики. О каком технологическом прорыве может идти речь при нынешнем управлении экономикой. За более чем четверть века реформирования экономика развивалась, по сути, вспять: не востребована наука и научно-технические достижения, деградирован высокотехнологический сектор экономики и жизнеобеспечивающие бюджето-образующие виды производств. Не просматривается улучшение экономики и в ближайшей перспективе. Судя по прогнозам Минэкономразвития и принятому Государственной Думой федеральному бюджету на 2019 – 2021 гг., по расчетам авторов, в 2021 году к уровню 1990 года максимально составят: промышленное производство – 99 %; инвестиции в основной капитал – 81,6 %; реальные располагаемые денежные доходы населения – 93,1 %. Подробнее о состоянии экономики страны и промышленного потенциала показано в ряде публикаций авторов (Нешитой А.С. Экономическое развитие России: настоящее и будущее. - М.: ЛЕНАНД. 2016. 320 с.; Нешитой А.С. Макро- мезоуровневая оценка промышленного потенциала России и возможности его возрождения //Инвестиции в России, 2017 № 6, 7).

На нынешнем этапе Президентом РФ в послании Федеральному Собранию выдвинуты грандиозные задачи повышения темпов экономического развития и вывода экономики страны на уровень экономик 5 развитых стран мира к 2024 году, которые могут быть обеспечены только при условии смены нынешнего либерально-рыночного подхода к управлению экономикой. В рамках действующих ныне Федерального закона о промышленной политике, программы технологического развития России, программы национальной технологической инициативы необходим переход к системно-диалектическому научно обоснованному подходу к управлению экономикой.

Требуется, на наш взгляд, четко определиться с доктриной общественно-экономического устройства страны (даже на базе ныне действующего основного института – Конституции РФ), стратегией инвестиционно-инновационного развития, а также с формированием соответствующих функционально-институциональных структур с планово-экономическим механизмом.

Государственная доктрина общественно-экономического устройства, по мнению авторов, представляет систему научно обоснованных взглядов, подходов и направлений к общественно-экономическому устройству государства, оптимизацию структуры видов собственности и распределения результатов экономической деятельности, механизм государственного управления, включающий совокупность методов, инструментов, стимулов национальных, общественных и личных интересов, морально-нравственных и культурных ценностей, с целью обеспечения устойчиво динамичного развития экономики и социального благополучия членов общества.

Стратегия инвестиционно-инновационного развития экономики (неоиндустриализации) должна опираться на собственные внутренние ресурсные источники, обобществление базовых видов экономической деятельности (стратегических, высокотехнологических, добывающих видов производств и топливно-энергетического комплекса); сектор вертикально интегрированных корпораций; государственное планово-экономическое управление.

При системно-диалектическом подходе к управлению экономикой государство (в лице его функционально-институциональных структур) должно на основе отмеченных доктрины и стратегии задействовать свои экономическую и социальную функции, разрабатывая социально-экономические индикаторы (регуляторы) и механизм их достижения с учетом

органической связи роста потребностей и инвестиций, обеспечения устойчивого баланса между производством и ресурсами: материальным, трудовыми и финансовыми.

Более подробно о смене экономического курса можно ознакомиться в работах авторов (Иванов М.Ю., Нешитой А.С. Формирование новой российской экономической модели: назревшая проблема // Сборник тезисов и выступлений (ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения – 2018), секция экономических наук «Цифровая экономика: человек, технологии, институты» 16 – 23 апреля 2018 г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 102 – 104.; Нешитой А.С. Управление экономической системой России // Вестник ИЭ РАН, 2014, № 4.; Нешитой А.С. Экономика России: Императив нового курса. – М.: ЛЕНАНД, 2019. 224 с.)

Овакимян Марианна Сережаевна
кандидат экономических наук, доцент
Московский государственный институт международных отношений МИД России
г. Москва
m_ovakimyan@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ИТАЛИИ

Роль малого и среднего бизнеса в «нефинансовой предпринимательской экономике» Италии выше, чем в среднем по ЕС. Доля добавочной стоимости предприятий малого и среднего бизнеса составляет 67% по сравнению со средним показателем по ЕС в 56%, а доля рабочих мест - 78% по сравнению с 66% соответственно. Особенно важное значение имеют микро-предприятия, обеспечивающие 28% общей добавленной стоимости и 46% общей занятости населения в «нефинансовой предпринимательской экономике». Наиболее важным сектором является *обрабатывающая промышленность*, в которой доля добавленной стоимости и занятости, обеспечиваемых предприятиями малого и среднего бизнеса, значительно выше, чем в среднем по ЕС: предприятия малого и среднего бизнеса генерируют 31% всей добавленной стоимости и 25% всех рабочих мест. Среднее число занятых на итальянских предприятиях малого и среднего бизнеса составляет 3 человека, что примерно на 1 ниже среднего значения по ЕС.

В последнее время малый и средний бизнес в Италии оживает. После нескольких лет спада занятость на предприятиях малого и среднего бизнеса выросла на 2% в 2015-2017 гг., увеличившись на 1,5% в период с 2016 по 2017 гг. Однако в 2017 г. этот показатель все еще составлял на 11% ниже, чем в 2008 г. Это привело к значительному снижению показателей занятости на предприятиях малого и среднего бизнеса на фоне высоких показателей крупного бизнеса, занятость которых в 2013-2017 гг. увеличилась на 6%.

Что касается формирования добавленной стоимости, предприятия малого и среднего бизнеса начали восстанавливаться в 2013-2014 гг. В период с 2013 по 2017 гг. добавленная стоимость выросла на 9,6%, в том числе на 2% в 2016-2017 гг. Благодаря этому росту добавленная стоимость предприятий малого и среднего бизнеса почти достигла докризисного уровня, а в 2017 г. она была всего на 1% ниже, чем в 2008 г.

Обрабатывающая промышленность является одним из секторов, в которых предприятия малого и среднего бизнеса еще не полностью восстановились после кризиса. Хотя в 2017 г. добавленная стоимость предприятий малого и среднего бизнеса составляла на 2,7% выше, а занятость населения на таких предприятиях - на 17% ниже уровня 2008 г. Крупные фирмы, которые столкнулись с менее выраженным спадом по сравнению с предприятиями малого и среднего бизнеса, показывали лучшие результаты: добавленная стоимость в 2017 г. была на 15% выше уровня 2008 г., а занятость лишь на 12% ниже уровня 2008 г. Вместе с тем, отражая в целом позитивные изменения в сфере предприятий малого и среднего бизнеса, показатели занятости перестали падать. В 2015-2017 гг. занятость на предприятиях малого и среднего

бизнеса снова поднялась на 2%. За тот же период добавленная стоимость предприятий малого и среднего бизнеса также увеличилась на 4%. Одним из факторов, способствовавших этому развитию, является рост спроса, особенно из-за рубежа, приведший к повышению доли экспорта на фоне продолжающегося сокращения задолженности предприятий малого и среднего бизнеса. Еще одним фактором стал рост инвестиций, поощряемых правительством через программу *Impresa 4.0 (Компания 4.0)*, ранее известную под названием *Industrie 4.0 (Промышленность 4.0)*, направленную на стимулирование инноваций и повышение конкурентоспособности итальянских фирм-производителей.

В последние годы предприятия малого и среднего бизнеса *в сфере гостиничных и продовольственных услуг* добились особенных успехов, опережая крупные компании. В 2014-2017 гг. уровни занятости населения и формирования добавленной стоимости в этом секторе увеличились на 3% и 14% соответственно. В 2015-2016 гг. туристы стали ночевать в стране чаще на 2,5%, а количество прибывающих туристов выросло на 3%. В частности, в последние годы выросла доля агротуризма. Количество ферм в сфере агротуризма, получивших лицензию на предоставление жилья в 2012-2016 гг., увеличилось на 10%.

Тенденция на снижение количества регистрируемых фирм продолжается с 2010 г. В 2017 г. общее число зарегистрированных компаний в размере 356 875 регистраций, составило на 1,8% ниже, чем в 2016 г. Количество закрывающихся компаний, снижающееся с 2013 г., продолжило снижаться на 3,4% в 2016-2017 гг. и составило 311 165 закрытых копаний в 2017 г. Это привело к чистому увеличению числа зарегистрированных компаний на 0,8% в 2016-2017 гг.

В последние годы меньшее количество итальянских фирм по сравнению со средним значением по ЕС смогло расширить свою деятельность. В 2015 г. 11912 фирм или 7,6% от всех фирм «предпринимательской экономики», в которых работает не менее 10 сотрудников, были классифицированы как компании с высокими темпами роста, что значительно больше, чем в 2014 г., когда доля компаний с высокими темпами роста составляла всего 7%. Тем не менее, этот показатель по-прежнему составляет на 2,3% ниже среднего показателя по ЕС.

Начиная с 2008 г., правительство Италии добилось прогресса в области реализации Закона о малых предприятиях, что позволило выполнить множество рекомендаций базы данных упомянутого Управления. В министерстве экономического развития был назначен орган для контроля за осуществлением принципов Управления по делам малого предпринимательства.

Что касается осуществления рекомендаций Управления, то по-прежнему существуют некоторые проблемные области, требующие более активных действий. Например, налогообложение и высокая бюрократия, недостаточная эффективность государственного управления и ограниченный доступ к финансированию, по-прежнему, создают трудности для предприятий малого и среднего бизнеса.

В течение 2017- 2018 гг. Италия приняла 24 программных мероприятия и официально объявила о двух новых мерах, которые соответствуют всем 10 принципам Закона о малом бизнесе. Наиболее значительных успехов удалось достичь в области «предпринимательства», «навыков и инноваций».

Был принят ряд мер по поощрению предпринимательства, особенно среди молодежи, проживающей на юге Италии. Были созданы стимулы для развития новых предприятий в сельскохозяйственном секторе, который в настоящее время переживает фазу расцвета, в частности, благодаря молодым кадрам, открывающим новые компании.

По пункту «навыков и инноваций» основное внимание было уделено развитию навыков сотрудников в области инноваций и технологий по программе Индустрия 4.0, а также - стимулированию оцифровки бизнес-процессов.

Огарков Сергей Анатольевич
кандидат экономических наук
преподаватель
Московский финансово-юридический университет
Россия, г. Москва
ogarkovsal@mail.ru

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ДЕПОПУЛЯЦИИ НА РЫНОК ТРУДА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Задерживающийся переход из технологической отсталости в знаниеёмкую экономику после кратковременного и незначительного естественного прироста численности населения захлестнут второй волной депопуляции населения, отягощенной проблемой бедности (реальные денежные доходы на протяжении 2014-2019 годов, вопреки надежде на пересчет, сократились более, чем на 10%), истощающих и источники пополнения трудовых ресурсов, необходимых для развития сельских территорий. Выйти на непродолжительный отрезок естественного прироста численности населения, окончание которого совпало с девальвацией рубля и санкционным противостоянием 2014-2015 годов, содействовала планомерно накачивающая трудовые ресурсы многотысячным притоком дешевой зарубежной рабочей силы (в основном выходцами из азиатских стран СНГ) миграционная стратегия начала 2000-х годов, часть из которых, по нашей гипотезе, сумев ассимилироваться, стала фактором повышения рождаемости, которая, к сожалению, прямым статистическим наблюдением не охвачена. В период 2016-2018г. естественная убыль населения численно превзошла рубеж 350 тыс.человек, продолжив непрерывное падение на 180,4 тыс.чел в первом полугодии 2019 года. В расчете на 1000 человек, четверть из которых составляют сельские жители, в период 2016-2019 годов естественная убыль населения устремилась в пропасть с нарастающими значениями по годам: 0,01;0,9;1,5;3,0, что, по нашим оценкам, приближает окончание жизненного цикла хозяйственной деятельности на занятой населением территории трехвековым прогнозом. Вместе с тем, выросла эмиграция с 31,3 тыс.чел до 44,1 тыс.чел, из которых 38,2 тыс.чел в 2018 г. уехали в страны СНГ.

Однако, зарубежный миграционный поток сузился, перестал покрывать естественную убыль населения. Затяжное падение реальных денежных доходов населения, в особенности негативно сказывающееся на рынке труда в сельском хозяйстве, несмотря на сохраняющийся низкий процент безработицы в целом по экономике, находится под давлением высоких процентных ставок, повышения налогов, разового «валютного прокола рынка», нанесшего негативные эффекты по розничному товарообороту, чистому экспорту и резкому повороту розы внешней торговли к странам с развивающейся экономикой, вялому платежеспособному спросу на товары длительного пользования, в результате которых появилась с обновленными целевыми ориентирами миграционная политика, которая при сохранении падающих темпов рождаемости не способна в корне изменить негативную ситуацию по привлечению рабочей силы и расширению рынка труда.

Систематическое наблюдение на протяжении 1990-2019 годов свидетельствует о происходящем ничем не сдерживаемом социально-экономическом явлении нарастающей разрушительной силы депопуляции (демографическая стихия) в механизме воспроизводства сельского народонаселения и трудовых ресурсов, сопровождаемое искусственной заменой (обновлением) зарубежной миграцией в открытом экономическом пространстве, в основном молодыми возрастами 25-39 лет, естественно убывающее(теряемое) в мирное время титульное население, и, одновременно с ее ассимиляцией, восполнении рабочей силы, покрывающим дефицит предложения на рынке труда при неустойчивой динамике реальных денежных доходов населения.

Проблема демографии негативно отражается на показателях рынка труда. Большинство коренного сельского населения на рынке труда выбирает отрасли, не связанные с производством сельскохозяйственной продукции. Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве в период с 2000 г. по 2018 г. сократилась на 40,9% и составила 4,9 млн человек, или 13,1% от общей численности сельского населения, относительно инертного и стабильно занимающего долю 25-26% в общей численности населения страны, что вызывает сомнения в возможности резкого наращения объемов производства и экспорта сельхозпродукции из-за неподготовленности собственных трудовых ресурсов.

Рассмотрение состава сельской рабочей силы в трудоспособном возрасте (до выхода на пенсию) показывает, что безработица в 1,8 раза выше, чем в городе и составляет 8,4%, при этом численность сельской рабочей силы меньше на 1 591 тыс.чел или на 8,9% по сравнению с общей численностью сельской рабочей силы (в возрасте 15-72 лет). Вместе с тем, численность сельской рабочей силы в трудоспособном возрасте, занятых и безработных сократилась за период реформ соответственно в процентах на: 5,1;1,6;31,5. Теоретическое увеличение численности сельской рабочей силы могло наступить в результате миграционного притока, в то время как естественная убыль сельского населения непрерывно продолжалась в период реформ, и ускорилась в 2016-2019 годы, заметного движения из города в сельскую местность рабочей силы не происходит, для нее не обеспечены достаточные условия и преимущество выбора для перемещения на рынке труда и в жизнеустройстве.

В период 2006-2017 годов в сельском хозяйстве произошел обвал на 38,3% численности занятых в возрасте 15-72 лет, или на 2 619 тыс.чел с 6 831 тыс.чел (9,9% общей численности занятых) до 4 212 тыс.чел (5,8%). Гендерное распределение занятых в возрасте 15-72 лет показывает наличие 67,1% -мужчин, и 32,9%-женщин.

Среднее звено образования составляет тягловый костяк работников сельского хозяйства. Наличие большой массы физического труда ограничивает возможности для продолжения трудового стажа, соразмерно возраста и делает высшее образование способом продления трудовой деятельности. Однако, рынок труда в сельском хозяйстве сильно подвержен возрастным ограничениям, что требует создания альтернативной оплачиваемой занятости населения, не сгоняя с мест постоянного проживания. Воплотиться в другой вид экономической деятельности без наличия городской специальности сельским труженикам оказывается наиболее сложным и дорогостоящим шагом по социальным и экономическим мотивам.

Среднее время поиска работы квалифицированному работнику сельского хозяйства – 8,9 месяцев (в эквиваленте около 348 тыс. руб. недополученной зарплаты), что на 1,3 месяца дольше и обходится дороже, по сравнению с другими профессиями. Время, потраченное в поисках работы, влечет риск необеспеченного потребительского кредитования, а вместе с безнадежностью и безысходностью – к долговой яме заёмщиков.

Решению изложенной проблемы демографического сужения рынка труда необходимы меры, стимулирующие экономическими, но и юридическими приемами возрождения трудовой деятельности в сельской местности, которая по своим качествам, оплате и доступности социальных благ не уступала городской среде жизнедеятельности, в том числе по сотрудничеству с международными институтами в ликвидации бедственных последствий для населения и социальной сферы.

Рабкин Сергей Владимирович
кандидат экономических наук, доцент
Коми республиканская академия государственной службы и управления
г. Сыктывкар
Fulcrum-A@yandex.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ БУДУЩЕГО: ТЕОРИЯ НАУЧНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ Н.Д.КОНДРАТЬЕВА КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕНОГО РАЗВИТИЯ

Глобальные и внутренние вызовы современной модели экономического развития России все больше определяют необходимость научного обоснования приоритетов будущего, как институциональной основы реализации задач обеспечения безопасности общественного развития. Научное обоснование национальных интересов развития в условиях многополярной модели мира становится важнейшим институциональным критерием результативности этого процесса в рамках выбираемой каждой страной системы обеспечения собственной и построения новых контуров коллективной безопасности. Фактически порождая новую систему ценностей, основанную на паритете интересов каждого участника и решении общих задач научного предвидения будущих угроз мирового развития.

Именно безопасность во всех ее проявлениях (национальная, экономическая, технологическая, экологическая и т.д.) становится важнейшим рациональным фактором в системе институциональных критериев будущего развития общества в независимости от принимаемой им модели участия государства в экономике. Однако рациональность выбора не гарантирует его эффективность по отношению к достижению будущих целей развития. В конечном итоге этот выбор связан с осознанием самим обществом значимости и важности их достижения в определенный период времени, ограниченного горизонтом и точностью научного прогноза, гарантирующего необходимую степень его безопасности.

Сложность реализации научных принципов прогнозирования новых угроз безопасности общественного развития связанна не только с неоднородностью и при этом взаимосвязанностью всех компонентов, характеризующих безопасность любой по своей организации системы. В большей степени это вопрос о выборе механизмов и соответствующего им инструментария, позволяющих более точно обосновать степень влияния тех или иных факторов на достижение намеченного результата.

Рассматривая данный процесс в рамках возможного возникновения эффективных и не эффективных институтов развития можно предположить, что рациональность поведения участников выбора вариантов решения по определению приоритетности целей, будет отчасти зависима от степени субъективности оценки будущих угроз безопасности развития. Так, любой современный социально-экономический прогноз в долгосрочной перспективе неизбежно зависим от вероятности возникновения тех факторов, которые не могут быть определены существующей эмпирической базой знаний. Отсюда сложность применения сегодня в российской практике стратегического планирования на региональном уровне регрессионных и имитационных моделей, позволяющих оценивать мультипликативные эффекты, что существенно сдерживает реализацию задач повышения качества жизни населения. При этом роль государства в достижении этой цели становится весьма значимой и прежде всего в оценке человеческого фактора как главного ресурса, определяющего будущее.

По мысли Н.Д. Кондратьева отличаясь меньшей автономностью, чем мир природы (прежде всего в объективности закономерностей) мир социальных явлений более изменчив под влиянием не только внутренних, но и внешних факторов, воздействие которых на социальную жизнь в точности не определено. И данное умозаключение находит сегодня

подтверждение, не только в условиях возникновения мировых экономических кризисов, но и в глобальных процессах освоения человечеством территориального пространства. Например, такого как Арктика и Антарктида, где общность и различие государственных интересов достигают порой своеобразных полюсов как противостояния, так и взаимодействия.

Неслучайно ряд современных авторов, основываясь на методах математического моделирования связывают решение проблем устойчивости социальных систем в условиях современных глобальных изменений с оценкой внешних условий влияющих на состояние экономической системы и выбором приоритетов её развития. При этом определяя приоритетность, как жизненно важность для социума в решении задач своего развития, в т. ч. институционального выбора критериев своей безопасности.

Объективность решения задач обеспечения безопасности общественного развития неизбежно порождает потребность в формировании соответствующей этим задачам системы стратегического планирования. Однако рациональность принятия решений в сфере обеспечения социально-экономических аспектов безопасности существенным образом осложняет возможности достижения необходимой точности прогноза и как следствие определения приоритетности целей будущего развития. В этой связи практический интерес представляет рассмотрение данных вопросов в контексте предложенной Н.Д. Кондратьевым теории научного предвидения как возможного императива формирования будущей модели обеспечения безопасности общественного развития.

Выделение рационального фактора прежде всего связано с вмешательством самого человека в стихийный ход событий и в конечном итоге определении критериев будущего развития, которые не могут не отражать восприятие обществом определенных закономерностей, трансформированных массовым сознанием. Определяя два вида случаев, характеризующих вмешательство человека в ход событий Н.Д. Кондратьев приходит к весьма интересному с точки зрения оценки современных экономических процессов замечанию о совершенно иной природе подобного вмешательства в общей системе, анализируемых им факторов научного предвидения. В большинстве случаев такое вмешательство основано не на точном знании закономерностей и прогнозе событий, а на основе других мотивов, связанных с осознанным или не осознанным восприятием обществом определённых приоритетов развития.

Учитывая общемировые тенденции и преемственность отечественной школе планирования таким приоритетом для современного российского общества должны стать критерии безопасности, нашедшие отражение в долгосрочной стратегии развития нашей страны.

Свирина Людмила Николаевна
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Институт экономики РАН
г. Москва
ludasvirina@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Для модернизации кадрового потенциала государственных органов управления в соответствии с задачами повышения качества и результативности государственного управления для реализации национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации необходимо, прежде всего, создание эффективной системы подготовки управленческих кадров через институты повышения квалификации, переподготовки и дополнительного профессионального образования. Это ключевое условие

является важнейшим фактором эффективной реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, в связи с тем, что именно от уровня профессиональной подготовки управленцев зависит эффективность деятельности органов управления.

В рамках решения этой задачи необходимо провести оценку соответствия современной школы подготовки и повышения квалификации управленческих кадров поставленной задаче повышения эффективности и качества государственного управления. На этой базе следует выявить ключевые направления совершенствования системы профессионального обучения и развития кадрового состава органов государственного управления и обосновать необходимость внедрения современных направлений модернизации института подготовки и повышения квалификации управленческих кадров, к которым, прежде всего, следует отнести такие как:

- использование механизма формирования государственного заказа на подготовку управленческих кадров в федеральный кадровый резерв, компетентных к управлению реализацией Национальных проектов и Федеральных целевых программ;
- повсеместное внедрение инновационного по сути компетентностного подхода к обучению абитуриентов профессиональным навыкам, соответствующих современным стандартам качества образования, потребностям современного общества в квалифицированных специалистах-управленцах с целью совершенствования традиционного подхода к образованию, ориентированного, прежде всего, на обучение теоретическими знаниями в соответствующих отраслях и сферах государственного управления;
- расширение областей внедрения информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс в направлении включения в онлайн-обучение специальных и базовых программ дополнительного профессионального образования в дистанционном режиме для повышения квалификации управленцев без отрыва от работы;
- переориентация функциональной деятельности управленческих органов для решения задачи трансформации государственного управления в направлении повышения его качества и результативности на базе внедрения технологии процессной оптимизации, позволяющей, проведение необходимой работы по регламентации цепи последовательных действий для достижения цели организации, которые на выходе дают результат на соответствующий запрос потребителя.

Решение задач трансформации государственного управления в направлении повышения его качества и результативности определяет новый вектор модернизации института подготовки и повышения квалификации управленческих кадров. На современном этапе управление по результатам может стать новой моделью государственного управления. В стратегии реформирования государственного управления в направлении повышения его результативности основные принципы этой модели должны быть адаптированы ко всем сферам государственного управления на всех его уровнях от федерального до муниципального. Базовым инструментом обеспечения государственного управления по результатам, прежде всего, должен стать процессный подход. Неоспоримым преимуществом использования процессного подхода в государственном управлении является получение возможности в обозримом периоде времени повысить результативность деятельности государственных учреждений.

Технология процессной оптимизации позволяет избежать дублирования функций в организации, наладить горизонтальные связи между структурными подразделениями, распределить между сотрудниками и зафиксировать за каждым из них перечень его должностных функций и полномочий с определением границ ответственности. Эта технология реально может работать в государственном управлении, если этому будет

предшествовать исходный и решающий этап подготовки профессиональных кадров, способных осуществить запуск и последующее внедрение процессного подхода в органы государственного управления.

Таким образом, перенастройка системы управления по процессному принципу предопределяет, прежде всего, необходимость подготовки соответствующих кадров для сферы государственного управления, а именно, специалистов по внедрению в органы государственного управления процессного подхода. С целью повышения результативности деятельности государственных органов на базе разработки и усовершенствования их процессов и административных регламентов, в том числе с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий, был инициирован вопрос об организации обучения соответствующих специалистов на базе использования механизма целевой подготовки по государственному заказу. Приказом Минтруда и социальной защиты России (№ 248н от 17.04.2018) был утвержден новый вид деятельности «Специалист по процессному управлению» (Expert in Process Management ICPM) в качестве профессионального стандарта. Для запуска в организации процессной систематизации ее функциональной деятельности потребуются, как минимум, несколько специалистов-экспертов, квалификация которых соответствует высшему уровню профессионального стандарта «Специалист по процессному управлению». К профессиональным функциям и обязанностям специалистов высшей квалификации относят разработку, внедрение, совершенствование и проведение аудитов построения и возможности трансформации комплексной, процессной модели для всей организации.

Смирнова Татьяна Леонидовна
доктор экономических наук, доцент
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ
г. Москва
ctl2002@mail.ru

РОЛЬ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСВТЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РЕГИОНА

Практика социально-экономического развития госкорпораций в российских регионах показывает, что эффективной формой хозяйственной деятельности являются научно-производственные объединения (НПО), опережающие в своей динамике другие формы интеграции хозяйственной деятельности за счет объединения целевой функции исследовательских и производственных коллективов, концентрации ресурсов, реализации единой системы контроля и управления выпуском наукоемкой продукции. Развитие инновационного потенциала региона на основе стратегических карт создания «критических» технологий через проектную деятельность НПО позволяет устранить риски замедления производственных циклов, мониторинга и прогнозирования рынков наукоемкой продукции. Преимуществом НПО являются система трансфертного ценообразования, унификация и стандартизация бизнес-процессов, формирующих единый коммерческий цикл вывода готовых изделий на рынок на основе единого проектно-исследовательского и производственного циклов. Гибкая система координации инвестиционной и инновационной деятельности обеспечивает необходимый уровень ликвидности, платёжеспособности, деловой активности НПО.

Высокая степень концентрации производственно-технических, финансовых, интеллектуальных, организационных, информационных и логистических ресурсов в сочетании с горизонтальной интеграцией структурных подразделений НПО позволяет расширить децентрализацию управленческих решений и сократить издержки координации, в том числе на согласование проектно-технической документации. Ключевыми критериями

конкурентоспособности НПО в единой корпоративной системе являются: гибкость и непрерывность производственных процессов, возможность комбинирования и внутренней кооперации в процессе организации эффективной проектной деятельности структурных подразделений.

Воспроизводство критических компетенций персонала в системе «разработчик и производитель готовой продукции» позволяет сократить трансакционные издержки на поиск квалифицированных специалистов, обладающих интерспецифическими компетенциями, выстраивать интеграционные процессы, которые обеспечивают сокращение издержек коммерческого цикла вывода продукции на рынок конечного потребителя. Участие государства в долевой структуре капитала НПО, наряду с другими институциональными инвесторами, позволяет стабилизировать финансовые процессы, которые связаны с технологическими разработками в области обеспечения национальной безопасности. Практика взаимодействия с клиентами ориентирована на капитализацию активов НПО, привлечение новых портфельных заказчиков продукции, ориентированных на последующее техническое сопровождение, модификационные изменения с целью рекрутинга продукции, повышение уровня ответственности за проектно-конструкторские и испытательные работы в производственно-коммерческом цикле выпуска готовой продукции.

Накапливаемая отрицательная информация о продукте в процессе проектной деятельности НПО позволяет оперативно изменять структуру ассортимента продуктовой линейки для повышения качественных характеристик и системы обслуживания покупателей продукции, устранять негативное отношение покупателей к продукции и сокращать риски непредвиденных расходов в маркетинговой деятельности. Такая практика ПНО работы с клиентами направлена на повышение уровней лояльности и узнаваемости продукции, частичное страхование и компенсацию репетиционных рисков с целью расширения исследовательской и производственной деятельности в условиях снижения неопределенности потребительского поведения и ограниченности финансовых ресурсов. Повышение интенсивности логистических потоков и их оптимизация через управление базами данных, использование внешних электронных маркетинговых коммуникаций позволяет контролировать отношения с поставщиками, осуществлять организацию производственно-технологического цикла на принципах как «толкающих», так и «тянущих» систем с целью диверсификации рисков сбыта продукции.

Научно-производственные объединения в региональной системе как элемент самоорганизующих структур вносят значительный вклад в формирование параметров устойчивого экономического равновесия через развитие свойств эмержентности на мезоуровне, цикличность процессов инновационного и производственного развития, описанных теориями Й. Шумпетера, Н.Д. Кондратьева, С.Ю. Глазьева, Т. Хагерстранда. Научно-производственные объединения являются точками экономического роста в региональной системе, которые ведут к изменению социально-экономической структуры, стимулируя процессы диффузии инноваций, определяют тренд пространственного перемещения профессионально-квалификационных групп, направления развития функциональной и эффективной специализации в процессе создания национальных цепочек добавленной стоимости.

Интеграция наукоемкого производства и инновационной деятельности в регионе ведет к формированию многоуровневой системы коммерциализации технологий на базе НПО, расширению налогооблагаемой базы субъектов, осуществляющих управлением производством продукции с полных инновационным циклом, управлением эффектом «конкуренция временем», обновлению производственной и инновационной инфраструктуры. НПО в региональной системе инициируют формирование положительных экстерналий таких как повышение уровня связанности экономического пространства, расширения емкости потребительского рынка, увеличение удельного веса наукоёмкой продукции и численности инженерных профессионально-квалификационных групп в общей структуре занятости, усложнение коммуникативного пространства на базе использования информационных

корпоративных систем и Интернета. Таким образом, перспективы и динамика развития региональных экономических систем формируется величиной и направлениями использования инновационного потенциала НПО. Калужская область, в силу исторически сложившейся промышленной специализации, является регионом с активным развитием НПО, многоуровневой инновационной системой, территориями присутствия госкорпораций «Росатом» и «Российские технологии».

Соловьева Софья Валентиновна
кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
МГУ им.М.В. Ломоносова
г. Москва
solovyevasv@gmail.com

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ

Исследование выполнено при финансовой поддержке
экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
(НИР "Устойчивое развитие территорий Поволжья")

Важность оценки экосистем сформулирована Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в докладе Генеральной Ассамблее «Millennium Ecosystem Assessment» (Оценка экосистем на пороге тысячелетия). Определена необходимость понять, как изменения состояния экосистем воздействуют на благосостояние человека, и создать научные основы принятия мер для устойчивого использования экосистем и увеличения их вклада в благосостояние общества. Доклад стал первым этапом теоретических и практических исследований по оценке экосистемных услуг.

Дальнейшие усилия в области учета и оценки биоразнообразия и экосистемных услуг объединили международные исследования фундаментального характера: Программа ООН по окружающей среде (UNEP), проект Европейского сообщества TEEB (2008-2014) (The Economics of Ecosystems and Biodiversity - Экономика экосистем и биоразнообразия), Экологический департамент Всемирного Банка, проекты ГЭФ/ПРООН «Планирование сохранения биологического разнообразия», Международный союз охраны природы (IUCN).

Основное развитие получила концепция общей экономической стоимости. Концепция разработана в теоретическом и практическом плане в различных международных проектах, а также опробована в российских условиях. Для оценки экосистемных услуг применяется комплексный подход, который объединяет все виды экосистемных услуг: ресурсные, регулирующие, поддерживающие и культурологические природные услуги.

Общая экономическая ценность экосистем объединяет агрегированные составляющие: стоимость использования и стоимость неиспользования. Первое слагаемое состоит из трех:

- прямая стоимость использования – сельское хозяйство, устойчивое рыболовство, рекреация и туризм, охота, топливо;
- косвенная стоимость использования – связывание углекислого газа, очистка воды, сохранение микроклимата, регулирование наводнений;
- стоимость отложенной альтернативы – потенциальные выгоды от использования экосистем в будущем, возможность получения товаров и услуг в будущем, будущая ценность информации.

В зависимости от вида и состава экосистемных услуг используют и развивают различные методы оценки, направленные на определение экономической ценности функций и услуг экосистем, не имеющих рыночных цен.

Метод теневых цен использует рыночные цены, скорректированные на трансферты, провалы рынка.

Метод гедонистического ценообразования получает оценки экологического блага по ценам рынка недвижимости или рынка труда. Метод может быть использован при оценке регулирующих и культурных экосистемных услуг.

Метод производственных функций – оценивает экосистемные услуги по математической функции изменения экономических результатов в зависимости от прироста ресурсов и услуг. Данный метод, в основном, применяется для оценки регулирующих экосистемных услуг.

Метод замещающих товаров и услуг оценивает экосистемную услугу исходя из цен на сходные по функциям товары и услуги, имеющие рынок

Методы транспортно-путевых затрат, метод готовности платить и готовности получить компенсацию получают развитие применительно к оценке культурных и рекреационных функций экосистемы. Допускается, что затраты на посещение природной территории представляют цену территории. Методы готовности платить и готовности получить компенсацию основаны на выявлении предпочтений людей.

Для оценки рекреационного потенциала экосистем делались попытки применить различные подходы. В частности, рекреационные услуги особо охраняемых природных территорий оценивались по затратам на содержание особо охраняемых природных территорий и численности посетителей ООПТ. Расходы на отдых в санаториях, пригородных отелях, рассчитанные по средним потребительским ценам на отдельные виды услуг культуры и отдыха и численности отдыхающих, предлагались в качестве «прокси» ценности рекреации.

Представляются успешными результаты исследования Siikamäki, J., F. Santiago-Ávila, and P. Vail. 2015. Global Assessment of Non-Wood Forest Ecosystem Services: Spatially Explicit Meta-Analysis and Benefit Transfer to Improve the World Bank's Forest Wealth Database. Program for Forests. Для оценки рекреационных функций экосистемы использовался метод транспортно-путевых затрат и методы готовности платить. Результаты были получены на базе регрессионного мета-анализа, прогнозирующего ежегодные стоимостные значения из расчёта на гектар для каждой категории услуг в разбивке по странам. При проведении анализа использовалась мета-регрессионная модель с учётом пространственных факторов.

Ежегодная стоимость рекреационных услуг экосистемы оценивается путём умножения площади лесного покрова в конкретный год на стоимостные значения из расчёта на гектар. Ценность в денежном выражении из расчёта на гектар, рассчитана на 2013 год, принимается постоянной, и корректируется с учётом инфляции для конкретных стран. В рекреационные функции помимо собственно рекреации включены охота и любительская рыбалка. Стоимостное выражение рекреационных услуг из расчёта на гектар леса для России составило 1.4 долл./га/год. или 90 рублей/га/год (по действующему обменному курсу 2019 г.). Увязка метода оценки экосистемной услуги с площадью леса позволяет выявить региональные различия и усилия по сохранению и воспроизводству запасов леса.

При оценке рекреационного потенциала предполагается, что одна десятая всей площади лесных земель предназначена для рекреации. В России при площади в 1184.5 млн.га земель лесного фонда и земель иных категорий, на которых расположены леса, 10% или 118 млн.га имеют рекреационную ценность. Тогда общая оценка рекреационных услуг лесных земель составляет 10,6 млрд.руб./год. Региональные особенности рекреационных лесных площадей могут получить стоимостное выражение и стать частью процесса обоснования затрат на развитие рекреационного потенциала отдельных регионов.

Степнов Игорь Михайлович
доктор экономических наук, профессор
МГИМО МИД России, г. Москва
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
stepnoff @inbox.ru

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КООРДИНАЦИЯ ЕДИНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31343 «Интеграция стратегий прорывного научно-технологического развития в рамках единой экономической политики страны»

Реализация национальных проектов становится ключевой чертой современного этапа развития российского общества. Национальные проекты призваны стать организационно-экономической основой для роста экономики, повышения качества жизни граждан и упрочнения стратегических позиций на мировой политической и экономической арене. Важнейшей особенностью национальных проектов является тот факт, что в рамках проектного управления, относящегося более к экономическому направлению деятельности, одновременно реализуются и политические, и социальные стратегии. Такой подход приводит к тому, что возникает потребность согласования стратегических решений не только по вертикали управления (макро-, меза- и микро- уровень), но и согласования функциональных стратегий (политических, экономических и социальных) в рамках единого проектного управления, пронизывающего современную экономическую политику государства в России.

Стратегическая координация к фокусировке направлений развития (имеющих социально-экономическую направленность: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт) обоснована необходимостью реагирования на санкции и мировые экономические процессы, выступая катализатором процессов цифровизации, как базовому сценарию победы в конкурентной борьбе как отдельных корпораций, так и государства в целом. Содержание же проектов, в той или иной степени, опирается или на высокотехнологическое развитие промышленности или на внедрение технологических инноваций в сектора услуг для населения, но имеет общей целью социально-экономическое развитие и стабильность общества.

Существующая согласованность национальных проектов обусловлена их механизмом возникновения в следующей последовательности: политическая инициатива, формулирование социальных целей и национальных приоритетов, экономическое (включая финансовое) обеспечение реализации. Однако выполнение любых проектов, в том числе и национальных, содержит угрозу рассогласования целей, критериев и действия (в данном случае политических задач, социальных критериев и экономического действа). Это связано с тем, что среду для реализации национальных проектов формируют рыночные отношения, и согласование критериев между рыночными отношениями, политикой и социальной сферой требует специального инструментария (или специальной совокупности приемов). Для рыночной экономики такая ситуация не внове, следует выделить или показать тождественность процессов, связанных с реализацией национальных проектов, с аналогичными (с точки зрения принятия управленческих решений и контроля) процессами,

связанными с устойчивым развитием (включая корпоративную социальную ответственность, экономическую устойчивость и экологию).

Технологическая составляющая национальных проектов становится тем базисом, на котором происходит формирование проектных решений. Без технологического обновления проекты такого уровня могут превратиться в скрытое финансирование традиционных направлений деятельности. Технологическое обновление сегодня проходит под знаком шестой волны кондратьевских длинных волн, драйвером которой выступают цифровые технологии и искусственный интеллект, и именно цифровые преобразования формируют наибольшие ожидания в развитии высокотехнологичного производства, экономическом росте государств, способствуя повышению их конкурентоспособности и уровню жизни населения.

Сочетание инструментов устойчивого развития в части согласования приоритетов в стратегическом планировании и особенностей цифрового пространства в текущем управлении при высокой степени проработанности национальных проектов, позволяет обращать наибольшее внимание именно возможности приемам и методам устойчивого развития в государственной среде. Сочетание устойчивого развития, цифровой трансформации, социальной ответственности при наличии политической инициативы формирует в рыночной среде новые отношения, которые могут быть определены через экономику развития (проектную экономику). В связи с этим именно проектная экономика как реализация инициативных политических решений позволяет получить в экономике в целом и в отдельных секторах максимальное конкурентное преимущество в направлениях научного и технологического развития, поддерживаемых государственной политикой.

Согласно проведенному нами анализу институционального и проектного подхода, используемых для поддержки экономического развития стран, включая российский опыт, следует отметить именно результативность проектной модели развития экономики в цифровой среде при политической поддержке государством экономических решений. По нашему мнению, проектная модель создания экономики развития («проектная экономика») воплощает в себе возможности как государственного регулирования рыночных отношений, так и возможности прямого воздействия на структурную трансформацию экономики, включая реализацию национальных проектов без нанесения урона рыночным отношениям, достигая более высокого уровня социальной ответственности и скоординированности использования ресурсов.

Тем не менее, следует отметить, что наиболее эффективно вопросы стратегического координации могут реализованы при использовании организационных платформ, обеспечивающих не только согласование деятельности участников, реализующих на своей базе и цифровые решения и проекты, но и обеспечивающих контроль государством за деятельностью участников. Следовательно, для успешной реализации и согласования национальных проектов необходимо обратить внимание не только на регламенты и процедуры, но и на создание структурных решений, обеспечивающий единство поставленных целей и согласования текущих задач.

Таким образом, экономическая политика страны, претендующей на технологическое лидерство, должна учитывать возможности получения рентного дохода на глобальном рынке не только от технологических решений, но и от контроля над ключевыми цифровыми решениями, что может быть реализовано в модели стратегической координации на основе структурных решений на базе реализуемых организационных платформ, обеспеченных цифровым сопровождением.

Стрекалова Анастасия Сергеевна
кандидат биологических наук
Волгоградский государственный университет
Россия, г. Волгоград
strekalovaas@mail.ru

МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК СЛОЖНЫХ САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ СИСТЕМ И ЕГО МЕСТО В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00832

Современные концепции стратегического планирования и территориальной политики становятся, по сути, динамическими с акцентами на программные корректировки и поиск опорных точек в ответ на новые экономические вызовы перед которыми оказываются территории. В идеальном варианте, стратегия должна быть: по своей природе эндогенной, опираться на внутренние ресурсы (с поправкой на внешние); представлять собой институционализированный результат стейкхолдерских взаимодействий снизу-вверх и сверху-вниз; учитывать высокую вероятность появления в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе вызовов и угроз (адаптационный компонент) и возникновение новых, ранее не используемых и даже не известных возможностей (импровизационный компонент). Наверное, в рамках новой экономической парадигмы, стоит говорить о необходимости концептуализации *ресилиентных стратегий*. Эффективным инструментом к разработке таких ресилиентных стратегий может служить новый подход – маркетинг социально-экологических систем (СЭС)[25]. Выделим несколько ключевых моментов касающихся основных элементов этого вида маркетинга территорий.

Можно сказать, что *с точки зрения концепции устойчивого развития любая территория – это СЭС*, которая представляет собой саморазвивающийся, наиболее сложный территориальный объект изучения, маркетинга и управления. Обычно, под СЭС понимают локальные территории, например, пойма, прибрежный поселок, природоохранные объекты, городские парки и т.д. Но мы считаем, что этот рамочный подход (маркетинг СЭС) более универсален и применим как к крупным мегаполисам, и к небольшим поселкам, но не сводится исключительно к ним и не зациклен на масштабе СЭС. В отношении СЭС простые тактические подходы, методы и инструменты (типа продажи мест, сегментации населения и таргетирования программ) не работают. Отсюда следует несколько принципиальных позиций. Во-первых, *в стратегическом маркетинге СЭС особый акцент необходимо делать на внутреннем маркетинге*, включающем укрепление идентичности, доверия, аутентичности, вовлеченности и т.д. местного сообщества, что в совокупности создает синергетический эффект необходимый для роста устойчивой конкурентоспособности. В чем особенность стейкхолдеров СЭС как важнейшего стратегического элемента маркетинга СЭС? СЭС – это полисубъектная система, которой соответствуют множество явных и нечетких, взаимоусиливающихся или пересекающихся интересов многочисленных групп местного сообщества. Традиционное восприятие населения как гомогенной массы с однородными (унифицированными) интересами в устойчивом, конкурентоспособном маркетинге СЭС также не работает. Наоборот, требуется более детализированное понимание сложности интересов и работы с каждой группой стейкхолдеров. Особенно остро проблема

[25] В традиции Блумингтонской школы институционального анализа социально-экологическая система (СЭС) представляет собой экологическую систему, неразрывно связанную взаимозависящую от одной или нескольких социальных систем или с другой стороны, это социальные подсистемы, в которых отношения между членами сообщества взаимосвязаны и опосредованы взаимодействием с биофизическими и биологическими объектами.

работы со стейкхолдерами стоит в депрессивных городах, где люди в массе не верят в будущее, пессимистичны и недоверчивы. Чтобы стать действующими узлами стратегии снизу-вверх и сверху-вниз простого манипулирования стейкхолдерами явно недостаточно. Полноценная работа возможна, только если в сети стейкхолдеров развито доверие и вера каждого члена сообщества в будущее территории. Во-вторых, *экологическая составляющая СЭС эндогенна*, она не должна игнорироваться, от нее нельзя отмахиваться, ее нельзя изучать, финансировать и развивать по остаточному принципу, отсюда, третья позиция – *нельзя противопоставлять институционально-эволюционную теорию Э. Остром остальным теориям и концепциям территориального развития*, противопоставляя тем самым экономическую составляющую экологической.

Следует учесть и такую особенность маркетинга СЭС, как возможность относительной автономности от вышестоящих стратегий. Многие стратегические инициативы и инновации в маркетинге территорий не относятся к капиталоемким (в отличии, например, от промышленных, аграрных, традиционных инфраструктурных и т.д.), то есть, могут финансироваться на основе краутфандинга, фандрайзинга, краутсорсинга и других разновидностей малозатратного сбора средств и идей. Такая квазиавтономность возможна, но для достижения синергетического эффекта, все-таки лучше чтобы маркетинговые стратегии СЭС взаимодействовали, учитывались и включались в «большие» стратегические инициативы.

Смена парадигмы в маркетинге территорий в сторону стратегического маркетинга СЭС, на которой мы настаиваем, рождает целый ряд вопросов и комментариев к ним, и пока не дает полных, окончательных ответов. Заменит ли маркетинг СЭС традиционные маркетинговые стратегии территорий? Это дискуссионный вопрос. Но традиционный упор в развитии территорий только на стратегии развития различных видов туризма и стимулирование внешних стейкхолдеров, равно как и методы поведенческого и событийного маркетинга направленные на манипулирование внутренними стейкхолдерами точно не приведут к получению целостной картины и устойчивой конкурентоспособности территории.

Сухова Екатерина Александровна
младший научный сотрудник
сектора социально-гуманитарных исследований
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
Россия, г. Салехард
Learn2@yandex.ru

Кибенко Валерий Александрович
научный сотрудник
сектора социально-гуманитарных исследований
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
Россия, г. Салехард
младший научный сотрудник
руководитель Ямальской социологической лаборатории
Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
v.a.kibenko@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

С декабря 2016 по 2019 год проводится исследование, направленное на комплексное изучение социально-экономических факторов жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни, хозяйствования и промыслов (Ямало-Ненецкий автономный округ: Ямальский, Тазовский и Приуральский районы) [1, 2].

Выявлена зависимость особенностей ведения традиционного хозяйствования от территориального расположения, ввиду различий природно-климатических, ландшафтных, инфраструктурных особенностей районов.

Основаниями для стратификации общества выступают: уровень богатства – численность личного стада; вид экономической активности – личное хозяйство или работа по найму [1, 2, 3].

Современные достижения науки и техники находят успешное применение в жизни и предпринимательской деятельности: современные продукты питания, бытовые предметы и средства, современная техника используется для выпаса, через интернет находят покупателей для своей продукции. Домохозяйство оленевода все больше становится зависимым от близости к магазинам поселков или городов и факториям, заправочным станциям, прочей инфраструктуре. Молодежь желает пользоваться благами цивилизации, доступными вблизи населенных пунктов. Что также влияет на появление изменений в технологию выпаса оленьего стада – маршруты не уходят далеко от поселков, длительность стоянок вблизи поселков увеличивается.

Большинство опрашиваемых желает, чтобы их дети жили в поселке или городе, объясняя это ухудшившимся состоянием пастбищ, экологической обстановкой и растущей конкуренцией [1, 2].

Но успешные хозяйственники стремятся передать части своих детей навыки и собственность для продолжения традиционного образа жизни.

В современных условиях существования традиционных форм хозяйствования коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) возникает необходимость создания новых рабочих мест для представителей этого сообщества, которые не хотят или не могут больше этим зарабатывать на жизнь себе и своей семье. Это связано, в первую очередь с тем, что в настоящее время в условиях, когда консолидированное оленье стадо региона более чем в два раза превышает его оленеемкость, все больше оленеводов, ранее обеспечивающих себя и свою семью посредством оленеводства, не могут этого делать сегодня, так как стадо сократилось ниже минимально допустимого, обеспечивающего семью едой, одеждой, жильем и возможностью каслания (перемещением домохозяйства с семьей вслед за перемещающимся стадом оленей по сезонному маршруту). Предвидя тяжелую судьбу оленеводства на краткосрочную и среднесрочную перспективу оленеводы стремятся устроить судьбу своих детей в поселке или городе. Они признают, что и в городе или поселке их не ждут с распростертыми объятиями – есть сложности и с жильем и с работой, необходимо получить хорошее образование (желательно высшее), также требуется определенная свойственная оседлому образу жизни дисциплина – соблюдение графика работы, избегание алкогольных излишеств, избирательность в знакомствах. Но даже безработица и попадание в плохую кампанию родителям кажется не таким пугающим вариантом как то, что они сами испытали на своем горьком опыте – тяжкий труд оленевода и чумработницы, падеж большей части стада от голода, изможения, тяжелых климатических условий и прочие сложности этой традиционной отрасли деятельности. К тому же конкуренция в тундре за пользование пастбищами между оленеводами растет. И всем детям работы в тундре не хватит.

В связи с этим было бы разумно при разработке новой государственной экономической политики предусмотреть решение следующих задач:

- организовать использование оленьих пастбищ таким образом, чтобы они не уничтожались и успевали восстанавливаться;
- для семей оленеводов оставить возможность выпаса оленьего стада по традиционной технологии (каслать по их маршруту);

- для детей оленеводов предоставить возможность обучения по специальностям, востребованным в регионе;
- разработать образовательные программы по подготовке специалистов в сфере местного туризма, защиты экологии и природопользования региона, мастеров местной кухни, специалистов гостиничных комплексов северного региона, чтобы расширить перечень доступных специальностей;
- оказывать региональную поддержку в сфере развития местного туризма, гостиничного дела, ресторанного бизнеса с местным колоритом и прочих видов бизнеса, основой которого могут быть традиционные знания и культура коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Список литературы:

1. Кибенко В.А, Зуев С.М., Сухова Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. No 3. С. 33-44.
2. Кибенко В.А, Зуев С.М., Сухова Е.А. Жизнедеятельность оленеводческих домохозяйств на современном этапе развития // I Международная научная конференция «Археология Арктики». Тезисы докладов. 19-22 ноября 2017. Салехард. Екатеринбург: «Деловая пресса», 2017. – С. 65-67.
3. Деттер Г.Ф. «Экономика северного оленеводства Ямала: проблемы и возможности». Научный вестник ЯНАО. 2017. №4 (97).

Трофимова Ольга Ефимовна
кандидат экономических наук
Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова
г. Москва
olgatrofimova53@mail.ru

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР УСПЕХА ШВЕЙЦАРИИ (УРОКИ ДЛЯ РОССИИ)

Аннотация. В статье исследуются особенности швейцарских малых и средних предприятий и их роль в экономическом развитии страны. Выявляются основные причины их успеха. Дается оценка их роли в инновационном развитии и основных кластерах Швейцарии. Рассматриваются их значение в международных экономических связях, главным образом с Евросоюзом.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, инновационное развитие, кластеры и старт-апы, экспортные связи, специализация.

Малые и средние предприятия (МСП) считаются одним из важных факторов стабильного развития экономики. В условиях постиндустриального общества роль МСП возросла и изменились их социально-экономические функции. Этот вид бизнеса обеспечивает прирост ВВП, обеспечивает занятость населения, создает новые рабочие места, способствует формированию среднего класса и решению социальных проблем, содействует конкурентоспособности ряда отраслей, особенно в малых странах.

В Швейцарии МСП (число занятых менее 250 чел.) являются необходимой частью всей структуры общественного воспроизводственного процесса и представляют собой одну из главных причин успеха ее экономики. Они составляют более 99% всех предприятий в стране

и создают 2/3 всех рабочих мест, их число составляло более 586 тыс. в 2017 г.[26] Швейцарские МСП в своей основе являются экспортоориентированными, что характерно для большинства малых стран, но в Швейцарии есть своя особенность – высокая степень специализации и «нишевый» характер предприятий, а также акцент на инновационную продукцию и услуги.

Можно выделить несколько причин активного развития этого бизнеса в Швейцарии: малый внутренний рынок, формирование потребительского спроса на его продукцию в основном за рубежом, предпочтение именно МСП отдается при экономическом взаимодействии со странами ЕС и доступе на их рынки. Кроме того, заключение билатеральных соглашений Швейцарии и ЕС, которые включают свободное передвижение людей и сниженные таможенные сборы, способствовали росту экспорта швейцарских МСП в страны ЕС. На их долю приходилось в 2010-2015 гг. 49-52% общего экспорта страны.[27] На рынки стран ЕС поступало 76% от общего объема швейцарских МСП в начале 2018 г., что свидетельствовало об ориентации этого бизнеса на Евросоюз.[28]

Основная часть МСП сосредоточена в центральной части страны, в районе Женевского озера, в Цюрихе и его окрестностях. Многие швейцарские предприятия являются семейным бизнесом. Они также используют иностранную рабочую силу, особенно высококвалифицированных специалистов. Их доля выросла с 36% в 2006 г. до 42% в 2014 г., несмотря на различные меры по ограничению использования иностранной рабочей силы из приграничных европейских стран.[29]

В основном швейцарские МСП сосредоточены в химико-фармацевтической промышленности, МЕМ-индустрии (машиностроение, электротехника, металлургия), пищевая, часовая, сельское хозяйство. Государство стимулирует МСП через создание благоприятных условий как предоставление гарантий по кредитам, специальных условий для старт-апов, госгарантий по экспортным операциям, налоговые льготы, отсрочка платежей. Важную роль в предоставлении налоговых льгот играют кантоны (регионы), которые оказывают различную поддержку МСП, и в том числе налоговую поддержку, льготное кредитование до 2/3 стоимости проекта. Почти в каждом кантоне есть свое агентство по развитию, сотрудничающее с малым и средним бизнесом.

Разработкой и реализацией государственной политики по поддержке малого и среднего бизнеса занимается Дирекция по территориальному развитию государственного секретариата экономики Швейцарии, разрабатываются различные целевые программы, направленные на предоставление коммерческих гарантий, поощрение индивидуальной трудовой деятельности и развитие инноваций. Основную финансовую поддержку МСП получают от банков, а также от альтернативных источников финансирования как венчурные фонды и ипотечные кредиты.

В настоящее время для малого и среднего бизнеса в Швейцарии характерна переориентация от традиционной модели деятельности на специализированные направления роста и инновационные высокотехнологичные отрасли. Особенно активно используется практика страт-апов и их поддержка на всех административных уровнях, в том числе важная роль отводится Комиссии по технологии и инновациям. Несмотря на то, что такой кластер как биотехнологический сформировался в Швейцарии вокруг центров разработки крупных фармацевтических концернов как Novartis, La Roche, Actelion большую роль в рамках этого

[26] Figures on SMEs: Companies and jobs. URL: http://www.kmu.admin.ch/kmu/en/home/sme-policy/facts-and-figures/figures-smes/companies-and-jobs.html

[27] Захарова Н.В., Лабудин А.В. Малое и среднее предпринимательство в европейских странах: основные тенденции развития// Управленческое консультирование № 12, 2017. С. 67.

[28] Швейцарский малый и средний бизнес в эпоху торговых войн. URL: http:// https://www.swissinfo.ch/rus/ бизнес-и- экономика_швейцарский-малый-и-средний-бизнес-в-эпоху-торговых-войн /45190236

[29] Swiss firms a magnet for top foreign executives. URL: https://www.swissinfo.ch/eng/business/multinational-boardrooms_swiss-firms-a-magnet-for-top-foreign-executives/32893874

кластера играют небольшие биотехнологические компании (20 сотрудников и менее), занимающиеся разработками и исследованиями. В кластере МЕМ также сосредоточены предприятия часовой промышленности, в основном это МСП, занимающиеся экспортом своей продукции за границу.

Политику развития малого и среднего бизнеса в Швейцарии можно использовать и в России. Для этого необходимо на первом этапе оказывать поддержку со стороны государства для использования инноваций МСП и их вклада в НИОКР. Об этом свидетельствует опыт создания старт-апов и венчурных предприятий в России и их поддержка Российской венчурной компанией до введения санкций, которые затормозили этот процесс и часть удачных венчуров и старт-апов переехала в другие страны. Пока по сравнению со странами Европы ситуации для развития этой формы бизнеса не самая благоприятная.

Черноуцан Елена Михайловна
кандидат экономических наук
Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
доцент Московского государственного лингвистического университета
г.Москва
echernoutsan@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ КЛАСТЕР КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: СПЕЦИФИКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ (ОПЫТ ФРАНЦИИ)

Сегодня важнейшим фактором эффективности национального хозяйства России становится равномерное вовлечение всех её регионов в инновационный процесс. В этой связи, особый интерес представляет опыт кластерной организации региональной экономики Франции, страны, которая отличается централизованным характером государственного управления и значительными территориальными диспропорциями. В центре внимания – «полюса конкурентоспособности» (далее ПК), специфически французская форма инновационных кластеров, пятнадцатилетняя история которых позволяет выявить ряд основных проблем на пути создания региональной инновационной экосистемы в рамках дирижистской модели кластеризации.

Во Франции кластерный подход к организации национального хозяйства начал применяться уже с начала 50-х гг. XX века. Долгое время во Франции кластеризация носила ярко выраженный региональный и промышленно-отраслевой характер, на переднем плане были проблемы восстановления территориального экономического равновесия, а также поиск новых точек роста и конкурентных преимуществ различных регионов. Активизация интереса к нему происходило, как правило, в периоды острых структурных кризисов. Именно кризис региональной экономики начала 70-х гг. стал во Франции толчком к быстрому развитию технопарков, которые рассматривались государством как один из возможных эффективных инструментов по сокращению межрегиональных социально-экономических диспропорций.

С начала 2000-х гг. в условиях стремительного ускорения научно-технологического прогресса, когда успех и конкурентоспособность страны на мировом рынке прямо связан с инновационным развитием национальной экономики, приоритетным направлением кластеризации становится создание инновационно - ориентированных кластеров. Более того, среди ключевых факторов конкурентоспособности особое значение приобретает степень взаимодействия между основными участниками инновационного процесса, и региональная экономика начинает рассматриваться как сетевая форма организации территориального пространства, а на смену жесткой отраслевой специализации регионов приходят гибкие кластерные сетевые организационные структуры, функционирующие на основе логики

горизонтального добровольного взаимодействия. Кластерные структуры начинают формироваться не только с учетом географических факторов и отраслевой специализации, но главное – с учетом технологических компетенций регионов, что уже требует другого уровня вовлеченности предприятий и другого уровня межрегионального сотрудничества. В результате, кластеры могут стать основой перспективной специализации регионов.

Государственная программа по созданию инновационных кластеров – ПК, запущенная во Франции в 2004 г., оказалась весьма эффективной. Сегодня в стране насчитывается 56 ПК, охватывающие многие отрасли и сектора национального хозяйства от самых новейших до традиционных. Как показал опыт Франции, кластерная сетевая организация быстро и успешно приживается в тех секторах, где в силу исторических или технологических причин уже сложились устойчивые взаимосвязи между различными участниками производственного процесса, а новые кластерные институты на самом деле просто официально оформляют уже имеющиеся связи. Главная задача инновационного кластера – активизировать взаимодействие между основными участниками инновационного процесса: организациями науки и высшей школы, предприятиями, представителями государственной и региональной власти.

В отличие от инновационных кластеров ряда стран (Швейцарии, Германии) ПК Франции носят не региональный, а национальный характер и прямо не зависят от административно-территориального деления, один полюс может затрагивать сразу несколько регионов. Это связано с дирижистской моделью процесса кластеризации Франции, где государство, прямо регулируя этот процесс, определяет даже географическую локацию кластеров. Руководствуясь якобинской логикой, центральная власть в своей политике равномерного вовлечения всей территории страны в инновационный процесс может не учесть специфику регионов и навязать им искусственную технологическую специализацию. Кроме того, волюнтаристское государственное управление сверху зачастую тормозит энтузиазм местных властей.

Практика ПК достаточно ясно выявила, что среди основных барьеров на пути инновационных прорывов Франции - излишняя административная опека сверху, что связано с централизованным характером её экономической и политической системы. И как следствие - значительные диспропорции ее пространственного развития. Регионы Франции, несмотря на бесконечную череду реформ в области децентрализации последних тридцати лет, по-прежнему зажаты в тисках государственного регулирования (единых норм, правил, общенациональных программ и пр.). Опыт ряда индустриальных стран с децентрализованной экономической и политической системой (Швейцария, Германия и др.), где предоставлены широкие полномочия местным властям наглядно показывает, что федерализм стал в этих странах одним из важнейших факторов высокой конкурентоспособности и основой экономического благосостояния. В отличие от здорового характера конкуренции между землями Германии или кантонами Швейцарии, главный предмет борьбы между регионами Франции – доступ к государственному финансированию.

Проблема роли местных властей в развитии кластерных структур давно в центре дискуссий среди ученых и представителей деловой среды Франции. В инновационной политике президента Э. Макрона повышение ответственности региональных властей за развитие ПК - одна из важных задач. В четвертой фазе политики ПК на период 2019-2022 гг. намечено возрастание роли регионов в финансировании и управлении ПК, а также концентрация усилий федеральных властей (финансовых и пр.) на ограниченном числе кластеров в приоритетных для Франции секторах.

Шелюбская Наталья Владимировна
кандидат экономических наук
старший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
г. Москва
n.sheliubskaya@imemo.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАНЪЕВРОПЕЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научно-техническая политика Западной Европы претерпевает значительные изменения в функционально-тематическом и институциональном плане под воздействием ряда внешних и внутренних шоков. К внешним шокам можно отнести экономический национализм, а также ужесточение глобальной конкуренции за технологическое лидерство с использованием торговых войн. В числе внутренних шоков: расширение влияния политических факторов на научную политику, «евроскептицизм» (Brexit) и «вызовы цифровой революции».

Наиболее остро эти проблемы встали в процессе формирования новой панъевропейской семилетней рамочной программы (РП) ИР ЕС, получившей название «Горизонт Европы» (“Horizon Europa”). В июне 2018 г. ЕК обнародовала план преобразований панъевропейской научной и инновационной политики на 2021-2027 гг., представив новый формат РП и ряда прочих программ. Предполагается решить три взаимосвязанные крупные задачи: увеличение финансирования программ ИР в условиях выхода Великобритании из ЕС, расширение поддержки инновационной деятельности, сокращение инновационного разрыва между группой стран-членов с высоким и низким уровнем научно-технического развития. В связи с этим создаются новые организационно-финансовые институты (Европейский инновационный Совет), расширяется спектр научно-исследовательских работ (финансирование военных ИР), ведется разработка долгосрочных проектов («миссий»), имеющих широкое социальное значение.

Главным спорным моментом является предложение ЕК значительно увеличить расходы на поддержку научных исследований благодаря реструктуризации общего бюджета Европейского Союза - сокращения двух крупнейших статей бюджета ЕС – поддержки сельского хозяйства и развития отсталых территорий. Бюджет «Горизонт Европы» планируется увеличить до 94,1 млрд евро, уже без взноса Великобритании, по сравнению с финансированием текущей программы «Горизонт 2020» в 77 млрд евро. Эта мера уже вызвала резкую критику со стороны ряда стран-членов. Страны и регионы – реципиенты помощи через Структурные фонды, активно выступают против перераспределения европейского бюджетного финансирования. Переговоры также осложнены рядом текущих проблем, в числе которых: обязательство стран-членов НАТО резко увеличить военные расходы, возросшая угроза терроризма, миграционный кризис.

Одним из важных направлений «Горизонт Европы» является «строительство» европейской инновационной «экосистемы» путем расширения поддержки инновационной деятельности. В этих целях создается новая структура - Европейский инновационный совет (European Innovation Council - EIC) по примеру Европейского исследовательского совета, финансирующего фундаментальные работы и получившего широкое признание как в странах ЕС, так и в целом в мировом научном сообществе. Инновационный совет собирается выделять небольшие гранты для компаний и физических лиц на ранних стадиях разработки новых технологий и предоставлять крупное финансирование для вывода инновационных продуктов на рынок, комбинируя гранты с займами и др. финансовыми инструментами.

Приоритетной является также решение проблемы внутреннего и внешнего инновационного «разрыва» ЕС. Наиболее узким местом национальных инновационных систем, по-прежнему, остаются расходы на ИР, несмотря на рост частных инвестиций. Что создает риски для финансирования фундаментальных исследований и стабильности национальных инновационных систем. Поэтому в «Горизонт Европы» предусмотрено расширение комплекса механизмов по снижению региональных диспропорций, включая более масштабную поддержку исследовательской инфраструктуры в отстающих странах-членах и активизацию сетевого сотрудничества между «ядром» и «периферией». ЕК, впервые в числе ежегодных рекомендаций национальным правительствам по повышению эффективности экономической политики, указала всем без исключения странам-членам на необходимость увеличения инвестиций в ИР и инновации.

Особое значение для дальнейшего развития европейского инновационного «ландшафта» представляет Brexit. Перестав быть важнейшим элементом «большой» европейской инновационной системы, Великобритания, вероятно, пополнит список глобальных конкурентов ЕС, а изменение характера связей европейских НИС с инновационной системой Великобритании повлечет за собой серьезные неоднозначные последствия для развития Евросоюза. С одной стороны, независимо от модели будущих взаимоотношений Великобритании и ЕС, Brexit нанесет урон как развитию самой науки, так и научно-технологическому взаимодействию, складывавшегося годами. Поскольку именно формирование «Объединенной Европы» способствовало ее становлению в качестве «центра силы» на глобальном научно-техническом рынке, Евросоюзу потребуются дополнительные усилия по консолидации для сокращения внутреннего инновационного «разрыва» и сохранения лидерских позиций в мире. С другой стороны, выход Великобритании из ЕС может также простимулировать расширение двухсторонних научных контактов и создание новых институциональных форм сотрудничества, углубление кооперации с третьими странами. Новая расстановка сил может придать дополнительный импульс трансформации научно-технической политики Европейского Союза, что позволит более оперативно реагировать на новые «вызовы» и расширять отраслевой аспект.

Опыт переформатирования научно-технических связей, апробирования новых институциональных форм сотрудничества, выстраивания взаимоотношений «ядра» и «периферии» может представить потенциальный интерес для развития многосторонних связей России со странами ЕС, расширения контактов, а также при формировании инновационной политики ЕАЭС.

Юманова Наталья Николаевна
кандидат экономических наук, доцент
Тюменский государственный университет
Россия, г. Тюмень
n.n.yumanova@utmn.ru

ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «Становление концептуального подхода обеспечения устойчивого развития банковского сектора в условиях цикличности доходов населения» № 19-010-00801

Денежные доходы являются важнейшим показателем уровня жизни и покупательной способности населения. Наличие и рост доходов населения обеспечивает устойчивое развитие и социальное благополучие общества в целом. Доходы населения составляют значимую часть ВВП и могут рассматриваться как важный ресурс для экономики страны. Доход человека служит источником удовлетворения его многогранных потребностей, а

значит, обеспечивает платежеспособный спрос, финансирование и устойчивое развитие экономики потребления. Население выступает активным участником всех экономических отношений и проявляет себя в экономике, в основном, через деятельность по получению доходов и управлению доходами, включая их расходование. Всё это определяет перманентную актуальность вопросов анализа и управления денежных доходов населения.

В марте 2019 года Росстат перешел на новую методику расчетов доходов населения. Предполагается, что переход на уточненную методику позволит сделать статистику доходов и расходов точнее, приблизить ее к современным реалиям, снять значительную часть вопросов, которые потребители этих данных годами задавали статистикам [Росстат, 2019].

Вопросы о структуре и методах анализа доходов населения действительно широко обсуждаются в научной литературе. При анализе доходов населения необходимо учитывать их взаимосвязь с такими социально-экономическими показателями и институтами как инфляция, заработная плата, пенсионное обеспечение, занятость и рынок труда, финансовое поведение населения, банковский сектор и др., что отражено в исследованиях: Ильяшенко В. В., Куклиной Л. Н. [2018], Андрюшина С.А., Кузнецовой В.В. [2017], Белявского И.К., [2016], Белозерова С.А.[2017], Салина В.Н., Нарбут В.В. [2017], Матицына М.С., Ершова Э.Б. [2012], Вороновой Н.С., Мирошниченко О.С. [2018] и др.

Необходимость регулирования и управления доходов населения научно обоснована в работах Клинова В.Г. [2016], Грачева Г.А. [2013].

Часть исследователей предлагают совершенствовать методы анализа и оценки денежных доходов населения Мурашова Я.В., Ратниковой Т.А. [2016], Колмаков И.Б. [2015], Чекмарева Е.А., Россошанский А.И. [2015], Громыко Г.Л., Матюхина И.Н.[2015].

Отдельные работы рассматривают аспект сезонности денежных доходов населения [Золотова Л.В., Лаптева Е.В., Портнова Л.В., 2018; Лаптева Е.В., 2016].

Сделав обзор научных работ, можем сделать вывод о том, что анализ сезонных колебаний денежных доходов населения (в том числе: конфигурация сезонной волны, степень сезонных колебаний и определение изменения сезонной волны, в перспективе), исследуются без учета фактора цикличности экономического развития. Справедливо предположить, что общее состояние национальной экономики оказывает существенное влияние на все основные социально-экономические процессы, и показатели, в том числе и денежные доходы населения. Представляется, что для более точного определения изменения сезонной волны доходов населения в перспективе, необходимо установить различия в конфигурации сезонной волны и степени сезонных колебаний для разных периодов экономического цикла (предкризисный период, период кризиса, посткризисный период, период экономического роста, период устойчивого экономического развития).

За последние 25 лет в России можно четко выделить разные периоды состояния национальной экономики: периоды кризиса 1998-1999 гг., 2008-2009 гг., 2014-2015 гг.; посткризисные периоды: 2000-2002 гг., 2010-2011 гг., 2016-2018 гг., периоды устойчивого экономического развития: 2003-2007 гг., 2011-2014 гг. Выдвигается гипотеза о том, что параметры сезонных колебаний денежных доходов населения имеют характерные отличия для каждой стадии (фазы) цикла развития экономики. Для получения достоверных результатов необходимо, используя данные Росстата, провести анализ сезонности денежных доходов населения и выявить особенности конфигурации сезонной волны, степени сезонных колебаний характерные для каждого периода экономического развития. Интересным представляется, также, установление различий сезонных колебаний денежных доходов населения в разных фазах экономического цикла для разных регионов в силу значительной дифференциации уровня социально-экономического развития субъектов РФ.

Установленные отличия сезонности доходов населения для разных периодов состояния национальной экономики, позволят более точно определять изменение сезонной волны доходов населения в перспективе, а значит повысить качество анализа и управления денежными доходами населения.